

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **В.А. Хомяков**,
кандидат филологических наук, профессор **О.В. Петрова**,
кандидат филологических наук, доцент **Т.М. Горшкова**.

Гречко, В.А.
Г 81 **Теория языкознания: Учеб. пособие/В.А. Гречко.— М.:
Высш шк., 2003.— 375 с: ил.**

ISBN 5-06-004292-8

Учебное пособие по теории языкознания включает темы, предусмотренные Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, университетскими программами по данному курсу: проблема сущности языка, система и структура языка; форма существования языка (язык, речь, речевая деятельность); язык и мышление, язык как знаковая система, язык и общество, форма и содержание языка, типы языковых значений, происхождение языка и др. Каждая из названных тем имеет комплексный характер и содержит многие проблемы как традиционно разрабатываемые в теоретическом языкознании, так и ставшие предметом изучения в последнее время. Все эти проблемы рассматриваются в книге с учетом новейших научных достижений и в контексте современных реалий.

Для студентов филологических факультетов, а также всех, интересующихся общетеоретическими вопросами языкознания.

УДК 801
ББК81

© ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2003

ISBN 5-06-004292-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящего пособия положены лекции по общему языкознанию, которые автор читал в течение ряда лет в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Известно, что «Теория языкознания» занимает в этом курсе центральное место; и как наука, подводящая теоретический итог изучения лингвистических дисциплин, она сложилась в университетском преподавании. Именно на университетских кафедрах возникла потребность систематического теоретического обобщения исследований конкретных языков. Видную роль в становлении и развитии теоретического языкознания сыграли отечественные ученые — преподаватели университетов — А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.И. Томсон и др. Опыт этой науки показал, что итоговое теоретическое осмысление проблем изучения языка учеными прошлого и настоящего времени весьма полезно и плодотворно не только для языкознания, но и для других наук гуманитарного цикла.

Движение теоретической мысли в нашей науке отличается весьма примечательными чертами. Казалось бы, развитие науки должно совершаться по вполне очевидному правилу: освоив достигнутые теоретические и практические результаты, ученые должны с порога этих достижений двигаться дальше. Но как часто история науки не следует этому правилу! Вот почему многие идеи, высказанные в свое время В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебней и другими теоретиками, оказываются созвучными поискам современных лингвистов, о чем, в частности, может свидетельствовать и настоящая книга.

Другой примечательной особенностью теории языкознания является ее эвристичность. Ученые-теоретики, исследуя кардинальные вопросы языкознания, разумеется, и не предполагали, что результаты их труда окажутся в будущем полезными и даже необходимыми для решения теоретических и практических задач в совершенно новых науках, о возникновении которых они не могли и догадываться. Фундаментальная наука, теоретически осмысляя и обобщая современные ей эмпирические исследования, своими положительными результатами оказывается обращенной в будущее. В этом эвристическая

ценность фундаментальной науки, а следовательно, ее необходимость как учебной дисциплины для каждого нового поколения лингвистов.

Произошедшие в нашей стране социальные, государственные, идеологические, духовные изменения, разумеется, не могли не повлиять на освещение и оценку многих вопросов, традиционно рассматриваемых в данном курсе.

Теория языкознания, как лингвистическая итоговая дисциплина в университетском образовании, призвана выполнять задачи, связанные с общей филологической подготовкой студентов университета; иметь целью использование теоретических знаний в школьном преподавании, в лицеях и гимназиях, в научной и прикладной деятельности будущих выпускников.

1. К ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА

§ 1. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Теория языкознания — основная часть вузовского курса по общему языкознанию, науки в современном понимании сравнительно молодой. Ее начало связано с именем выдающегося языковеда, философа и государственного деятеля Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835), труд которого об общих теоретических вопросах изучения языков знаменитое Введение к трехтомному сочинению «О языке кави на острове Ява» был издан в 1836 г. Введение представляет собой объемистый том под названием «О различии строения человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человечества». В этой книге рассмотрены многие теоретические проблемы изучения языков: язык и мышление, форма и содержание языков, национальный характер языков, природа человеческого звука, грамматическая форма и значение, законы развития языков, характер слов различных частей речи, взаимодействие языков и др. С этой книги начинается история теоретического языкознания как самостоятельной науки.

Своеобразным откликом в отечественном языкознании на теоретические вопросы изучения языка, затронутые в книге В. Гумбольдта, явилась работа 27-летнего Александра Афанасьевича Потебни (1835—1891) «Мысль и язык» (1862). Несмотря на известное влияние взглядов В. Гумбольдта на молодого ученого, книга Потебни — оригинальное, самостоятельное исследование теоретических вопросов языкознания, не потерявшее научной значимости и в наше время. Можно сказать, что если западноевропейское теоретическое языкознание начинает свою историю с Введения В. Гумбольдта, то отечественное — с книги Потебни.

Разумеется, теоретический интерес к вопросам языка пробудился у человечества рано. Еще древние философы и грамматисты Древней Индии, Древнего Китая и Европы задумывались над природой языка, изучали его законы. Немало уделяли внимания теоретическим проблемам языка ученые Средневековой Европы, ее новейшего времени и Средневекового Востока. Особенно активно теоретические проблемы

языкознания разрабатывались в XIX—XX столетиях. Можно привести много имен зарубежных и отечественных ученых, которые внесли значительный вклад в современное теоретическое языкознание. Подробные сведения об истории изучения языков, о зарождении и развитии теоретического языкознания, кроме учебных пособий по общему языкознанию (см. список рекомендуемой литературы), можно найти в целом ряде публикаций по истории лингвистики и лингвистических учений (1, 2, 3, 4, 5, 6). По мере обсуждения тех или других теоретических вопросов мы, по возможности, будем обращаться к трудам многих авторов. Однако и сейчас среди языковедов, оказавших особенно сильное влияние на современное теоретическое языкознание, нужно назвать, наряду с В. Гумбольдтом и Потемной, швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857—1913) и его труд «Курс общей лингвистики», изданный его учениками А. Сешэ и Ш. Балли в 1916 г. уже после смерти своего учителя. Редко какая книга может сравниться с «Курсом» Соссюра по своему влиянию на современное теоретическое языкознание.

Теория языкознания, как основная часть вузовского курса по общему языкознанию, относительно самостоятельна по сравнению с двумя другими частями этого курса: методами изучения языков и историей языкознания. Она подвижна и систематизирована, отражает поступательный ход изучения языков и его общие итоги, сравнительно с более стабильными другими частями курса. Кроме того, проблемы, рассматриваемые в теории языкознания, во многом дискуссионны, поскольку отражают разные подходы к ним в различных лингвистических направлениях и с разных методологических позиций, имеют разную интерпретацию и решения. Не случайно поэтому, что теоретическую лингвистику многие лингвисты рассматривают как самостоятельную науку (7, 8, 9).

В цикле лингвистических дисциплин, изучаемых в вузе, общее языкознание, и в частности теория языкознания, — это итоговая, обобщающая дисциплина. Ее восприятие и усвоение предполагает знание предшествующих лингвистических предметов, предусмотренных учебными планами.

Несмотря на то, что теория языкознания изучает общие закономерности жизни и развития, свойственные всем языкам, тем не менее в той или другой стране, в индивидуальных национальных научных и культурных условиях, эта теоретическая дисциплина приобретает определенную национальную окраску, свои особенности. Такое положение вызывается целым рядом причин: научными традициями, историей изучения конкретного языка или языков данной страны, национальными приоритетами такого изучения, влиянием идеологии, актуальностью определенных проблем и задач, вставших перед обществом, и др. 6

Условия же развития теоретического языкознания в нашей стране были весьма необычны, особенно в послереволюционный период. На содержание общей теории языкознания в этот период сильное воздействие оказывала марксистская идеология. Длительное время облик нашего языкознания определял насаждаемый вульгарный социологизм, особенно расцветший в 20—50-е годы. Он выразился прежде всего в так называемом «новом учении о языке» Н.Я. Марра и "его последователей. Достижения предшествующей теоретической мысли отечественного и западного языкознания мало влияли в это время на разработку общетеоретических проблем языкознания. Предшествующая наука была объявлена «буржуазной», т. е. ущербной в теоретическом и методологическом отношении. Вместе с тем было бы несправедливо утверждать, что советское теоретическое языкознание было полностью изолировано от мировой лингвистики. Именно в 30-е годы были переведены и опубликованы фундаментальные труды по теоретическому языкознанию Э. Сепира, Ж. Вандриеса, Ф. Соссюра, А. Мейе. Подробно о развитии отечественного теоретического языкознания в советское время см. в курсе «История языкознания».

§ 2. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЯЗЫКА. КРАТКИЙ ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Язык — чрезвычайно сложное явление, и как таковое, он — предмет изучения целого ряда наук. И если язык, как явление действительности, представляет собой единство во всех своих проявлениях, то науки, изучающие его, в силу своего аспекта изучения, исторически выработанных методологий, методов и методик исследования, научного аппарата, образованного в результате этого исследования, и др., отграничивают, обособляют свой предмет исследования. Уже поэтому невозможно дать всеобъемлющего определения языка, которое устраивало бы все науки, изучающие язык в том или другом отношении. Определение же языка с точки зрения отдельной науки неизбежно будет недостаточным. Такое положение вещей характерно не только для науки о языке. Выдающийся русский химик А.М. Бутлеров, объясняя неизбежность обособления предмета науки, писал следующее о химии и других науках: «Здесь, как и везде, разграничение и рубрики принадлежат не природе, не сущности дела, а человеческому суждению, которому они нужны для его собственного удобства» (10, с. 384).

Поэтому определение языка с точки зрения философии, логики, психологии или других наук не будет совпадать с определением языкознания. Да и собственно языковедческое определение не может быть исчерпывающим, поскольку в таком определении невозможно охватить все существенные стороны языка и с точки зрения языкознания.

Существует большое количество определений языка. Краткий обзор позволяет разделить их по содержанию на несколько групп; в них язык определяется в разных отношениях.

Многие авторы определяют язык как важнейшее средство общения, подчеркивая при этом, что язык — общественное явление (11, с. 8; 12, с. 12; 13, с. 21 и др.).

Другие ученые обращают внимание на знаковый характер языка (14, с. 21; 15, с. 350 и др.). Большое количество ученых, определяя язык как совокупность или систему знаков, подчеркивают двусторонний характер языковых знаков или символов, при этом одни авторы акцентируют внимание на членораздельности звука, другие авторы — на членораздельности мысли (16, с. 13 и сл.; 17, с. 410 и др.).

Между тем некоторые авторы, по сути дела, игнорируют исключительную роль членораздельного звука в образовании и эволюции языка, отрывая язык вообще от «звуковой материи», считая ее чисто случайным явлением в языке. Так, для Бодуэна де Куртенэ и Соссюра язык — чисто психическая сущность. Последний утверждает, что язык есть форма, а не субстанция. В соответствии с его концепцией, язык — психическая, формальная сущность, а не материальная, субстанциональная. Поэтому звук как физическое явление не относится к языку, а есть нечто постороннее, используемое лишь для удобства и могущее быть замененным другим материальным субстратом, например письмом (см. ниже).

В целом ряде определений подчеркивается дискретность, членораздельность как звука, так и обозначаемой им мысли в их отнесенности к действительности, человеческому опыту (18, с. 5; 19, с. 11). Двустороннюю сущность — материальную структуру, поддающуюся наблюдению, и нематериальную, замещающую явления окружающего мира, — видит в языке Э. Бенвенист (20, с. 30). В. Дорошевский подчеркивает в своем определении языка ассоциативную связь между членораздельными звуками как знаками психических содержаний и предметами восприятия, мысли (21, с. 207).

В последнее время ряд авторов определяет язык с точки зрения формы или способа его существования, рассматривая его в качестве члена соссюровской трихотомии: язык — речь — речевая деятельность (см. об этом ниже). При этом одни авторы определяют язык как явление, непосредственно представляющееся нам в опыте (22, с. 261), другие — как абстрактную сущность, стоящую за этим явлением (23, с. 5; 24, с. 8; 25, с. 21). То есть эти авторы рассматривают язык не как единое явление действительности, противоречивое по способу своего существования, а берут в основу определения отдельную сторону этого внутреннего противоречия. Определяется не качественная сторона явления, создающая его внутреннюю сущность и отличающая его от других явлений, а те стороны, которые характеризуют внутренне противоречивый способ существования языка как явления

действительности. Такие определения отражают скорее диалектику существования явлений действительности вообще, свойственную не только языку.

Не включаясь в обсуждение о достаточности или недостаточности того или другого определения (как известно, ни одно определение не способно охватить все существенные стороны определяемого, особенно такого чрезвычайно сложного явления, как язык), мы тем не менее считаем, что ключом к пониманию природы языка, его сущности, определяющей все другие важнейшие, существенные функции языка в человеческом обществе, служат идеи В. Гумбольдта и Потебни о необходимости и достаточности генетического определения языка. Ведь нет сомнения, что для языка, как вида деятельности человека и его основополагающего атрибута, важнейшими будут многие выполняемые им функции: общения, вербального мышления и его развития, это и знаковая, гносеологическая, эстетическая, психологическая и другие функции. Поскольку все эти функции языка многообразны и существенны для человека и общества в целом, то представляется целесообразным определить те факторы и причины, которые сделали возможной и необходимой эту человеческую деятельность, а следовательно, и выполнение множества тех функций, без которых невозможны и общество и сам человек как личность. С этой целью мы и обратимся к названным ученым, которые были одновременно выдающимися лингвистами и философами-диалектиками. Разумеется, нельзя сказать, что их идеи не были использованы последующими учеными, но, как мы увидим ниже, далеко не в той степени, какой они достойны.

§ 3. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКА

В. Гумбольдт и вслед за ним Потебня сосредоточивали свое внимание на языке как на деятельности и считали, что наиболее соответствующим определением для него является определение генетическое. В. Гумбольдт писал: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее... Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикуляционный звук пригодным для выражения мысли» (26, с. 70).

С пониманием языка как деятельности согласны, можно сказать, все ученые. Но тем не менее исследование языка ведется в лингвистике преимущественно как готового продукта деятельности, т. е. устного или письменного текста. Можно говорить лишь об отдельных аспектах изучения языка, отражающих его как постоянно совершающуюся деятельность (ср.: изучение порождения речи, соотношение формы и

§ 4. ЯЗЫК КАК СИНТЕЗ ЗВУКА И МЫСЛИ

содержания в языке, образование смыслов языковых единиц; отношение внутренней формы единиц, их значений и смыслов и др.).

Между тем высказанная вовне речь — это результат сложнейших внутренних процессов, взаимодействия и участия многих органов человека, внешних и внутренних факторов: это внешнее нервное раздражение, восприятие того или иного явления действительности, связанная с этим рецепторная деятельность человека, его памяти, воли, идеальное преобразование воспринятого; «программа» работы органов произношения, вследствие чего порождается звук в единстве с расчлененной идеальной мыслью, и др. Язык реализуется в этой речеобразовательной деятельности. Разумеется, все эти процессы не могут быть предметом изучения языкознания. Оно не обладает ни общей методологией, ни частными методиками, ни соответствующим научным аппаратом и приборами для изучения этой деятельности. Исследование языка как деятельности в относительно полном или представительном объеме — это предмет изучения целого комплекса наук.

Язык как деятельность весьма многообразен, а следовательно, и весьма многообразны существенные стороны его как деятельности. Вот почему В. Гумбольдт и Потебня выделяют на первое место генетические корни языка, которые создают возможность этой деятельности и тем самым определяют ее многообразие и существенные стороны. Что создает возможность такого многообразия? Чем определяется такая природа языка как универсального средства общения и выражения мысли — вот на эти и другие вопросы и призваны ответить генетические истоки языка и его определение.

Если многие другие определения языка имели в виду отдельные существенные функции языка, то генетическое определение языка преследует цель указать на единственно образующие его стихии, определяющие многие его свойства и функции как вида деятельности, отличающей человека. Такими стихиями являются членораздельный звук и выраженная с его помощью мысль, что характеризует все без исключения языки. Потебня так определял основополагающие генетические признаки языка: «Постоянным признаком языка является членораздельный звук. Понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием членораздельного звука и мысли» (27, с. 101). «Общечеловеческие свойства языков, — подчеркивал Потебня, — суть: по звукам — членораздельность, с внутренней стороны — то, что все они суть системы символов, служащих мысли. Затем все остальные их свойства суть племенные, а не общечеловеческие. Нет ни одной грамматической или лексической категории, обязательной для всех языков» (28, с. 259). Психологической формой связи звука и значения выступает метонимия. Потебня писал об этом следующее: «Независимо от отношения слов первообразных и производных, всякое слово, как звуковой знак значения, основано на сочетании звука и значения по одновременности или последовательности, следовательно, есть метонимия» (29, с. 203). ю

Проблема генетического определения языка ставит целый ряд связанных с нею вопросов, должных объяснить феномен языка, образующийся в результате соединения двух в известном отношении противоположных стихий — звука и мысли.

Звук как материал, как нечленораздельный звучащий поток — реакция человека на внешнее или внутреннее раздражение, и мысль как нерасчлененный мыслительный поток, образовавшийся в голове человека под влиянием воспринимаемой действительности, — были до языка, но сами по себе не принадлежат языку. И механическое объединение этих двух стихий не образует язык. Для органического объединения этих двух противостоящих стихий в феномене языка потребовался их синтез, а следовательно, их радикальное преобразование в этом синтезе. Но синтез заключается не только в существенном преобразовании участвующих в нем элементов, но и в создании в результате такого преобразования принципиально нового материально-идеального, субъективно-объективного явления — языка с его новыми свойствами, отличными от свойств образующих его элементов.

Звук в языке должен был стать членораздельным, артикулируемым, т. е. материальным символом расчлененной дискретной мысли. Звук в языке — это звук, обработанный, препарированный мыслью, как и мысль, вычлененная с помощью своего материального символа или субстрата, — это идеальное единство, имеющее соответствие с вычлененным из континуума действительности фактом. Такое единство членораздельного звука и дискретной мысли (значения) позволяет вычленять и категоризировать отдельные «кусочки» действительности, оперировать ими в «снятом» виде в аспекте человеческого к ним отношения и интереса.

Органичность соединения членораздельного звука с соответствующим значением доказывается тем фактом, что без соотношения с мыслью отдельный звук не вычленяется из потока речи и как физическая единица. Иными словами, мы имеем дело с ф о н е м а т и ч н о с т ь ю звука, выполняющего в языке смысловоразличительную роль.

Несмотря на различие звука (материальное) и мысли (идеальное), они должны иметь и нечто сходное, благодаря чему и возможен их синтез в языке. В. Гумбольдт замечал, что звук по своей природе более всего подходит для выражения мысли; своей кажущейся нематериальностью он сродни самой мысли. Звук не видим глазом, но он воспринимается специально развившимся чувством слуха. Звук образуется в физической среде, весьма подвижной и эластичной, легко поддающейся под воздействием органов речи разнообразному формированию и одновременно передающей звук на расстояние. Благодаря способности человека производить звуки с помощью многообразных манипуляций органов речи и указанной эластичности физической среды, оказались

возможными единство звука и мысли, их синтез, их взаимообусловленная дискретность.

Последствия такого синтеза оказались чрезвычайно важными и плодотворными для становления и развития человека и познания им мира. Синтез предполагает единство и тождество составляющих его частей, образование таких языковых единиц, которые, развиваясь и дифференцируясь под воздействием человеческой практики, общения, познания мира, расширяют область познаваемого в пространстве и времени. Знаки языка выполняют разнообразные функции, создавая в совокупности универсальную знаковую систему, способную относительно адекватно представить действительность, ставшую предметом человеческой практики и общения. Недаром А. Франс замечал о словаре, что это Вселенная, расположенная в алфавитном порядке.

Из перемен, каким подвергается мысль, образованная и выраженная с помощью языка, важным является тот факт, что, высказанная вовне, она перестает быть собственностью своего создателя, а становится общим достоянием, начинает жить самостоятельной жизнью. Это обстоятельство делает возможным капитализацию человеческой мысли и ее историю.

Язык, генетически возникший в результате описанного синтеза, представляет собой самобытное, неповторимое общественное и природное образование, имеющее свою собственную историю и выработанное в ней направление развития при всей своей связи с историей и развитием общества. Потебня говорил, что такие категории, как имя существительное, прилагательное и др., нигде, кроме языка, не встречаются.

Единицей, в которой объединяются указанные две стихии и происходит их синтез, является слово. Слово — узловое звено языка, которая при всем ее видоизменении в эволюции языка — от нерасчлененного слова-предложения на начальных стадиях развития языка до слова определенной части речи в современном языке — присутствовало в языке всегда.

Языкообразующим началом, объединяющим различные по своей природе стихии, создающим синтез звука и мысли, В. Гумбольдт считал форму языка. В слове, в том числе и в первообразном слове, форма выступает в виде внутренней формы слова. Согласно В. Гумбольдту и Потебне, именно под воздействием формы звук как материал преобразуется в членораздельный, артикулируемый звук, или внешнюю форму слова, способную образовать с соответствующей расчлененной, дискретной мыслью органическое единство. Тем самым и содержание как мыслительный поток именно с помощью внутренней и внешней формы может быть препарировано, организовано и сообщено вовне. Развивая и углубляя идеи В. Гумбольдта, Потебня писал: «Звук, как междометие, как рефлексия чувства, и чувственный образ, или схема, были уже до слова; но самое слово не

дается механическим соединением этих стихий. Внутренняя форма в самую минуту своего рождения изменяет звук и чувственный образ...» (2Й, с. 180).

Внутренняя форма — главное организующее начало языкового знака, т. е. нового органического единства внешней формы (членораздельного звука), внутренней формы и значения (содержания). Этот механизм образования слова, в том числе и первообразного, путем участия в нем членораздельного звука и внутренней формы, вобравшей в себя достигнутый предшествующим развитием определенный результат мысли, представляется простым. Потебня пишет по этому поводу: «Человек невольно и бессознательно создает себе орудие понимания, именно членораздельный звук и его внутреннюю форму, на первый взгляд, непостижимо простые сравнительно с важностью того, что посредством их достигается» (28, с. 141).

Язык, образованный в результате синтеза материального (звука) и идеального (мысли), одновременно обретает особые, оригинальные черты, что позволяет ученым говорить об относительной самостоятельности его по отношению к материальному и идеальному миру. С этой точки зрения А.Ф. Лосев определял язык как «третье бытие» по отношению к материальному и идеальному бытию. Будучи орудием мышления и средством общения, язык может правильно отражать действительность, может ошибаться в отражении, наконец, намеренно клеветать на действительность. В этом выражается тот факт, что язык в конечном счете является субъективным средством отражения объективного мира.

Создание языка объективно и стихийно. Однако его возникновение возможно тогда, когда развитие довербального первобытного человека, его мышления и органов достигли такого уровня, что оказались возможными образование артикулируемого звука, расчлененной мысли и их синтез.

Мы не можем представить человека во всех без исключения сферах его жизни и деятельности вне языка, сам язык как деятельность характеризуется всеохватностью и непрерывностью. В то же время язык — саморегулируемая система. Границы и возможности оптимального функционирования языка весьма широки, особенно если учесть его письменную форму. И тем не менее они определяются, кроме всего прочего, возможностями человека как биологического организма, функцией которого язык и является.

Человеческое мышление — это такая духовная, идеальная деятельность, истоки которой уходят в доязыковую область, а высшие, отвлеченные образования этой деятельности покидают эту область, обращаясь не к слову, а к кратчайшему условному символу. Однако язык знаменует собой важнейший этап в духовном развитии человека, homo sapiens. Генетически этот этап связан с другими формами довербального мышления древнего человека, а в современном своем состо-

янии язык функционально связан с другими формами невербального мышления (ср.: музыка, живопись, формальные языки и др.). И хотя возможности человеческого организма небеспредельны, однако не следует думать, что это в какой-то степени затрудняет возможности языкового общения в типичных условиях применения языка и сообщения тех мыслительных образований, которые могут быть выражены с помощью языка. Для того содержания, которое может быть выражено с помощью языка, у последнего достаточно средств и возможностей. Из всех знаковых систем язык обладает наибольшей избыточностью. Он вплетен и в область высших научных абстракций, почему ученые утверждают, что и в своей специальной области ни один ученый не мыслит формулами.

И вместе с тем границы мышления шире границ применения языка. Есть такие области мысли, где идеальные, мыслительные образования объективируются в наиболее свойственной их природе форме.

§ 5. ЯЗЫКОЗНАНИЕ - ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Язык — это одновременно общественное и природное явление. Об этом свидетельствуют как его собственные признаки в качестве явления действительности, так и его тесные взаимосвязи, с одной стороны, с гуманитарными науками (логика, психология, философия, история, семиотика и др.), с другой, — с естественными (физиология, нейрофизиология, акустика, нейропатология и др.). В языкознании с успехом применяются науки математического цикла, которые, как известно, охватывают и естественные, и гуманитарные науки.

Выделение общего, теоретического языкознания в отдельную, самостоятельную науку происходило в первой половине XIX в., т. е. в эпоху выдающихся открытий в науке вообще, и особенно в естественных науках. И это не могло не наложить отпечатка на сам процесс формирования теоретического языкознания и его оценку. Влияние естественных наук в то время было особенно сильным. Не случайно поэтому ряд выдающихся лингвистов — М. Мюллер, А. Шлейхер, В.О. Уитни, ф.И. Буслаев и др. — относили языкознание к разряду естественных наук. По мысли А. Шлейхера, с естественными науками языкознание роднит строгая систематичность, взаимосвязь и взаимообусловленность частей языка; закономерность и необходимость его процессов, происходящих с математической точностью (ср.: действие фонетических законов) и др.

Сложность и многофункциональность языка давали известное основание относить языкознание к разным классам наук. Поэтому и понимание языкознания как науки было разным в истории науки.

Однако, несмотря на известные признаки языка как природного явления и на указанные выше связи языкознания с естественными

науками, мы должны отнести языкознание, учитывая основополагающие признаки и функции языка как предмета изучения, к наукам гуманитарным, общественным. Язык не существует вне общества. Единство самого общества, народа возможно благодаря языку. Язык обслуживает общество, являясь единственным универсальным средством общения. Развитие языка тесно связано с развитием общества и человеческого мышления, что вместе с тем не лишает язык своеобразия и самостоятельности как определенного явления действительности. В значениях знаков язык отражает и закрепляет результаты познания говорящим коллективом окружающего мира и самого человека. Уже сам по себе язык как естественное и специфически человеческое средство общения и познания действительности, которое нарождающийся человек находит готовым, во многом определяет общественную природу человека. Именно благодаря языку обеспечиваются общественные функции в различных областях человеческой деятельности — в производстве, культуре, образовании, науке, литературе, искусстве и т. д. Язык является существенным признаком нации, народа, представляя собой наиболее концентрированное выражение народности как совокупности существенных черт, признаков, отличающих один народ от другого.

В силу сложности самой природы языка, являющегося универсальным средством общения, передачи и хранения самой различной информации, языкознание имеет тесные, органические связи с другими науками.

Так, звук произносится с помощью органов речи, всякий раз осуществляющих определенную работу. Поэтому в целях исследования материальной стороны языка наука о языке вынуждена обращаться к физиологии человека, в частности к работе так называемых органов произношения. Продукт работы этих органов — звук в виде колебания воздуха (физической среды, окружающей человека и обеспечивающей его жизнь), — это физическое явление, которое изучается особой отраслью знаний — акустикой.

Действия органов речи, восприятие речи с помощью слуха — все это управляется мозгом, нервной системой человека, с помощью определенных ее центров. Функционирование языка, восприятие явлений действительности, формирование на этой основе значений и смыслов языковых единиц непосредственно связаны с внутримозговыми психологическими, нейрофизиологическими и другими процессами. Отсюда близкая связь языкознания с целым рядом наук — психологией, нейрофизиологией, нейропатологией и др.

Язык как универсальное средство общения, как знаковая система, передающая и закрепляющая итог познания действительности, имеет сама по себе зачатки различных знаний о внешнем мире и самом человеке, а следовательно, известные выходы к различным специальным отраслям знания. С семантики общеупотребительного языка

начинает свое формирование любая наука. Об этом, в частности, свидетельствуют слова общеупотребительного языка, ставшие терминами той или другой науки. Об этой кровной связи свидетельствуют все еще сохраняющиеся семантические нити между «ближайшими» (общеязыковыми, общеупотребительными) и «дальнейшими» (специальными) значениями таких терминов (см. ниже).

В то же время сам язык, будучи сложным, многофункциональным явлением, изучается целым рядом наук: психологией, логикой, философией, литературоведением, кибернетикой и др. Разумеется, каждая такая наука интересуется языком с определенной точки зрения, имеет свой предмет изучения. Однако уже в силу единства языка как явления действительности языкознание не может не иметь точек соприкосновения с этими науками. В целях углубленного и разностороннего познания языка языкознание не может не прибегать к услугам других наук. В свою очередь и другие науки используют результаты языковедческих исследований, например логика, психология, история, философия, математика и др. Идет, таким образом, взаимный обмен результатами исследования общего сложнейшего, уникального объекта изучения — языка.

Отличительной чертой науки XX в. является ее интеграция. На стыке различных наук формируются новые: психолингвистика, математическая лингвистика, социолингвистика, инженерная лингвистика, прикладная лингвистика... Надо сказать, что теоретическое языкознание и во время своего становления было тесно связано с целым рядом наук. В середине XIX в. Потенбня писал, отмечая уже тогда тенденцию к непосредственному взаимодействию и взаимопроникновению наук: «...Никогда оно (т. е. взаимодействие наук, — В.Г.) не было столь возможно и в некоторых отношениях так действительно, как теперь... Наше время представляет пример взаимодействия наук и избрание лицами срединных путей; языкознание и психология, языкознание и физиология, языкознание и история, психология и физиология» (29, с. 114).

В наше время связи языкознания и других наук значительно расширились. Научно-технический прогресс коснулся и языкознания, поставил перед ним большие и сложные задачи, имеющие экономическое, хозяйственное значение для страны, требующие оперативного решения. Необходимость глубоких знаний в области теоретического, прикладного языкознания, строения конкретных языков возникла у специалистов, казалось бы, далеких от языкознания, — инженеров, программистов, математиков, занимающихся решением информационных задач на ЭВМ, автоматизацией производственных процессов и др. Одновременно и в чисто традиционной работе языковедов — составление словарей различных типов, словарных фондов, грамматик, различного вида пособий — нашли применение программирование, математика, электронно-вычислительная техника. Использование этих

достижений науки и техники позволяет значительно облегчить трудоемкую работу языковедов, особенно составление словарей и грамматик. Подробнее о связях языкознания с другими науками см.: (30; 25, с. 30-49).

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
3. Кондратов Н.А. История лингвистических учений. М., 1979.
4. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
5. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
6. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
7. Zawadowski L. *Lingwistyczna teoria języka*. Wrocław. 1966.
8. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
9. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
10. Буллеров А.М. Сочинения. Т. 1. М., 1953.
11. Ср., например, В.И. Кодухов: «Язык является важнейшим средством человеческого общения; нет и не может быть человеческого общества и народа, которые не имели бы языка» (Введение в языкознание. М., 1979).
12. Подобное же определение см.: Общее языкознание. Минск, 1983.
13. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopadie. B. 1, Leipzig, 1969.
14. Ж. Вандриес определяет язык как систему знаков: «Под знаком в данном случае надо понимать всякий символ, способный служить для взаимного общения людей» (Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937).
15. Подобным же образом определяет язык Ж. Марузо: «Всякая система знаков, пригодная для того, чтобы служить средством общения между индивидами... Звуковой язык, основанный главным образом на употреблении голоса и называемый также членораздельным языком... составляет предмет изучения языковедения» (Словарь лингвистических терминов. М., 1960).
16. Д.Н. Кудрявский, например, приводит определение языка Г. Габеленца: «Человеческий язык есть членораздельное выражение мысли при помощи звуков» (Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1913).
17. Ср. с этим определение: «Язык — стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» (Русский язык. Энциклопедия. М., 1979).
18. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. Казань, 1913.
19. «...Сущность языка, — замечал Э. Сепир, — заключается в соотношении условных, произвольно артикулируемых звуков или их эквивалентов к различным элементам опыта» (Язык. М., 1934).
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
21. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
22. Ср., с одной стороны: «Язык. Вся совокупность высказываний, которой может пользоваться данная языковая общность, является языком этой языковой общности...» (Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964).
23. С другой стороны: «Языком мы называем то, что в речи является одновременно общим, устойчивым и абстрактным»/М/е/«А:/ Т. *Językoznawstwo*. Warszawa, 1968.
24. Для Ю.С. Маслова язык представляется заложенным в речи, скрытым в ней; он — «недоступный как целостная система непосредственному наблюдению, но стоящий как

своего рода абстрактная сущность за конкретностью и бесконечным многообразием явлений речи» (Введение в языкознание. М, 1975).

25. С точки зрения трихотомии определяет язык Ф.М. Березин и Б.Н. Головин (см. Общее языкознание. М, 1979; об этом см. ниже).

26. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М, 1984.

27. Потебня А.А. Основы поэтики А.А. Потебни//Вопросы теории и психологии творчества. 1. 2. Вып. 2. СПб., 1910.

28. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

29. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

30. Шендельс Е.И. Связь языкознания с другими науками. М., 1962.

II. ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА (ЯЗЫК, РЕЧЬ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)

§ 6. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о предмете науки о языке встал одновременно со становлением теоретического языкознания. Однако и в настоящее время нет единого мнения о том, что такое язык, как он существует в действительности, каковы его границы как явления действительности и предмета научного познания, в каком отношении к языку как средству общения в коллективе находится речь говорящего и др. Немного найдется в языкознании XX в. таких проблем, как данная, по которой было бы высказано столько разноречивых суждений и предложено столько разных концепций. Понятно также, что решение такого узлового вопроса, касающегося статуса существования самого предмета науки, невозможно без обращения к его философской и методологической стороне. Очевидна и практическая значимость этой проблемы, поскольку от ее понимания прямым образом зависят привлечение и квалификация самого языкового материала, выбор направления и методик исследования, оценка различных подходов к языку и речи и др. От решения этого вопроса по отношению к языку в целом непосредственно зависит и понимание его единиц (ср. различную квалификацию оппозиций: фонема — вариант фонемы, лексема — словоформа, значение — смысл, предложение — высказывание; см. об этом ниже).

Как известно, вопрос об определении предмета языкознания приобрел вид дихотомии: «язык — речь», чему особенно способствовал «Курс общей лингвистики» Соссюра, где эта проблема является одной из узловых (1, с. 46—53). Соссюр указал и на важные методологические следствия ее решения.

Данная проблема имеет различные аспекты изучения. Мы ограничимся рассмотрением ее преимущественно с онтологической и отчасти гносеологической точки зрения. Как кажется, такой подход поможет ответить на вопрос о характере и способе существования языка, отчего,

в свою очередь, прямым образом зависит решение других, производных вопросов, связанных с языком и речью. И в оценке взглядов ученых на эту проблему мы по большей части ограничимся этой ее стороной.

§ 7. К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Строго говоря, противоположение «язык — речь» не есть открытие недавнего прошлого. В самом языке задолго до возникновения языкознания как науки были слова *язык* и *речь* с известной поляризацией и, одновременно, совпадением отдельных значений. Достаточно сравнить толкования значений этих слов в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (2), в современных толковых словарях (3), чтобы убедиться, что и совпадение одних значений, и противоположение других в известной степени соотносительно трактовке этих категориальных терминов в современной лингвистике¹.

Терминологическое разграничение языка и речи, весьма продуктивные суждения о характере этих категорий, их органической взаимосвязи мы находим у В. Гумбольдта. «Реальный язык,— замечал он,— проявляется только в речи» (5, с. 115). «Только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности» (5, с. 84). «Язык образуется речью..., а речь — выражение мысли и чувства» (5, с. 163). «Для предложения и речи язык устанавливает только регулирующие схемы, предоставляя их индивидуально оформлению произволу говорящего» (5, с. 90); и др.

В русском языкознании разграничение языка и речи наметилось еще в начале XIX в. (6, с. 43). У Ф.И. Буслаева содержание терминов язык и речь близко к отдельным значениям в общеупотребительном языке. Речь, по Ф.И. Буслаеву,— это то, что сказано, «ряд соединенных предложений» (7, с. 21). Язык определяется как дар слова, отличающий человека от животного; это общественное явление, представляющее собой строго по законам организованное целое. Характерной чертой этого целого Ф.И. Буслаев считает системность. Понимание системности у него, несмотря на свойственную тому времени терминологию,

Это еще раз доказывает тот непреложный факт, что научное, специальное познание начинается с того порога, на котором остановилась общезыковая семантика. Подчеркивая эту сторону языка, В.В. Виноградов писал: «Между словарем науки и словарем быта прямая тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так наз. точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, тело, отражение* и т. п.)» (4, с. 165).

вполне современно. При этом Ф.И. Буслаев подчеркивает, что только речь наглядно обнаруживает системность языка (7, с. 21—22).

Вопрос об онтологии языка занял, как известно, заметное место в трудах младограмматиков; в их взглядах на язык сказался позитивистский подход к решению этой проблемы. Младограмматики (а под их влиянием и многие языковеды последующего времени) отрицали реальность общего языка, признавая реально существующим только индивидуальный язык, язык личности. Показательно в этом отношении суждение Г. Пауля: «...На свете столько же отдельных языков, сколько индивидов» (8, с. 58). Такое представление о существовании языка оказалось весьма устойчивым. Многие выдающиеся языковеды конца XIX— начала XX вв. разделяли это мнение, например И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Шахматов и др.

В трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ проблеме существования языка уделено значительное внимание. Язык Бодуэн понимал в духе индивидуального психологизма: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (9, с. 71). «Так называемый русский язык, точно так же, как никакой другой племенной или национальный язык, вовсе не существует. Существуют как психологические реальности одни только индивидуальные языки, точнее: индивидуальные языковые мышления» (9, с. 250). Бодуэн отрывает звук от языка, поскольку, строго говоря, не считает звук собственно языковым фактом (9, с. 269). Звук для Бодуэна — это не более как внешний элемент среды, служащий для передачи мысли. Бодуэна наряду с Соссюром можно считать родоначальником многих современных представлений о языке и речи.

Последователь Бодуэна, один из видных представителей Казанской лингвистической школы, В.А. Богородицкий разделяет взгляды своего учителя не столь категорично. Он, в частности, пишет: «Язык реально существует лишь у каждого отдельного индивида и только благодаря общению между людьми и взаимному их пониманию он приобретает характер социальный. Атак как природа элементов определяет природу агрегата, то изучение явлений индивидуальной речи должно углублять понимание природы языка, как явления общенародного» (10, с. 144). Разумеется, общенародный язык как предмет изучения языкознания не представляет собой простого агрегата индивидуальных, или личных, языков. Это цельная система различного рода элементов, находящихся между собой в закономерных связях; она реализуется и раскрывается в речи индивидов.

Сходные с младограмматиками суждения о существовании языка высказывал А.А. Шахматов: «...Реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, народа оказывается известною научною фикцией» (11, с. 59).

В подобных суждениях, по сути дела, отрицается противоречивый,

диалектический характер функционирования языка, реальность общего как существенной стороны так называемых индивидуальных языков. Только у отдельных авторов того времени мы встречаем попытки диалектически представить соотношение языка индивида и общего языка, свойственного коллективу в целом. Так, у Потебни не вызывает сомнения реальность общего и «личного» языка. При этом границы языка общего, по Потебне, более или менее произвольны. «Наиболее реальное бытие имеет язык личный. Язык племени, народа суть отвлечения и, подобно всяким отвлечениям, подлежат произволу» (12, с. 418). В противоположность Бодуэну и другим лингвистам, понимающим под языком его знание и владение им (т. е. приобретенную в практике общения способность и возможность языковой деятельности, см. ниже), Потебня считал, что «...слово действительно существует тогда, когда произносится» (12, с. 105), что «...действительная жизнь слова... совершается в речи» (13, с. 15). Поэтому звук — существенная, неотъемлемая сторона языка; звук, согласно ученому, сформирован мыслью (12, с. 176). Надо заметить, что термин *речь* имеет у Потебни особенное значение. Под речью он понимает реализованный фрагмент языка или контекст, достаточный для раскрытия необходимых по условию общения возможностей употребляемых единиц, чем достигается относительно точное понимание мысли говорящего (13, с. 42, 44).

§ 8. КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА, РЕЧИ, РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. де СОССЮРА

Наиболее сильное влияние на представления о языке, речи и речевой деятельности, как говорилось выше, оказала концепция Соссюра. После выхода «Курса» появились многочисленные статьи, книги, объясняющие, дополняющие, популяризирующие и критикующие идеи Соссюра. В многочисленных публикациях по общим вопросам языка, в учебниках и учебных пособиях уделено немало места его концепции языка. Поэтому мы ограничимся замечаниями о положениях соссюровской концепции, касающихся онтологии языка.

Надо сказать, что с этой точки зрения взгляды Соссюра механистичны и непоследовательны. С одной стороны, язык и речь рассматриваются как явления, оторванные друг от друга; язык, по Соссюру, — явление социальное и существенное, речь — индивидуальное, побочное, случайное (1, с. 52). Соссюр вступает в противоречие со взглядами многих ученых, утверждая, что «язык не деятельность... говорящего... Язык есть готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим... Речь есть индивидуальный акт звука и воли» (там же). Соссюр противопоставляет речь языку в их генезисе: речь исторически предшествует языку. По Соссюру, звук не относится к языку, поскольку язык целиком психичен. Звук для языка — явление второстепенное, случай-22

ное. В языке существуют только акустические образы: «...Язык — это сокровищница акустических образов» (1, с. 53). Если язык психичен, то речь психофизична. С другой стороны, Соссюр не может совершенно оторвать друг от друга язык и речь, и поэтому у него встречается немало утверждений, которые предполагают единство языка и речи. Например: «...Речь... необходима для того, чтобы сложился язык». «Только слушая других, научаемся мы своему родному языку, лишь в результате бесчисленных опытов язык отлагается в нашем мозгу» (1, с. 53). Указав на взаимозависимость языка и речи («...Язык одновременно и орудие и продукт речи»), Соссюр здесь же спешит оговориться: «Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами... Было бы нелепо объединять под одним углом зрения язык и речь» (там же).

В этих высказываниях Соссюра нетрудно обнаружить связь его концепции со взглядами Бодуэна на характер существования языка, взаимоотношение языка и речи, несмотря на то, что Соссюр рассматривает язык как социальное, а Бодуэн как индивидуальное явление, хотя и предполагающее свою реализацию в обществе.

Реакцией на концепцию языка Соссюра явились в советском языкознании работы Л.В. Щербы (14, с. 24—39) и А.И. Смирницкого (15).

Как и у Соссюра; проблема языка Л.В. Щербы представляет собой триединство, однако составные части этого единства («речевая деятельность», «языковая система», «языковой материал») существенно отличаются от членов триады Соссюра. Наиболее общей категорией в триаде Л.В. Щербы является речевая деятельность, включающая процессы говорения и понимания. Важным моментом концепции Л.В. Щербы выступает признание объективности существования «языковой системы» в «языковом материале» (под которым он понимает устные и письменные тексты), или в индивидуальных языковых системах. Правда, диалектика этой связи только намечена. Но само указание на взаимодействие и взаимопроникновение общего и индивидуального в языке заслуживает глубокого внимания.

А.И. Смирницкий рассматривает проблему языка и речи с точки зрения объективности существования языка в противоположность соссюровской трактовке языка как чисто психического явления, т. е. имеющего субъективную форму существования. Автор указывает на неправомочность отождествления знания языка с собственно языком, объективно существующим в речи. Надо сказать, что, несмотря на убедительные доводы А.И. Смирницкого в пользу различия языка и знания его, это отождествление встречается во многих современных работах, посвященных обсуждаемой теме. Подчеркивая объективность языка, А.И. Смирницкий рассматривает его в качестве ингредиента речи, т. е. средства, применяемого в ней. Хотя у автора обнаруживается некоторая непоследовательность в разграничении языка и речи (мы

считаем, речь, как отдельное, выступает способом, формой, в какой объективно существует язык, см. ниже), следует признать, что его работа явилась существенным продвижением в понимании диалектики существования языка как объективного общественного явления.

Таким образом, краткий обзор положений по обсуждаемой теме как в языкознании XIX в., так и недавнего прошлого свидетельствует, что вопрос о существовании языка не получил однозначного освещения и разрешения.

§ 9. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Активный интерес к данной проблеме не ослабевает в теоретическом языкознании наших дней. И это естественно. В данной проблеме сфокусировались многие теоретические и практические задачи современного языкознания. Теоретический разнобой в этой узловой проблеме непосредственно сказывается на ее освещении в учебных курсах. В многочисленных определениях языка и речи, какие мы встречаем в теоретических курсах, учебных пособиях последнего времени, нашли свое отражение разные методологические подходы к языку, в соответствии с чем внимание акцентировалось на те или другие стороны языка. Но в этих взглядах и оценках, с одной стороны, отсутствует комплексный подход к проблеме, учитывающий ее сложный, многоаспектный характер, с другой,— нет четкого разграничения разных сторон проблемы, что делает невозможным ее разрешение в рамках принятой сосюрловской дихотомии.

В определениях одних современных ученых язык понимается как явление, другие подчеркивают отдельные существенные черты языка; третьи рассматривают язык и речь в качестве самостоятельных явлений, разных «коммуникативных состояний»; четвертые под языком подразумевают знание языка или его внутримозговые субстраты; для некоторых языковедов язык — это система научных понятий, которые формируются в результате анализа речевых данных и которые отражают общие, существенные признаки этих данных и т. д.

Однако в поисках признаков, разграничивающих язык и речь, главным основанием их противоположения в конечном счете остаются онтологические и гносеологические аспекты: каков способ существования языка как социального и природного явления, служащего средством общения? Что является собственно предметом изучения языкознания? В чем заключается сущность изучаемого явления, и как она обнаруживается? Выяснение этих вопросов помогло бы продвинуть исследование этой важной в методологическом и методическом отношении проблемы в нужном направлении.

Как известно, определения объектов действительности относятся

к реальным определениям, которые бывают разного рода (см.: 16, с. 11 и сл.; 17, с. 227 и сл.). Они могут отражать то, как воспринимается нами объект, как он непосредственно является нам в опыте. Такие определения указывают не на сущность объекта, а на ее проявление. Разумеется, в этом проявлении обнаруживаются существенные черты объекта. Однако высшей формой реальных определений являются сущностные определения, отражающие общие, необходимые, существенные признаки объекта.

Многие определения языка тяготеют к этим двум типам реальных определений, т. е. либо они представляют язык как непосредственно воспринимаемое говорящими данного коллектива явление, либо выделяют те или другие сущностные его признаки.

Так, для многих американских лингвистов характерно определение языка как явления; типичным примером такого определения может служить приведенное выше определение Э. Хэмпса, в котором под языком понимается вся совокупность высказываний, которой пользуется данная языковая общность (18, с. 261). Подобные же определения мы встречаем у Н. Хомского (19, с. 216), Дж. Лайонза (20, с. 68) и др.

Другие определения, напротив, имеют целью подчеркнуть существенные признаки языка. По В. Брэндалю, язык — это «сущность чисто абстрактная, верховная норма для индивида, совокупность существенно важных типов, которые посредством речи реализуются с бесконечным разнообразием» (21, с. 43); подобные определения мы встречаем у А. Гардинера (22, с. 13), Ю.С. Маслова (23, с. 8) и др.

Во многих определениях язык отождествляется со знанием языка, владением им, способностью к восприятию и отражению в языковой форме внешнего и внутреннего мира человека (24, с. 142—143; 25, с. 87 и др.).

Отдельные лингвисты видят в языке научную абстракцию, являющуюся результатом исследования и интерпретации речевых фактов. И.М. Коржинек, например, пишет: «...Соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией, синтезом, классификацией, т. е. научной интерпретацией фактов, с одной стороны, и определенными явлениями действительности, составляющими объект этого анализа, абстракции и т. д., — с другой» (26, с. 317).

В соответствии с двумя названными выше аспектами рассмотрения языка его можно определить либо как явление, либо указать на те или другие общие, существенные черты, характерные для данного явления. В первом случае язык представляется совокупностью всех реализаций речи (о ее понимании см. ниже), или «личных языков», функционирующих в тот или другой период истории языка. Именно в таком виде он является в действительности. Но, с другой стороны, язык — это исторически сформировавшаяся в человеческом обществе, применяе-

мая по объективным законам естественная знаковая система, служащая средством обмена мыслями с помощью звуков, реализуемая и постоянно воспроизводимая в речи говорящих. Разумеется, данное определение далеко не охватывает существенных признаков такого сложного, многофункционального общественного явления, как язык.

Надо заметить, что мало найдется современных лингвистов, занимающихся теоретическими вопросами языкознания, которые не высказали бы так или иначе свое отношение к данной проблеме (см.: 27; 28, с. 233 и ел.; 29, с. 54-60; 30; 31; 32, с. 49 и ел.; 33; 34, с. 62-74; и др.). Пожалуй, большинство ученых, принимающих дихотомию «язык — речь», рассматривают язык как потенцию, знание, а речь — как реализацию этого знания (см. об этом: 27, с. 161—162). В то же время в большинстве работ не дифференцируются аспекты этой проблемы, требующие принципиально различных подходов и оценок языка и речи, интерпретации в отношении к разным категориям диалектики. Обычно рассуждения авторов ведутся в рамках категориального аппарата, очерченного концепцией Соссюра.

В соответствии с делением на язык и речь одни ученые считают, что традиционная наука о языке должна делиться на науку о языке и науку о речи (см. 22, с. 13; 35, с. 7 и ел.; 36, с. 21; 37, с. 23; и др. Подробнее об этом: 27, с. 162—163). Вместе с тем распространено и другое мнение о необходимости единой лингвистики (см.: 14, с. 24—39; 15; 30, с. 162; и др.).

Стремление объяснить дихотомию «язык — речь» с точки зрения диалектики мы находим, например, в работах А.А. Ломтева и Г.В. Колшанского (29; 31).

В концепции А.А. Ломтева существенно важным является признание того, что язык и речь не суть разные явления, а представляют собой «разные стороны одного явления» (29, с. 57), потому они составляют один предмет науки. Различие между языком и речью — это различие между общепринятым, закрепленным в обычае (узусе) и необщепринятым, случайным, нераспространенным (29, с. 54). Автор считает, что «преодоление взгляда на язык и речь как на разные явления достигается с помощью выдвижения категории сущности и ее проявления в качестве противоположения языка и речи» (29, с. 58). Таким образом, язык и речь, по А.А. Ломтеву, в известном отношении отождествлены, однако рамки и границы этого тождества остаются четко не определенными (29, с. 59).

Онтологически не разграничивает язык и речь и Г.В. Колшанский (31, с. 32). Взаимоотношения между языком и речью — это взаимоотношения между общим и единичным (31, с. 24—25). Количественный фактор, по мнению автора, в оценке языка и речи не может иметь решающего значения. Сущность языка выводима и из единичного речевого акта; здесь, таким образом, границы языка и речи предельно сужены и ограничены общими и единичными элементами в любом

речевом акте. Отождествляя язык с общим, речь — с отдельным¹, Г.В. Колшанский находит в каждом речевом акте выражение одновременно языка и речи (31, с. 26—30). В гносеологическом плане к оппозиции речь — язык как объект Г.В. Колшанский прибавляет язык как модель, а в методическом плане язык и речь могут быть определены: язык как знание о языке и речь как владение языком в качестве средства коммуникации (31, с. 32).

Разнобой, нечеткое представление о характере существования языка, о языке как объекте и предмете познания мы встречаем и в теоретических трудах, и в учебных пособиях по общему языкознанию.

В обобщающем труде «Общее языкознание» (М., Наука, 1970) Б.А. Серебренников пишет, что «одной из наиболее сложных проблем членения человеческого языка является проблема противопоставления языка и речи» (38, с. 85). Однако, несмотря на то, что само признание дихотомии «язык — речь» рассматривается многими лингвистами как одно из крупнейших достижений современного языкознания, в этом вопросе еще очень много неясного и недоработанного (38, с. 89). Здесь кратко изложены взгляды многих ученых на проблему, высказываются критические замечания о представлениях о языке и речи отдельных лингвистов. Но собственное понимание проблемы высказано здесь кратко и осторожно. В частности, говорится о том, что речь не может быть сверхязыковым остатком (см.: А. Гардинер, А.И. Смирницкий), поскольку система языка манифестируется в речи (38, с. 90); подобные сверхязыковые остатки не имеют к проблеме «язык — речь» никакого решающего отношения (там же). Говорящий руководствуется в языковом общении общественно усвоенными стереотипами, которые и образуют для него функционирующую языковую систему.

Не лишено внутренней противоречивости и понимание языка — речи в учебном пособии Ф.М. Березина и Б.Н. Головина. Язык определяется здесь как «совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от языкового материала, в их коммуникативной готовности», а речь как «последовательность (взятых из языка) знаковых единиц общения в конкретном языковом материале в их коммуникативном применении» (36, с. 21). Из этих определений явствует, что язык и речь разграничены в своем существовании онтологически, поскольку находятся в разных «коммуникативных состояниях». При чем понимание языка «в коммуникативной готовности» и «в отвлечении от языкового материала», под которым имеются в виду устные и письменные тексты, дают основание заключить, что здесь говорится об отражении языка в сознании человека, т. е. о знании и владении языком, а собственно речь выступает как конкретное применение, реализация этого знания. Иными словами, это и подобные ему опре-

Как видим, категории отдельного и единичного у автора не разграничены.

деления возвращают нас к сосюрговской концепции «психичности» языка, поскольку внутримозговые процессы, связанные с функционированием языка, психичны в своей основе. Различные терминологические названия этих малоисследованных, практически недоступных процессов не прибавляют, в общем, ничего нового в познании как их, так и различных нейрофизиологических кодов, являющихся внутренними материальными субстратами этих психологических процессов. Но даже если бы эти процессы и были доступны для непосредственного исследования, не в них заключается сущность языка как средства общения.

В учебнике «Общее языкознание» под ред. А.А. Супруна (24) трактовка языка и речи, в общем, близка к рассмотренной выше, хотя терминологически выражена иначе. Язык понимается как «потенциальное явление, которое содержится в сознании людей в виде усвоенного с детства умения говорить, а также понимать передаваемые с помощью речи мысли и чувства других людей. Речь является конкретной реализацией, осуществлением этой потенции, превращением умения говорить в само говорение, или материальным воплощением этого умения» (24, с. 142—143). В этой книге в концентрированном виде повторяются характеристики языка и речи, восходящие к учению Соссюра. Речь индивидуальна, линейна, в отличие от языка, который, по мысли авторов, многомерен. Речь разворачивается во времени или в пространстве, в то время как языку эти качества не свойственны. Утверждается, что язык и речь — это две разные сущности, параметры и признаки которых отражаются и в языковых единицах. Поляризация этих сущностей находит выражение, например в противоположении: фонема — вариант фонемы, слово — вариант слова; для характеристики этих сущностей в синтаксисе авторы обращаются к трансформационной грамматике: глубинная структура предложения, характерная для языка, воплощается в поверхностных структурах речи.

§ 10. УТОЧНЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИЗУЧЕНИЯ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ ЯЗЫКА

Таким образом, в работах последних лет у отечественных ученых намечился общий диалектический подход к вопросу о языке и речи. Вместе с тем, в указанных работах отсутствует четкое и однозначное выделение тех сторон языковой действительности, которые соответствуют различным категориям диалектики. Речь идет, во-первых, о категориях, объясняющих способ и форму существования языка, его пространственно-временные границы как явления действительности, имеющего общественную природу; во-вторых, о категориях, показывающих противоречивый, диалектический характер познания языка.

Понимание природы языка, способа его существования, определе-

ние его как предмета изучения осложнено многими объективными факторами. К этому добавляются факторы субъективные, а именно: различные методологические подходы к этой проблеме, следуя которым авторы трактуют одни и те же стороны языка и речевой деятельности с принципиально различных позиций.

Само функционирование языка необходимо связано со многими процессами, которые объединяются общим понятием — речевая деятельность, включающая не только выраженную вовне речь, но и внутренние процессы порождения и восприятия речи. Между тем некоторые языковеды отождествляют язык с речевой деятельностью. Определение же языка как общего, постоянно реализуемого в речи, характеризует язык в качестве, так сказать, конечного продукта, результата речевой деятельности говорящих. С этой точки зрения язык — это исторически сложившаяся функционирующая в речи естественная знаковая система, служащая средством общения, передачи мысли с помощью определенным образом организованных артикулируемых звуков. Очевидно, что высказанные вовне те или другие произведения речи, представляющие собой факты реализации языка, — это, в сущности, видимая часть айсберга, итог взаимодействия целого ряда внутренних процессов и следствие участия в них многих органов человека. Это и реакция человека на внешние и внутренние импульсы, вызывающие речевую деятельность; и работа высшей нервной системы, связанная с восприятием и пониманием того или иного явления действительности; это и внутренняя переработка воспринятого, результатом чего формируется внутренне расчлененная мысль в потенциально знаковой форме, представляющей собой единство мысли и соответствующих ее выражению акустических образов; это и «программа» деятельности органов произношения, в результате чего вовне выражается звук (материальная сторона знака), находящийся в единстве с расчлененной мыслью, а потому способный вызвать у слушающего такое же единство.

Многие определения языка отражают отдельные звенья этого сложного, но вместе с тем единого процесса. Некоторые определения, как уже говорилось выше, отождествляют язык с речевой деятельностью вообще.

Языкознание занимается по преимуществу результатом, конечным продуктом этого многоступенчатого процесса.

Но также известно, что со времени В. Гумбольдта делаются попытки изучать язык как самую деятельность (5, с. 43), что предполагает исследование глубинных психологических процессов, связанных с функционированием языка. Как мы говорили выше, такое изучение — это сложная, комплексная проблема, разработка которой требует участия целого ряда наук. В этом аспекте изучения языка большое место должен занять анализ типовых условий функционирования языка и их

отражение, с теми или другими индивидуальными видоизменениями, в разного рода языковых стереотипах (38, с. 90—91; 39; с. 40, с. 8 и ел.).

Выше было замечено, что многие лингвисты отождествляют язык с практическим знанием языка, владением языком. При этом практическое знание языка рассматривается как знание общего и существенного в нем, поскольку мы владеем языком в отвлечении от его конкретного применения. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на вопросе о том, что собой представляет практическое знание языка.

Способность к языковой деятельности заложена в человеке от рождения. Она приобрела генетический характер и стала для человека социальной и биологической необходимостью, условием становления его как человека. Осуществление этой способности возможно только в обществе. Языковая деятельность формируется в определенном раннем возрасте человека одновременно с формированием его психики и развитием всех его органов. Случаи с «маугли» убедительно доказывают, какую ответственную роль играет в становлении человека ранний возраст, когда формируется язык на основе общения в человеческом коллективе. Освоенная языковая деятельность как определенная связь с объективным миром становится постоянно функционирующей деятельностью, необходимым существенным признаком человека, показателем его единства с внешним миром и обществом. Язык, языковое мышление — это канал постоянной человеческой связи и взаимодействия с другими людьми и действительностью, одновременно — это средство познания и отражения внешнего и внутреннего мира человека, его сущности. Овладев в обществе языковой деятельностью, человек уже «обречен» говорить и думать. Языковая деятельность реализуется в единстве с отражаемой и обозначаемой действительностью. Вне этого единства невозможно понять природу языка.

На основе слышимых и производимых бесчисленных актов речи человек научается произношению слов, запоминая их связи с определенными предметами, в результате чего у него формируются значения этих слов; он усваивает закономерные связи между словами, стереотипы их применения. Практическое знание языка — это «память опыта», по выражению В. Дорошевского (25, с. 87).

Под воздействием конкретных задач общения, конкретных связей с действительностью язык реализуется в речи говорящего фрагментарно, в виде отдельных, неповторимых актов речи, отражая такие же неповторимые ситуации. В процессе речи, в применении языка все внимание говорящего направлено на обозначаемое, предмет речи. Языковые элементы, составляющие высказывание, не являются специальным предметом этого высказывания; мы не думаем о них, когда что-либо сообщаем; как говорится, они остаются «за кадром». Поэтому языковые единицы и их значения, усвоенные говорящим в практике общения, выступают в конечном итоге ф о р м о й, в которую облекается

мысль, образованная в результате восприятия и понимания того или иного факта действительности. Владеть языком практически — это владеть им как формой.

В общем случае языковая деятельность лишена рефлексии. Из «памяти опыта» вызываются и актуализируются соответствующие воспринимаемому факту действительности элементы языка для отражения и обозначения этого факта. Поэтому практическое знание языка и владение им может уживаться с полным отсутствием научного знания о его устройстве, характере его единиц, закономерностях их применения и пр. Но в этом стихийном, произвольном применении языка проявляются его общие законы как явления действительности. Объективный характер законов языка объясняется общественной и естественной его природой, независимостью от воли отдельных людей. Как подчеркивал Потебня, язык, будучи орудием сознания, сам по себе создание бессознательное.

Практическое знание языка, умение осуществлять постоянно речевую деятельность не означает владеть сущностью языка. Язык как предмет науки должен быть объективирован и тем самым стать предметом специального наблюдения и познания. Сущность языка и открывается в этом познании. Владение языком — это не инобытие языка как общего и существенного в чисто объективной форме в сознании человека, а приобретенная в обществе, вследствие социальной и биологической необходимости, способность и возможность языковой (точнее — речевой) деятельности, реализация которой всякий раз обуславливается, в конечном счете конкретными потребностями общения.

§11. ДИАЛЕКТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

В объяснении способа существования действительных предметов диалектика оперирует рядом категорий, отражающих противоречивый характер существования предметов, единство внутренних противоположностей, определяющих их развитие (41, с. 189—208). Рамки же дихотомии «язык — речь», в которой язык обычно определяется как общее, а речь — частное, индивидуальное, — узки для непротиворечивого, объясняющего действительное положение вещей исследования этой проблемы.

Материальный мир существует в виде отдельных предметов, явлений, представляющих собой органическое, взаимопроникающее единство общего, единичного и особенного. Отдельное есть единство общего и единичного; в каждом случае это единство общего и единичного создает в предмете особенные черты, его качественное своеобразие по отношению к другим предметам данного порядка. В своем действительном существовании общее, входя

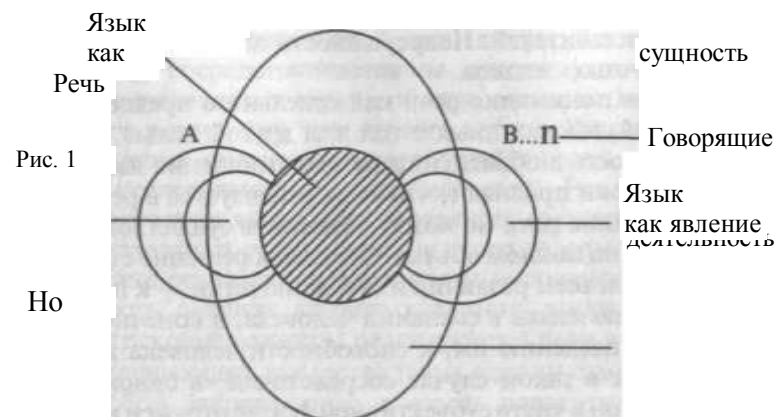
в отдельное, всегда является в индивидуальном виде, а индивидуальное есть не что иное, как всякий раз реализация этого общего. Общее — это организующая сторона отдельного, органически вплетенная, проникающая в единичное, индивидуальное, прорастающая в нем. Общее входит в содержание отдельного как его структурная, строевая часть, и будучи таковой, она представляет собой элемент формы этого содержания. Любой реальный предмет обладает как общими признаками, объединяющими его с соответствующим классом предметов, так и индивидуальными, отличающими его от всех других предметов этого класса. Общее и единичное, таким образом, в равной мере реально существуют; общее так же действительно и объективно, как и единичное. Рассматривать их самостоятельно, отдельно, вне их единства мы в равной степени можем в отвлечении, в абстракции.

Познание действительных явлений, поиск законов их развития, т. е. образование абстракций, необходимо ведет к разделению этих органически связанных сторон отдельного. Это необходимым гносеологический процесс.

Было бы методологической ошибкой придавать этим искусственно выделенным сторонам действительных предметов и явлений статус онтологически самостоятельных объектов вне того единства в отдельном, где они существуют, создавая его качественную определенность и своеобразие как предмета действительности. В этом случае продукты нашего отвлечения, т. е. стороны отдельного, рассматриваются как автономно существующие явления действительности либо отождествляются с тем отдельным, сторонами которого они являются. И в том и в другом случае это ведет к искажению действительности.

Язык — действительное явление, и к нему, как и любому действительному явлению, приложимы указанные категории диалектики, объясняющие способ его существования. С определением характера существования языка связано и определение пространственно-временных границ его относительно полной или представительной реализации как явления действительности.

Язык воспринимается в речи говорящих; следовательно, он и существует в речи говорящих или, точнее, он как явление действительности отождествлен с речью говорящих на данном языке. Отождествляя язык как действительное явление с речью, мы тем самым квалифицируем речь как отдельное, представляющее собой органическое единство общего и единичного. Однако в работах, касающихся проблемы языка в речи, в термин речь вкладывают смысл, близкий или тождественный одному из общеупотребительных значений этого слова. То есть речь — это предложение или цепь предложений, объединенных целью сообщения и потому представляющих собой определенное семантическое и грамматическое единство. Между тем дихотомия «язык — речь» с самого начала носит отчетливо выраженный онтологический характер, подчеркнутый Соссюром; ее основная задача — объяснить способ, форму существования языка как общественного явления.

общеупотребительное значение слова речь не имеет онтологического категориального смысла, и с его помощью невозможно непроворечно объяснить способ, форму существования языка. В отдельном предложении или в цепи высказанных по тому или другому поводу предложений язык как средство общения коллектива реализуется весьма фрагментарно. Язык — это сложная, разветвленная система и структура, включающая большое количество разноуровневых единиц, взаимодействующих между собой на различных основаниях. В семантике языка отражен и закреплен жизненный опыт коллектива. Любой элемент языковой системы можно понять только в связи с другими элементами этой системы; его существование и функционирование обусловлено единством с этой системой. Онтология языка предполагает реализацию языка в целом как общественного явления. Поэтому речь в онтологическом смысле, как отдельное, в котором реализуется язык в качестве действительного явления в относительно представительном объеме, имеет другие пространственно-временные границы. Такой представительной реализацией языка, т. е. отдельным, в котором в органическом единстве выступает общее и единичное, является все сказанное говорящим за всю его жизнь. Речь в онтологическом понимании есть весь корпус сказанного говорящим; она, таким образом, отождествляется с «личным языком», по терминологии Потесни. Речь показывает, как реализовался язык в качестве общего у данного говорящего, в его различных речевых образованиях: в отдельных актах речи, в диалогах, монологах, письмах, записках, статьях, документах и т. д. Полную свою реализацию язык как общественное явление получает в речи многочисленных представителей коллектива,

говорящего на данном языке. Язык как я в л е н и е отождествляется с речью этих представителей. Непрерывность общего языка складывается из конечных, «личных» языков.

У сторонников понимания речи как отдельного предложения или цепи предложений, высказанных с той или другой целью, обнаруживается половинчатость в объяснении взаимоотношения языка и речи. С одной стороны, они признают, что язык реализуется в речи. Однако такое узкое понимание речи не может объяснить существование в ней языка в относительно полном объеме. Отсюда обращение сторонников этого подхода — при всем различии их терминологии — к потенциальному существованию языка в сознании человека, в конечном итоге — к знанию языка и владению им, к способности человека к языковой деятельности. Язык в таком случае сосредоточен «в одном месте», в мозгу человека, где он в чисто субъективной форме отражен и закреплен в виде знания и умения им пользоваться.

Высказанное нами понимание языка как явления и как сущности, речи говорящего и речевой деятельности, взаимоотношение между ними можно следующим образом представить графически (рис. 1).

§ 12. ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ОТНОШЕНИИ К ЯЗЫКУ И РЕЧИ. ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В современном языкознании стало общепринятым рассматривать основные единицы языка в двух ипостасях, а именно: по отношению к языку и речи. Выше мы говорили, что онтологически язык выступает в виде речи; как явление язык и речь неделимы, представляя собой диалектическое единство. Определяя язык как реальность, имеющую общественный характер, доступную для изучения, некоторые лингвисты определяют язык как совокупность всех высказываний, которой пользуется в общении данный говорящий коллектив. Это одно из возможных реальных определений языка как явления действительности. Но, разумеется, вся совокупность высказываний и теоретически и практически не может стать предметом изучения науки о языке. Да в этом и нет необходимости. Наука открывает и изучает законы, по которым функционирует язык. Выделяя в речи общие, воспроизводимые элементы, образующие язык, их устойчивые связи и отношения, мы тем самым обнаруживаем свойственные им закономерности, что и является прежде всего предметом изучения науки о языке. Это необходимый гносеологический процесс познания языка как явления действительности. Поэтому, чтобы определить сущность языковых единиц, их связей и отношений, мы должны указать на общие, постоянные, инвариантные характеристики. Разумеется, наука может

интересоваться и тем конкретным содержанием, которое выражается с помощью тех или других языковых единиц. В этом случае интерес исследователя сосредоточивается на индивидуальных особенностях проявления сущностных характеристик языка, на его творческом использовании в речи того или другого автора. Речь последнего может стать предметом самостоятельного углубленного исследования (ср., например, исследования о языке писателей). Разумеется, в реальном функционировании языка цель говорящих состоит в выражении конкретных, актуальных содержаний; но в этих содержаниях произвольно и стихийно реализуются и сущностные признаки языка.

Сложность анализа языковых единиц заключается в том, что основные языковые единицы реализуются в речи в своих видоизменениях, не нарушающих тождества таких единиц самим себе и представляющих собой закрепленную в языке парадигму изменений. Так, фонема реализуется в виде своих аллофонов, морфема — алломорфов, слово — словоформ, словосочетание и предложение — в парадигме своих изменений. Члены парадигмы — это конкретные представители названных единиц; своего рода форма и способ их реализации в языке; следовательно, они также являются элементами системы языка. Каждый член парадигмы, таким образом, представляет собой единство как общих признаков, доказывающих его принадлежность к данной единице языка, ее тождество, так и признаков индивидуальных, особенных, указывающих на место члена в этой парадигме.

Так, например, в каждой словоформе (ср.: *рук-а, рук-и, рук-е* и т. д.) выражаются общие и индивидуальные признаки. Признаки, общие для всех словоформ, объединяют последние в одну лексему. Но словоформа обладает и такими своими признаками, которые обуславливают ее особенное положение в данной парадигме. Общность и индивидуальность признаков, их противопоставленность являются условием системной организации словоформ в лексеме. Лексема — это абстракция, но абстракция с реальностью. Реальность лексемы как единства словоформ дает основание говорить о слове как тождественной самой себе единице языка, несмотря на известные семантические и грамматические видоизменения, которые обнаруживаются в словоформах. Аналогичное можно сказать и о других конститутивных единицах языка (подробнее см. гл. IV).

Но в речи языковые единицы претерпевают и такие изменения, которые производятся говорящим и зависят от него. Обосновывая свою концепцию фонемы, Бодуэн заметил, что в речи произносится огромное количество звуков, различие между которыми вызвано особенностями произношения говорящих. Но эти субъективные особенности произношения не влияют на взаимопонимание людей. Все эти индивидуальные видоизменения звуков группируются вокруг определенно-

го количества типов звуков, характерных для данного языка. Таким образом, если одни видоизменения фонем вызваны типовыми условиями их реализации, характерными для системы языка (аллофоны), то другие обусловлены индивидуальными особенностями говорящих.

Значимость субъективных особенностей речи говорящих прямым образом связана с той ролью, какую выполняет в общении та или другая единица языка.

Указанные выше индивидуальные особенности произношения фонем относятся к внешней форме языка; они влияют на распознавание высших единиц языка, и прежде всего слова. Но что касается таких значимых единиц языка, как слово, словосочетание, предложение, то именно субъективные особенности их использования выступают показателем своеобразия речи человека, степени владения им средствами языка.

Своеобразие речи и творческие возможности говорящего особенно наглядно обнаруживаются в использовании коммуникативной единицы языка — предложения. Именно поэтому предложение, как коммуникативная единица, занимает в языке особое положение. Подчеркивая особую роль предложения, Л. Витгенштейн писал: «Предложение должно в старых выражениях сообщать нам новый смысл. Предложение сообщает нам положение вещей, следовательно, оно должно быть существенно связано с этим положением вещей...» (42, с. 45).

Именно в силу особенного положения предложения некоторые лингвисты обособляют предложение от других единиц языка, в частности, считают его речевой единицей (А.И. Смирницкий, В.А. Звегинцев). Но большинство языковедов выделяет в традиционно понимаемом предложении, по сути дела, две синтаксические единицы: предложение и высказывание. Последнее отождествляется со смыслом, выраженным предложением.

Индивидуальный смысл приобретает в речи и слово; в авторской творческой речи, особенно в поэзии, смысл стал предметом специального изучения. Но слово как носитель смысла не разделилось на две лексические единицы, принадлежащие соответственно языку (значение как обобщение, как закрепленная в значении понятийная схема) и речи (смысл, образованный в индивидуальных условиях общения).

В исследовании авторской речи предметом анализа может стать все творческое, оригинальное в использовании общеупотребительного языка: индивидуальные смыслы слов, словосочетаний, предложений; образность, сочетаемость слов, музыкальность, ритмичность речи и др. Но поскольку и в общеупотребительном, и в научном языке слова язык и речь нередко отождествляются, то по традиции говорят об изучении языка того или другого автора (например: язык Пушкина, язык Гоголя и т. п.).

1. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
2. Срезневский III. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. М., 1958.
3. Словарь русского языка/Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М.; Л., 1983; Т. IV, 984.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикография и лексикология. М., 1977.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Якоб Л.Г. Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи/Хрестоматия по русскому языкознанию. М., 1973.
7. Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
8. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
9. Бодуэн дэ Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
10. Богородицкий В.А. Лекции по общему языкознанию. Казань, 1919.
11. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
12. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1959.
14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1979.
15. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
16. Горский Д.П. Определение. М., 1974.
17. Зегет В. Элементарная логика. М., 1985.
18. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
19. Хамский Н. Синтаксические структуры//Новое в лингвистике. Вып. 2, М., 1962.
20. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
21. Брёндаль В. Структурная лингвистика//История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960.
22. Гардинер А. Различие между языком и речью//История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960.
23. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
24. Общее языкознание. Минск, 1988.
25. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
26. Коржинек ИМ. К вопросу о языке и речи//Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
27. Шарадзенидзе ГС. Проблема взаимоотношения языка и речи. Тбилиси, 1974.
28. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
29. Ломтев А.А. Общее и русское языкознание. М., 1976.
30. Слюсарева НА. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
31. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
32. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М., 1979.
33. Горопцев И. С. Язык и речь. Воронеж, 1985.
34. Савченко А.И. Лингвистика речи//Вопр. языкознания, 1986, № 3.
35. Трубецкой НС. Основы фонологии. М., 1960.
36. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
37. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
38. Общее языкознание. М., 1970.
39. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982.
40. Павлов В.М. Понятие лексем и проблема отношений Синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
41. Шентулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967.
42. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

III. ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА ОСОБОГО РОДА

§ 13. ИСТОКИ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАКОВ

Проблема знаковости языка — одна из активно разрабатываемых проблем не только в языкознании, но и в других науках — логике, логической семантике, философии. В XX в. на основе изучения различных знаков сформировалась новая наука — семиотика (от греч. *semeion* — знак, признак), изучающая знаки и знаковые системы в человеческом обществе и животном мире. Однако корни этой науки уходят в глубокую древность. Считается, что родоначальниками общей теории знаков были стоики, философская школа в Древней Греции (III в. до н. э.). Древнегреческий философ Секст Эмпирик донес до нас взгляды стоиков на языковой знак (1, с. 69). Знаменательно то, что стоики открыли те элементы, или «вещи», которые образуют так называемую **знаковую ситуацию**, или **семиозис** (см. ниже), — условия, необходимые для функционирования знака. Это знаменитая триада, два компонента которой являются телесными и один бестелесный (т. е. идеальная сторона знака, существующая в мозгу человека). Суждения древних о строении знака, представленные схематически, воспроизводят известный треугольник, который встречается во многих современных работах о языковом знаке и его значении (рис. 2<).

Разумеется, современная наука точнее и глубже представляет себе компоненты знака и знаковой ситуации (ср. характер звуков человеческого языка, составляющих материальную сторону знака; структура и природа значения как идеальной стороны знака; характер предметного отношения знака, или референции). Однако общая картина знаковой ситуации очерчена стоиками верно.

Большинство современных лингвистов рассматривает естественный язык как знаковую систему с существенным дополнением, что это система особого рода.

Еще совсем недавно велись оживленные споры о том, можно ли считать язык знаковой системой. И в настоящее время есть ученые, которые с осторожностью говорят о естественном языке как знаковой

Рис.2

системе либо вовсе не признают его таковым. И это не случайно. В научных работах и в учебных пособиях по теории языкознания весьма распространен взгляд, что естественный язык, в сущности, не отличается от других знаковых систем, в том числе и в животном мире. Языковой знак определяется с точки зрения семиотики, общей теории знаков. Когда под одно понятие и определение подводятся биологические знаки — сигналы среди животных, различного рода конвенциональные (т. е. введенные по соглашению, условию) знаки и знаки собственно языка, то это не может не вызвать возражений. С точки зрения общей теории знак определяется как сигнал, являющийся носителем какой-либо информации. Сигналом может выступать любой предмет или явление (действие, признак и т. д.). Знак всегда указывает на нечто, отличающееся от него самого, т. е. на предмет, действие, отношение, которые он обозначает. Этот предмет (действие, отношение и т. д.) выступает источником значения знака. Ниже будет показано отличие собственно языкового знака от других знаков, используемых человеком, а также от знаков в животном мире.

§ 14. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАКОВ

В современной семиотике выделяются несколько направлений изучения знаков и знаковых систем (2). Эти направления охватывают не только разнообразные знаковые системы, применяемые в человеческом обществе, но исследуют и знаки-сигналы в животном мире.

Так, **биосемиотика** занимается исследованием систем сигнализаций в животном мире (брачные танцы различных животных, звуковые сигналы животных, например дельфинов, различного назначения танцы пчел и др.).

Этносемиотика изучает в разных аспектах знаковые систе-

мы, связанные с бытом, культурой народов как малоразвитых, первобытных, так и высокоразвитых (семиотическое значение поведения людей в обществе, знаковая роль различных обрядов, знаковая символика одежды, различных игр, танцев и др.).

В настоящее время активно развивается семиотика искусства, изучающая характер знаков и знаковых систем, свойственных различным видам искусства в широком смысле слова (театр, балет, кино, художественная литература, живопись, архитектура и др.). Своеобразие различных форм отражения действительности, эстетические, художественные принципы, характерные для разных видов искусства,— все это обуславливает в каждом случае особую природу самих знаков и знаковых систем этого рода — их материальной стороны и выражаемых с ее помощью идей и значений, иными словами,— специфику «языка» того или другого искусства.

Лингвосемиотика изучает естественный язык с точки зрения его знаковой природы и выполняемых функций. Язык понимается как универсальная знаковая система особого рода. Ее своеобразие, по сравнению с другими знаковыми системами, мы рассмотрим в последующем изложении.

Абстрактная семиотика представляет собой теорию об общих законах функционирования знаковых систем, включая естественный и конвенциональные формальные языки. Абстрактная семиотика — это своего рода алгебра языка, понимаемого в широком смысле слова.

В соответствии с различными направлениями изучения знаков меняется и их определение. Однако строгое разделение в определениях различных по своей природе знаков далеко не выдерживается.

§ 15. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЗНАКОВ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Знаки, связанные с человеческой деятельностью, можно разделить на три основных типа.

1. Первое место занимают собственно языковые знаки. По своей природе, происхождению, выполняемым функциям языковой знак существенно различается от других видов человеческих знаков. Предварительно отметим, что язык — универсальная система знаков, первичная по отношению ко всем другим человеческим знакам; она не конвенциональна, не создана по условию или соглашению, а объективно сформировалась в результате длительной эволюции человека в процессе его деятельности и общения, став социальной и биологической необходимостью становления человека как разумного общественного существа.

2. Многочисленны и многообразны в человеческом обществе раз-

личные конвенциональные системы знаков, т. е. системы, образованные по условию и соглашению, несущие и воспроизводящие определенную социальную информацию. Диапазон функций, выполняемых этими знаками в обществе, весьма широк, начиная с простейших (сигнализация на дорогах, реках, морях, железных дорогах, аэропортах, знаковая роль различных обрядов, игр, танцев и др.) и кончая формальными языками разных наук, приобретшими известную эвристическую роль в науке и тем самым ставшими незаменимым средством в познании действительности (ср. символические языки в математике, физике, химии и других науках). Общей чертой этого типа знаков является их вторичность, конвенциональность, воспроизводимость. Эти знаки выполняют разнообразную роль в обществе — в регулировании жизни людей, их поведении, в познании действительности и др. Среди конвенциональных знаковых систем исключительно важную роль выполняет письменность.

3. К третьему типу относятся так называемые естественные знаки (В. Дорошевский). Естественным знаком называется предмет (или явление), находящийся в интерпретируемой человеком причинно-следственной, пространственно-временной и иной связи с другим предметом или явлением. Так, дым есть знак того, что что-то горит; туча,— что собирается или будет дождь; молния,— что загремит гром; и т. п. Естественные знаки «не являются выражением чьего-то желания информировать нас о чем-то» (З, с. 95), и это считается главным отличием естественных знаков от языковых и конвенциональных. Естественные знаки не несут постоянной закрепленной за ними социальной информации. Вне наблюдения и интерпретации человека — это объективно совершающиеся естественные процессы и явления. Человек интерпретирует причинно-следственные, пространственно-временные связи явлений, в которых один член такой связи служит человеку знаком или сигналом другого. Связи многих окружающих человека предметов и явлений постоянны, понятны и привычны для него, поэтому интерпретация таких связей приобретает социальный характер.

§ 16. КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА А.А. ПОТЕБНИ И ЕГО ШКОЛЫ

Одним из первых ученых, разработавших концепцию языкового знака, был профессор Харьковского университета, глава Харьковской лингвистической школы А.А. Потебня. Он не оставил специальной работы, посвященной языковому знаку как таковому. Но в своей исследовательской практике и теоретических воззрениях он исходил из понимания языка как системы знаков. Много ценного Потебня внес в изучение узловой единицы языка — слова как знака. В исследованиях

Потебни слово как знак имеет сложное строение; это касается как его семантики, так и материальной стороны.

Языковой знак не только обеспечивает общение людей. Основоплагающей функцией знака Потебня считает способность знака делать более доступными и близкими для наблюдения, анализа и познания предметы и явления действительности, которые без знака были бы трудно доступными либо недоступными вовсе. Знак может обозначать не только видимые реальные предметы, но и их качества, свойства, отношения и оперировать ими, отраженными и закрепленными в знаке, как чем-то отдельным. Об общих свойствах знака Потебня, в частности, пишет: «Когда говорим, что А значит или означает Б, напр., когда, видя издали дым, заключаем: значит, там горит огонь; то мы познаем Б посредством А. А есть знак Б, Б есть означаемое этим знаком, или его значение. Знак важен для нас не сам по себе, а потому, что, будучи доступнее означаемого, служит средством приблизить к себе это последнее, которое и есть настоящая цель нашей мысли. Означаемое есть всегда нечто отдаленное, скрытое, трудно познаваемое сравнительно со знаком» (4, с. 16 и сл.).

Обобщая взгляды Потебни на языковой знак, высказанные им в разных своих работах, мы можем следующим образом представить структуру языкового знака (слова).

Началом человеческой мысли является чувственное восприятие и его комплексы (чувственные образы). Чувственное восприятие не может непосредственно быть выраженным в языке. Поэтому между чувственным восприятием и мыслью, выраженной расчлененно с помощью языковых форм, существует «внеязычное содержание», образованное на основе этого восприятия и по н и м а н и я воспринятого. «Внеязычное содержание» может быть по-разному препарировано и выражено с помощью различных языковых средств (ср.: *черный* — *чернеть* — *чернь*; *веселый* — *веселиться* — *веселье* — *весело*; *меченосец* — *меченоса* — *тот, кто носит меч* — *носящий меч* — *меченосный*...). Новое «внеязычное содержание» выражается и обозначается с помощью слова. В образовании слова участвуют различные языковые элементы, которые, в свою очередь, образуют внешнюю и внутреннюю формы слова. Внешняя форма слова как знака — это звук, но звук, как подчеркивал Потебня, сформированный мыслью. Звук в слове всегда связан с мыслью. И в образовании нового слова звук участвует только потому, что ранее применялся для выражения мысли. В слове звук, т. е. внешняя форма, выступает в единстве с формой внутренней. Внешняя и внутренняя формы образуются вместе, они предполагают друг друга. Внутренняя форма слова — это «представление в слове внеязычного содержания», признак, положенный в основу названия и выступающий «смысловым знаком» значения слова. Поэтому внешняя форма слова, или звук, понимается как знак знака.

Если внутренняя форма содержит, как правило, один признак, то

Чувственное восприятие
и его комплексы

Действительность

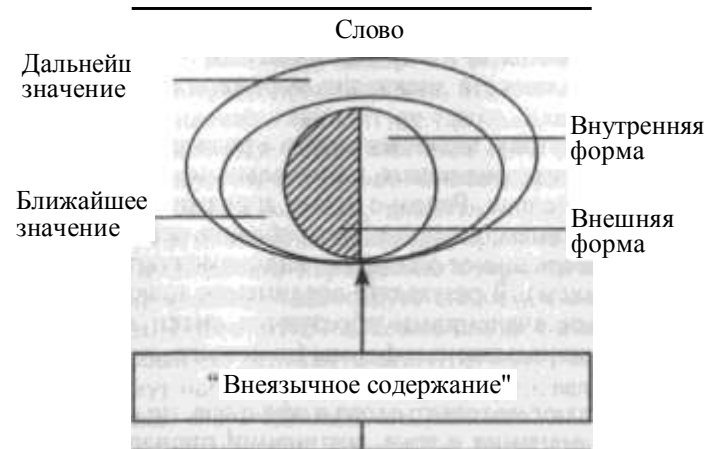

Рис.3

значение слова представляет собой множество признаков, будучи отражением предмета или явления действительности. Значение слова имеет строение, является сложной подвижной структурой. В слове как в знаке Потебня выщелает как бы два семантических уровня: ближайшее и дальнейшее значения. Ближайшее значение народно, оно представляет собой семантический минимум, необходимый для взаимопонимания говорящих на данном языке. Дальнейшее значение лично, это значение научного термина, содержащего итог познания обозначаемого данным словом явления действительности. И хотя это значение лично, однако именно в нем мысль достигает наибольшей объективности. Для наглядности строение знака, по Потебне, представим в следующем виде (рис. 3).

§ 17. ВЗГЛЯДЫ НА ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА И ЕГО ШКОЛЫ

Язык как знаковую систему рассматривал выдающийся русский лингвист, глава Московской лингвистической школы Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914), а также другие представители этой

школы. В его понимании «язык представляет... совокупность знаков главным образом для мысли и выражения мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» (5, с. 111).

Язык, по Фортунатову, включает разного рода знаки. Прежде всего выделяются знаки с материальным, или реальным, значением, примером которых служит слово. Рядом с этими знаками существуют знаки с формальным значением, которые, употребляясь совместно со знаками, имеющими материальное значение, видоизменяют последнее (ср. разного рода аффиксы). В результате соединения знаков с материальным и формальным значениями образуются знаки языка, которые заключают в себе так называемые формы (например, *рук -а, рук-е, рук-и* и т. п.).

Знаками выступают не только слова и аффиксы, но и произносимые в процессе речи изменения в тоне, интонации произносимых знаков языка. Такие изменения тона, интонации (ср.: вопросительная, восклицательная, повелительная интонации), с которыми изменяются значения языковых знаков и которые носят социальный характер, Фортунатов называет знаками речи.

Знаки чувствований существуют в единстве со знаками мысли, взаимодействуя друг с другом в речи. К таким знакам принадлежат слова-междометия (*ах! ой! Боже!* и т. п.). Слова-междометия, представляющие собой определенные звуки или комплексы звуков, служат как знаками для обозначения чувствований, так и употребляются как невольное выражение этих чувствований.

Знаками для нашего мышления являются не только названные выше слова и связанные с ними элементы (аффиксы, интонации), материалом для которых служат звуки, но и язык жестов, мимика, существующие рядом с языком слов. Предметом изучения языковедения является язык слов, который по своей природе более совершенен, по сравнению с жестами и мимикой. Но, как замечает Фортунатов, «чтобы понять физические и духовные условия, делающие возможным появление языка, необходимо принимать во внимание и другие выражения мыслей и чувствований в наших движениях» (5, с. 125).

По мнению Фортунатова, существенным признаком языковых единиц (слов, аффиксов и др.), доказывающим, что они служат в системе языка именно знаками, является то, что в процессе мысли и речи мы думаем не о данных единицах как звуках и звуковых комплексах, а о других «духовных явлениях», ассоциирующихся с ними (и представлениях о них) по смежности, сходству и т. д. Представления о звуках и звуковых комплексах — это также духовные явления. Связанные между собой, ассоциирующиеся по смежности и сходству различного рода духовные явления способны воспроизводить друг друга.

Важной характеристикой языка ученый считает то, что язык не элько отражает действительность, т. е. то, что «дается для мышления», но вносит и свое в процесс мышления. Не только язык зависит от мышления, но и мышление зависит от языка. Язык вносит в воспринимаемую и отражаемую действительность свое членение. Язык способствует отдельному, относительно самостоятельному отражению, пониманию и познанию качеств, свойств, признаков предметов и тлений, тогда как эти качества, свойства, признаки мы воспринимаем представляем в единстве, неразрывно с предметом или явлением, [зык как система знаков способствует анализу и синтезу в познании действительности. Более того, языковые знаки позволяют отразить и юнять такие явления действительности, которые по физическим фичинам не могут быть восприняты и воспроизведены.

Таким образом, Фортунатов и его ученики, как и Потебня, подчеркивали исключительную важность для жизни человека языка как шаковой системы. Прежде всего они видели важность в том, что язык делает доступными для отражения и познания такие явления действительности, какие без знака не были бы доступны вообще. В практике деловика, в общении знак позволяет оперировать предметами в «снягом» виде: мы оперируем знаками, обозначаемыми ими значениями (понятиями о соответствующих предметах, их отношениях и т. д.) как бы самими предметами. Знак выступает заместителем класса предметов или явлений, которым мы свободно орудуем в своей речи, в своих мыслительных операциях, в то время как в непосредственном восприятии нам даны конкретные предметы. Отсюда огромное познавательное значение языковых знаков.

Ученик Фортунатова, В.К. Поржезинский, подчеркивая эту сторону знака, писал: «Нетрудно понять, какое огромное значение имеет язык слов для умственного развития человечества. Представления звуковой стороны слов являются для нас удобопроизводимыми знаками таких предметов мысли, которые принадлежат к категориям духовных явлений, с трудом или вовсе не воспроизводимых по физическим причинам...» (6, с. 13).

Идеи Потебни и Фортунатова и их последователей оказали сильнейшее влияние на отечественное языкознание и продолжают оказывать на современную науку.

Формирование различных концепций знака и самой науки о знаках — семиотики, или семиологии, относится к концу XIX — началу XX в. и связано с рядом зарубежных ученых. Существенную роль в истории науки о знаках, и в частности в развитии представлений о языке как знаковой системе, занимающей особое место среди других знаковых систем, сыграли концепции Ч. Пирса, Г. Фреге, Ф. Соссюра и др. Ниже кратко изложим их понимание знака вообще, и языкового в особенности.

§ 18. УЧЕНИЕ О ЗНАКАХ Ч. ПИРСА

В отечественной литературе Чарлз Сандерс Пирс (1839—1914) более известен как один из основателей философского направления прагматизма. Однако он, кроме того, является одним из родоначальников общей теории знаков, которая оказала и продолжает оказывать сильное влияние на современные знаковые концепции.

В своей концепции знака Ч. Пирс выделяет знаковые отношения и знаковый процесс. Это две основополагающие категории в теории знака Ч. Пирса.

Знаковые отношения представляют собой несколько уточненную известную триаду, которую — в другом истолковании, — как мы убедились, находим еще у древних греков. Триадическая природа знака означает: а) наличие прежде всего какой-либо вещи, выступающей как знак; б) чтобы эта вещь была знаком, она должна «репрезентировать нечто другое, называемое ее объектом» (7, с. 179); в) всякий знак необходимо предполагает его интерпретацию какой-либо мыслью, для которой он является знаком. Ч. Пирс высказал свое понимание знака в следующей формуле: «Знак есть некоторое А, обозначающее некоторый факт или объект В для некоторой интерпретирующей мысли С» (7, с. 179). В схематически представленном семиотическом треугольнике особую роль играет интерпретирующая мысль.

Различный характер знакового отношения между компонентами триады позволяет Ч. Пирсу выделить три основных типа знаков.

Знаком определенной вещи может служить другой предмет в силу своего сходства с нею. Именно поэтому знак может представлять обозначаемую вещь. Этот вид знаков, как видим, отражает непосредственные отношения и связь между А и В. Это так называемые иконические знаки. Виды таких знаков, наблюдаемых в обществе, весьма разнообразны. «Знак, — писал Ч. Пирс, — может служить знаком просто потому, что ему случилось быть похожим на свой объект» (7, с. 184). Примером иконических знаков являются географические карты, диаграммы, чертежи, различные схемы и др. Иконический знак — это как бы модель, изучение которой раскрывает свойства объекта. Иконический знак не только обозначает свой объект, но и непосредственно отражает его. Поэтому иконическим знаком выступает и идеальное отражение объекта в сознании человека, т. е. мысль об этом объекте. «Любая вещь, — писал Ч. Пирс, — будь то качество, существующая вещь или закон, есть иконический знак любой вещи в той мере, в какой он подобен этой вещи и употребляется как ее знак» (7, с. 184).

Индексом называется знак, находящийся в непосредственной связи со своим единственным объектом. Индекс как знак становится таковым в силу того, что объект реально воздействует на него. Он не требует сходства со своим объектом (во всяком случае не всегда и

тачительного): ср. след ноги, стекло с отверстием от пули, нарисованный указательный палец, показывающий направление движения и По Пирсу, функцию знаков-индексов могут выполнять некоторые местоимения (*этот, тот*), частицы (*вот*), наречия (*здесь, теперь*) и др.

Подлинным знаком, считает Ч. Пирс, является символ, потому что «осуществляет свою функцию независимо от какого-либо сходства или аналогии со своим объектом и равным образом независимо от какой-либо фактической связи с ним, но единственно и просто потому, что он интерпретируется как репрезентамен» (7, с. 196), т. е. как представитель обозначаемого. Связь между символом и объектом совершенно условная. Естественные свойства символа не предполагают никакой связи с объектом, поэтому важнейшим условием функционирования символа как знака является интерпретирующая мысль (интерпретанта). «Символ есть знак, — замечает Ч. Пирс, — который утратил бы свойства, делающие его знаком, если бы не было интерпретанты» (7, с. 196). Символы становятся знаком в силу инстинкта, привычки, соглашения и т. д. Типичным символом, по Ч. Пирсу, является слово, предложение, математические знаки. Символ существенно отличается от иконического и индексального знаков по характеру отношений с членами триады. Символ не имеет сходства со своим объектом и не находится с ним в какой-либо естественной или физической (причинной) связи. Символ выступает знаком только потому, что интерпретируется как знак данного объекта.

Важной категорией концепции знака Ч. Пирса является знаковый процесс. По Ч. Пирсу, это непрерывный, в сущности, бесконечный процесс. Знак потому является знаком, что может быть интерпретирован в другом знаке; интерпретирующая мысль является также знаком, который может, в свою очередь, интерпретироваться новым знаком — и так до бесконечности. «Значение знака, — пишет Ч. Пирс, — есть знак, в который он должен быть переведен» (7, с. 230). Для Ч. Пирса мысль имеет природу иконического знака, отражающего объект. Но и сам объект имеет природу знака, поскольку только при таком условии он может воздействовать на знак.

Теория Ч. Пирса содержит некоторые верные положения, прежде всего касающиеся классификации знаков, знаковых отношений, характеристик различных типов знаков. Идеи Ч. Пирса получили распространение в общей семантике и в частных ее направлениях. Однако философские и методологические основания концепции Ч. Пирса вызывают замечания.

1. Совершенно бездоказательным является положение Пирса о знаковой природе самих объектов. Он также утверждает, что мысль, понятие суть знаки; иными словами, наше мышление имеет знаковую природу. Это суждение противоречит многим представлениям о харак-

тере нашего мышления и отражаемой им действительности и остается так же бездоказательным.

2. Согласно теории Пирса, основополагающим свойством знака является его способность интерпретироваться другими знаками; знаковый процесс — это, по Пирсу, бесконечный процесс. Однако в этом основополагающем суждении Пирса все поставлено на голову. Интерпретация знака другим знаком не есть имманентное, внутреннее свойство знака как такового, оно обусловлено богатством, бесконечностью обозначаемого предмета, явления действительности и способностью нашего мышления и познания отражать это богатство и бесконечность. Возможность обозначения Пушкина множеством наименований-знаков (*создатель национального русского литературного языка, автор «Евгения Онегина», автор «Полтавы»* и т. д.) обусловлена не собственно знаком «*Пушкин*» (людей с такой фамилией много), а признаками самого поэта. И так в любом другом случае. У Ч. Пирса роль знака гипертрофирована. Сам знак, его материальная сторона, — не более чем ярлык, содержание же знака зависит от отражаемого и обозначаемого объекта.

3. Если новое знание, по Пирсу, достигается путем интерпретирования знаков с помощью самих же знаков, то напрашивается парадоксальный вывод, что все наше знание, в том числе и будущее, как бы атомарно растворено в функционирующих знаках и что эмпирическое исследование само по себе не несет нового знания. По этому поводу исследователь творчества Ч. Пирса Ю.К. Мельвиль пишет: «Соотношение знака с внеязыковой действительностью исключено из семиотического процесса. Между тем только с учетом этого соотношения можно говорить о значении как гносеологической категории» (7, с. 237).

§ 19. УЧЕНИЕ О ЗНАКАХ Г. ФРЕГЕ

Продуктивную концепцию знака естественного и формальных языков предложил Готтлоб Фреге (1848—1925), немецкий логик и математик, один из основателей математической логики и семиотики. Свою теорию знаков, или имен, Г. Фреге обосновал на примере конкретных названий естественного языка, распространив ее затем на абстрактные названия и символику формальных языков. Цель теории — вскрыть единые логические и семиотические основания знаковых систем: естественного и формальных языков, прежде всего математики и логики. Знак, или имя, Г. Фреге понимает расширительно; это может быть слово, выражение, символ, которые являются названием реально существующего предмета. Сам предмет в теории Г. Фреге выступает значением имени. Поэтому знак представляет собой собственное имя предмета.

Языковой знак, или имя, представляет собой сложную структуру. В имени Г. Фреге выделяет следующие компоненты. 1. Значение, под которым, как говорилось выше, Г. Фреге понимает собственно предмет, обозначаемый именем. 2. Смысл имени, т. е. способ, каким представляется и обозначается предмет в самом имени; смысл отражает способ представления обозначаемого данным знаком (8, с. 181—210; 9, с. 17). Имена, обозначающие один и тот же предмет, т. е. имеющие одно и то же значение, могут выражать разные смыслы (ср.: «*Утренняя звезда*» = «*Вечерняя звезда*» = *Венера*; *Вальтер Скотт* = *автор «Веверлея»* и т. п.). Смысл — важнейшая категория знаковой теории Г. Фреге; последняя больше известна как «теория смыслов». 3. В определенных условиях имя выражает понятие, которое, по Фреге, имеет предикативную природу, т. е. выражает квалификацию обозначаемого (ср.: «*Этолошадь*», «*Это дерево — ясень*» и т. п.). 4. Наконец, с именем может ассоциироваться представление об обозначаемом предмете, которое, хотя и субъективно, индивидуально, но не лишено основных признаков обозначаемого.

Имена могут быть трех категорий, обозначающие: а) реальные предметы; б) понятия; в) функции (отношения). Если в естественном языке знаки, выражающие эти категории, не различаются, то в языке науки, в частности в формальном языке логики, различие этих категорий в знаках необходимо.

Отношение между именем (= знаком), значением и смыслом Фреге резюмирует следующим образом: знаку соответствует определенный смысл; последнему, в свою очередь, — определенное значение; в то время как значению принадлежит не обязательно один знак и, следовательно, не обязательно один смысл.

В противоположность Ч. Пирсу, Г. Фреге весьма осторожно оценивает роль знаков в познании, особенно знаков, лишенных строения, т. е. не мотивирующих обозначаемое, символов (10, с. 92). Обозначение вещи некоторым знаком, замечал он, не дает нам, разумеется, знания о самой этой вещи. Однако сложные имена, имеющие строение, отражающие наш подход и способ обозначения предмета, мотивирующие наименования, несут определенное действительное знание о предмете.

Теория смыслов Фреге позволяет непротиворечиво объяснить характер так называемых «пустых имен», т. е. таких наименований, которые понятны, но которые не обозначают реально существующих предметов (ср.: «*нынешний король Франции*», «*самое удаленное от Земли тело*», «*ведьма*» и т. п.). Согласно теории Фреге, такие имена имеют смысл, но лишены значения. К таким именам Фреге относит имена персонажей художественных произведений («*Дон-Кихот*», «*Евгений Онегин*» и т. п.). Подобные имена не чужды и науке (ср.: «*флогистон*», «*эфир*», «*Атлантида*» и др.).

Теория Г. Фреге дает возможность подвергнуть семиотическому

анализу не только «пустые имена», но и такие названия, которые искажают действительное отношение смысла и значения, т. е. выражающие заблуждения или намеренную ложь. Таких имен немало, например, в политическом словаре любого языка. Авторы, вводящие такие имена, либо недостаточно представляют себе значение (предмет), либо имеют целью намеренно ограничить понимание обозначаемого предмета или лица (= значения) уровнем вводимого данным именем смысла,

т. е. представлять действительный предмет или лицо так, как они заданы в смысле имени (ср.: «враг народа» — о репрессированных людях в годы большевистского правления; «великий зодчий коммунизма», «полководец всех времен и народов», «корифей науки», «отец народов» — о Сталине и т. п.).

Анализ выражения именами истины или лжи становится одной из актуальных задач в современном языкознании.

§ 20. КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА Ф. де СОССЮРА

Ни одна другая теория знака не оказала такого сильного влияния на языкознание XX в., как концепция Соссюра.

Для Соссюра языковой знак — это двусторонняя психическая сущность. Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ, под которым понимается психический отпечаток звучания в мозгу человека. Схематически Соссюр изображает знак следующим образом (рис. 4). Соссюр замечает, что акустический образ имеет чувственную природу, но он менее абстрактен, чем понятие. Оба эти элемента взаимно предполагают друг друга. Соссюр предлагает заменить термины понятие и акустический образ соответственно на *о з н а ч а е м о е* и *о з н а ч а ю щ е е*.

Знак, по Соссюру, обладает двумя свойствами первостепенной важности: произвольностью и линейностью.

Соссюр считает, что связь между означающим и означаемым, т. е. между акустическим образом и понятием, произвольна. Понятие «сестра», например, не связано никаким внутренним отношением с последовательностью данных звуков. Это, в частности, доказывается тем, что данное понятие в других языках выражается другими сочетаниями звуков. Означающее не мотивировано, произвольно по отношению к данному означаемому, между ними нет никакой естественной

связи. Язык, по Соссюру, целиком психичен; звук — явление материальное, поэтому он не относится к языку. Отсюда вытекает и произвольность знака. Звуковой характер означающего — случайность; звук используется только потому, что он более удобен в общении, по сравнению с другими означающими, например с жестами. Перевод звука в другие означающие (ср.: письмо) служит, по Соссюру, также доказательством произвольности знака. Эта сторона концепции Соссюра была подвергнута критике рядом языковедов (см., например, развернутый анализ взглядов Соссюра в книгах Э. Бенвениста, Ф.М. Резина, Б.Н. Головина и др.).

Многие представители классического языкознания не считали связь между звуком и значением произвольной, а звук — не относящимся к языку, случайным по отношению к нему явлением. В. Гумбольдт подчеркивал, что звук по своей природе более всего приспособлен к выражению мысли. Более того, он сам по себе способен вызывать определенные впечатления, образы, душевные переживания (ср.: музыка). Генетически образование и развитие членораздельного звука шло в органической, внутренней связи с формированием и членением мыслительных образований, их дискретностью. Звук, утверждал Потебня, сформирован мыслью; в языке он всегда связан с выражением мысли. В образовании нового слова звук участвует только потому, что и прежде был связан с мыслью. Поэтому связь между звуком и значением не может быть произвольной, она необходима.

Возможность же замены звука (означающего) другим означающим обусловлена не произвольностью означающего, а разой родой этих двух сторон знака, а именно: материального и идеального. Материальную сторону знака (звук) мы можем по условию заменить другим каким-либо материальным явлением, например буквенным начертанием, при неизменности понятия (значения) как идеального, существующего субъективно.

Как считает Соссюр, с произвольностью знака связано и другое свойство знака: говорящий не может его изменить. «...Знак произволен,— пишет Соссюр,— он не знает другого закона, кроме традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» (11, с. 107). Невозможность субъективного изменения знака вызвана не его произвольностью, а общественной природой языка как знаковой системы, объективным характером его функционирования и развития.

Второе свойство языка, о котором говорит Соссюр,— это линейность означающего. «Означающее разворачивается во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия» (И, с. 103).

Положение Соссюра можно было бы принять, если бы под означающим понимать звук как физическое явление (звуковые волны), служащее материальной одеждой наших мыслей. Однако Соссюр под-

черкивает, что означающее — это не материальное звучание, а психический отпечаток звучания, представление. Поэтому этот тезис Соссюра остается далеко не ясным. Носит ли акустический образ (а знание языка предполагает владение множеством акустических образов) линейный характер? Кроме того, высказывание в речи той или другой мысли предполагает развертывание во времени и ее, т. е. не только означающего, но и означаемого; они ведь существуют в единстве. К сожалению, эти и другие вопросы остаются в концепции знака Соссюра без ответа. Как говорилось выше, более подробный анализ и критика взглядов Соссюра содержатся в целом ряде работ.

§ 21. СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ О ЯЗЫКОВОМ ЗНАКЕ

Разумеется, языкознание интересуют прежде всего языковые знаки и язык как система знаков. Между тем в теоретических работах и в учебных пособиях по общему языкознанию, как правило, даются определения без учета специфики собственно языковых знаков. Возьмем некоторые из этих определений.

«Знаком называется служащий для обобщенного наименования реалий материальный факт, связанный с ними естественными или условными отношениями и преднамеренно используемый для обработки, накопления и передачи знаний» (12, с. 128). Очевидно, что этим определением охватываются как языковые, так и все виды конвенциональных знаков. Следующее определение также носит весьма расширительный характер: «Условимся... считать знаком любой материальный носитель социальной информации. А информацией будем называть след, оставляемый в объекте (системе) А воздействием объекта (системы) Б» (13, с. 111). Данные определения лингвистов, в сущности, не отличаются от чисто семиотических, общих определений знака, как, например, следующее: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) в используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем» (14, с. 9).

Некоторые авторы имеют целью определить собственно языковой знак: «Языковой знак — показатель, выразитель данного языкового значения» (15, с. 158), «...Языковой знак — двусторонняя единица, способная быть воспринимаемой и нести закрепленную информацию» (16, с. 126).

Выше мы познакомили читателя с содержанием наиболее влиятельных концепций знака в отечественной и зарубежной науке. К сожалению, весьма конструктивные взгляды на язык как знаковую систему Потебни, Фортунатова не получили в языкознании, и прежде всего в

отечественном, достойного развития, хотя к настоящему времени существует огромная литература по проблемам языкового знака. Здесь можно указать на работы В.Н. Волошинова, А.Ф. Лосева, И.С. Нарского, Л.О. Резникова, В.А. Звегинцева, Э.Г. Аветяна, А.Г. Волкова, Э. Бенвениста, А.А. Ветрова, Г. Клауса, Ю.К. Мельвиля и многих других.

Ниже кратко будут изложены наши представления о языковом знаке, его типологии, качественной определенности, своеобразии и основных выполняемых им функциях и др. Эти представления сложились в результате знакомства с обширной литературой по данной проблеме, а также собственных наблюдений над функционированием языковых единиц. Но прежде нам хотелось бы кратко остановиться на взглядах двух отечественных ученых, которые предложили концепции знака, отличающиеся глубиной и независимостью.

Оригинальную концепцию знака мы находим в работе В.Н. Волошинова (17). Определение знака у В.Н. Волошинова — общесемиотическое, но в своих суждениях о роли знака в жизни человека, в развитии его мышления и сознания автор опирается на материал языкового знака. Любая вещь может быть превращена в знак. «Не переставая быть частью материальной действительности,— пишет он,— такая вещь известным образом отражает и преломляет другую действительность» (17, с. 16). Действительность, которая становится объектом знака, есть тема знака (17, с. 30). Знак, преломляя другую действительность, может исказить эту действительность или быть верным ей, может воспринимать ее под определенным углом зрения и т. д. (17, с. 16—17).

В.Н. Волошинов отводит знаку исключительную роль в формировании и развитии человеческого сознания. Сознание может реализовать себя и стать действительным фактом только лишь на материале и с помощью знакового воплощения (17, с. 18). В.Н. Волошинов настаивает на том, что и сам внутренний мыслительный процесс и процесс языкового межсубъектного общения равным образом осуществляются с помощью знака. Знак является необходимым условием сознания и формирования индивидуальной психики. Вне знакового материала нет субъективной психики как особого качества бытия. «По роду своего бытия субъективная психика локализована как бы между организмом и внешним миром, как бы на границе этих двух сфер действительности. Здесь происходит встреча организма с внешним миром, но встреча не физическая: организм и мир встречаются в знаке» (17, с. 34). Если сознание лишит знакового идеологического содержания, которое реализуется в слове, в образе, в значащем жесте и т. д., то останется голый физиологический акт, не освещенный сознанием, т. е. не освещенный, не истолкованный знаками (17, с. 20).

Сам по себе знак безразличен к идеологической функции. Слово может выполнять любую идеологическую функцию — научную, эстетическую, моральную и др.

Как считает В.Н. Волошинов, слово выступает знаком и «во внутреннем употреблении», в процессе мышления и сознания, не будучи выраженным вовне. Поэтому проблема индивидуального сознания как внутреннего слова, или знака, является одной из важнейших проблем философии языка (17, с. 22).

Все несловесные знаки в конечном счете связаны со словесной речевой стихией и не могут от нее полностью обособиться (ср.: картина, музыка, обряды, поступки и др.). Слово выступает необходимым ингредиентом (составным элементом) любого процесса сознания, предполагающего понимание того или другого идеологического акта, явления.

Со знаком связано его значение; значение — это функция знака, и вне знака она не существует как самостоятельная реальность.

Можно не вполне соглашаться с автором в заметном преувеличении роли словесного знака в восприятии действительности, во внутренних, психических процессах, но вместе с тем нетрудно убедиться в глубине суждений автора о роли знаков, и прежде всего словесных, в жизни человека, в формировании и развитии его мышления и сознания.

А.Ф. Лосев отмечает сложность проблемы, различные подходы к ее решению. Признавая невозможным при современном состоянии изученности этой проблемы предложить непротиворечивую концепцию знака, А.Ф. Лосев в качестве исходного пункта дальнейшего изучения этой проблемы предлагает ряд знаковых аксиом, основывающихся на результатах исследования знаков или на очевидности тех или других положений. Со знаком связан целый пучок о т н о ш е н и й, на которые указывает соответствующий ряд вводимых автором аксиом, например, знак и внезнаковое обозначаемое, акт обозначения, знак и отражение предмета, знак и смысловое отражение предмета и др- (18).

По А.Ф. Лосеву, языковое или словесное бытие есть третий вид бытия, наряду с собственно логическим и вещественным, или материальным, бытием. Отсюда известная самостоятельность языкового знака. Языковой знак, отражая тот или другой предмет, различные его стороны и отношения, пользуется затем этим отражением свободно и уже независимо от объективной истинности заключенной в нем предметной системы отношений. Слово, возникшее как обозначение вещи, «норовит жить уже собственной жизнью и вовсе не всегда склонно к отражению тех вещей, которые его породили и отражением которых оно же и является» (18, с. 393). Поэтому язык есть не только отражение действительности, но он часто является искажением этой действительности, ложью о ней.

Раскрывая на материале естественного языка диалектический характер знакового отражения действительности, А.Ф. Лосев подчеркивает, что значение знака в реальном его функционировании выступает как ряд « м о м е н т о в т о ж д е с т в а », например: слова и понятия, слова и предмета, слова и смысла и др. (19, с. 68 и ел.). 54

Своеобразие языкового знака, по сравнению с другими видами знаков заключается прежде всего в том, что это первичный неконвенциональный знак, объективно сформировавшийся в процессе эволюции человека и человеческого общества вообще. Языковой знак стал социальной и биологической необходимостью существования человека и человеческого общества, непреложным условием становления человека как члена общества и как биологического вида. Образование такого знака есть в конечном итоге результат развития природы и общества. Языковой знак — это необходимый канал связи и единства между членами общества, а также между ними и окружающим миром, орудие познания этого мира и человека.

Среди других видов знака, используемых в человеческом обществе, языковой знак занимает особое место:

- своей материальной и идеальной природой;
- своеобразием своего генезиса; эволюции и функционирования;
- выполняемыми функциями;
- формой своего существования и выражения;
- своей ролью в жизни общества и многими другими признаками.

Эти и другие существенные признаки языкового знака трудно охватить в одном определении. Ограничимся рабочим определением первичного языкового знака, носящего звуковой характер. Я з ы к о - в о й з н а к — это звук или комплекс звуков, являющийся носителем определенных языковых значений; эти значения имеют разный семантический характер в зависимости от того, какой языковой единицей они выражаются (ср.: морфема, слово, словосочетание, предложение). Материальной стороной языкового знака может быть не только звук, но и его различные вторичные условные обозначения: последовательность печатных букв, чернил на бумаге, мела на доске и др. Все это — различные материальные одежды наших мыслей, первичным выразителем которых явился звук.

Предметом спора между отечественными учеными, занимающимися проблемами языкового знака, является вопрос: представляет ли собой языковой знак двустороннюю или одностороннюю сущность (В.М. Солнцев, В.М. Павлов и др.). Большинство ученых считает, что языковой знак — двусторонняя сущность, т. е. представляет собой единство звука и значения. Мы должны присоединиться к мнению тех ученых (например, Н.В. Волошинова, А.Ф. Лосева, Ч. Морриса и др.), которые утверждают: знак потому и знак, что он нечто означает и обозначает.

Одной из существенных сторон языкового знака, отличающей его от всех других видов знаков, является форма его существования. Если мысль, например понятие, имеет только внутреннее, субъективное

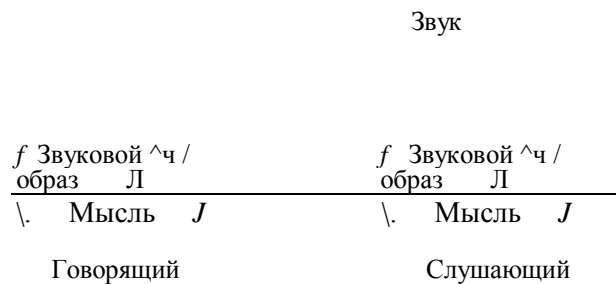

Рис.5

существование, то материальная сторона языкового знака — звук — имеет двойное существование: внешнее (звук или звуковой комплекс) и внутреннее (звуковой, или акустический, образ). И то и другое существует в человеке, порождается человеком. Звук при передаче мысли как бы исторгается из своего внутреннего существования, из своего внутреннего единства с мыслью, с идеальным. Звук, таким образом, подобно мысли тоже имеет какое-то внутреннее (в «снятом» виде) идеальное существование, какое мы весьма условно называем звуковым, или акустическим, образом.

Язык как субъективно-объективное, материально-идеальное явление не существует вне звука, вне материального воплощения и выражения. И звук как единица языка, в свою очередь, не существует вне единства с мыслью, которую он обозначает и выражает. Поэтому и знак мы понимаем как двустороннюю сущность, единство материального и идеального звука и значения.

В процессе языкового обмена, при сообщении мысли звук меняет свою «среду обитания». Он исторгается из внутреннего своего существования вовне, но во внешней среде, в своем внешнем существовании, будучи воспринятым как материальный показатель внутреннего единства, приобретает новое единство — в другом индивидууме, у слушающего. Звук вовне несет следы своего единства с мыслью, сигнализирует о нем, выражает его, потому он способен воссоздать у слушателя это единство. Звук служит внешним, материальным мостом между двумя мыслительными образованиями. Будучи внешним, материальным элементом, звук находится, таким образом, одновременно в единстве с мыслью говорящего и слушающего. По отношению к слушающему он провоцирует образование мысли, аналогичной мысли говорящего. Только по отношению к говорящему звук «свой», а по отношению к слушающему — «чужой». Но вне этой связи он как материальная

сторона знака не существует; благодаря этому единству осуществляется общение, обмен мыслями. Схематически сказанное выше можно представить следующим образом (рис. 5).

Говоря о языковом знаке, языковеды, как правило, имеют в виду слово. И это естественно. Слово — узловая единица языка, представляющая собой фокус взаимодействия различных языковых факторов — фонетических, семантических, грамматических, словообразовательных. Слово аккумулирует знание коллектива об обозначаемом явлении в виде значения и закрепляет его в системе языка, передавая это знание от человека к человеку, от поколения к поколению.

Слово имеет отношение ко всем другим единицам языка. Так, фонема формируется в слове и с помощью слова, носителя значения, выполняя смысловозначительную роль. Ее самостоятельность (релевантность) обнаруживается на основе смысловых отношений между словами. Слово является непосредственным контекстом морфем, последние участвуют в образовании слов. В свою очередь, слова образуют словосочетания и предложения. Однако тесная взаимосвязь и взаимообусловленность слова и других единиц языка, участие слова в их формировании и образовании не исключает самостоятельности и своеобразия этих единиц. Это одна из характернейших черт языка, природы его строения и системной организации.

Другие двусторонние единицы языка также являются знаками. В них мы находим те же основные компоненты, которые свойственны знаку; материальный (звуковой) показатель, соответствующее ему значение и «предметную отнесенность», т. е. свойственное этому знаку отношение к действительности. Однако, несмотря на общие знаковые признаки, указанные единицы языка существенно отличаются от слова по своему положению в языке, значению, выполняемым функциям и др.

Так, морфема в отличие от слова не имеет номинативного значения. Самостоятельно, вне того единства, которое образуется словом, она не применяется в языке. Если слово — самостоятельная номинативная единица, свободно употребляемая и воспроизводимая в предложении, соотношенная с тем или другим фактом действительности, то, например, аффикс такими характеристиками не обладает. Поэтому на основании приведенных выше признаков слово называют ауто-семантической единицей, в то время как аффикс — синсемантическая единица, т. е. имеющая сопроводительное значение, участвующая в образовании слова как самостоятельной номинативной единицы. Корень (вещественная морфема) лишен номинативного значения; он выражает отношение к вещественным значениям однокоренных слов, а также к производному слову, если оно имеется.

Вопрос о предложении — является ли оно знаком языка или нет — спорный в современном языкознании. Так, Э. Бенвенист утверждает,

что хотя предложение образуется с помощью знаков (слов), само оно таковым не является (20, с. 139). Развитию этого положения много страниц посвятил В.А. Звегинцев (21). Основанием для такого заключения явилось то, что смысл предложения образуется в речи, в конкретных условиях; поэтому предложение — речевая, а не языковая единица. Смысл предложения индивидуален, неповторим, не зафиксирован в языке, в то же время он подвижен, лабилен, хотя и образуется с помощью слов — полноправных языковых знаков, имеющих устойчивые, закрепленные в языке значения. Отсюда, по мнению названных ученых, необычность, уникальность предложения, по сравнению с другими единицами языка.

Однако, на наш взгляд, есть достаточные основания рассматривать предложение в качестве языкового знака, строение которого сходно, изоморфно строению других языковых знаков.

Предложение имеет устойчивые, воспроизводимые элементы: это схема, или модель, по которой строится тот или иной тип предложения. Модель семантизирована, имеет типовое структурное значение, которое создается устойчивым соотношением значений форм слов, входящих в предложение, с их конкретными лексическими значениями. В рамках такой схемы может быть выражено бесконечное множество индивидуальных содержаний. И сама схема, и ее типовое значение, и смысл предложения имеют «свой выход» в действительность, свое место в отражении той или другой ситуации. Таким образом, предложение имеет устойчивые, воспроизводимые элементы, закрепленные в системе языка (модель и ее типовое значение), и элементы, реализуемые только в данных речевых условиях. Иными словами, элементы предложения соотносятся с элементами, характерными для знаков (т. е. семиозиса, или знаковой ситуации).

Сходное строение имеет и другая синтаксическая единица — словосочетание. Оно также образуется по устойчивой воспроизводимой модели, имеющей определенное синтаксическое типовое значение и наполняемой в конкретных речевых условиях индивидуальным смыслом: ср. *белый платок* (определяющее отношение); *пить воду* (объектное отношение); *быстро ехать* (обстоятельственное отношение) и т. п. В словосочетаниях выражаются отвлеченные грамматические значения, имеющие свой способ выражения и свое отношение к действительности. По этим моделям может быть выражено бесконечное множество содержаний, или смыслов.

На основе вышесказанного можно заключить, что все значимые единицы языка — морфема, слово, словосочетание, предложение — имеют сходное строение, а именно: материальный (звуковой) показатель, соответствующее той или другой единице языка значение и определенное отношение к действительности.

Сложнее обстоит вопрос с фонемой. Если подходить к ней с точки зрения требований знаковой ситуации (семиозиса), то фонема не

является собственно языковым знаком: она не выражает какого-либо свойственного ей значения и не имеет соотношения с тем или иным действительным фактом. В то же время она участвует в образовании других языковых единиц, их материальной стороны, и прежде всего слова, где она выполняет смысловоразличительную роль. Некоторые лингвисты считают фонему знаком-сигналом или формальным знаком, поскольку она участвует в образовании материальной оболочки слова и играет смысловоразличительную роль.

В нашей классификации фонему можно считать естественным знаком (см. выше). Она не имеет собственного значения, но в интерпретации говорящих служит сигналом о разных словах (*кот — кит, пыл — пыль* и т. п.). Кроме того, она может служить знаком-сигналом и в дистрибуции (распределении) фонем.

§ 23. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ СЛОВА КАК ЗНАКА

Каждая область языкового общения, в силу специфики самой деятельности в ней говорящего коллектива, не только избирательно привлекает определенные пласты лексики, но и в определенном ракурсе, функционально различно использует ее семантику. В связи с этим вычлеляются следующие основные семантические функции слова как знака. Предварительно заметим, что эти функции не отделены в слове друг от друга китайской стеной, особенно, например, предметная и изобразительная (см. ниже); но одновременно языковая действительность с очевидностью доказывает их наличие и известную поляризацию.

1. **Объектная (предметная), перцептивная функция слова.** В повседневном общении слова осуществляют номинативную функцию, т. е. преимущественно употребляются в объектном, или предметном, значении. Слова служат в непосредственном общении заместителями предметов (явлений, действий, признаков и т. д.), вовлеченных в человеческую деятельность, практику общения. Слова и предметы как бы отождествлены. Благодаря такому отождествлению человек оперирует в сознании предметами в «снятом» виде, в идеальном отражении.

2. **Дефинитивная (определятельная) функция слова.** В языке науки слова-термины выполняют так называемую дефинитивную, или определятельную, функцию, т. е. являются знаками по большей части четко определенных в данной терминологической системе научных понятий. В языке науки термины обращены к выражаемым понятиям либо идеальным предметам, служащим типовыми представителями соответствующих классов предметов (ср. предметную отнесенность у терминов, обозначающих различные машины, прибор-

ры, минералы и т. д.). Значение термина изменяется под воздействием познавательной деятельности ученых.

3. **Изобразительная, или художественная, функция слова.** Эту функцию слова выполняют в языке художественных произведений. В этой функции слова и их значения обращены к воображению читателя. Художественное слово, как замечал Г.О. Винокур, рефлексивно по своей природе (22, с. 392). Своей обращенностью к самому себе, к своим внутренним содержательным возможностям слово призвано воссоздавать в воображении читателя более или менее близкие к замыслу автора субъективные картины изображаемой жизни, характеры героев и пр. Реальная действительность получает в художественном произведении образное и, следовательно, в известном смысле условное отражение, организованное по законам того или иного жанра, с помощью известных литературных приемов. Слово в языке художественной литературы выполняет образную, эстетическую роль, поэтому здесь приобретают особую значимость семантические, стилистические, экспрессивные и другие характеристики слова.

Разумеется, внимание филологов привлекает изобразительная, или художественная, функция языковых знаков. Воссоздать с помощью их в воображении читателя действительную жизнь, внешний и внутренний мир человека, выразить все это образно, наглядно — весьма трудная творческая задача. Поэтому язык художественной литературы — это особая область применения общенационального языка, требующая для своего изучения специальных методов и методик.

Выше мы рассмотрели различные стороны языкового знака, его отношение к другим знакам в человеческом обществе. Разумеется, далеко не все вопросы, связанные с изучением языкового знака, освещены либо даже затронуты в данной главе. Активно развивающаяся семиотика, общая теория знаков и знаковых систем, вовлекает в круг своего исследования различные знаковые системы, действующие в человеческом обществе. Единство человеческого общества связывает и соотносит между собой разные знаковые системы. Однако семиотическим фундаментом всех этих систем, общей интерпретирующей их основой был и остается естественный язык. Такое положение языка делает все человеческие знаковые системы с е м а н т и ч е с к и с о о т н о с и т е л ь н ы м и , а общей их семантической интерпретантой выступает язык.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
2. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1959.

5. *Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
6. *Поржезинский В.К.* Введение в языковедение. М., 1916.
7. *Мельвиль Ю.К.* Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968.
8. *Фреге Г.* Смысл и денотат//Семиотика и информатика Вып. 8, М., 1977.
9. У последователей теории Фреге встречаются и другие определения смысла, например, у А. Чёрча: «...Смысл — это то, что бывает усвоено, когда понято имя» (Введение в математическую логику. М., 1960).
10. *Г. Фреге* в этой связи, например, пишет: «...Употребляя знак, мы хотим сказать что-то не о знаке, но главным, как правило, является его значение. Так, например, астроном имеет в виду планету Юпитер, когда употребляет знак «J»; причем этот последний для него безразличен; он является только произвольно выбранным средством выражения мысли, остающимся полностью вне рассмотрения» (*Grundgesetze der Arithmetik*. Bd. 2. Jena, 1903. S. 88.— Цит. по: *Бирюков Б.В.* О взглядах Г. Фреге на роль знаков и исчисления в познании//Логическая структура научного знания. М., 1965).
11. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
12. *Общее языкознание.* Минск, 1984.
13. *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
14. *Резников Л. О.* Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.
15. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
16. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. М., 1974.
17. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
18. *Лосев А.Ф.* Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли//Изв. АН СССР. Серия литературы и языка Т. 35. № 5. 1976.
19. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
20. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
21. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1974.
22. *Винокур Г.О.* Избранные труды по русскому языку. М., 1959.

деятельности, новые единицы, прежде всего на лексическом и синтаксическом уровнях.

Строгость системной организации языка на разных его уровнях различна (см. об этом ниже).

IV. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА И СТРУКТУРА

§ 24. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИСТЕМЫ

Системный подход к изучению действительности является одним из основополагающих методологических принципов современной науки. Под с и с т е м о й в современной науке понимают такую совокупность элементов, которая характеризуется: а) закономерными отношениями между элементами; б) целостностью как результатом этого взаимодействия; в) автономностью поведения и г) несуммарностью (неаддитивностью) свойств системы по отношению к свойствам составляющих ее элементов. Новые качества системы, по сравнению с качествами и свойствами входящих в нее элементов, создаются взаимодействием элементов и известным их преобразованием в этом взаимодействии. В свою очередь действительное положение элемента, его сущность можно понять, только рассматривая его в системе, во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими элементами системы. Поэтому системный подход способствует объективному отражению и познанию явлений действительности.

Научное изучение действительности в широком смысле слова (природы и человека) заключается в открытии законов и закономерностей. Это невозможно сделать без систематизации изучаемых фактов, т. е. без установления закономерных связей между ними. Поэтому уже самые ранние опыты научного изучения языка были, по сути дела, попытками систематизации языковых фактов на том или другом основании.

История изучения языка показывает, что в нем, в сущности, нет несистемных явлений. Отмечаемые некоторыми исследователями «асистемные факты», на поверку, оказываются не такими уж несистемными, будучи выраженными средствами языка, т. е. уже включенными в отношения с его единицами на том или другом основании. Впечатление «асистемности» создается потому, что язык — это открытая, подвижная система, постоянно вовлекающая в себя, вследствие речевой деятельности говорящих и отражения действительности в этой

§ 25. ТРАДИЦИОННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ О СИСТЕМНОСТИ ЯЗЫКА

Традиционная грамматика со времени своего формирования так или иначе занималась системными отношениями выделяемых единиц, результатом чего являлась их классификация в том или другом отношении. К таким традиционным системным связям относится, например, деление слов по частям речи на основе характера их значений, формальных показателей, синтаксической роли; выделение, в свою очередь, в составе частей речи тех или других разрядов (ср.: классификация глаголов по видам, типам спряжения; существительных — по родам, типам склонения и др.).

Все это еще в традиционной грамматике, на ранней стадии ее истории, привело ученых к важному методологическому принципу системной организации языка как особого, уникального явления действительности вообще. Языковеды XIX в., представители различных лингвистических школ и направлений подчеркивали эту сторону языка. Для основателя теоретического языкознания В. Гумбольдта была очевидна внутренняя системная организация языка, осознанием этого пронизан названный выше его труд по теоретическому языкознанию.

Системность как существенную сторону языка отмечали основоположники отечественного языкознания — Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Мысли, например, Ф.И. Буслаева о системной организации языка вполне соответствуют современным научным представлениям: «...Построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка» (1, с. 22). Понятие системности, как это здесь очевидно, обозначено другим термином (организмом), который в этом смысле был активно употребителен в первой половине XIX в.

Системность языка была одной из основных методологических предпосылок в научном творчестве Потебни. Еще в начале научной деятельности для него было ясно, что «в языках есть система, есть правильность» [2, с. 16]. Это положение он затем неоднократно развивал в своих трудах. Он писал, например: «При исследовании какою-нибудь слова приходится останавливаться на самых разнообразных явлениях. Это показывает, что язык-система есть нечто упорядоченное,

всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна. Что язык есть действительно система, в этом мы можем убедиться непосредственно на самих себе. В богатых языках, каковы русский, немецкий и др., в данное время исследователь находит 100—200 тысяч; но это есть лишь частица наличного капитала языка, так как при этом берется во внимание лишь одна какая-нибудь форма языка известного слова. Дознано, что Шекспир употреблял 13—15 тысяч слов; мы, которые в этом отношении не можем равняться с Шекспиром, имеем в своем распоряжении 500—1000 слов. Десятки, сотни тысяч слов нами никогда не были слышаны, тем не менее можно сказать, что эти никогда нами не слышанные слова нам наполовину понятны при знании употребляемых нами 500—1000 слов. Спрашивается, как же это было возможно, если бы мы не имели ключа к разумению незнакомых нам слов, если бы язык не был стройною системою, в которой есть определенный порядок и определенные законы?» [3, с. 243]. В практике исследования языка системный подход проявился в понимании ученого различных глубинных сторон языка, как например, диалектической связи звука и значения, изменения строя целого в зависимости от изменения его частей (ср. изменение строя предложения в зависимости от роста противоположения имени и глагола по направлению к современному состоянию языка); тесной взаимосвязи и взаимпереходов внутрисловных семантических явлений и др. На основе своего богатого исследовательского опыта Потебня пришел к выводу, что единство и взаимосвязь языковых явлений оказываются более тесными по мере углубления нашего познания. Он, в частности, писал: «Чем совершеннее становятся средства наблюдения, тем более убеждаемся, что связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется» (4, с. 45). С сожалением сетовал он, что в современном ему языкознании господствует механистический подход к изучению языка: «До сих пор языкознание большей частью принуждено вращаться в кругу элементарных наблюдений над разрозненными явлениями языка и дает нам право лишь надеяться, что дальнейшие комбинации этих явлений от него не уйдут» (4, с. 62).

Следует также отметить еще одного отечественного ученого, утверждавшего в своем научном творчестве системный подход к изучению языка,— Бодуэна де Куртенэ. Будучи одним из основателей структурализма, он, по словам В.В. Виноградова, рассматривал язык как «обобщенную структуру», раскрывал в своих исследованиях основные свойства динамической системы языка (5, с. 13; 6, с. 17 и др.). Можно привести много примеров системного подхода уже в начальный период научного изучения языка.

Вопрос о системности языка стал общепринятым методологическим требованием после выхода «Курса общей лингвистики» Ф. Соссюра. Заслугу Соссюра видят не в том, что он открыл системную

организацию языка (она, как мы убедились, была давно известна зарубежным и отечественным ученым), а в том, что он возвел системность в основополагающий принцип научного исследования. Одновременно надо заметить, что крайние выводы этого принципа, сделанные последователями Соссюра, и прежде всего Копенгагенской лингвистической школой (Л. Ельмслев и др.), и в общеметодологическом отношении, и с точки зрения конкретных лингвистических исследований вызывают вполне обоснованные возражения.

§ 26. КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОСТИ Ф. СОССЮРА

В соответствии со своим основополагающим принципом системности языка Соссюр обращал главное внимание на специфические отношения единиц языка, считая, что именно эти отношения, взятые сами по себе, и составляют сущность той или другой единицы. В языке важны оппозиции, различия; поэтому элементы языка определяются и характеризуются у Соссюра отрицательно. «В языке нет ничего, кроме различий» (7, с. 152).

Выше мы уже говорили, что Соссюр понимал язык как чисто психическую сущность. Поэтому звук как материальная субстанция не может относиться к языку; для языка звук нечто вторичное и случайное. Звук, используемый в речи,— это не более как удобное по своим качествам средство для создания оппозиций, системных отношений между «акустическими образами». Означающее, под которым Соссюр и понимал акустический образ, явление психическое: «...(Означающее) в языке бестелесно, и его создание не материальная сущность, а исключительно те различия, которые отграничивают его акустический образ от всех других акустических образов... Фонемы — это прежде всего оппозитивные, относительные и отрицательные сущности» (7, с. 151).

По Соссюру, отрицательная сущность языковой единицы, например фонемы, характеризуется так при условии, когда она берется изолированно, вне зависимости от означаемого (понятия). Но, подчеркивает Соссюр, «как только начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным. Хотя означаемое и означающее, взятые в отдельности,— величины чисто дифференциальные и отрицательные, их сочетание есть факт положительный» (7, с. 153).

Соссюр разрывает диалектическое единство звука и значения на том основании, что их изменение и развитие относительно самостоятельны и что изолированные друг от друга как факты языка они представляют собой отрицательные величины, «пучки отношений» чисто психологического порядка («акустический образ», «понятие»). Их изменения независимы друг от друга: изменение значения слова,

его многозначность не отражается на его фонетической стороне, и, напротив, фонетическое изменение слова может не влиять на его значение. В этом факте Соссюр видит главное доказательство произвольности звука, т. е. произвольности связи акустического образа и понятия.

Соссюр сравнивает в этом отношении язык с шахматной игрой. Главное в игре — те системные отношения, функции, какие выполняют фигуры. В случае потери фигуры, например коня, мы можем заменить его любым другим предметом — спичечной коробкой, пробкой, кусочком сургуча и др. Игра от этого не изменится, сам материал играет второстепенную роль. Подобное мы наблюдаем в языке. Главное — роль знака в системе, а не его материальная сущность, которая может быть изменена или вообще заменена другой (ср.: письмо).

Оценка Соссюром роли звука в языке противоречит, можно сказать, общепринятому пониманию звука как необходимой материальной стороны языка, без которой было бы невозможно образование языка вообще. В процессе образования языка синтез звука и мысли был необходимым и произвольным в силу самой природы этих явлений, оказавшихся способными к такому синтезу в речевой деятельности человека. Возможность же сравнительно независимых изменений звука и значения объясняется, как мы уже говорили выше, не произвольностью знака, т. е. связи звука и мысли, а тем, что звук и мысль, как соответственно материальное и идеальное, одновременно представляют собой принципиально различные явления. Поэтому возможны их самостоятельные изменения и в условиях их необходимой, произвольной связи, поскольку мысль может реализоваться вовне только при помощи того или иного материального средства, субстрата. Членораздельный, артикулируемый человеком звук — генетически, присутствующим ему свойствами, функционально — оказался тем внутренне необходимым, внушенным самой природой человека средством, способствующим формированию и развитию дискретной мысли — понятия. Поэтому нет оснований говорить о «случайности» звука в образовании языка. Истории человечества неизвестно такое человеческое сообщество, которое не пользовалось бы звуковым языком.

В концепции системности языка Соссюра важное место занимает понятие *значимости*. Языковой знак, например слово, обладает не только значением, но и значимостью, которую знак приобретает в результате своих отношений с другими знаками языка. Значимость языковой единицы определяется ее местом в системе языка, ее связями с другими единицами в этой системе. Соссюр пишет по этому поводу: «Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще — главным образом — значимостью, а это уже совсем другое... Значимость любого термина определяется его окружением: даже в отношении такого слова, которое означает «солнце», нельзя непосредственно установить его значимость, если не обозреть того, что его

окружает; есть такие языки, в которых немислимо выражение «*сидеть на солнце*» (7, с. 113).

Для более ясного представления категории значимости обратимся к неязыковому примеру, поясняющему системность категории значимости, — к системам оценок. Очевидно, что значимость «тройки» будет различной в трехбалльной, пятибалльной, десятибалльной системах оценок. Подобным же образом значимость множественного числа будет различной в языке, где только две формы числа — единственного и множественного, по сравнению с языком, имеющим, наряду с этими формами, форму двойственного числа. Аналогично значимость форм прошедшего времени будет разной в языках, имеющих разное количество таких форм: с одной стороны, в языке, где есть только одна форма прошедшего времени (как, например, в современном русском языке), в сравнении с языками, обладающими развитой системой форм прошедшего времени (ср. также формы времени в древнерусском языке) и т. п.

Соссюр справедливо возражает против господствовавшего в его времени атомарного подхода в исследовании языка. Идеи системности, значимости языковых единиц получили развитие в различных лингвистических направлениях.

§ 27. Ф. СОССЮР И СТРУКТУРАЛИЗМ

Идеи Соссюра, Бодуэна и других ученых о системной организации языка, о важности системных отношений, о приоритете их изучения, по сравнению с субстанциональными единицами языка, выступающими элементами этой системы (Соссюр), оказали сильнейшее влияние на развитие лингвистики XX в. Концепции системности названных ученых послужили методологической основой формирования структурных направлений в современной лингвистике: Пражского лингвистического кружка, глоссематики, американской дескриптивной лингвистики. Сведения о теоретических воззрениях представителей различных направлений лингвистического структурализма, методологических принципах и методиках исследования содержатся в других курсах общего языкознания: истории языкознания, методах и методиках исследования языка (см. также 8,9). Здесь же мы затронем вопрос о принципиальной оценке статуса, с одной стороны, системных отношений, с другой, — собственно языковых единиц как выразителей этих отношений.

Крайние выводы из соссюровских положений о системности языка послужили основанием абсолютизации отношений языковых единиц. Это характерно прежде всего для Копенгагенской лингвистической школы (Л. Ельмслев, В. Брэндалль и др.). В воззрениях ортодоксальных представителей этого направления отношения, связи между единицами

языка отвлечены от материальных носителей этих отношений — звука — и превращены в абсолюты. Главное — система отношений, материальные же их субстраты — вещь второстепенная и даже случайная. Язык есть сетка отношений, реляционный каркас или конструкт, безразличный к природе своего материального выражения и воплощения (см. выше сравнение с шахматной игрой).

Разумеется, изучение отношений, системных связей языковых единиц весьма важно, и мы убедились, что теоретическое языкознание в той или другой степени учитывало их со времени своего формирования. В известных рабочих целях можно по условию изолировать эти сетки отношений и тем самым сделать их предметом специального исследования, поскольку только в языке они имеют место. Однако отождествлять язык с этими отношениями и рассматривать его как реляционный каркас, конструкт было бы методологической ошибкой. Отношения, их своеобразие не существуют вне столь же своеобразного органического их материального воплощения в том или другом языке, в той или другой единице языка. Это доказывается генезисом языковых единиц и их отношений. Философы утверждают, что свойства вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении. Можно в исследовании в рабочих целях концентрировать внимание либо на языковой единице как таковой, на ее субстанциональных характеристиках, либо на ее отношениях, но изолировать друг от друга собственно единицу языка и ее отношения, придавать им статус онтологически самостоятельных, независимых друг от друга явлений, объявлять при этом один из элементов этой дихотомии второстепенным и пр.— методологически ущербно.

§ 28. СИСТЕМА И СТРУКТУРА

Большинство лингвистов, говоря о языке как уникальной системе мира, наряду с понятием системы, вводят понятие структуры, обозначая этим термином весьма важную сторону системных отношений единиц и их разрядов. В приведенном выше определении системы мы подчеркивали в числе прочих такие ее признаки, как целостность, обусловленную строго закономерными отношениями единиц, входящих в ее состав. Термин же *структура*, по сравнению с *системой*, обозначает более абстрагированное понятие, выделяя отвлеченную сторону системной организации единиц, а именно: совокупность связей и отношений, которая организует элементы системы. Такое понимание структуры разделяется многими лингвистами, оно принято и современными толковыми словарями, например «Структура. Взаиморасположение и связь частей чего-либо, строение» (10, с. 292) и др.

Структура выделяет в системе языка наиболее абстрактные ее компоненты, характеризующие скорее не отношения элементов внутри

того или иного уровня языка, а отношения между собой уровнями языковых элементов (см. ниже).

Как система, так и структура являются онтологическими свойствами языка, а не результатом постулируемых исследователями понятий. Это существенные свойства самого изучаемого объекта, и вводимые термины и понятия суть известное отражение этих свойств языка. Если отношения фонем между собой являются примером их внутриуровневой системной организации, то их участие в выделении слов и морфем и выполняемые при этом их функции представляют собой выражение внеуровневых, т. е. структурных взаимоотношений (ср. также закономерные взаимоотношения морфем и слов, слов и словосочетаний, словосочетаний и предложений).

§ 29. КОНСТИТУТИВНЫЕ И НЕКОНСТИТУТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Язык обычно определяют как систему систем, подчеркивая тем самым его сложность, наличие в нем многих разрядов, или подсистем, различных его элементов, образующих язык как целое. При этом обращают внимание на то, что язык, с одной стороны,— это строго организованная система, исключая какое-либо субъективное вмешательство в ее строение, непроницаемая в определенных своих частях; с другой — язык представляет собой подвижную, открытую систему, призванную отражать изменяющуюся действительность, новые, вовлекаемые в человеческий опыт предметы и явления, их связи и отношения. Очевидно, что такой антиномичный характер языка предполагает наличие в нем единиц, наделенных разными системообразующими функциями и возможностями.

Теоретическое языкознание не располагает общепринятым определением единицы языка, надо полагать, ввиду указанного выше их множества и принципиально различных их функций. Кроме того, в науке о языке существуют разные направления, в которых в зависимости от методологических предпосылок изучения языка по-разному квалифицируются выделяемые единицы языка и осуществляется различная его стратификация (см. ниже).

Наиболее общим делением единиц языка было бы деление их на материальные и идеальные (семантические) единицы. Но поскольку материальное и идеальное существует в языке в органическом единстве, то, выделяя, например, так называемые двусторонние, значимые единицы языка, мы тем самым необходимо рассматриваем в единстве их материальную и идеальную (семантическую) стороны. Разумеется, это не препятствует самостоятельному, отдельному изучению семантической стороны языковых единиц (ср. значения слова, морфемы, предложения и др.).

Под языковыми единицами мы будем понимать такие элементы языка, которые воспроизводимы, выделяются относительно постоянными своими признаками в системе языка либо образуются непосредственно в актах речи по выработанным в языке правилам и моделям; как те, так и другие единицы выполняют свойственные их языковой природе функции.

По своему месту и роли в организации системы и структуры языка в нем выделяются существенно отличные единицы, которые в общем можно разделить на два класса: конститивные (КЕ) и неконститивные (НКЕ) единицы.

КЕ — это базовые, основные единицы в системе языка. Они воспроизводимы и исчислимы в языке, имеют присущие им формальные (материально-идеальные) показатели, обладают относительно постоянным статусом в системе языка. Будучи воспроизводимыми, классы таких единиц существенно различаются и между собой в системной иерархии языка. Совокупность КЕ одного порядка, их материальная и идеальная (для двусторонних единиц) природа, выполняемые функции, закономерные парадигматические и синтагматические отношения между ними, образующаяся на этой основе значимость таких единиц и др. создают структурный уровень языка, входящий в иерархию других языковых уровней; уровни языка образуют в совокупности его стратификацию. Уровень языка — один из главных компонентов структуры языка. Своеобразие КЕ обнаруживается не только в отношениях между собой, но и в связях с КЕ и НКЕ других уровней. К КЕ мы относим фонемы, морфемы, словоформы, слова, словосочетания, предложения.

Кроме сказанного выше, КЕ отличаются от других единиц языка рядом признаков, укажем на наиболее существенные.

1. КЕ свойственна иерархичность отношений, которая выступает одним из главных условий образования структуры языка. КЕ высшего уровня образуется посредством участия единиц низшего уровня; низшая КЕ, таким образом, входит в состав высшей (ср. фонема входит в состав морфемы, морфемы образуют слова, слова — словосочетания, словосочетания — предложения). Такой характер взаимоотношений КЕ свидетельствует о том, что они систематизированы не только по горизонтали, образуя «свой» уровень, но и по вертикали, создавая иерархию уровней, костяк структуры языка.

2. Образующиеся таким способом составные КЕ характеризуются несуммарностью (неаддитивностью) значений или функций компонентов, входящих в составную КЕ. То есть значение и функции составной

КЕ не представляют собой сумму значений и функций входящих в эту единицу единиц низшего порядка. Образованная с помощью низших единиц КЕ высшего порядка представляет собой новое образование, наделенное свойственными только ему типом значения и функциями.

3. Для КЕ характерны инвариантные и варианты отношения (см. ниже).

4. КЕ свойственны парадигматические и синтагматические отношения (см. ниже).

5. Особенная лингвистическая природа КЕ каждого уровня, характер их взаимоотношений обуславливают свой «выход» к действительности, свой ракурс отношения к ней, закрепляя тем самым особый статус уровня языка, образуемый данным классом КЕ. По отношению к действительности уровни КЕ могут быть закрытыми (ср.: фонемы, морфемы) и относительно открытыми (ср.: слова, словосочетания, предложения).

Однако уровни языка не состоят только из таких строевых, фундаментальных единиц. На каждом уровне отмечаются единицы, не обладающие указанными выше признаками; они выполняют разнообразные внутриуровневые и межуровневые функции. Одни из них непосредственно образуются в речи по принятым в языке правилам и моделям (ср.: фонетическое слово, синтагма, члены предложения, элементы актуального членения предложения и т. д.); другие выступают элементом той или другой КЕ (ср.: слог, интонация, различные виды ударения); третьи образуются на базе КЕ; они фиксированы, исчислимы в языке, либо выполняют свойственные КЕ отдельные функции и тем самым примыкают к КЕ (ср.: фразеологизмы, различного рода лексикализованные сочетания слов номинативного или предикативного порядка, аббревиатуры), либо образуют новые единицы с новыми функциями (ср.: словообразовательные модели, различного вида основы слова). Есть основания считать, что такие единицы могут образовывать подуровни языка. Надо сказать, что структуро- и системообразующий статус языковых единиц изучен недостаточно.

Открытые классы НКЕ, образующиеся непосредственно в актах речи, свидетельствуют о том, что язык не является абсолютно жесткой системой. Понятно, это не исключает наличия в нем строгих правил и законов, по которым образуются и употребляются как КЕ, так и НКЕ. Открытые, образующиеся непосредственно в актах речи НКЕ и возможны потому, что опираются на лежащие в основании языковой системы и структуры строго организованные, базисные единицы языка. Разумеется, последние не остаются неизменными в системе языка, но их качественные и количественные изменения представляют собой особый процесс и происходят в свойственной им форме (см. ниже).

§ 30. ТОЖДЕСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В связи с выделением языковых единиц и их определением встает вопрос об их тождестве. И хотя вопросами тождества языковых единиц языковедение практически занималось давно при их классификации и

квалификации, теоретическое осмысление этой проблемы мы находим в работах сравнительно недавнего времени. Ученые прежде всего задались вопросом о тождестве слова как узловой единицы языка (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова и др.). В то же время очевидно, что эта проблема весьма важна для языкознания, поскольку она непосредственно связана с изучением сущности языковых единиц. Соссюр в связи с этим писал: «Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых. Поэтому проблема тождества возникает повсюду; но с другой стороны, она частично совпадает с проблемой конкретных сущностей и единиц, являясь усложнением этой последней, впрочем весьма плодотворным» (7, с. 141).

Ученые подчеркивали диалектическое единство тождества и различия. Так, исследуя вопрос о тождестве слова как лексико-грамматического единства, В.В. Виноградов замечал: «Наивное восприятие склонно смешивать равенство с тождеством. Между тем тождество не исключает многообразия, а, напротив, предполагает его. Тождество — это единство в многообразии одного. Грамматическое и лексическое многообразие слова состоит в видоизменениях его состава и его связей» (11, с. 47-48).

При анализе тождества языковых единиц обнаруживается общая закономерность: основание тождества языковых единиц определяет характер и пределы различий в условиях данного тождества. Исследование тождества и различия языковых единиц обнаруживает их лингвистическую сущность. Тождество и различия в пределах данного тождества языковых единиц являются одним из ярких проявлений системной организации языка. Так, слово как тождественная самой себе единица реализуется в совокупности присущих ему словоформ, видоизменяющих его грамматическое и лексическое значения, что, однако, не нарушает единства и тождества слова; тождественная самой себе фонема существует в своих аллофонах; тождество значения слова как известного семантического единства обнаруживает себя в различных смыслах, образующихся в конкретных речевых условиях; тождество синонимов — в выражении общего понятия значениями и смыслами синонимов и т. д.

Как и другие виды тождеств, языковые делятся на внутренние и внешние.

Внутренние — это тождества, образованные вследствие определенных исторических внутриязыковых процессов и потому представляющие собой характерную черту собственного языка.

Внешние тождества — это тождества языковых единиц, совпадающих в выражении определенных внеязыковых фактов и явлений. Такие единицы могут иметь общие признаки, однако причины совпадения таких образований обусловлены не внутриязыковыми процессами, а находятся вне системы языка, хотя и обслуживаются ею.

Рассмотрим примеры внутренних тождеств. Прежде всего это тождество КЕ самим себе. КЕ функционирует в системе языка, претерпевая в условиях своего применения видоизменения, различные по своему характеру. При неизменности выполнения единицей своих функций эти видоизменения могут не влиять на ее тождество, но могут и приводить к его нарушению. КЕ остается тождественной самой себе, если ее видоизменения представляют собой выработанную в языке, постоянно реализуемую парадигму изменений (ср. тождество слова в его парадигме склонения или спряжения, реализация фонемы в своих оттенках или аллофонах и т. п.).

Наиболее близким к тождественной самой себе единице является ее вариант. Понятие варианта приложимо к КЕ всех уровней. Содержание варианта и самого процесса варьирования своеобразно для единиц каждого уровня, но вместе с тем есть и общие изоморфные признаки, которые и позволяют обобщить это явление. Видоизменения, наблюдаемые у тождественной самой себе единицы, закономерны, регулярны, представляют собой закрепленную в языке парадигму ее изменения. Вариант же есть свидетельство выхода КЕ за границы таких видоизменений; но вместе с тем вариант функционально не порывает с КЕ, вариантом которой он является. Таковыми, например, будут варианты: фонемы (в понимании Московской фонологической школы — *пруда* — *пруд* (*д*) — (*т*)); морфемы {-ск-, -еск-, -овск-, -иное-, -чesk- и др.); слова (акцентологические варианты — *творог* — *творог*, грамматические — *рельс* — *рельса*, фонетические — *калоша* — *галоша*); варианты словосочетания {*идти лесом* — *идти по лесу*, *просить помощи* — *просить о помощи*); варианты предложения {*Он был музыкант* — *Он был музыкантом*. *Несколько музыкантов участвовали в конкурсе* — *Несколько музыкантов участвовало в конкурсе*) и т. п.

Кроме вышесказанного, примером внутриязыковых тождеств являются с и н о н и м и я КЕ различных уровней, а также о м о с е - м и я — явление, противоположное омонимии. Омосемия весьма распространена среди единиц отдельных уровней, например в словообразовании и морфологии. Она представляет собой семантическое тождество языковых знаков, исключая друг друга в употреблении, т. е., как правило, функционально разобщенных в языке, несмотря на тождество значений. Если выделяемые в паре слов *лжец* — *лгун* суффиксы лица свидетельствуют о своей синонимии, то категориально тождественный им суффикс *-тель*, например в слове *сеятель*, омосемичен им и всем другим суффиксам действующего лица муж. р., поскольку применение их здесь исключается.

С помощью языка выделяются и тождества внешние по отношению к исторически сформировавшимся внутриязыковым тождествам, являющимся постоянным признаком языковой системы. К таким тождествам, например, относятся: **денотативное тождество**, выражаемое в речи разными по своему строению языковыми

средствами; понятийное тождество, тождество «в неязычного содержания» (Потебня) и др. Все указанные тождества связаны с выражением различного рода содержаний.

Семантика языка формируется на основе соотношения действительность — мышление — язык. Каждый член этой триады онтологически самостоятелен. В то же время язык самым непосредственным образом связан с отражением действительности в тех или других мыслительных образованиях, абстракции формируются с участием языка. Именно поэтому с помощью языка выделяются тождества, относящиеся к отдельным членам этой триады: денотативное тождество, т. е. тождество обозначаемого разными языковыми средствами предмета или ситуации (названия: *Иванов — врач — сосед — заботливый отец — прекрасный специалист* и т. д. могут относиться к одному и тому же человеку); тождество мыслительного образования, реальность которого обнаруживается в его различных языковых преобразованиях (так называемое «внеязычное содержание», по Потебне: ср. выражения: *Собака лает = Лайсобаки = Лающая собака = Лая, собака...* и т. п.); тождество понятия, выражаемого и обозначаемого через отношения к другим понятиям данной понятийной системы (по Л.С. Выготскому, «закон эквивалентности», например, *прямая = кратчайшее расстояние между двумя точками = линия, не отклоняющаяся ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз* и т. п.).

Разумеется, в реальном функционировании языка все указанные выше типы тождеств тесно взаимосвязаны уже потому, что все они выражаются и обнаруживаются с помощью языка. Однако предметом собственно языкознания являются прежде всего тождества внутриязыковые, поскольку они отражают закономерности, внутренне присущие языковой системе; они постоянны, воспроизводимы в речи говорящих. Исследование других тождеств, строго говоря, выходит за рамки лингвистического анализа, но полностью исключить лингвистический интерес к другим видам тождеств нельзя, потому что в них обнаруживаются закономерные связи и взаимоотношения между языком, мышлением и действительностью.

§ 31. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Для КЕ всех уровней характерны два вида отношений — парадигматические и синтагматические. Под парадигматическими понимаются ассоциативные отношения, свойственные КЕ как системным образованиям. По преимуществу это многоаспектные, внутренние, воспроизводимые отношения. И хотя эти отношения наблюдаются у всех единиц языка, на каждом уровне они имеют особенности,

вследствие своеобразия природы этих единиц. Парадигматические отношения отражают внутренне заложенные, исторически выработанные свойства языковой единицы (ср. системы спряжения глаголов, типы склонения имен существительных или прилагательных; парадигматические отношения в лексике: многозначность, синонимия, гиперонимия, гипонимия и др.).

Синтагматическими называют отношения КЕ в речи, в непосредственных линейных связях и сочетаниях. КЕ могут быть связаны между собой непосредственно (контактные) либо опосредованно (дистантные).

Как парадигматические, так и синтагматические связи одинаково доказывают закономерную системную организацию языковых единиц. Отмечается при этом различная продуктивность этих связей в разных областях языковой системы. Так, в морфологии более развиты парадигматические отношения (ср.: типы склонения и спряжения, формальные и вещественные разряды слов разных частей речи и др.); синтагматические отношения особенно распространены в синтаксисе (ср.: синтагма, словосочетание, предложение). Вместе с тем отмечается и внутренняя взаимосвязь этих двух видов отношений, особенно на высших уровнях языковой системы. Очевидно, что сочетаемость слова, например, зависит от его принадлежности к определенной части речи и является реализацией его внутренних семантических и грамматических свойств. Именно этими взаимосвязанными системными свойствами обусловлены такие явления, как валентность и дистрибуция (см. ниже).

Парадигматические и синтагматические отношения являются существенной чертой всех КЕ языка, что служит доказательством изоморфизма его системы. Изоморфизм есть свидетельство того, что в основе языка лежат определенные общие принципы и условия его организации. Именно поэтому единицы языка разных уровней обнаруживают известное сходство: в материальной и идеальной природе, в своих отношениях между единицами одного уровня и единицами разных уровней, в индивидуальном отношении единиц к слову как узловой единице языка и др.

§ 32. ВАЛЕНТНОСТЬ

Под валентностью в широком смысле слова понимается способность языковой единицы вступать в связи с другими единицами определенного порядка. Подобно свойству атома образовывать известное число связей с другими атомами, слово, например глагол, способно вступать в связи с определенным числом слов других частей речи. Это свойство слов по аналогии со свойством атомов и было названо валентностью слова. Первоначально исследовались валентные

свойства слова, преимущественно глагола (Л. Теньер). И в настоящее время, хотя и предпринимаются попытки распространить валентность на единицы других уровней, ее применение в основном ограничивается словом.

Рассмотрим валентность на примере глагола. В зависимости оттого, сколько необходимых участников (актантов) вступает в связь с глаголом при его употреблении, различают глаголы одновалентные (*Отец спит*), двухвалентные (*Отец берет книгу*), трехвалентные (*Отец дарит мне книгу*). Не исключены и четырехвалентные глаголы. Отмечают глаголы с нулевой валентностью, т. е. глаголы, которые не требуют при своем употреблении обязательных участников (*Смеркается*).

Валентность может быть обязательная (облигаторная) и необязательная (факультативная). Выше были приведены примеры обязательной валентности: употребление глагола требует применения других слов-участников. Последние по условиям речи могут быть восстановлены, т. е. в высказывании они присутствуют неявно, имплицитно. Под факультативной валентностью понимается способность слова иметь связи со словами, которые не являются структурно необходимыми при употреблении данного слова. Употребление последнего и при отсутствии таких слов-участников будет грамматически правильным (ср.: *Смеркается. Быстро смеркается. Отец спит. Отец спит на диване* и т. п.).

Нетрудно заметить, что понятие валентности в известной степени соотносительно с традиционным изучением связей слов (ср., например, связи со словами переходных и непереходных глаголов, способность глаголов иметь обстоятельственные слова; существительных — быть определяемыми и др.).

Надо сказать, что валентность слова — это не чисто формальная его характеристика и способность, как это может показаться на первый взгляд. Валентность одновременно отражает и семантические потенции слова. Реализация валентности или, напротив, отсутствие таковой прямым образом связаны с теми свойствами слова, какие Потебня называл ^сгущением и расчленением мысли. Это наглядно обнаруживается на примере тождественных по значению устойчивых и свободных сочетаний слов. Так, понятие валентности оказывается весьма полезным, например, при изучении синонимических словосочетаний, включающих однокоренные слова, принадлежащие к разным частям речи и обладающие вследствие этого разной валентностью. Это дает возможность детализировать, расчленять общее тождественное значение таких пар (например: *ошибиться = сделать ошибку*, но ср. *сделать грубую, невольную, непростительную, опрометчивую, небольшую... ошибку*; *слушать внимательно = слушать со вниманием*, но ср. *слушать с пристальным, напряженным, должным, рассеянным, притворным, предельным... вниманием* и т. п.). Более того валентные свойства, их возможная реализация могут обуславливать формирование определен-

ных синтаксических конструкций. Так, например, возникновение в русском языке конструкции с родительным падежом принадлежности или отношения (*хвост лисы, улицы города*) исследователи связывают с необходимостью выразить вместе со значением принадлежности или отношения значение определительное, что возможно только в случае применения существительного в родительном падеже. Поэтому в старославянском и древнерусском языках родительный падеж принадлежности последовательно встречается только при наличии определения (*глас ангела небесного, сына Бога нашего* и т. п.). При отсутствии определения с такой же последовательностью употребляется притяжательное прилагательное (*ангельский глас, сын Божий*). Таким образом, на становление конструкции с родительным падежом принадлежности и отношения существенное влияние оказывали валентные свойства существительного, благодаря которым стало возможным выразить одновременно со значением притяжательноеTM или отношения те или другие определительные значения. Однако в современном русском языке употребление определения при родительном падежом принадлежности или отношения стало, как правило, необязательным (факультативным). В результате в языке получили распространение синонимичные пары словосочетаний с относительным или притяжательным прилагательным и родительным отношением или принадлежности типа: *городские улицы = улицы города, лисий хвост = хвост лисы* и т. п.

§ 33. ДИСТРИБУЦИЯ

Непосредственно с синтагматикой языка связана дистрибуция («распределение») языковых единиц. Если валентность обобщенно указывает на тех участников (актантов), с которыми языковая единица может вступать в связи в силу своей семантической и грамматической природы, то дистрибуция — это сумма всех контекстов, в которых языковая единица может встречаться, в отличие от тех контекстов, где она встречаться не может (12, с. 96).

Понятие дистрибуции было введено в научный оборот американскими лингвистами при изучении языков североамериканских индейцев с помощью так называемого дистрибутивного анализа, применяемого в процедурах описания фонемного и морфемного состава языка. Попытки описания с помощью этого метода языковых единиц высшего порядка — слов, словосочетаний, предложений — общего признания не получили.

По аналогии с отношениями, наблюдаемыми в теории множеств и логике классов, дескриптивисты выделяют четыре вида дистрибуции языковых единиц: эквивалентную, дополнительную, включенную и пересекающуюся, или частично совпадающую, дистрибуции. В качестве примера возьмем дистрибуцию некоторых русских морфем. Эк-

Бивалентная дистрибуция наблюдается в отношениях между окончаниями тв. падежа существительных ж. р. первого склонения (*землей = землею*); дополнительная — в отношениях тв. падежа существительных ж. р. разных типов склонения (*землей — рожью*); включенная — между отдельными разрядами существительных в род. падеже (типа: *чая — чаю*); пересекающаяся — в отношениях суффиксов *-н-, -ое-*, дистрибуция которых частично совпадает (ср. *смородиновый = смородинный, малиновый — малинный*, но только *липовый, виноградный, грушевый* и т. д.).

§ 34. УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ И ИХ КОНСТИТУТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Выше было сказано, что уровни представляют собой основные компоненты структурной организации языка. Базисными элементами, образующими уровень, являются КЕ, однако в образовании уровня в известной степени участвуют и НКЕ. Как элементы уровня, КЕ и НКЕ создают его специфику своей материальной и формальной природой, типом значения (двусторонние единицы), характером взаимоотношений, выполняемыми функциями. На этой основе выделяются фонетико-фонологический, морфемно-морфологический, лексико-семантический и синтаксический уровни.

Ниже мы кратко рассмотрим названные уровни и их КЕ.

§ 35. ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

КЕ фонетико-фонологического уровня является фонема — кратчайшая, далее неделимая звуковая единица языка, служащая для различения слов и их форм. Фонемы и неконституирующие единицы языка, относящиеся к этому уровню, образуют материальную, или объективную, сторону языка и соответственно — словесного (вербального) мышления. Фонема представляет собой членораздельный, или дискретный, звук; генетически его формирование органически связано с образованием дискретных единиц мысли, значений. Фонемы языка образуют систему. Самостоятельность фонемы в этой системе определяется тем, что ее отличает от всех других фонем данной системы. Эти ее признаки называют различительными (или дифференциальными, оппозиционными). Они выделяются на основе взаимоотношения фонем как материальных единиц, выполняющих в языке так называемую «смыслоразличительную функцию». Самостоятельность фонемы, таким образом, создается тем, чем она обладает положительно по отно-

шению к другим фонемам системы (ср. мнение Соссюра, что фонемы определяются отрицательно).

В фонологической системе выделяются такие признаки, по которым противопоставляются ряды фонем (ср. противопоставление в системе фонем русского языка: гласных и согласных, последние, в свою очередь, делятся на звонкие и глухие, твердые и мягкие и др.). Все эти признаки коммуникативно важны. Методическим приемом выделения фонем является сопоставление двух слов, совпадающих всем своим звуковым составом, за исключением одного звукового элемента, далее неделимого, служащего материальным различием этих слов как значимых единиц языка (ср.: *пыл — пыль, кот — кит, ком — лом, мал — мул — мол — мил* и т. п.). Выделенные таким образом фонемы могут по-разному различать звуковые оболочки слов: сочетанием разных фонем (*кран — поле*) и разным количеством разных фонем (*ласточка — клад — лад — ад; победа — обеда — беда — еда — да — а*; и т. п.); разным порядком одних и тех же фонем (*рост — сорт — трост — торс*) и др.

Для различения звуковых оболочек слов язык использует лишь незначительное количество теоретически возможных сочетаний фонем. Во-первых, не все возможные сочетания фонем человек может произнести, и, во-вторых, — и это главное — нет необходимости использовать в целях общения все возможные сочетания (из 41 фонемы русского языка можно образовать практически бесконечное число сочетаний).

Фонема как единица языка реализуется в виде таких своих видоизменений, которые не нарушают ее тождества. В разных лингвистических направлениях, у разных ученых эти видоизменения квалифицируются и называются по-разному в зависимости от понимания самой фонемы. Известно, что Ленинградская фонологическая школа (ЛФШ) считает, что фонема как тип звука реально существует в виде своих оттенков; представители Московской фонологической школы (МФШ) полагают, что фонема реализуется в своих вариациях и вариантах. Зарубежные лингвисты в большинстве своем согласны с тем, что фонема манифестируется в аллофонах.

Устойчивое противоречие между ЛФШ и МФШ кажется непреодолимым при условии, что мы рассматриваем фонему в пределах фонологического уровня. Однако это искусственное ограничение, хотя оно в исследовательских целях и при известных допущениях необходимо. Но фонема, как и любая другая единица, существует в системе языка в целом, и ее природу, действительное положение мы можем понять при условии ее исследования в этой целостной системе.

Главное противоречие между ЛФШ и МФШ заключается в толковании фонем в условиях их фонематической нетрализации в речи. Ленинградские фонологи видят здесь разные фонемы, различающие слова или формы слов (ср. в слове: *пруда — пруд* фонемы $[d]$, $[m]$);

москвичи — вариант фонемы /d/, не нарушающий тождества морфемы, несмотря на совпадение в звучании с фонемой /m/). Подобное поведение фонем в речи и дает основание некоторым лингвистам делать вывод об абстрактной природе фонемы как пучке оппозиций, безразличном к своему материальному воплощению.

Между тем фонема — это тип звука, нейтрализация которого, т. е. потеря в известных фонетических условиях речи своей смысловозначительной функции, отнюдь не исключает фонематического противоположения фонемы в системе языка в целом именно как типа звука. Фонема — абстракция, но абстракция с реальностью, предполагающая свое конкретное материальное воплощение и обязанная своим статусом в фонологической системе наличием различительных признаков этой материальной, звуковой реальности.

Нейтрализация фонем в определенных речевых условиях никоим образом не влияет на взаимопонимание говорящих. Система языка информационно избыточна, и нейтрализация одной фонемы в потоке речи, в ее известных образованиях, многократно компенсируется другими материальными и идеальными (семантическими) различителями, входящими в данное речевое образование. К тому же нейтрализация фонемы происходит в строго определенных типовых речевых условиях, которые говорящий усваивает в процессе овладения языком. Каждая фонема имеет такие участки в своем функционировании, где ее смысловозначительность ослабляется или вовсе нейтрализуется и где эту функцию выполняют в потоке речи системные элементы как фонетического уровня, так и других уровней языка, образующие в совокупности определенно оформленную, семантически законченную речевую цепь (ср. «речь» в понимании Потебни: 4, с. 44).

Итак, противоречия между ЛФШ и МФШ отражают противоречивый характер существования фонем в языке, и объяснение этой противоречивости требует рассмотрения фонемы в языке как целостной системе, реально существующей в речи. Рассматривая же фонему в пределах словоформы или морфемы, мы тем самым ограничиваем фонему в известной степени искусственно выделенными постоянными условиями. Между тем фонема существует в речи в более обширных речемыслительных образованиях, смысловозначительные возможности которых значительны, избыточны. Такой характер функционирования фонем (вариативность, нейтрализация) не влияет на взаимопонимание говорящих.

§ 36. МОРФЕМНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В вопросе о выделении этого уровня у лингвистов нет единства. Некоторые ученые выделяют только морфемный уровень, исследуя системные взаимоотношения семантически минимальных единиц —

морфем, выделяя, в свою очередь, в их составе аффиксальный подуровень. Другие ученые, кроме морфем, включают в морфемно-морфологический уровень словоформы и их парадигмы как единицы морфологии. Учитывая тот факт, что морфемы и их связи должны изучаться в единстве с выполняемыми ими функциями, мы также включаем в состав единиц этого уровня морфемы и словоформы. Как уже говорилось выше, слово является узловым элементом языка, фокусом взаимодействия многих языковых факторов. В силу этого разными своими сторонами оно имеет отношение к другим единицам языка, а следовательно, и к другим языковым уровням. Слово не только носитель лексического значения, оно одновременно и морфологическая единица, образованная по присущим данной языковой системе правилам. Поэтому словоформа и лексема как совокупность словоформ — это морфологические образования, а потому имеют отношение к морфемно-морфологическому уровню.

Подобно другим единицам языка, морфема выступает в виде определенных своих видоизменений, вызванных историческими причинами или конкретными текстовыми условиями. Представители (репрезентанты) морфемы, образующие в совокупности парадигму ее изменений в системе языка, т. е. ее тождество, называются морфами, или алломорфами (по аналогии с аллофонами фонемы; ср.: *друг* — *друга* — *другья* — *дружить*; *свечой* — *тучей*; *избить* — *испить*; *искать* — *подыскать*; *история* — *предыстория* и т. п.).

Морфемы самостоятельно не употребляются в предложении, не являются тем самым номинативными или коммуникативными единицами языка. Они служат для образования слов и словоформ. Выделяются знаменательные морфемы (корни) и служебные (аффиксы). В свою очередь аффиксы подразделяются на словообразовательные и словоизменительные. С помощью словообразовательных суффиксов образуются новые слова различных частей речи; словоизменительные аффиксы участвуют в образовании форм слова. Приставки образуют новые слова одной и той же части речи. В соответствии с этим делением словообразовательные аффиксы имеют словообразовательное значение, словоизменительные — грамматическое.

Морфема — явно выраженный показатель классификационной природы слова. Если с корнем связано выражение вещественного значения слова, то словообразовательные и словоизменительные аффиксы являются показателями принадлежности слова к тому или другому соответственно содержательному или формальному разряду слов.

Образованная с помощью словоизменительного аффикса словоформа включается в парадигму формального изменения слова, принадлежащего к определенной части речи. Совокупность таких словоформ, образующих парадигму, определяется как лексема.

Конкретные грамматические значения объединяются в граммати-

ческие категории (ср. категории рода, числа, вида, наклонения и др.). Грамматические категории — это предельно отвлеченные грамматические понятия, которые часто не замыкаются пределами одной части речи. С помощью категорий осуществляются сквозные грамматические классификации, охватывающие разные части речи и доказывающие тем самым единство грамматической системы языка.

Значимые элементы языка по-разному осмысливались отечественными и зарубежными лингвистами и в соответствии с этим по-разному классифицировались. Укажем в качестве примера на оригинальную классификацию значимых элементов языка Потебни.

Потебня делит значимые единицы языка, с известной долей условности, на объективные и субъективные. **Объективные** — это элементы слова, выражающие индивидуальное содержание, т. е. корни. С ними связано обозначение вещественного значения; они, как пишет Потебня, непосредственно указывают на те или другие явления действительности. **Субъективные** — это элементы, выражающие различного рода общие, классификационные значения, относя слово к разным содержательным или формальным разрядам. Именно эти субъективные значения представляют собой «приспособления» языка для организации, оформления и выражения так называемого «внеязычного содержания», образуемого на основе чувственного восприятия явления действительности и его понимания. Субъективные значения — это сопутствующие (синсемантические) значения, уточняющие в том или другом отношении и оформляющие значение корня, вещественной части слова (см.: 13, с. 119—168).

С помощью «субъективных приспособлений» осуществляются закономерные преобразования «внеязычного содержания», в чем находят выражение системные взаимоотношения между лексикой, словообразованием и грамматикой.

§ 37. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Главной КЕ этого уровня является **с л о в о** как носитель лексического значения; кроме него, к этому уровню относятся также приравняемые к слову — по характеру своих значений и выполняемым функциям — неоднословные вторичные единицы языка: фразеологизмы, лексикализованные номинативные и предикативные сочетания слов, а также аббревиатуры. Лексико-семантический уровень аккумулирует и закрепляет итоги познавательной деятельности говорящего коллектива, выработанные в практике общения понятия. В силу этого лексико-семантический уровень существенно отличается от всех других уровней. Языковеды указывают на ряд определяющих его характеристик.

Словарный состав подвижен и проницаем, это открытый уровень

языка. Новые факты действительности, попадающие в сферу человеческой деятельности, новые понятия, формирующиеся на этой основе, получают непосредственное отражение в словарном составе языка. В соответствии с разными условиями и целями общения, в результате изменения самого языка и исторической смены коммуникативных систем, под воздействием других языков в лексической системе языка формируются разные слои лексики: диалектная, профессиональная, терминологическая, старославянская (в русском языке) и др. Разнообразны тематические и семантические группировки слов, отражающие различные связанные между собой явления действительности и понятия.

Лексика языка непосредственно связана с разными сферами общения, с разными внешними коммуникативными участками речевой деятельности. На лексико-семантическом уровне смыкается и перекрещивается внутренняя и внешняя структура языка. В результате происходит стилистическая дифференциация лексики языка. Однако основанием такой дифференциации выступает межстилевая, нейтральная лексика, служащая словарным ядром в любом стиле и сфере общения; эта лексика представляет собой стилистический фон, на котором выделяются другие стилистически маркированные слои лексики.

Лексика языка внутренне системно организована на разных семантических основаниях. Отмечается логическая подчиненность и соподчиненность словарного запаса. На этом основании выделяются различного ранга гиперонимы (генеральные, общие понятия) и гипонимы (видовые, логически подчиненные понятия). Гиперонимия и гипонимия пронизывают лексику языка от базовых, категориальных понятий до конкретных, единичных.

Систематическая организация лексики на семантических основаниях выражается и в таких явлениях языка, как многозначность, синонимия, антонимия, лексическая ассимиляция, семантическая сочетаемость слов и др. Примером системной организации лексики могут служить упоминаемые выше тематические группы слов и семантические (понятийные) поля.

Как говорилось выше, к лексико-семантическому уровню принадлежат и другие лексикализованные единицы, которые по своей семантике, выполняемым в языке функциям тождественны слову либо приближаются к нему. Это фразеологизмы, глагольно-именные сочетания слов, составные наименования (ср.: составные термины, различного рода устойчивые аналитические названия, сложно-сокращенные слова). В сравнении со словом эти единицы по своему образованию генетически вторичны.

Слово — знак большого обобщения, выполняющий в языке различные семантические и грамматические функции (номинативную, предикативную, образную, характеристическую и др.). Поэтому вполне естественно и закономерно, что со словом могут совпасть семантически

и функционально и быть соотносительными различного рода устойчивые сочетания слов. Однако различное оформление и выражение соотносительного со словом значения (аналитические номинативные и предикативные единицы различаются составом своих элементов, смысловой сфуктурой) не может не вносить своеобразия в их значения и выполняемые функции, по сравнению со словом. Все это определяет их самостоятельное место и роль на лексико-семантическом уровне, а следовательно, и их отношение к обозначаемой действительности.

Своеобразие этих вторичных единиц особенно рельефно обнаруживается в случае их синонимичности слову. Само обобщение в слове (понятие) разрабатывается исторически и не выступает данным в момент образования слова. Поэтому было бы словесной аберрацией видеть в других номинативных и предикативных единицах обязательный семантический и фамматический эквивалент слову с тождественными функциями, т. е. рассмафивать их как знаки с такой же разработкой понятия и всеми возможными функциями, как и в слове. Значение слова должно рассмафиваться не как эталон приравнения и отождествления значения и функций других номинативных и предикативных единиц языка, а скорее как общий семантический и функциональный фон, на который проецируются значения и функции вторичных составных единиц языка. Это позволяет определить своеобразие этих единиц, глубину и объем разрабатываемого в них обобщения, роль образности, специфику и набор осуществляемых функций, по сравнению со словом. Поэтому нет оснований полностью приравнивать семантику и функции слова и таких единиц, как фразеологизм, глагольно-именные сочетания, составные термины на том основании, что они на определенном участке своего функционирования могут выполнять одни и те же семантические и фамматические функции, быть семантически или ономазиологически тождественными, т. е. синонимичными. Близость составных лексикализованных единиц слову различна, что зависит от развитого в них обобщения, выполняемых семантических и фамматических функций, от их смысловой сфуктуры (внутренняя форма) и ее соотношения со значением.

Отношение слова и фразеологизма было в ценфе внимания фразеологов со времени формирования фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины. Если первоначально лексикологи по большей части отождествляли слово и фразеологизм (и прежде всего в семантическом отношении), то в последнее время многие языковеды склонны видеть во фразеологизме особую конститутивную единицу языка, образующую свой сфуктурный уровень; утверждается при этом особый характер значения фразеологизма и выполняемых им функций. В противоположность такому мнению мы считаем, что нет достаточных оснований выделять фразеологизм из лексико-семантического уровня. И семантической близостью, и своей семантико-фамматической функцией, соотносительностью с морфологическими разрядами слов, со-

отношением внутренней формы и значения фразеологизм не порывает со словом. Разумеется, эти общие черты не исключают своеобразия фразеологизма. Своим образным, характеристическим значением, выполняемыми в предложении функциями фразеологизм родственен словам с синтаксически обусловленным значением (образная, эмоциональная характеристика, даваемая подлежащему). Фразеологизм, имея образное, характеристическое значение, либо выполняет собственно предикативную функцию, либо образно определяет, уточняет предикат. Отсюда становится понятным, почему самыми многочисленными в языке являются глагольные и наречные фразеологизмы. Малочисленные субстантивные и адъективные фразеологизмы употребляются, как правило, в функции сказуемого, т. е. являются предикативными, образной, эмоциональной характеристикой субъекта-подлежащего (ср.: *чучело гороховое, сонная тетеря, от горшка два вершка, с коломенскую версту, не все дома* и т. п.).

Особое место на лексико-семантическом уровне занимают глагольно-именные сочетания. Это весьма продуктивный класс лексически расчлененных устойчивых предикатов, в большинстве своем коррелятивных глаголу (*участвовать = принимать участие, помогать = оказывать помощь, влиять = оказывать влияние* и т. п.). Предикаты такого типа весьма продуктивны во многих современных языках, как вторичные образования они наблюдались и в древнем состоянии языков.

В отечественном языкознании утвердилось мнение, высказанное Потемной, что в языке, по направлению к нашему времени, увеличивается противоположность имени и глагола. Это выражается прежде всего в их формальных, фамматических признаках, в их роли в предложении как главных членов, в поляризации и тяготении второстепенных членов предложения к этим двум фамматическим ценфам в предложении. Но рядом с этим в процессе развития языка наблюдаются и тесные, взаимопроникающие отношения между именем и глаголом, в результате чего образуются единицы, в которых объединяются и активно проявляются свойства имени и глагола.

Тенденция, с одной стороны, к уточнению в предикации приписываемого подлежащему признака, с другой, — семантическое ослабление определенных весьма упобительных глаголов (типа — *иметь, дать, оказывать, вести* и др.) не могли не привести к «союзу» имени и глагола. Богатые фамматические и валентные возможности этих двух частей речи, объединенные в глагольно-именных сочетаниях, усиленно используются, благодаря чему выражаемое понятие снабжается многими дополнительными характеристиками, представляющими его рас-щепленно, дифференцированно (ср., например, *влиять = иметь влияние — иметь большое, значительное, определяющее, некоторое ... влияние, значить = иметь значение — иметь важное, большое, первостепенное... значение* и т. п.). Синтез имени и глагола знаменует собой

более дифференцированное и детальное отражение фактов действительности.

В современных языках, в том числе и в русском языке, активно развивается аналитизм не только в обозначении действия, но и предмета в широком его понимании. Однако в языке одновременно продолжает быть продуктивным и развивающимся и синтетическое, однословное обозначение понятий. Аналитическое и синтетическое обозначения понятий сосуществуют, взаимодействуют и во многих случаях предполагают друг друга, выполняя дифференцирующую, дополняющую, в том числе и синонимическую функции.

В языках отмечается большое количество аналитических устойчивых названий как в общепотребительном языке, так и — особенно — в научных терминологиях (ср.: *заработная плата, грузовой автомобиль, начальное образование, железная дорога, высшее учебное заведение, теория познания, химическое соединение, двигатель внутреннего сгорания, электромагнитное излучение* и т. п.). По наблюдениям лингвистов, в современных научных терминологиях составные термины преобладают. Дефинитивная (определяющая) природа термина (В.В. Виноградов) получает в таких названиях отчасти внешнее языковое выражение. Признаки, заключенные в таком названии, в известной степени определяют то понятие или предмет, который название обозначает. И хотя составные термины, как говорилось выше, весьма распространены в языке науки, оптимальным для языковой системы знаком, закрепляющим понятие в языке, остается слово. На почве этого противоречия образуются параллельные названия для одних и тех же научных понятий, имеющие неодинаковую функциональную ценность, а потому дополняющие друг друга. Именно соотношение в языке таких названий позволяет вскрыть их функциональные особенности. Для определенных условий общения безразлично — явно называются в знаке выделительные, определяющие признаки понятия или подразумеваются. Как нельзя поставить знак равенства между словом и его определением, хотя объем значения, существенные признаки, обозначаемый класс предметов являются общими, так же нельзя полностью идентифицировать в смысловом отношении однословный и составной термин (ср., например, грамматические термины: *неопределенная форма глагола = инфинитив, повелительная форма глагола ~ императив, имя существительное — субстантив, винительный падеж = аккузатив* и т. п.). Поскольку составной термин явно называет признаки обозначаемого понятия, он предпочтителен при обучении (школьная грамматика применяет эти термины). Но составные термины непродуктивны в словообразовательном отношении, поэтому дериваты образуются от иноязычных однословных терминов (ср.: *инфинитивный, инфинитив-ность, императивный, субстантивный, субстантивность* и т. п.). Таким образом, различные возможности пар

ациональную ценность, которая поддерживает сосуществование названий в терминосистеме.

Аббревиатуры — это выработанные в практике общения виды сокращений неоднословных аналитических наименований, употребляющихся по большей части в общем языке. Закрепившиеся в языке, такие сложно-сокращенные названия нередко образуют дериваты (ср.: *колхозный, колхозник, совхозный, вузовский, комсомольский, комсомолец, детдомовский, детдомовец, энтээровский, райисполкомовский, чекист* и т. п.).

§ 38. СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

КЕ синтаксического уровня являются словосочетание и предложение. Синтаксис, как раздел грамматики, не занимается описанием и анализом конкретных смыслов этих единиц; теоретически и практически они неисчерпаемы. Предметом изучения синтаксиса являются отвлеченные модели строения этих единиц и их типовые значения, закрепленные в системе языка.

Теоретическую и практическую разработку словосочетания и предложения получило в трудах прежде всего отечественных ученых — Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, Н.П. Петерсона, В.В. Виноградова, В.П. Сухотина и др.

Наиболее признанной, теоретически цельной является концепция словосочетания В.В. Виноградова. Словосочетание — номинативная единица, подобная слову; оно представляет собой строительный материал, из которого образуется предложение. Вслед за В.В. Виноградовым, под словосочетанием понимают сочетание, как правило, двух знаменательных слов, связанных между собой подчинительной связью и выражающих одно «расчлененное понятие». Форма словосочетания зависит от грамматически главного, стержневого слова. Словосочетание — это, в сущности, семантическое распространение этого слова на основе его морфологических свойств. Словосочетание — ближайший контекст слова, в котором снимается отвлеченность его значения, оно «привязывается» к конкретной действительности и реализует ту или иную свою семантическую функцию. Обозначение словосочетанием «расчлененного понятия» говорит о том, что значение, а точнее — смысл словосочетания, не представляет собой простую сумму значений двух сочетающихся слов.

Наметившееся в отечественном языкознании в 50—60-е годы активное теоретическое и практическое изучение словосочетания прежде всего русского языка в последующие годы, по сути дела, сведено на нет. После трудов В.В. Виноградова, В.П. Сухотина, Н.Н. Прокоповича

заметного продвижения в этой области не наблюдается. Между тем это все еще недостаточно изученная область языка: не инвентаризованы и не описаны типовые значения моделей словосочетаний русского языка, не исследованы регулярные семантические функции слов, образующие смыслы словосочетаний, не раскрыто своеобразие номинативной функции различных типов словосочетаний, сравнительно со словом и лексикализованными сочетаниями слов; не приведена в известность богатейшая синонимика словосочетаний, быть может, более всего демонстрирующая семантическую гибкость и подвижность языка на синтаксическом уровне и др.

Предложение — это коммуникативная единица языка. Подобно другим основным единицам языка, предложение имеет много определений. В качестве рабочего мы воспользуемся определением В.В. Виноградова: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. неделимая далее не речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» (11, с. 254).

Традиционное изучение предложения преимущественно обращало внимание на структурно-грамматические его признаки. Это изучение выявило существенные грамматические признаки предложения. Отталкиваясь от логицизма и психологизма, Потемня и его школа (Д.Н. Овсянко-Куликовский и др.) выделили предикативность и модальность как тот необходимый грамматический минимум, который характеризует предложение в качестве особого грамматического явления (категории времени, наклонения, лица, отношения выражаемой мысли к действительности). Морфологически эти категории выражаются в формах глагола. Поэтому глаголу отводится в трудах таких ученых, как А.А. Потемня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др., исключительная роль в образовании предложения. По Потемне, основные грамматические признаки современного предложения связаны с глаголом¹. Если главным признаком нашего предложения, замечал он, является глагольность, то, определив глагол, мы тем самым определим минимум предложения.

Грамматисты описывали грамматические модели, или схемы, по которым строятся предложения, исследовали их семантику. Содержание предложения рассматривалось с логической либо психологической точки зрения (ср. выделение утвердительных, отрицательных, частно-отрицательных и других предложений). Очевидно, что при таком подходе предмет собственно языковедческого анализа содержания предложения оставался недостаточно затронутым.

В современных исследованиях по синтаксису стало весьма распространенным выделение в традиционно понимаемом предложении, по

сути дела, двух синтаксических единиц — собственно предложения и высказывания. При этом под предложением понимается абстрактная модель, или схема, предложения, реализуемая в открытом числе высказываний. Высказывания, таким образом, представляют собой лексический наполнения этой модели, выражающие индивидуальные смыслы. Последние образуются в конкретных речевых условиях в результате отражения определенных «ситуаций». Воспроизводимой в высказываниях модели соответственно приписывается статус языковой единицы, высказыванию — речевой. Такое понимание коммуникативной единицы языка, в которой реализуются все другие единицы, дает основание некоторым лингвистам говорить о двойственности нашей науки вообще. Традиционное языкознание предлагается разделить на науку о языке и науку о речи. Эти идеи восходят к концепции Соссюра о дихтомии языка и речи и соответственно о двух лингвистиках.

Выделение в предложении модели, или структурной схемы, и индивидуального смысла представляет собой закономерный результат анализа предложения и — что следует подчеркнуть — не исчерпывает его существенных признаков. Однако, на наш взгляд, было бы методологической ошибкой рассматривать выделенную в результате исследования сторону предложения как отдельную единицу, т. е. приписывать ей онтологически самостоятельное существование вне того единства, в котором она действительно существует и благодаря которому создается качественная определенность предложения как отдельного языкового явления (мы ведь не выделяем из слова две лексические единицы, хотя в нем обнаруживаем языковое значение и речевой смысл).

Понимание предложения, т. е. коммуникативной единицы, как формальной схемы, или модели, логически предполагает и представление о языке как о конструкторе.

Выделение типового значения модели, или схемы строения предложения, поколебало безоговорочное отнесение высказывания к речи; стал более очевиден его механический отрыв от этой модели. Модель, или схема, семантизирована, и притом таким образом, что ее значение органически слито со смыслами определенного типа предложений, т. е. выводится из этих смыслов как их общая инвариантная часть (см. об этом ниже). Выделение в предложении структурной модели и индивидуального смысла («высказывания») — искусственный прием, гносеологически необходимый для познания сущности предложения, являющийся результатом его анализа. И смысл, и абстрактная модель, и ее значение представляют собой отдельные стороны предложения как явления языка и, соответственно, аспекты рассмотрения предложения, а не отдельные онтологически самостоятельные единицы языка, относящиеся к языку и речи. Только их диалектическое единство создает качественную определенность предложения как отдельного самостоятельного явления языковой действительности.

§ 39. СЛОВО КАК УЗЛОВАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Подытоживая рассмотрение основных КЕ языка, мы должны в заключение сказать об особом месте в иерархии этих единиц слова как узловой, главной единицы языка. В.В. Виноградов справедливо подчеркивал, что слово является фокусом взаимодействия фонетических, грамматических, семантических, словообразовательных и иных факторов. Различными своими элементами или сторонами оно входит во все названные уровни языка; иными словами, слово имеет отношение ко всем единицам других уровней языка. Как носитель лексического значения слово относится к лексико-семантическому уровню, как словоформа — к морфемно-морфологическому, как член номинативного предложения — к синтаксическому. Фонема в качестве языковой единицы выделяется на основе смысловых отношений слов и их форм; она же является элементом (материей) слова. Морфема существует в слове, ее ближайшим контекстом является слово. Слово образуется с помощью морфем. Из слов образуется словосочетание; слова, их значения и смыслы участвуют в образовании как типового значения словосочетания, так и его смысла; грамматические свойства слов участвуют в образовании формы словосочетания. Предложение образуется с помощью слов и словосочетаний, предложение может состоять и из одного слова.

Все эти факты говорят о том, что слово является центральной, узловой единицей языка. Разумеется, свойства слова, как и все другое в языке, исторически изменяются, и слово не всегда было таким, каково оно сейчас. Однако мы вправе, вслед за Потебней, считать, что в языке на разных этапах его развития, включая и самые древние, существовала узловая единица языка, которая занимала в системе других единиц центральное место.

§ 40. УРОВНИ ЯЗЫКА И ТРАДИЦИОННЫЕ РАЗДЕЛЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Системно-структурное строение языка, как это очевидно, не совпадает с традиционными разделами науки о языке. Основные разделы науки о языке охватывают как КЕ, так и НКЕ. Так, в фонетике, наряду с фонемами (их составом, дифференциальными признаками, позиционными и комбинаторными чередованиями, способами их образования и др.), изучаются и неконститутивные фонетические единицы (ср., например, фонетическое слово, словесное, синтагматическое ударение, интонации и др.).

КЕ морфемно-морфологического уровня изучаются в морфемике, морфологии, словообразовании, морфонологии. В этих разделах науки о языке, в свою очередь, выделяются единицы, не относящиеся к КЕ

(ср.: непроизводная, производная, производящая основы, словообразовательная модель и др.).

В синтаксисе, наряду со словосочетанием и предложением, изучаются члены предложения, различные синтаксические обороты, обособления, синтагма и др.

Разумеется, исследования языковых единиц в системно-структурном и традиционном отношениях не исключают и не подменяют, а взаимно дополняют друг друга. Структурное изучение языковых единиц открывает важную роль прежде всего КЕ в организации языка. Такое изучение наглядно демонстрирует стратификацию языка, основные составляющие и наиболее обобщенные элементы организации языка, место и роль основных языковых единиц в строении языка как целостной, саморегулируемой и развивающейся системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
2. Потебня А.Л. Мысль и язык. Харьков, 1913.
3. Потебня А.Л. Психология поэтического и прозаического мышления (1910). Сущность слова, язык как система//Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
4. Потебня А.Л. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
5. Бодуэн де Куртэнэ И.Л. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
6. Бодуэн де Куртэнэ И.Л. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
7. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1976.
8. Основные направления структурализма. М., 1964.
9. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974.
10. Словарь русского языка/Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1984.
- И. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
12. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
13. Потебня А.Л. История русского языка. Лекции, читанные в 1882/83 академическом году в Харьковском университете//Потебнянсыя читання, Кшв, 1981.

V. ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

§ 41. ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Язык, как и любое другое явление действительности, не стоит на месте, а изменяется, развивается. Теоретическое языкознание с самого начала своего становления интересовалось процессами изменения и развития языка. При этом отмечалось, что изменение языка носит своеобразный характер, отличается очевидной противоречивостью. Как происходят изменения языка? В чем их причины? Как обеспечивается взаимопонимание говорящих в общении в процессе изменения языка? Всякое ли изменение языка свидетельствует о его развитии и совершенствовании и возможно ли вообще ставить вопрос о развитии и совершенствовании языка? Эти и другие связанные с ними вопросы давно занимают многих лингвистов.

Одним из первых ученых, кто указал на противоречивый характер существования и изменения языка, был В. Гумбольдт: «...По своей действительной сущности,— замечал он,— язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее» (1. С. 70). Ближе к нашему времени, по-другому о противоречивости изменения и существования языка высказался Ш. Балли в известном своем парадоксе: «...Языки непрерывно изменяются, но функционировать они могут только не меняясь» (2, с. 29).

XIX в. в истории языкознания — это век прежде всего сравнительно-исторического языкознания. Его представители считали, что сравнительно-историческое изучение родственных языков, т. е. языков, восходящих к единому языку-источнику, является основным методом изучения языка, потому что этот метод помогает вскрыть причины того или другого языкового явления, а тем самым в известной степени объяснить и современное его состояние.

Однако этот метод не может ответить на многие вопросы, связанные с эволюцией и развитием языка. С помощью сравнительно-исторического метода отмечаются произошедшие изменения путем сравнения различных этапов эволюции данного языка и других родственных ему языков. Причем исследуемые языковые факты рассматривались, как

правило, изолированно, не в системе. Изучая язык с исторической точки зрения, представители сравнительно-исторического направления также указывали на противоречия, связанные с эволюцией и развитием языка: с исторической точки зрения он постоянно изменяется, но в процессе непосредственного функционирования он остается одним и тем же (3, с. 94—95). Тожество языка самому себе есть неперемненное условие нормального общения в коллективе.

Выяснение конкретных причин изменений тех или других языковых явлений требует рассмотрения истории этих явлений, а также исследования их связей и зависимостей в системе языка с синхронической и диахронической точки зрения. Дихотомия синхронии и диахронии в изучении языка связана с именем Ф. Соссюра.

§ 42. КОНЦЕПЦИЯ Ф. СОССЮРА СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Согласно Ф. Соссюру, для наук, оперирующих понятием значимости (см. выше), необходимо разграничение двух осей времени: оси одновременности, где исключено всякое вмешательство времени, и оси последовательности, на которой нельзя рассматривать больше одной вещи сразу. Для языкознания такое разграничение осей времени — синхронии и диахронии — абсолютно, «ибо язык есть система чистых значимостей, определяемая исключительно наличным состоянием входящих в нее элементов» (4, с. 113). Значимость элемента определяется его положением среди других элементов данной системы. Отношения этих двух осей времени — синхронии и диахронии — Соссюр иллюстрирует графиком в виде пересекающихся под прямым углом двух прямых: АВ (синхрония) и СД (диахрония) (рис. 6).

D

Рис. 6

В соответствии с выделением двух осей синхронии (одновременности) и диахронии (последовательности) Соссюр выделяет две лингвистики: синхроническую (статическую) и диахроническую (эволюционную). По Соссюру, синхроническая лингвистика должна заниматься логическими и психологическими отношениями, связывающими сосуществующие элементы и образующими систему, изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием.

Диахроническая лингвистика, напротив, должна изучать отношения, связывающие элементы, следующие друг за другом во времени и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, т. е. элементы, последовательно сменяющие друг друга и не образующие в своей совокупности систему.

Рассматривая язык как систему, Соссюр, естественно, отдавал предпочтение синхронической лингвистике, хотя в своей исследовательской практике много занимался диахронией. По его мнению, только на оси одновременности, сосуществования возможны системные отношения. Для говорящих синхроническое состояние языка — подлинная и единственная реальность. Цель лингвиста — познать эту реальность. «Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих» (4, с. 132).

Лингвистика, по Соссюру, с самого начала слишком много внимания уделяла диахронии, истории языка. Между тем диахронические изменения не могут затронуть всю систему сразу, а только отдельные ее элементы. «Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности» (4, с. 115).

Синхроническая и диахроническая лингвистика имеют и отличные друг от друга законы. Синхронический закон — общий, регулярный, но не императивный, т. е. «в языке нет никакой силы, гарантирующей сохранение регулярности, установившейся в каком-либо пункте» (4, с. 125). Напротив, диахронический закон носит частный, но императивный Характер, он «навязан языку».

Синхроническая и диахроническая лингвистика различаются своими методами исследования языка. Первая «знает только одну перспективу, перспективу говорящих, и весь ее метод сводится к собиранию от них языковых фактов» (4, с. 123), в то время как диахроническая должна различать две перспективы: проспективную, следующую за течением времени, и ретроспективную, направленную вспять. Кроме того, синхроническая лингвистика имеет своим объектом только совокупность фактов, относящихся к тому или другому языку. Между тем диахроническая лингвистика рассматривает факты, не обязательно принадлежащие к одному языку.

Синхрония и диахрония — это вторая дихотомия в лингвистике, наряду с первой: «язык — речь». Используя этот двойной принцип

классификации, Соссюр считает, что «все диахроническое в языке является таковым только через речь» (4, с. 130). Речь, таким образом, является источником всех изменений. Любые инновации появляются первоначально в речи у отдельных лиц и превращаются в факт языка тогда, когда принимаются всем говорящим коллективом.

Изложенные взгляды Соссюра на синхронию и диахронию, на языковые изменения, хотя и получили в языкознании широкое распространение, одновременно вызвали замечания у многих лингвистов. Разбор взглядов на эту проблему можно найти в таких, например, публикациях: (5, с. 189 и ел.; 6, с. 69—85; 7, с. 85; 8, с. 240 и ел.). Со своей стороны заметим следующее. И в работе самого Соссюра, и в публикациях его многочисленных последователей обнаруживается целый ряд неточностей, противоречий, умолчаний. Прежде всего остается точно, непротиворечиво не определенным само понятие синхронии. Какую временную протяженность она имеет? То ли это моментальный временной срез или это большая протяженность? Как соотносятся понятия синхронии и современности? Очевидно, что эти понятия не абсолютные, а предполагают известный субъективный подход, условность, относительность. Так, современным русским литературным языком большинство русистов считает язык периода от Пушкина до наших дней. Известно, однако, что есть и другая периодизация современного русского литературного языка.

Мы не можем представить синхронию как миг (1 сек, 1/10 сек и т. п.). Научная ценность такого представления времени в изучении языка равна нулю. Мы не можем представить и диахронию как неограниченную временную протяженность — ретроспективную или проспективную. Научная ценность такого подхода в изучении языка также сомнительна. Следовательно, и синхрония, и диахрония — это временные категории, которые имеют в познании языка известную относительность и условность как в гносеологическом, так, надо полагать, и в онтологическом отношении.

В то же время нужно признать методологически важным введение этих категорий (а следовательно, и аспектов изучения языка) в лингвистику. Только не следует думать, что они связаны исключительно с именем Соссюра. И в западноевропейском, и в отечественном языкознании изучение языка, например русского, велось как с исторической, так и с описательной точки зрения. В последнем случае подразумевалось описание состояния языка, современного исследователю. Таким образом, синхронический и диахронический подходы к изучению языка осуществлялись и в традиционном языкознании. Однако эти аспекты не противопоставлялись так радикально, как у Соссюра, хотя данные подходы и различаются своими приемами исследования и имеют отличия в самих объектах исследования. Абсолютное противопоставление как аспектов изучения языка, так и его состояний в указанных выше отношениях неправомерно. Более того эти подходы

методологически дополняют друг друга. Без исторического исследования мы не можем объяснить многое в современном состоянии языка. Лингвистика занимается не только синхронным коллективным языковым сознанием. Это один из возможных аспектов изучения языка. Когда же мы начинаем заниматься выяснением причин тех или других языковых явлений, мы по необходимости обращаемся к их истории и их системным связям в ней. По мнению многих ученых, собственно наука начинается с вопроса: почему? Надо думать, в таком подходе Соссюра к изучению языка сказалась позитивистская точка зрения на язык.

Вызывает замечание и категорическое утверждение Соссюра, что диахрония не свойственна системности. Против этого тезиса Соссюра решительно выступал Пражский лингвистический кружок. При этом подчеркивалось, что само изменение того или иного языкового элемента нередко происходит под воздействием системных отношений. В свою очередь изменение элемента системы влечет за собой передвижку во взаимоотношениях со связанными с ним другими элементами системы, т. е. к изменению в конечном итоге самой системы (ср., например, изменение системы гласных и согласных фонем в древнерусском языке под воздействием падения редуцированных гласных; историческое развитие противополжения имени и глагола и, как следствие, более грамматически строгое системное оформление предложения; нередко даже изменение отдельного лексического факта оказывается связанным с глубинными системными отношениями: ср.: формирование лексических пар типа *гармонический* — *гармоничный* под воздействием развития качественных значений и связанных с ними грамматических и словообразовательных возможностей слов и др.).

В то же время синхрония дает нам возможность легче обнаружить, опираясь на языковое сознание говорящих, взаимодействие различных факторов языка, между тем как в диахронии они более скрыты, их труднее открыть и определить.

В концепции Соссюра обнаруживается логическая неувязка в объяснении языковых изменений. По Соссюру, изменения происходят в речи. Сама же речь синхронна (из рассуждений Соссюра вытекает, что под речью он понимает высказывание или цепь высказываний, представляющих собой формальное и семантическое единство). Одновременно Соссюр утверждает, что изменения происходят в диахронии и могут затронуть только отдельные элементы языка, не влияющие на систему в целом; система остается неизменной (4, с. 117).

Объяснение возникновения языковых изменений Соссюром, по сути дела, принципиально не отличается от трактовки младограмматиков: источник всех изменений — в речи; инновации, возникшие в речи отдельных говорящих, могут быть приняты коллективом и тем самым стать фактом языка.

Таким образом, подчеркнув важность разграничения временных аспектов изучения языка, введя понятия второй дихотомии языка — синхронию и диахронию, Соссюр вместе с тем не смог удовлетворительно объяснить характер и форму изменения языка и его системы. Последняя характеризуется цельностью и остается неизменной; изменения никогда не происходят во всей системе в целом (4, с. 120). В то же время последовательное сравнение Соссюром системы языка с шахматной игрой приводит его к мысли, что каждый шахматный ход (т. е. каждое изменение того или иного элемента языка) сказывается на всей системе в целом. Но изменения эти моментальны, и система так же моментально перестраивается, сохраняя цельность. «Речь, — пишет Соссюр, — функционирует лишь в рамках данного состояния языка, и в ней нет места изменениям, происходящим между одним состоянием и другим» (4, с. 122).

Эти суждения Соссюра искусственны и не объясняют диалектический, противоречивый характер изменения и развития языка, обеспечивающий непрерывность процесса изменения и одновременно не нарушающий общение говорящих (см. ниже).

§ 43. ТЕОРИИ СТАДИАЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Проблема стадиальности развития языка и мышления, как известно, была затронута (хотя осторожно, с оговорками), В. Гумбольдтом и А. Шлейхером. Поиск ступеней, или стадий, велся В. Гумбольдтом на основе анализа выделенных А. Шлейхером морфологических типов языков — аморфных, агглютинативных и флективных (1, с. 244 и сл.). В своем поиске В. Гумбольдт задавался целью выяснить: как эти разные по своим типологическим признакам языки выполняют потребности выражения духа народов, их мышления; какие из этих языков и в какой степени способствуют этому выражению наиболее полно и свободно. Такой язык, по Гумбольдту, необязательно должен быть поздним по времени своего образования. Сравнивая три названные группы языков, В. Гумбольдт отмечал отсутствие «чистых» типов, существование переходных языков, а также недостаточную изученность их в типологическом отношении. Все это заставило В. Гумбольдта весьма осторожно говорить о стадиальности развития языка и мышления.

К сожалению, вне поля зрения языковедов практически осталась концепция Потебни о стадиальности языка и мышления. Между тем взгляды Потебни на эту проблему, по нашему убеждению, заслуживают глубокого внимания.

Согласно Потебне, речевая деятельность человека имеет принци-

пильно творческий характер. Язык всегда находится между познанным и вновь познаваемым. Именно в акте отражения и познания нового явления конкретно реализуются познавательные возможности языка и мышления. И в этом непрерывном языковом процессе Потебня выделяет ступени, или стадии, опираясь прежде всего на генетический и функциональный анализ слова как узловой единицы языка. Потебня полагает, что слово, эволюционируя и видоизменяясь, всегда оставалось доминирующей единицей на всех этапах исторического развития языка. В своем анализе Потебня привлекает и другие языковые образования — предложения, фразеологизмы, пословицы, различные произведения народного творчества (басни, песни, загадки), литературы, науки.

Основными формами языковой мысли, могущими выражать различное содержание, являются, по Потебне, образ и понятие (или идея), которые мы наблюдаем в языке на всю историческую глубину, доступную исследованию. Словесный образ представляет собой логически нерасчлененное мыслительное образование, с помощью которого на основе познанного представляется и отражается вновь познаваемое. Словесный образ выступает в слове в виде внутренней формы слова, благодаря которой представляется обозначаемый словом предмет и создается тем самым функциональное значение слова. Действительное познание совершается в содержательном соотношении образа и создаваемого с его помощью значения.

Сравнение двух величин в мысли, переход от образа к значению есть всегда акт познания, и именно в нем проявляются познавательные возможности и способности нашего мышления, которые исторически изменчивы. Переход от образа к значению будет различным в зависимости от господствующего способа мышления. Потебня выделяет три способа и соответственно стадии развития языка и мышления, а именно: мифическое мышление, поэтическое и прозаическое или научное.

Исходным способом мышления Потебня называет мифическое. По сравнению с последующими способами, оно характеризуется меньшими запасами мысли и меньшей способностью к отвлечению. Это мышление необходимо, оно свойственно всем людям, стоящим на известной ступени развития мысли, может включать любое содержание и в этом смысле формально. Мифическое мышление, как и последующее поэтическое, «кроется в первоизданном слове» (9, с. 589). В мифическом мышлении образ и значение близки или тождественны. Именно поэтому при мифическом мышлении человек склонен считать, что объективно существующее слово и есть сущность обозначаемой вещи. Троп, образ в мифическом мышлении близки или тождественны значению. Для поэтического же мышления троп есть всегда скачок от образа к значению; и говорящий осознает разницу между значением 98

и образом, который выступает лишь как «смысловой знак» функционального значения, отдельным признаком или представлением значения, содержащего множество признаков. Поэтический способ мышления так же необходимо переходит в прозаический или научный способ. Образ и значение можно рассматривать как две части, две половины суждения; при мифическом мышлении они более сходны между собой, чем при поэтическом. «Их различие ведет от мифа к поэзии, от поэзии к прозе и науке» (9, с. 587). Прозаическое мышление характеризуется отсутствием образа, анализом и критикой, призванными отразить сущность обозначаемого.

Говоря об отношении сознания человека к образу и значению, заключенным в слове, Потебня следующим образом характеризует способы мышления: «...Сознание может относиться к образу двояко: 1) или так, что образ считается объективным и потому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах обозначаемого; 2) или так, что образ рассматривается лишь как субъективное средство для перехода к значению и ни для каких дальнейших заключений не служит. Первый способ называется мифический (а произведения его — мифами в широком смысле), а второй — собственно поэтический. Этот второй состоит в различении относительно субъективного содержания мысли. Он выделяет научное мышление, тогда как при господстве первого собственно научное мышление невозможно» (10, с. 420—421).

Способы мышления не отделены друг от друга, а исподволь вырастают один из другого, сосуществуя исторически длительное время. Только постепенно эволюционируя, один тип мышления начинает переобладать над другим, полностью, однако, его не исключая. Изменения способов мышления настолько медленны, «что вряд ли могут быть замечены в короткие периоды, более или менее нам известные» (10, с. 437). Не исключен мифический способ мышления и в наше время, поскольку субъективность присуща человеческому познанию. Объективность, т. е. «согласие мысли с ее предметом», является целью познавательных усилий человека. Но к этой цели человек приближается субъективным путем языка. «...Следы прежних ступеней развития, разделяясь, не изглаживаются, а углубляются» (10, с. 369).

Можно сказать, что своеобразие ступеней развития мышления и языка выступает в разном соотношении субъективного и объективного в языке. Конкретно в языке, а также и в произведениях словесности это выражается в различном соотношении внутренней формы языковых единиц и их значений; во взаимоотношениях субъекта и предиката; в формировании грамматических систем языка, точнее, — в выборе семантического основания грамматических классификаций и образовании в итоге грамматических значений; в соотношении образов или системы образов произведений словесности и выражаемых с их помощью идей и др. Иными словами, ступени развития мышления и

§ 44. ФОРМА ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

языка охватывают не только собственно язык, но и все формы словесного творчества. Именно поэтому слово является зародышем поэзии и прозы, по терминологии Потебни, или — образного, художественного и научного творчества. Генетически все они восходят к слову.

В отечественном языкознании известна концепция стадийности развития языка и мышления, связанная с так называемым «новым учением о языке», которое активно разрабатывали в 20—40-е годы Н.Я. Марр и его последователи. Согласно этому учению, все языки мира участвуют в едином глоттогоническом (языкотворческом) процессе. Для доисторического развития человека характерен ручной язык («кинетическая речь»). Историческому времени развития человека свойствен звуковой язык, проходящий различные стадии, которые отражают состояния мышления, общественной и производственной практики человека. Этим стадиям соответствуют определенные типы языков. Н.Я. Марр выделяет три такие стадии и соответственно три типа языков, которые совпадают с морфологическими типами языков А. Шлейхера (корневые, агглютинативные и флективные языки). Последняя стадия объявляется наиболее развитой, которой соответствует современное общество с развитыми производственными отношениями, классовой структурой и пр.

Стадии развития языка суть стадии развития мышления. Корневым (аморфным) языкам соответствует синкретический способ мышления, характеризующийся конкретностью, образностью, малой абстрактностью; эта форма мышления свойственна начальным этапам истории человечества, «первобытному коммунизму». Агглютинативные языки соответствуют аналитическому или формально-логическому мышлению, при котором наблюдается расщепление образности, цельности восприятия на составные части; усложняется грамматическая система (выделяются, например, единственное и множественное число и др.). В общественной жизни этот этап отличается появлением частной собственности, классов и соответственно классового мышления. Аналитическое мышление есть мышление классовое. На смену аналитическому мышлению приходит диалектико-материалистическое мышление пролетариата, это свойственно последним фазам развития языков (флективные языки). Для этого мышления нет смены, оно, по Марру, имеет неограниченные возможности развития вширь и вглубь, в пространстве и во времени. Такое мышление в конечном итоге не ограничивается звуковой, линейной речью, перерастает ее, используя новейшие достижения науки и техники. По Марру, единый процесс развития языка и мышления отражает единый процесс развития человеческого общества, открытый классиками марксизма-ленинизма.

Вульгарносоциологическая и антиисторическая сущность теории стадийного развития языка и мышления Н.Я. Марра очевидна, она была отвергнута в 50-е годы после дискуссии по языкознанию. 100

Приведенные выше суждения В. Гумбольдта и Ш. Балли о «парадоксальном» характере существования и изменения языка не учитывают форму изменения языка в его непосредственном применении, в синхронии. Эта форма отлична от того, что наблюдается в диахронии. Говорящий непосредственно в момент речи и наблюдения за речью не замечает каких-либо изменений, эволюции языка. Но в подобных условиях он непосредственно не замечает изменений и во многих предметах и явлениях живой и неживой природы, например роста растений или живых существ и др. Но это не значит, что в них не протекают изменения вообще. Известно, что далеко не всегда непосредственная верификация явлений и процессов действительности может служить критерием истинности. Человек непосредственно не наблюдает, что Земля круглая, что вода состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода и многое другое. Однако истинность этих фактов объективно доказана специальными опытами, человеческой практикой. Поэтому формула изменений языка В. Гумбольдта и Ш. Балли неточна.

Каждая вещь, каждое действительное явление, в силу своей особенной природы, имеет свою форму изменения как постоянно совершающегося процесса. Имеет такую свойственную ему форму изменения и язык. Его форма изменения такова, что она не нарушает процесса общения, а потому для говорящего в момент общения язык представляется неизменным. Но в то же время очевидно, что именно в процессе общения и могут происходить изменения. Нефункциональный язык мертв, он не изменяется, не развивается.

Синхронии, т. е. непосредственному функционированию языка в речи, свойственна такая форма языковых изменений, которая не влияет на взаимопонимание говорящих, не нарушает процесса обмена мыслями. Е. Косериу тонко заметил, что в синхронии, с функциональной точки зрения, изменения «проявляются в наличии внутри одного и того же типа речи факультативных вариантов и изофункциональных элементов» (11, с. 220). Изменения, по Е. Косериу, готовятся в языке «исподволь без нарушения действующих в языке функций языковых единиц... Задолго до выпадения какого-либо элемента из системы в норме языка уже существуют те элементы, которые возьмут на себя функцию выпавшего элемента» (11, с. 228). Развивая эти мысли на основе наблюдений, Е. Косериу замечает далее: «...В языке в течение длительного времени сосуществует старое и новое — не только экстенсивно, но и интензивно (в форме «вариантов и «изофункциональных элементов»)... В системе не появляется ничего такого, что до этого не существовало бы в норме, и, наоборот, ничто не исчезает из функци-

ональной системы иначе, как путем длительного отбора, осуществляемого нормой» (11, с. 229).

Для изменяющейся, развивающейся системы само изменение того или иного ее элемента не есть отдельный акт, однократная замена одного элемента другим, а функционально длительный процесс замещения одного элемента другим. Эволюция языковых явлений включает преемственность. Чтобы замещать что-то, надо быть в известной степени таким же. Но поскольку каждая единица имеет свою особую историю, определенную формальную, семантическую структуру, общим словом, — свою природу, то в силу этого замещающая единица не может быть абсолютно тождественной замещаемой. Эти две особенности эволюционно изменяющихся языковых единиц — тождество и отличия в пределах этого тождества — оказываются функционально необходимыми. Поэтому параллельные единицы на том или другом уровне могут сосуществовать исторически долгое время. В этом заключается одна из главных внутренних причин возникновения на всех уровнях языка вариантности, синонимии, различных видов ассимиляции и др., т. е. процессов, свойственных изменяющейся, развивающейся системе.

Такая форма изменения языка обусловлена особым характером существования и функционирования языка. Одним из признаков, обуславливающих такую форму изменения и развития языка, кроме вышесказанного, является *непрерывность* языка. Ф. Соссюр считает ее «первейшим свойством или первейшим законом передачи человеческой речи, причем независимо от того, какие происходят вокруг языка всякого рода перевороты и потрясения, могущие полностью изменить условия его существования... Нигде никогда не наблюдаются разрывы в непрерывной нити языка, и невозможно логически и аргументированно представить себе чтобы такой разрыв мог где-либо и когда-либо произойти» (12, с. 42).

Время показывает результаты и динамику изменений, происходящих в синхронии; чем длительнее отрезки времени, тем явственнее обнаруживаются изменения в языке. Изменяющиеся во времени языковые факты служат мерой изменения языка. Они становятся очевидными и не для специалиста. В языке, подчеркивал Потебня, нет ни одной неподвижной категории.

Некоторые лингвисты считают, что реальный язык изменяется в своем конкретном применении; в то же время как инвариант он остается неизменным (11, с. 143). Именно неизменяемость языка как инварианта, по мнению Е. Косериу, обеспечивает общение в синхронии. С этим положением, однако, трудно согласиться. Изофункциональные единицы в своем непосредственном применении и взаимодействии не могут не затронуть язык как инвариант, поскольку сам инвариант реализуется в вариантах; и движение последних и их расхождение не может не касаться его. Сравнивая в диахронии различ-

ные временные срезы языка, мы отмечаем не речевые изменения, а те, которые затронули язык как общее, как инвариант, отмечая вместе с тем и тождество языка в этих двух его временных плоскостях.

Изложенная здесь форма изменения языка позволяет по-другому представить такие явления языка, как вариантность, синонимия, ассимиляция единиц на различных уровнях и др. В свете сказанного ряды вариантов, синонимов — это узлы изменения и перемещения единиц языка — фонем, различного типа аффиксов, слов, синтаксических конструкций. Весьма важной представляется роль таких рядов тождественных и изофункциональных единиц, и прежде всего двусторонних, в исторической перспективе. В таком ряду происходит ассимиляция общей — лексической, грамматической или словообразовательной — абстракции всеми членами ряда. Следовательно, если смотреть с точки зрения диахронии (в ряд входят единицы с различными потенциальными развитиями), сохраняется и передается в эстафете единиц языка выработанная в нем абстракция. Таким образом, ценность таких явлений, как вариативность, синонимия, ассимиляция, не только в тех функциях, какие они непосредственно выполняют в речи, но и в сохранении и развитии продуктов мышления.

Мнение Ф. Соссюра и других лингвистов, что синхронии не свойственны какие-либо изменения, оставляет открытым вопрос: откуда же возникают в диахронии изменения, если синхрония пребывает в совершенном покое? Исторический отрезок, за который произошли в языке определенные изменения, мы можем представить в виде ряда последовательных синхронных срезов, не могущих, по мнению таких авторов, иметь изменений. Логического объяснения появления изменений в языке в этом случае получить невозможно.

Е. Косериу различает изменение и *инновацию* (11, с. 255 и сл.). Изменение — это продукт эволюции языка как системы систем; оно предполагает преемственность и расхождение. Изменения тех или других элементов языка, образующих в общей структуре языка отдельные подсистемы, имеют частные причины, что, разумеется, не исключает сложных их связей и опосредования с целостной системой языка (см. выше).

Инновации имеют индивидуальную природу, обладают частными, окказиональными функциями и значениями, хотя и создаются из элементов общего языка. Инновация может стать общезыковым фактом в том случае, если отвечает потребностям говорящего коллектива, тенденциям развития языка. Инновация возникает не как объективная внутренняя потребность системы языка, поэтому она не предполагает преемственности и расхождения в эволюции языка с соответствующими единицами того же порядка (ср.: авторские неологизмы, индивидуальная образность, крылатые выражения, необычная индивидуальная сочетаемость слов и обнаруживающиеся в итоге особые смыслы слов и др.).

Вопрос об инновациях имеет отношение к сложной и неоднозначной проблеме о субъективном влиянии на язык, на его изменение и эволюцию (см. ниже).

§ 45. ОБ ИСТОЧНИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Мы указали на форму изменения языка в его синхронном функционировании. Однако этим самым мы еще не определили сам источник или причины изменения языка. В самом общем виде мы можем сказать, что источником изменения языка является внутреннее диалектическое противоречие между формой и содержанием языка. Импульсы изменения и развития языка, и прежде всего внутренней его структуры, содержатся в самих актах выражения мысли с помощью языка, поскольку такое выражение мысли есть одновременно акт ее создания; причем, как подчеркивал Потебня, это внутренний спонтанно-творческий акт. В самом факте функционирования языка заложены определяющие причины его изменения и развития, а тем самым развертывания исторически заложенных в нем, присущих ему качеств. Сохранение единства и тождества языка при всех социальных потрясениях, революциях, сменах общественных формаций и государственного строя и пр. свидетельствует о том, что язык — явление особое, самостоятельное, имеющее свои внутренние законы и стимулы развития.

Высказанное положение об источнике изменения и развития языка получает объяснение в концепции Потебни о форме и содержании языка (см. ниже). В качестве элементов формы Потебня выделяет внешнюю форму, т. е. звук, обработанный, сформированный мыслью, и «внутриязыковое содержание», выступающее формой, в какую облачается так называемое «внеязычное содержание». «Внутриязыковое содержание» закреплено в значениях слов, которыми говорящие владеют в отвлечении от конкретных их применений. С помощью внутриязыковых значений (или содержания) говорящие организуют, препарируют «внеязычное содержание». Всякий раз говорящий стоит перед необходимостью преобразовывать «внеязычное содержание», т. е. нерасчлененную мысль, образованную под воздействием внешних и внутренних факторов, и выражать ее, в соответствии с конкретными задачами общения, в строгих языковых формах. Это преобразование нерасчлененной мысли в языковую форму и ее выражение вовне — необходимо творческий акт, протекающий в одних (типовых) условиях автоматически, без особых интеллектуальных усилий, в других — этот акт требует от говорящего предельного напряжения умственных способностей и глубокого знания языка. Облекая свою мысль в языковую форму, говорящий делает выбор, в силу своего

знания языка, из многообразных средств, предоставляемых ему языком. Этим самым говорящий участвует в общем движении языковых процессов, подчиняясь одновременно норме, узусу либо выходя за пределы того или другого в своем индивидуальном речеобразовании. Функционирование языка есть одновременно непрерывный процесс его изменения.

Форма — это все то, что говорящие знают, чем они владеют и что в их общении, как правило, не является собственно предметом сообщения, т. е. содержанием их речи. Именно владение формой языка позволяет говорящему выразить этим языком то или другое содержание. Как уже говорилось, форма — это строевые элементы самого содержания. Будучи таковыми, форма и ее элементы относительно неподвижны и неинформативны; или, точнее говоря, они информативны категориально; они являются средством организации и выражения мысли, которым говорящий владеет в отвлечении от конкретных актов речи. Единство формы и содержания, их неравенство и противоречие и обуславливает движение и изменение в языке. Если содержание, т. е. смыслы языковых единиц и речевых актов, подвижны, изменчивы и неповторимы, то изменение формы отличается совсем иными темпами изменения и развития.

Таким образом, консерватизм формы и подвижность содержания необходимы для нормального функционирования языка, поскольку такая природа языка как единства формы и содержания уравнивает, с одной стороны, относительное постоянство системы языка, разделенного во времени и пространстве, с другой, — потребность отражать неповторимость содержания, образующегося в различных изменяющихся условиях речи. Такая природа языка определяет и темпы его изменения и развития.

§ 46. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Язык как объективное явление изменяется и развивается по своей внутренней логике, которая остается неизвестной говорящим. И только ученые, исследующие эволюцию языковой системы, в той или другой мере открывают тенденции развития языка, его направление и логику. Своеобразие этого развития заключается в том, что объективный его ход слагается из субъективных намерений речевой деятельности участвующих в общении людей. Вспомним весьма примечательное суждение Потебни о том, что язык, будучи орудием сознания, сам по себе создание бессознательное. Говорящие на том или другом языке сознательно не участвовали в образовании имен существительных, прилагательных, наречий, фонем, определенного строя предложения и т. д. Все это образовалось в процессе эволюции

языка объективно и стихийно, независимо от воли и намерений говорящих, отвечая потребностям человеческого общения, отражения и познания действительности, развития языка и мышления.

В связи с этим возникает весьма важный не выясненный в языкознании вопрос о том, существует ли определенная цель в этом объективном движении и развитии языка? Многие лингвисты оспаривают самое постановку этого вопроса (А.А. Потебня, Е. Косериу и др.). В то же время эта проблема следует из всего содержания известного теоретического труда В. Гумбольдта.

Е. Косериу считает, что проводником изменений является речь. Если же мы зададимся вопросом о причине изменений языковых фактов, мы необходимо должны выяснять, для какой цели эти изменения произошли. «...Язык,— пишет Е. Косериу,— как объективный факт, как историческая техника речи ни к чему не стремится и не может стремиться... Телеологический подход, при котором языку приписывается стремление к внешней объективной цели, должен быть отвергнут» (И, с. 302—303).

Однако это суждение Е. Косериу требует уточнения. Разумеется, у языка нет какой-то внешней объективной цели или внешней тенденции развития. Но источник его внутреннего с а м о д в и ж е н и я , как мы хотели показать выше, есть. Источник самодвижения, надо полагать, определяет и направление движения и развития языка. В языке сквозь множество целей, в соответствии с которыми осуществляется речевая деятельность говорящих и образуются высказывания, в которых язык и существует как явление, пробивает себе дорогу, как равнодействующая, определенное направление развития языка. Если бы в языке действовали только субъективные цели и отсутствовало детерминированное под воздействием прежде всего внутренних факторов закономерное развертывание и развитие языковой системы, то откуда бы могла сформироваться строгая система языка, точнее — система систем, в создании которой говорящие хотя и участвовали, но совершенно бессознательно, не догадываясь о происходящих глубинных процессах. Нам, разумеется, не дано знать предопределенности цели, но определение или угадывание направления движения языка на основе сравнения в синхронии и диахронии изменяющихся фактов возможно. Э. Сепир, например, писал: «У языкового движения есть свое направление... Направление это может быть в общих чертах выведено из прошлой истории языка» (13, с. 121).

Изменение — постоянно присущее языку свойство. «Язык создается посредством изменения,— пишет Е. Косериу,— и «умирает» как таковой, когда он перестает изменяться» (11, с.343). Задолго до Е. Косериу сходное положение высказывал Д.Н. Ушаков: «Язык находится в постоянном изменении, в этом изменении и состоит жизнь языка» (14, с. 5). Изменение языка — это не просто модификация раз навсегда созданной, реализованной системы, а непрерывное создание системы 106

(11, с. 303—304). Система находится в постоянном движении и созидании, а язык тем самым пребывает в постоянном процессе систематизации. Изменения не противостоят системе, они не могут быть восприняты вне непрерывности языка. Изменения не могут происходить между двумя различными статичными состояниями языка; «состояние языка — это не статические этапы, а моменты непрерывной систематизации» (11, с. 340).

Уже из того наблюдения, что форма изменений языка представляет собой сосуществование изофункциональных элементов, можно сделать вывод, что изменение — не изолированный факт, оно предполагает системные отношения.

§ 47. О ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ЗАКОНЫ

Выше мы говорили о внутреннем источнике самодвижения языка. Между тем немало сторонников того взгляда, что главные причины изменения и развития языка находятся вне языка; изменение и развитие языка обуславливается прежде всего социальными процессами. В связи с этим в отечественном языкознании, начиная с пятидесятых годов, утвердилось деление законов развития языка на внутренние и внешние.

О наличии языковых законов свидетельствует тот факт, что язык и в своем синхронном функционировании, и в исторической эволюции не представляет собой совокупности разрозненных, обособленных элементов. Изменяющиеся, эволюционирующие языковые явления находятся между собой в регулярных, причинно-следственных отношениях, отражающих их внутренние, необходимые связи. Однако сам термин *закон* традиционно употребляется в разных значениях. Одни ученые понимают законы как обязательные жесткие правила, которыми говорящие руководствуются в своей речевой практике (15, с. 363). Эти законы применения языка усваиваются человеком с детства, и нарушение их есть показатель недостаточного владения языком. В таком понимании языковых законов между языковедами, можно сказать, нет разногласий. Именно такие законы организуют язык в строго упорядоченное системное единство. Но термин закон имеет и другой более распространенный в теоретическом языкознании смысл: под законом понимают регулярные причинно-следственные связи между теми или другими явлениями языка в его функционировании и эволюции. Разумеется, говоря о языковых законах, мы должны иметь в виду их своеобразие, по сравнению, например, с химическими, физическими и другими естественными законами.

Различение внутренних и внешних законов теоретически связыва-

ется с различением внутренней и внешней истории языка И.А. Бодуэна де Куртенэ (15, с. 369—370), внутренней и внешней лингвистики Ф. Соссюра (4, с. 49 и ел.), наконец, с внутренней и внешней структурой языка Е. Косериу (11, с. 218 и ел.).

Под внутренними понимают законы, которые представляют собой такие причинно-следственные процессы, действие которых ограничивается отдельными языками, а в их пределах — отдельными уровнями. Поэтому говорят о законах фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики (ср.: полногласие и неполногласие в славянских языках, падение редуцированных в русском языке и как следствие ряд других фонетических закономерностей; образование членных прилагательных в русском языке, передвижение согласных в немецком и др.). Уже само название — внутренние законы — говорит о том, что имеются в виду такие регулярные отношения между языковыми явлениями и процессами, которые возникают в результате спонтанных, независимо от внешних воздействий причин. Именно внутренние законы являются свидетельством того, что язык представляет собой относительно самостоятельную, саморазвивающуюся и саморегулируемую систему.

Внутренние законы весьма разнообразны, поэтому их, в свою очередь, подразделяют на общие и частные.

Общие законы охватывают все языки и могут иметь место на всех уровнях языка. Об общезыковых закономерностях мы можем говорить на том основании, что языки имеют сходную уровневую структуру, в которой выделяются такие конститутивные единицы, как фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение. Для языков, как знаковых систем, характерна асимметрия языкового знака; во всех языках наблюдается многозначность, синонимия, гиперонимия, гипонимия, омонимия, антонимия, вариантность и другие общезыковые явления.

Частные законы, как это уже явствует из самого названия, касаются закономерных причинно-следственных процессов, происходящих в отдельных языках (ср. в русском языке: падение редуцированных гласных, регрессивная ассимиляция согласных, оглушение согласных на конце слова, характер ударения, особенности формирования отдельных частей речи и др.).

Внешние законы проявляются в результате связи языка с историей общества, различными сторонами человеческой деятельности. Здесь имеются в виду те внешние по отношению к языковой структуре условия, которые вызывают закономерные изменения в самом языке. Так, территориальное или социальное ограничение в использовании языка ведет к образованию территориальных и социальных диалектов. Закономерные связи между языком и развитием общественных формаций обнаруживаются в ходе исторического развития общества, в частности, в образовании национальных языков и национальных литературных языков. Усложнение социальной жизни,

разделение труда членов общества ведет к формированию стилей, стилевых разновидностей, научных и профессиональных подязыков и пр.

Весьма распространенная в недавнем прошлом концепция развития языка в зависимости от развития общественных формаций заключалась в том, что каждой исторической общности людей соответствовал строго определенный исторический этап развития языка. Соответственно выделялся язык племени, союза племен, народности, нации. Однако такое выделение языков, связанных с той или другой исторической общностью людей, с формами их общественного устройства, требует уточнения.

На изменения в историческом движении общества непосредственно отзывается внешняя структура языка. Эволюция общественных форм жизни народа не нарушает его исторического тождества, непрерывности его развития. Подобно народу, остающемуся тождественным самому себе в процессе изменения общественных формаций, язык, отражая своими определенными элементами общественные условия жизни народа, носителя данного языка, также остается тождественным самому себе. Под воздействием тех или иных условий жизни изменяется словарный состав языка, образуются местные (территориальные) и социальные диалекты, профессиональные языки, подязыки науки, жаргоны, стили, жанры... Разумеется, изменение и усложнение внешней структуры языка воздействуют и на его внутреннюю структуру. Однако историческая смена форм общественной жизни народа не нарушает тождества языка, его самостоятельности как особого по своей природе явления. Историческое тождество языка прослеживается на протяжении многих веков, и не сменой общественных формаций обуславливаются этапы или стадии развития языка и мышления. Те или другие общественные события, смена социального строя — это процессы, ограниченные определенными временными рамками. Изменение и развитие языка, и прежде всего его внутренней структуры, измеряются совершенно другими по времени темпами, исчисляемыми, как правило, многими столетиями.

§ 48. ИЗМЕНЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЯЗЫКА

Говоря о языке как об исторически развивающемся явлении, языковеды выделяют три взаимосвязанных понятия, которые призваны отразить, по возможности, конкретно и полно процесс исторической эволюции языка, а именно: его изменение, развитие и совершенствование. Однако в литературе нет однозначного понимания этих категорий, четко не определены их содержание и отношения. Не претендуя на окончательное выяснение содержания и взаимоотношения этих

понятий, укажем на некоторые разграничительные их признаки. По отношению к языку данные термины приобретают индивидуальные, специальные смыслы.

И з м е н е н и е — это конкретное нарушение тождества той или другой языковой единицы, выражающееся в образовании на ее основе изофункционального элемента либо приобретение в результате образования новой единицы новых функций. **Р а з в и т и е** представляет собой действие закона, происходящего в строго определенных лингвистических условиях и имеющего обобщенный либо всеобщий характер. Развитие (относительное или абсолютное) знаменует собой переход одного качественного состояния языковых явлений в другое. **С о в е р ш е н с т в о в а н и е** — близкое по содержанию к развитию понятие, оно включает оценку произошедшего изменения языковых явлений, их развития. По итогам такого процесса, который отличается значительными периодами развития тех или иных фактов языка, можно судить о более точном, дифференцированном, объективном отражении действительности и сообщении мысли.

Язык — совершенное орудие общения и выражения мысли; его степень развитости и совершенства обусловлена соответствующим состоянием общества, степенью, в свою очередь, развитости мышления. Общество и человеческое мышление не стоят на месте и в истории человечества, как известно, могут находиться на разных этапах своего развития. Первобытный язык не может обслуживать потребности общения и мышления современного развитого общества. Но и язык современных цивилизованных наций, как утверждают ученые, был бы мало пригоден для обслуживания общества, находящегося на низших ступенях развития. Язык совершенен по отношению к степени развитости соответствующего ему состояния общества и мышления, которые он обслуживает; язык является «снятым» выражением этого состояния.

Если вопрос об изменении языка ни у кого не вызывает сомнений, ввиду своей очевидности, то проблема развития и совершенствования языка остается в языкознании дискуссионной. Представители классического языкознания не сомневались в том, что языки в процессе своей истории развиваются и совершенствуются. Большинство лингвистов и сейчас положительно отвечают на вопрос о развитии и совершенствовании языка, одновременно подчеркивая сложность и неочевидную доказательность этого вопроса. В то же время ряд видных лингвистов ставит под сомнение вопрос о развитии и совершенствовании языка. Различный подход к названной проблеме, по-видимому, связан с двоякой природой самого языка как одновременно природного и общественного явления.

Как природное явление язык выступает в виде определенной функции человеческого организма; и как таковой язык вплетен в человеческую деятельность, объективно существуя в виде ее разновидности, а именно: речи и речевой деятельности. В то же время сам

человек — существо общественное; и первичная функция языка, по мнению лингвистов, — коммуникативная. Как показывают исследования языков народов, находящихся на разных ступенях общественного развития, в том числе и первобытных, язык во всех таких условиях остается с о в е р ш е н н ы м орудием для обслуживания коммуникативных потребностей таких обществ. На любом этапе развития общества язык в условиях выполнения потребностей говорящих обладает большой информативной избыточностью, что и создает достаточное поле свободы для говорящих. Но своей онтологией, самостоятельностью развития, своими особыми законами и структурой обладает и общество, обслуживаемое языком. Поэтому эволюция самого общества, его законы и потребности не могут не касаться языка.

Двоякая природа языка находит отражение в наиболее общих элементах его строения. В языке выделяется в н у т р е н н я я структура, относительно автономная и замкнутая, содержащая существенные, отличительные элементы данного языка (ср., в первую очередь, фонетическую, грамматическую, словообразовательную системы), создающие его своеобразие, качественную определенность.

Кроме внутренней, выделяется в н е ш н я я структура, отражающая в известной степени структуру самого общества, обслуживаемого данным языком. Это социологизированная структура, тесно связанная с общественными процессами. Поэтому, наряду с внутренними процессами языка, его эволюцией, обусловленной прежде всего самой творческой природой непосредственного языкового общения, встают исторически конкретные задачи организации, а следовательно, и изменения языка, связанные с р а з в и т и е м собственно общества, потребностями языкового общения в разных сферах этого общества. Эти задачи адресованы внешней структуре языка; их решение — это общественная необходимость; оно должно учитывать государственные, культурные, литературные, эстетические, экономические и другие запросы общества, возникающие в условиях развивающейся нации. Так, создание национальных литературных языков явилось настоятельной потребностью общества на определенном этапе его развития. Эта необходимость, как оказывается, не может быть разрешена спонтанным, внутренним развитием языковой системы, поэтому требует с у б ъ е к т и в н о г о «вмешательства» в языковой процесс, точнее — в стилистическую, жанровую организацию внешней структуры языка. Создателями национальных литературных языков история избрала, как правило, великих национальных поэтов.

Изучение истории языка, генетическое исследование древних его состояний дают основание утверждать о поступательном развитии и совершенствовании языка. Разумеется, этот процесс происходит весьма медленно, охватывая известные периоды истории общества, а также, надо думать, и его предысторию. Потебня, говоря о поступательном

развитии способов мышления и их отражении в фактах языка, указывает, что доступная нашему наблюдению история языков не дает основания говорить о смене исходного мифического мышления более поздними и более совершенными способами мышления — поэтическим и прозаическим или научным. Способы мышления в известный нам исторический период не сменяют друг друга, а сосуществуют и углубляются. Речь может идти только о преобладании того или другого способа в определенные исторические эпохи общества.

Примерами развития и совершенствования языка в процессе его эволюции может служить следующее: формирование частей речи из первобытного слова-предложения и их рост по направлению к современному состоянию языка; количественный рост словарного состава языка, отражающий поступательное познание действительности, одновременно соответствующее развитие словообразовательной системы языка; эволюция предложения из первобытного нерасчлененного слова-предложения в расчлененное грамматически строго оформленное на основе связи прежде всего субъекта и предиката; рост отвлеченности и одновременно постепенная эволюция образности, ее характера и содержания; расширение функций языка, что находит выражение в формировании стилей, стилевых разновидностей, жанров и др.

Индоевропейские языки в своей истории развивали то, что им досталось в наследство первоначально от индоевропейской общности, затем от наследия той ветви языков, куда они вошли после распада индоевропейского праязыка (ср. общеславянское единство). Современные языки, входящие в индоевропейскую семью, — наследники и собственной истории со времени их отдельного, самостоятельного существования. По свидетельству ученых, изучающих исторические процессы языков, эта их эволюция характеризовалась многими конкретными пересекающимися, противоречивыми тенденциями. В этой эволюции должны различаться частные языковые процессы, которые относятся к языковой технике, способствующей выражению содержания и могущей быть весьма разнообразной и разнохарактерной, и процессы, связанные с прогрессом языка, что обусловлено развитием нашего мышления, духовной и материальной жизни общества.

История языка может отличаться сменой тенденций развития, образованием одних единиц языка — фонем, слов, аффиксов, форм, конструкций — и убыванием других. Такие противоречивые тенденции было бы неосторожно однозначно оценивать в первом случае как развитие и совершенствование языка, а во втором — как его деградацию. Образование новых единиц — это отнюдь не всегда показатель прогресса языка, как и убывание из языка единиц — необязательно следствие его упадка.

Современные ученые отказались от распространенного в прошлом

мнения, что морфологическая классификация языков мира отражает степень их совершенства для выражения мысли.

Подобным же образом развитие в языке аналитизма не должно рассматриваться как показатель его поступательного развития, по сравнению с синтетизмом языка. И та и другая тенденция в развитии современных языков в равной степени возможны (как они были возможны и в прошлом); и это не должно служить показателем в одном случае прогресса языка, в другом — его упадка.

Язык — система систем, наделенная большой избыточностью в выражении необходимых в жизни народа понятий и их отношений. В истории языков опробованы и отработаны разные способы такого выражения, которые могут меняться не только от языка к языку, но и чередоваться либо сосуществовать в истории одного и того же языка. Языки разных морфологических типов могут в одинаковой степени обслуживать современное общество.

Разумеется, могут быть и такие потребности общества, для решения которых язык оказывается недостаточно удобен. Многие специальные области знания используют формальные языки (ср.: математика, формальная логика, физика, химия и др.). Однако, несомненно, что задачи, которые решаются с помощью формальных языков, и своим возникновением, и в конечном счете своим решением обязаны — исторически, и функционально — естественному языку. Как замечал Потенбня, думать по-человечески, но без слов, дается только словом.

Надо заметить, что развитие современного общества предъявляет языку большие требования и иного порядка, заставляющие язык интенсивно развивать отдельные стороны и возможности своей структуры. Такие возникающие потребности общества касаются прежде всего внешней структуры языка, но опосредованно они воздействуют и на его внутреннюю структуру. Так, лавинообразный рост терминологий привел к тому, что в современных подязыках науки европейских языков преобладают составные, аналитические наименования. С одной стороны, такие термины дефинитивны, строго системны, содержат в самом названии существенные признаки обозначаемого понятия, что немаловажно в научном общении. Но, с другой стороны, такие многословные названия неэкономичны, избыточны в общении и неоптимальны для функционирования в языковой системе (от таких терминов, как правило, нельзя образовать дериваты). Кроме того, вступая в словосочетания, обрастая тем самым дополнительными признаками, такие конкретизированные термины становятся весьма громоздкими обозначениями одного понятия. Все это затрудняет восприятие самого понятия, осложняет его функционирование в речи. Такой аналитизм не представляется совершенствованием языка.

История языка, опыт общения показывает, что наиболее совершенным знаком понятия в языке, в том числе и понятия научного, является слово синтетической или аналитической природы, а не составное

многочленное наименование. Такой аналитизм оказывается весьма обременительным и для системы языка, и для научного общения. Поэтому во всех терминологиях такие термины стремятся сократить. Указанный аналитизм вступает в противоречие с «принципом экономии» в языковой эволюции, о чем пишут исследователи языка. По их мнению, этот принцип действует в процессах изменения и развития языка (16). Однако этот принцип нельзя понимать абсолютно. Экономно ли выражение глагольного действия с помощью глагольно-именных сочетаний, по сравнению с глаголом? Экономны ли указанные выше составные наименования, которые весьма продуктивны в современной науке? В соответствии с «принципом экономии» мы должны будем признать синкретизм более «прогрессивным», по сравнению с аналитизмом, который немало лингвистов склонно считать показателем совершенствования языка и т. д.

Нужно учитывать то обстоятельство, что понятие, выраженное в одном языке синкретически, в другом — может иметь аналитическое обозначение. Однако говорить на этом основании о совершенстве одного языка и несовершенстве другого нет никаких оснований. То, что, например, в русском или других языках может быть выражено в виде отдельных словосочетаний, в немецком часто выражается с помощью сложного слова. Подобное мы можем наблюдать и в пределах одного языка (см. примеры выше). Данные примеры относятся к языковой технике, выработанной в процессе длительной эволюции языка. Язык не отбрасывает, не теряет такие приемы и способы оформления и выражения мысли, а углубляет и развивает их, наполняя всякий раз новым содержанием (17, с. 180—186).

В силу того, что язык — это не только общественное, но и природное явление, представляющее собой функцию человеческого организма, функционирование и изменение языка связано с биологическими возможностями человека.

Ученые отмечают, что количество фонем в языках мира в среднем колеблется от 20 до 80 (18, с. 259; 19, с. 60); ограничена и сочетаемость фонем в* каждом языке. Так, возможная сочетаемость 41 фонемы в современном русском языке равна астрономическому числу, однако в языке используется лишь незначительная часть возможных сочетаний, достаточная для фонематического различения необходимых в общении слов и морфем языка, но одновременно и ограниченная возможностями речевого аппарата человека.

Словарный запас развитого современного литературного языка насчитывает многие сотни тысяч слов, но активный словарный запас человека, владеющего литературным языком, исчисляется первыми тысячами слов. Как известно, ограничена и емкость оперативной памяти человека.

Об ограничениях, накладываемых на язык биологическими возможностями человека и самой языковой системой, свидетельствует так

называемый закон асимметрии языкового знака (20, с. 85—90). Рост многозначности слов сопровождается противоположным процессом — формированием новых синонимических рядов, удерживающих и регулирующих этот рост (21, с. 23—36). При этом среднее количество синонимов в ряду, например, в русском языке колеблется от 3 до 4. Близко к этому показателю и среднее количество значений у многозначных слов. Отсутствие таких внутриязыковых ограничений, надо думать, вело бы к неограниченному росту значений, к излишнему обременению знака значениями, если учесть лабильность и подвижность смыслов, образующихся в речи. Закономерность и соотносительность этих двух процессов особенно видна в сравнительно небольших замкнутых подсистемах в виде так называемой аттракции, или выравнивания значений (ср., например, выражение формами времени, лица, наклонения как своих исходных значений, так и других значений, объединенных общей категорией лица, времени и т. д.).

Эти и другие факты свидетельствуют, что язык — это саморегулируемая система, нормальное функционирование которой осуществляется в границах определенных условий и возможностей.

Ставят ли эти условия и возможности пределы развитию языка вообще? На этот вопрос следует ответить, что язык непосредственно связан с народом и разделяет его судьбу. Состояние и судьба конкретного языка зависят и от отношения народа к своему средству общения и выражения мысли. Что же касается самого языка как естественной знаковой системы, то, надо полагать, в нем заложены огромные, если не беспредельные, возможности для обслуживания человеческого общества. Во всяком случае в самой системе языка нет каких-либо внутренних причин его собственной гибели, самоликвидации. О таких возможностях развития и совершенствования языка убеждают современные языки, приобретшие положение мировых, принадлежащие великим нациям; однако эти языки, как известно, развились из весьма скромных источников.

§ 49. О ТЕМПАХ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Лингвисты отмечают различные темпы изменения и развития языков. Вместе с тем обнаруживаются и некоторые общие закономерности темпов изменения. Так, многие ученые считают, что в дописьменный период языковой строй изменяется быстрее, чем в письменный. Письменность замедляет изменения, но разумеется, не останавливает их.

На темпы изменения языка, по мнению некоторых лингвистов, влияет численность говорящего на нем народа. М. Мюллер, например, отмечал: мелкие языки американских индейцев обнаруживают ту закономерность, что чем меньше язык, тем более он непостоянен и тем

быстрее он перерождается. Наблюдается, таким образом, обратная связь между размером языка и скоростью эволюции его строя (22, с. 38 и ел.). Однако такая закономерность прослеживается далеко не во всех языках и в дописьменный период их истории. Ю.В. Рождественский, ссылаясь на сравнительно-исторические исследования, отмечает, что одни дописьменные языки изменяют свой строй быстрее других, даже в том случае, когда эти языки имели общий язык-основу. Так, строй исландского языка изменялся существенно медленнее строя английского языка, между тем известно, что количественно исландцы значительно уступают англичанам (18, с. 259). По-видимому, здесь сказались особенное географическое положение, изолированность исландского языка. Известно также, что, например, литовский язык в большей степени сохранил элементы древнего строя индоевропейских языков, чем славянские языки, несмотря на балто-славянское языковое единство в древности.

Известны случаи редкой устойчивости строя языка на протяжении исторически длительного времени. Н.Г. Чернышевский указывал на поразительную устойчивость языка в колониях греков, немцев, англичан и других народов (23, с. 853 и ел.). В литературе отмечалась практическая неизменность строя арабского языка в течение многих столетий у кочевых бедуинов Аравии.

Различные темпы изменения наблюдаются и в истории одного и того же языка. Так, падение редуцированных гласных в древнерусском языке произошло, по темпам языковых изменений, сравнительно быстро (X—XII вв.), особенно если учесть, что эти гласные были редуцированными еще в индоевропейском языке-основе. Последствия этого фонетического закона были весьма значительны для фонетической, морфологической и лексической системы русского языка. Причем быстрое падение редуцированных не могло не повлиять и на темпы изменения в этих системах (ср.: перестройка системы гласных и отчасти согласных, оглушение звонких согласных в конце слова, ассимиляция и диссимиляция согласных; появление беглых гласных, непроизносимых согласных, различных стечений согласных; изменение звукового облика морфем, слов; стилистическая дифференциация последних на этой основе и др.).

Одновременно отмечается и относительная стабилизация строя национального русского литературного языка в период от Пушкина до наших дней. Язык Пушкина, по его фонетическому, грамматическому, словообразовательному строю, семантической и стилистической системе, мы не отрываем от современного нам языка. Известно, что под современным русским литературным языком большинство русистов понимает язык данного периода, а это более полутора столетия истории. Однако русский язык, отдаленный от языка Пушкина на такой же отрезок времени (это середина XVII в.), никак нельзя назвать языком,

современным Пушкину, по его строю, лексической и стилистической системе.

Таким образом, и в истории одного и того же языка мы можем отметить периоды относительной устойчивости и интенсивного изменения.

Внутренняя структура языка глубинна и консервативна, поэтому изменения в ней происходят медленно. Более отзывчива на внешние воздействия внешняя структура языка. Чутко реагирует, например, на изменения, происходящие в обществе, словарный состав языка. Однако и в словарном составе, как и на всех уровнях языка, выделяются базисные элементы, которые существуют в течение весьма длительного времени. Именно благодаря таким элементам в лексике оказываются доступными и для современного человека древние тексты, и это несмотря на то, что за прошедшее время язык существенно изменился, в том числе его фонетическая и грамматическая система. Базисная лексика обозначает важные, необходимые, постоянно присутствующие в жизни человека понятия; поэтому она имеет значительную историческую глубину.

§ 50. СУБЪЕКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫК И ЕГО РАЗВИТИЕ

В языкознании утвердилось убеждение, что язык — объективное явление, развивающееся по своим законам; язык не подвержен субъективным воздействиям. Недопустимо произвольное введение в употребление язык тех или других единиц языка, новшеств, изменение его норм; и весьма редкие исключения из этого правила лишь только его доказывают. Как известно, в русском языке можно указать только на отдельные счастливые случаи введения авторских новых слов в словарный состав русского языка, хотя авторские неологизмы свойственны стилю многих писателей.

Объективность существования и эволюции языка, невозможность внести произвольно говорящим какое-либо новшество или изменение во внутреннюю структуру языка, в ее глубинные уровни характерны для языка как природного и общественного явления. Однако в целях выполнения исторически обусловленных общественных задач возникает настоятельная необходимость субъективного «вмешательства» в организацию языковых средств. В чем конкретно оно может выражаться?

Прежде всего в кодификации языковых средств; в установлении норм литературного языка для всех говорящих на основании объективных языковых процессов, объективной языковой нормы. Поддержанию литературной нормы и ее развитию служат нормативные

словари, пособия, учебники по литературному языку, стилистике, произношению и др.

На состояние литературного языка и его эволюцию оказывает влияние обучение литературному языку в его устной и письменной форме в школе, в различных учебных заведениях; служба литературного языка в издательствах, на радио, телевидении, в прессе, в учреждениях. Несомненно, закрепление в общем употреблении выработанных норм и служба языка в указанных учреждениях и учебных заведениях воздействуют на эволюцию языка и, надо думать, на направление этой эволюции.

Субъективное воздействие на язык мы наблюдаем в научных подъязыках при терминировании, организации терминосистем. Это связано с конвенциональной природой термина: он, как правило, вводится по условию. Поэтому здесь в известной мере заложены предпосылки сознательного воздействия на язык.

Несомненно также влияние на литературное и языковое воспитание человека художественной литературы.

В определенную эпоху развития литературного языка, связанную с конкретно историческими условиями развития общества и его запросами, чрезвычайно важным и решающим для судеб литературного языка оказывается личное, субъективное воздействие на литературный язык. Речь идет о создании национальных литературных языков. Такое создание обязано творчеству выдающихся национальных писателей, как правило, поэтов. В определенный период развития общества, точнее, на завершающих этапах формирования современных наций, возникает общественная потребность в стилистическом, семантическом, жанровом, образном... упорядочении, организации литературного языка, его выразительных средств.

Литературная организация языка затрагивает его внешнюю структуру. Пушкин не выдумывал фонем, грамматических форм, синтаксических конструкций, неологизмов. Напротив, он строго следовал законам то тенденциям русского языка. Его грамматический афоризм: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи», — говорит о том, что поэт, исповедуя методологию реализма в своем творчестве, и в такой науке, как лингвистика, высказывал передовые научные взгляды, не в пример многим лингвистам своего времени, стоявшим на позициях логицизма. Пушкин гордился тем, что, будучи по рождению москвичом, владел московским произношением, которое он считал очень благозвучным. Но в литературной, стилистической, жанровой, семантической организации литературного языка, и прежде всего лексической его стороны, Пушкин осуществил решительную, глубокую реформу. Своей реформой он определил на будущее литературную, стилистическую «парадигму»

национального русского литературного языка. Именно поэтому Пушкина считают создателем национального русского литературного языка.

Эпоха создания национальных литературных языков — это одновременно эпоха становления и развития реализма в широком смысле слова. И это не случайное совпадение. Именно методология реализма, нацеленная на объективное отражение действительности в разных формах, служит основой создания национального литературного языка. Творчество национальных писателей — создателей национальных литературных языков в свое время оценивается как великое творческое открытие общенационального масштаба и служит образцом и примером для дальнейшего развития языковой реформы, а в конечном счете для совершенствования литературного языка. Разумеется, на общий уровень национального литературного языка влияет эстетическое, нравственное, в общем — культурное состояние общества. Создание национального литературного языка — это ответ на потребности духовной, государственной, экономической и иной жизни общества. С созданием литературного языка выполняется великая духовная задача общенационального значения.

Наблюдения над историей создания национальных литературных языков, в частности русского литературного языка, показывают, что их развитие несоразмерно и не параллельно развитию общества, во всяком случае в завершающую стадию формирования современных наций и образования централизованных национальных государств. Общество развивается, как известно, по своим законам. Эпоха образования современных наций и централизованных национальных государств отличается значительным усложнением самой структуры общества, дифференциацией производственной, государственной, экономической, культурной и иной его деятельности. Это развитие сфер жизни и деятельности общества обуславливает рост художественных, эстетических, научных, нравственных, культурных и других потребностей народа. Все этому комплексу общественных потребностей должен отвечать своими средствами и возможностями язык во всех областях жизни. История общества и создания национальных литературных языков показала, что язык сам по себе, стихийно образоваться адекватно и в соответствии с указанными выше изменениями общества для удовлетворения названных потребностей не может. И это при сильно выраженной изоморфности его внешней структуры и структуры общества. Оказывается, необходимо субъективное упорядочение внешней структуры языка с определенными методологическими позициями, а точнее, — нужен образец такого упорядочения и организации национального литературного языка, приведение его в соответствие с возникающими потребностями общества.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М, 1984.
2. Баллы Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков//История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960.
4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М, 1977.
5. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
6. Тезисы Пражского лингвистического кружка//История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960.
7. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
8. Березин М.Ф., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
9. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
11. Косерцу Е. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
12. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
13. Сепир Э. Язык. М., 1934.
14. Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1929.
15. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке//Хрестоматия по истории русского языкознания. М,

- 1973.
16. М арт ине А. При нци п экон оми и в фон етич ески х изме нени ях. М., 1960.
- 17.3 веги нцев В.А. Оче рки по общ ему язык озна нию . М., 1962.
18. Р ожд еств енск ий Ю.В . Лек ции по общ ему язык озна нию . М., 1990.
19. И ной диапазон

количества фонем в языках приводит Роджер Т. Белл: «...Гавайский язык имеет только пять гласных и шесть согласных, тогда как на другом полюсе находится абхазский, имеющий лишь две гласных и не менее 68 согласных фонем» (Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980).

20. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака//История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

21. *Дегтерева Т.А.* К проблеме синонимии//Ученые зап. (1-й Московск. пед. ин-т иностранных языков). Т. 5. М., 1953.

22. *Мюллер М.* Лекции по науке о языке. СПб., 1865.

23. *Чернышевский Н.Г.* Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Поли. собр. соч. Т. X. М., 1951.

VI. ЯЗЫ К И МЫ ШЛЕ НИЕ

§

5
1

.

Ч
Е
Л
О
В
Е
Ч
Е
С
К
О
Е

М
Ы
Ш
Л
Е
Н
И
Е

И

Е
Г
О

Х

АРАКТЕР

Мышление человека — это внутримозговые психологические процессы, в которых в различных идеальных формах отражаются и познаются предметы и явления действительности, их свойства и качества, связи и отношения.

Мышление разделяется на чувственное и абстрактное.

Непосредственная связь человека с действительностью осуществляется с помощью чувств, которыми владеет человек: зрения, осязания, слуха, обоняния, вкуса. Чувства человека — это каналы получения им разнообразной информации о действительности.

Совокупность этих чувств, которые высоко у человека развиты, дает ему возможность разносторонне воспринимать и отражать действительность, различные ее явления, свойства, стороны. Результаты чувственного отражения действительности служат эмпирическим материалом для дальнейшей его обработки абстрактным

мышлением, его формами.

Чувственное мышление также осуществляется в определенных формах, которые различаются качественно, участвуют разных чувств, охватывают воспринимаемых в этих формах явлений действительности, т. е. степенью развития идеали

зации, обобщения. Выделяются следующие формы чувственного мышления человека: ощущение, восприятие, представление. Как известно, под ощущением понимается психический процесс отражения мозгом свойств предметов и явлений действительности в результате их воздействия на чувства человека. Восприятие представляет собой непосредственное отражение предмета или явления в целом, как совокупности определенных признаков, в отличие от ощущения, которое является отражением лишь отдельных свойств предмета или явления. Представление как психический процесс позволяет воссоздать в мышлении человека чувственно-наглядный образ предмета или явления как целое на основе предшествующих их восприятий.

Возникновение абстрактных форм мышления обычно связывают с языком. Считается, что их образование происходило

одновременно с образованием языка. Однако такой взгляд на генезис

121

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Баллы Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков//История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960.
4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
5. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
6. Тезисы Пражского лингвистического кружка//История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960.
7. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
8. Березин М.Ф., Головин Б.К. Общее языкознание. М., 1979.
9. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
11. Косериу Е. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
12. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
13. Сепир Э. Язык. М., 1934.
14. Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1929.
15. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке//Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
16. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
17. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
18. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
19. Иной диапазон количества фонем в языках приводит Роджер Т. Белл: «...Гавайский язык имеет только пять гласных и шесть согласных, тогда как на другом полюсе находится абхазский, имеющий лишь две гласных и не менее 68 согласных фонем» (Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980).
20. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака//История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
21. Дегтерева Т.А. К проблеме синонимии//Ученые зап. (1-й Московск. пед. ин-т иностранных языков). Т. 5. М., 1953.
22. Мюллер М. Лекции по науке о языке. СПб., 1865.
23. Чернышевский Н.Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Поли. собр. соч. Т. X. М., 1951.

VI. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

§ 51. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЕГО ХАРАКТЕР

Мышление человека — это внутримозговые психологические процессы, в которых в различных идеальных формах отражаются и познаются предметы и явления действительности, их свойства и качества, связи и отношения.

Мышление разделяется на чувственное и абстрактное. Непосредственная связь человека с действительностью осуществляется с помощью чувств, которыми владеет человек: зрения, осязания, слуха, обоняния, вкуса. Чувства человека — это каналы получения им разнообразной информации о действительности. Совокупность этих чувств, которые высоко у человека развиты, дает ему возможность разносторонне воспринимать и отражать действительность, различные ее явления, свойства, стороны. Результаты чувственного отражения действительности служат эмпирическим материалом для дальнейшей его обработки абстрактным мышлением, его формами.

Чувственное мышление также осуществляется в определенных формах, которые различаются качественно, участием разных чувств, охватом воспринимаемых в этих формах явлений действительности, т. е. степенью развития идеализации, обобщения. Выделяются следующие формы чувственного мышления человека: ощущение, восприятие, представление. Как известно, под ощущением понимается психический процесс отражения мозгом свойств предметов и явлений действительности в результате их воздействия на чувства человека. Восприятие представляет собой непосредственное отражение предмета или явления в целом, как совокупности определенных признаков, в отличие от ощущения, которое является отражением лишь отдельных свойств предмета или явления. Представление как психический процесс позволяет воссоздать в мышлении человека чувственно-наглядный образ предмета или явления как целое на основе предшествующих их восприятий.

Возникновение абстрактных форм мышления обычно связывают с языком. Считается, что их образование происходило одновременно с образованием языка. Однако такой взгляд на генезис

абстрактного мышления и его взаимодействие с чувственным, по нашему мнению, не лишен механистичности. Руководствуясь правилом: ничто в природе и обществе не возникает из ничего, новое образуется путем преобразования старого, мы должны допустить, что истоки абстрактных форм мышления восходят к доязыковому человеческому мышлению, а именно: к высшим формам чувственного мышления — представлению и чувственно-наглядному образу. Область человеческого мышления, говорил Потебня, шире области языка, и прежде всего в генетическом отношении. Зачатки формирования абстрактного мышления отмечаются до образования собственно языка. Они выражались в виде обобщения обозначаемых предметов определенного порядка, осуществляемого в таких формах мышления, как представление и чувственный образ, и соотносительности с помощью невербальных знаков (жестов, мимики, «выразительных движений», действий и пр.) этого обобщения или отдельных предметов с действительностью. Это не было своего рода *salto mortale* человеческого мышления. Общее объективно и действительно существует в предметах и явлениях, а, следовательно, и в нашем восприятии их.

Таким образом, и представлению, и чувственному образу свойственны идеализация воспринимаемых предметов и их обобщение, а также их соотносительность с действительностью. Надо полагать, именно эти качества и свойства чувственного образа и представления послужили истоком в движении мысли к абстрактным формам — понятию и суждению и коррелятивным им единицам языка — слову и предложению. Однако формирование собственно понятия и суждения в строгом смысле слова, их постепенная «кристаллизация» в мыслительном потоке и вычленение из него обязаны языку. В языке эти формы находят типичное свое выражение в соответствующих языковых единицах — слове и предложении. Язык как знаковая система оказался наиболее соответствующим природе логического мышления и его формам. С возникновения языка качественно преобразуется предшествующее невербальное человеческое мышление.

Под формой абстрактного мышления понимается определенный способ идеального отражения действительности с помощью языка и тем самым образования содержания, свойственного данной форме. Последняя обладает структурой, свидетельствующей о ее самостоятельности и определенности и тем самым отличающей ее от других мыслительных форм.

Чувственные формы отражения действительности являются исходным материалом для языка, для языковой формы, с помощью которой эти исходные данные обрабатываются. О чувственном образе Потебня писал: «...Чувственный образ есть нерасчлененный комплекс почти одновременно данных признаков: я смотрю на траву, и все, что я в этом случае знаю о ней составляет просто один момент моего душевного состояния» (1, с. 119). Препарированный с помощью языка чувствен-

ный материал преобразуется в принципиально иные мыслительные формы — абстрактные, логические, в которых цельные, чувственно представляемые образы расчленяются на отдельные свои признаки, стороны. Если чувственный образ предмета или явления представляется в единстве и одновременности своих сторон и признаков, то абстрактные формы отвлекают и делают предметом познания отдельные его стороны и признаки. Совокупность таких абстрагированных и познанных в опыте сообщества признаков как единство образует понятие об отражаемом предмете или явлении; понятие предполагает единство как мыслительной формы, так и стоящего за понятием соответствующего предмета. Из сказанного явствует, что абстрактные формы отражения и познания действительности не отрываются и не обособливаются от чувственных форм генетически и функционально.

С помощью языка осуществляется движение мысли от чувственного восприятия и его комплексов к логическому, понятийному мышлению, к духовной деятельности человека в полном смысле этого слова. «Только посредством объективирования мысли в слове, — подчеркивал Потебня, — может из низших форм мысли образоваться понятие» (2, с. 57). В мысли, в логическом, абстрактном мышлении человек возвращается к тому, что у него было в чувственном мышлении, но это отражение на высшем, сущностном уровне. По сравнению с чувственными формами мышления абстрактные формы отличаются большей активностью, поскольку и образование мысли и ее выражение с помощью языка — это всегда творческий акт. Об этом движении от низших форм мышления к высшим Потебня писал: «При помощи слова человек снова узнает то, что уже было в его сознании. Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» (2, с. 302).

Как образование языка, языковых знаков шло стихийно и бессознательно, так одновременно в единстве с этим процессом, произвольно, стихийно создавались формы мысли, связанные с этими знаками. Человеческое мышление, отражая действительность, целесообразную предметную и умственную деятельность людей, вырабатывало такие формы, которые были способны выражать новое содержание и, благодаря знакам, делать его достоянием всего языкового сообщества. В силу объективной необходимости эти формы предполагали использование предшествующего усвоенного знания, которое служило средством представления, понимания и познания новых предметов и явлений, т. е., приобретения нового знания. Образование и развитие этих форм обусловлено природой самого человека, его биологическими предпосылками и социальными условиями, а также формированием языка как естественной знаковой системы (см. гл. X).

Выше говорилось, что представление, чувственный образ как формы мышления не лишены идеализации и обобщения воспринимаемых

предметов и явлений, а, следовательно, их анализа и синтеза. Языковой знак сделал возможным отчуждать из мыслительного потока элементы анализа и синтеза в отдельных знаках и оперировать этими знаками и их значениями как самостоятельными данностями. Тем самым благодаря языковым знакам анализ и синтез обрели самостоятельность как логические процессы, в результате чего стало возможным образование понятия — сущностной мыслительной категории, что сыграло основополагающую роль в развитии мышления человека, в его познании Действительности. Вербальные формы мышления дали возможность человеку оперировать в «снятом» виде предметами и явлениями, их классами, качествами, отношениями и пр., тем самым познавать их с разных сторон, проникать в их сущность.

Человек произвольно и стихийно был побуждаем в своей деятельности отражать мир и себя доступными ему, возможными средствами, какие позволяли ему использовать его собственная природа, общественные и естественные условия, в каких он обитал. В этих сложившихся условиях, в практической, предметной и речевой деятельности человека его мысль и язык «саморазвивались» по объективным, независимым от индивида законам. Формами этого мыслительного движения были образ, понятие, суждение, предполагающие познание нового посредством участия — на различных мыслительных основаниях — уже познанного.

Абстрагированное в слове обобщение (общее) отражено в знаке и тем самым отвлечено от своего единства в действительности с отдельным. В слове общее как его внутренняя сторона, значение, может применяться самостоятельно вне указанного единства с отдельным. Но абстрагирование не отрывает слова от действительности, от способности слова отражать и обозначать в речи отдельные предметы и явления. Напротив, именно потому, что за словом, как за языковым знаком, стоит отвлечение (мысль о классе предметов или явлений), слово может обозначать разделенные во времени и пространстве отдельные предметы этого класса, разные их совокупности, как и весь класс предметов или явлений. Общее как материал отвлечения существует в действительности и в чувственных формах ее отражения. Слово само по себе не могло бы выражать общее.

Надо заметить, что отражение и закрепление общего в языке и речевой деятельности (последняя включает язык как важнейший свой ингредиент) не есть какое-то исключение для человеческой деятельности вообще. Владение каким-либо видом деятельности — это владение им в отвлечении от его конкретного, предметного воплощения. Владение человеком той или другой деятельностью включает обобщение, отвлечение, навык. Такое владение, как и практическое знание языка, — это тоже «память опыта», позволяющая исполнять эту деятельность в разных условиях, разделенных во времени и пространстве, индивидуально и предметно (ср. изготовление изделий, орудий и пр.

в разных областях человеческой деятельности). Сам предметно воплощенный продукт той или иной деятельности есть одновременно з н а - к о в о е з а к р е п л е н и е этой деятельности, свидетельствующей об уровне труда, производства, а, следовательно, мышления, сознания. И как в случае с языком окружающая человека природа много «подсказала» ему в его деятельности. Вот что пишет Потебня по этому поводу: «Здесь, как и в других случаях, сознанию того, что уже существует, мы можем приписать могущество пересоздавать это существующее, но не создавать его, не творить из ничего. Человек не изобрел бы движения, если б оно не было без его ведома дано ему природой, не построил бы жилья, если б не нашел его готовым под сенью дерева или в пещере, не сложил бы песни, поэмы, если б каждое слово не было... поэтическим произведением; точно так слово не дало бы общности, если б ее не было до слова. Тем не менее есть огромное расстояние между произвольным движением и балетом, лесом и колоннадой храма, словом и эпосею, равно как между общностью образа до слова и отвлеченностью мысли, достигаемую посредством языка» (2, с. 154).

Зачатки абстрактного мышления, по нашему мнению, связаны с использованием тех или других внешних субстратов мысли и мыслительных процессов в качестве знаков (ср. указанные выше жест, мимика, «выразительные движения», действия и др.). Например, жест имел и имеет символическое значение. С жестом было связано в первобытном обществе определенное представление об обозначаемом, жест мог выступать как иконический знак обозначаемого объекта. Знаковая ситуация (семиозис) при использовании жеста такая же, как и при употреблении слова. За жестом также стоит обобщение, поскольку жест применялся не окказионально, а был постоянным, воспроизводимым знаком, обозначая те или другие предметы, действия, призывы и другого определенного порядка, разделенные во времени и пространстве.

В жесте, как и в других знаковых воплощениях мысли, берет начало и развитие такая форма мысли, как образ, предшествовавшая понятию, но уже включавшая обобщение, хотя и возникающее на других основаниях (см. ниже). Образ также представляет собой мысль о предметах, явлениях, действиях и пр. определенного порядка. Поэтому словесное обозначение формирующихся абстракций, выступавшее одновременно и, надо полагать, параллельно с другими видами знаков, было подготовлено всем комплексом возможных знаковых воплощений мысли, материальных ее показателей (см. гл. X).

Однако абстракция, связанная со словом, формирующаяся с помощью слова, — это решительное преобразование предшествующей мысли, потому что только с участием слова образуются такие формы человеческой мысли с у щ н о с т н о г о х а р а к т е р а , как понятие, суждение, умозаключение. К этим традиционно выделяемым логиче-

ским формам мышления следует прибавить форму, с помощью которой в человеческом мышлении осуществляется объединение чувственного и абстрактного мышления, их теснейшее взаимодействие и взаимопроникновение, а именно: образ. В образе осуществляется синтез высших форм чувственного (восприятие, представление) и абстрактного (понятие) мышления. Образ — необходимая Исходная основа формирования понятия.

Логические формы мышления, и прежде всего понятие, нередко сравнивают и сопоставляют с грамматическими. Общим свойством понятия и грамматической формы является то, что они классификационны по своей природе. Как идеальные явления понятие и грамматическое значение не внеположны друг другу. Однако если понятие как форма человеческого мышления отличается всеобщностью (это, разумеется, не означает, что содержание и объем понятий также всеобщы, а не национальны), то грамматические формы индивидуальны, характерны для системы того или другого языка. Более того, существуют такие языки, в которых нет грамматических форм как таковых (ср. изолирующие, полисинтетические языки). Классификационность грамматической формы имеет синсемантический (сопроводительный) характер, а не аутосемантический (объектный), каким обычно обладает понятие. Отвлеченная классификационность грамматической формы не исключает в известных условиях пересечения с классификационностью понятия, выступающего в виде признака в явно выраженной или имплицитной форме (см. о признаке в гл. VIII). Кроме того, если в одном языке грамматическое значение выражается с помощью грамматической формы, то в другом оно может быть выражено лексически.

Мышление осуществляется субъективно, однако, будучи направленным на отражение и познание внешнего и внутреннего мира человека, оно способно наполняться объективным содержанием. Формирование объективного содержания нашего мышления обязано, благодаря языковому общению, всему языковому сообществу; субъект осваивает в том или другом объеме это общее содержание, убеждаясь на своем опыте в его существовании. Субъективное владение формами мышления вносит индивидуальность в сам характер протекания этих процессов, обнаруживает различные возможности в достижении результатов мышления, не исключает произвольности в использовании результатов мыслительных процессов и др. Будучи диалектическим по своей форме существования и содержанию, мышление, таким образом, как и язык, представляет собой антиномию субъективного и объективного и одновременно их единство.

Между языком и мышлением — и в генезисе и в его функционировании — отмечается постоянная взаимосвязь. Само возникновение языка предполагает высокую степень развития мышления и было обусловлено этим процессом развития. В свою очередь, образование

языка явилось мощным толчком в развитии мышления и связанных с ним психологических и логических процессов. Только благодаря языку стало возможным образование, дифференциация и развитие абстрактных форм мышления, а также дифференциация и осознанность чувственных форм мышления и других психологических процессов: памяти, воли, чувств, таких явлений, как апперцепция, ассимиляция, конденсация, или сгущение мысли, ее развертывание и др.

Поскольку одна и та же форма мышления может выражать различное содержание, то в интересах познания свойств формы она в определенных логических операциях может быть отделена от конкретного содержания и обозначена символически. Суждения, например, *Иванов есть студент*, *Золото есть драгоценный металл*, *Волга есть самая большая река в Европе* и т. п., могут быть обозначены, как £ есть P , где S — субъект, P — предикат, *есть* — связка.

§ 52. ЧУВСТВЕННОЕ, АБСТРАКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

Как уже говорилось выше, исследователи взаимоотношения языка и мышления обычно подчеркивают, что со словом связано абстрактное мышление, поскольку за любым словом стоит обобщение. Однако подчеркивание только этой стороны слова не отражает существующих отношений между действительностью, мышлением и языком. Язык не оторван от чувственных форм мышления. Он не смог бы служить ни средством общения, ни орудием познания действительности, если бы в своем функционировании, своими единицами и их содержанием был отгорожен от форм чувственного восприятия действительности; напротив, своими единицами и их содержанием он органически связан с чувственным мышлением и познанием окружающего мира.

Одной из основных функций слова как языкового знака является перцептивная функция (см. гл. III), когда в общении слово выступает заместителем предмета или явления действительности. Абстракция (понятие), которая закреплена за словом, остается при таком применении «за кадром», поскольку она известна всем говорящим на данном языке, а потому редко бывает предметом сообщения. Она выполняет регулирующую роль, определяя классификационные, логические рамки применения слова, относя его к конкретному предмету определенного порядка. На такое применение слова указывали многие ученые Г.В.Ф. Гегель, А.А. Потебня, А.Ф. Лосев, А.Н. Леонтьев и др. Благодаря своей классификационности значение регулирует и направляет работу мышления, но одновременно не теряет способности отражать и актуализировать отдельное, индивидуальное. Более того, слово может в разных условиях, разделенных во времени и пространстве, обозначать

отдельные предметы определенного порядка только потому, что за ним стоит обобщение. «...Слово,— писал Потебня,— есть готовое русло для течения мысли» (2, с. 4 45). Конкретную предметную отнесенность имеет не только основная номинативная единица языка — слово, но и другие номинативные единицы языка — свободные словосочетания, различные виды устойчивых словосочетаний, фразеологизмы и др., а также и коммуникативная единица языка — предложение, основной функцией которого, по утверждению синтаксистов, является обозначение определенной «ситуации».

Разумеется, тесная связь между чувственными и абстрактными формами мышления не лишает их существенного и принципиального различия. В языке существует такая форма мысли, которая, используя слово, служит как бы мостом между, с одной стороны, чувственным восприятием и представлением действительности, и, с другой,— абстрактным мышлением. Такой формой является о б р а з (см. ниже).

Абстракция не противостоит и не противоречит чувственным формам отражения уже потому, что вырастает из них, основывается на них, а через них — на самую действительность. Общее существует в отдельных предметах и явлениях действительности, в чувственных формах их восприятия, а отсюда в «снятом» виде переходит в словесные значения как элемент содержания последних. Поэтому между действительностью, чувственными и абстрактными формами ее отражения объективно не может быть перегородок. Однако содержанием значений языковых единиц служат не только классификационные, общие признаки. Слово не математический знак, и его значение — это не голая абстракция, состоящая из предельно отвлеченных, классификационных признаков. Значение слова формируется исторически и отражает субъективный подход в постепенном познании обозначаемого явления действительности; значение включает мыслительное содержание о явлении действительности всего говорящего коллектива.

Новый предмет или явление познается и обозначается с помощью функционирующих в языке понятий и их обозначений. Обозначенная некогда в слове абстракция в своем применении и развитии необходимо используется для обозначения нового предмета или явления, служа признаком (внутренней формой слова) для его представления в новом обозначении. Иными словами, существующее слово и его значение рано или поздно используется в новом обозначении для создания образа о новом предмете. Язык не располагает «пустыми» словами, «свободными» значениями; напротив, большинство слов многозначно, обременено многими значениями. Обозначение новых предметов и явлений происходит через отношение к другим явлениям и предметам и их обозначениям в языке. В языке, замечал Потебня, нет непереносных значений. «Изобразительность, пока он (язык.— В.Г.) жив, не

оскудевает, потому что она тождественна с понятностью слова» (3, с. 54). А это означает, что выработанные в языке абстракции постоянно участвуют в создании словесных, чувственно представляемых образов. Слово и его значение или предшествующее значение слова (в случае многозначности слова) в новом обозначении выступают характерным признаком, по которому создается образ о вновь обозначаемом предмете, а тем самым формируется новое значение и новое обозначение.

Выше мы говорили, что обобщенность и классификационность значения явились результатом отвлечения, абстрагирования чувственных данных. В то же время последние, вследствие богатства своими признаками, служат фактической основой и для образования индивидуальных смыслов, выходящих за рамки общезыкового содержания слова. Индивидуальный участок семантики слова играет важную роль в процессе общения, как и само отвлечение.

Артикулируемый звук благодаря своей природе (см. гл. I) делает возможным расчленять сплошной мыслительный поток, образованный в результате восприятия действительности, выделять такие элементы мысли, соотнесенные с определенными «кусочками» действительности, которые отвечают целям и задачам деятельности людей, познания ими действительности. Дискретность звука и мысли позволяет дифференцировать и интегрировать явления действительности по выделенным и познаваемым в деятельности и практике общения человека признакам, осуществлять тем самым анализ и синтез этих явлений, проникать в их сущность. Благодаря такой своей природе звук, т. е. внешняя форма языка, способен в известной степени я в н о отражать строение мысли. Структурированные с помощью внешней формы элементы строения мысли могут в последующем существовать в памяти чисто идеально, вне отношения к тем элементам внешней формы, с помощью которых они были выделены и которые могут быть потеряны либо редуцированы в процессе функционирования и эволюции языка. Отсюда, надо думать, способность мысли к сгущению либо, напротив, расчленению. Логически разработанная с помощью языка мысль, ее элементы могут затем существовать внутренне как чисто идеальные сущности, которые при необходимости могут сгущаться, свертываться либо, напротив, расчленяться, разворачиваться. Происходит, по Потебне, «алгебраизация» мысли, что существенно увеличивает ее отражательные и познавательные возможности.

В настоящее время в науке все более утверждается мнение, что человеческое мышление не ограничивается словесным (вербальным). Это характерно не только для первобытной эпохи становления языка, т. е. его генетических истоков, но и для последующего времени. Противное мнение поддерживается тем обстоятельством, что содержание несловесных форм мышления раскрывается, интерпретируется с помощью

языка.

Язык — естественная семантическая интерпретанта всех других форм мыслительной деятельности человека. Язык представляет собой логически, понятийно разработанную в человеческой эволюции систему обмена мыслями и отражения действительности, и как таковая, она универсальна. Но раскрывая с помощью слов содержание, например, живописного или музыкального произведения, мы тем самым доказываем, что это содержание существовало и было заключено в другом виде и способе отражения действительности. С помощью языка, т. е. с использованием абстракций, понятий — логически расчлененных форм мышления — мы выражаем понимание, идею того, что воспринято нами, «переводим» воплощенный в «языке» живописи или музыки замысел автора на универсальную знаковую систему — язык; причем «переводим» в известном приближении, но никогда не исчерпывающе, поскольку природа указанных форм отражения принципиально отлична и незаменима. С помощью языка мы сообщаем абстрактную идею, делаем логический вывод о содержании, выраженном в свойственной данному виду искусства форме. Форма же воплощения этого содержания неповторима и единственна.

Поскольку у человека все формы мышления существуют и функционируют в единстве, то язык, словесное мышление так или иначе участвует в любой человеческой деятельности. Язык способствует развитию человеческого мышления вообще, всех его форм.

Сам уровень разработанности, совершенства неязыковых форм мышления, их глубина отражения действительности обязаны словесному мышлению. В то же время очевидно, что каждый вид искусства представляет собой свойственную только ему неповторимую образную систему отражения действительности, следующую своим выработанным законам и приемам отражения.

§ 53. ОБРАЗ КАК ФОРМА МЫСЛИ

В современных лингвистических словарях, в пособиях и руководствах по семантике мы не найдем термина «образ», обозначающего форму мысли, реализующуюся в языке. Но вместе с тем такие словосочетания, как «образное выражение», «образное слово», «образное значение» и т. п. весьма употребительны в языковедческой литературе. Научный смысл таких обозначений явно страдает оттого, что исходный термин и соответствующее ему понятие остаются не определенными. Создается впечатление, что образ как форма мысли, реализуемая в языке и генетически с ним связанная, после глубоких оригинальных исследований Потебни и его учеников остался в последующей истории языковедения неустраиваемой темой. И это произошло несмотря на

то, что проблема «Слово и образ» была активно обсуждаемой у лингвистов и литературоведов¹.

Установившееся в языковедении общее мнение, что с языком связаны абстрактные формы мышления, по сути дела, исключили из поля зрения лингвистов вопрос о том, как отражаются в языке чувственные формы мышления и отражаются ли они вообще. Между тем в мышлении человека все формы отражения действительности — чувственные и абстрактные — существуют в неразрывном единстве и взаимодействии, что не может не отразиться самым непосредственным образом в языке. Сами абстрактные формы мышления — понятие, суждение, умозаключение — немислимы вне отношения к чувственным формам отражения, к восприятию действительности и его комплексам, и прежде всего к чувственному образу того или иного отражаемого и обозначаемого предмета действительности. Потебня замечал: «...Слово может одинаково выражать и чувственный образ и понятие» (2, с. 166).

Новое мы воспринимаем сквозь призму известного и хорошо представляемого. Это известное в своих качествах и признаках помогает нам представить и усвоить новое, данное нам в опыте. Поэтому образ — это необходимый исходный семантический этап в движении мысли от наглядного восприятия и представления отражаемого предмета к его сущностному познанию в понятии. В слове происходит «встреча» старого и известного в виде признака, легшего в основу названия, и нового содержания или значения, образующегося в результате восприятия и понимания воспринятого. Таким образом, обозначение нового явления в языке происходит путем использования существующих «старых» значений и обозначений. Разумеется, в новом образном представлении могут нуждаться и давно известные и обозначенные предметы и явления. Поэтому образ — важнейшая форма мысли, постоянно реализуемая в языке. «Метафоричность, — писал Потебня, — есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» (6, с. 590). «Все значения в языке по происхождению образны, каждое может с течением времени стать безобразным. Оба состояния слова, образность и безобразность, равно естественны» (6, с. 204).

Образование и обособление образа как особой формы мысли возможно при участии знака. В отличие от довербальных знаков, слово служит знаком абстракции (понятия), но оно способно одновременно выражать и обозначать образ. При этом именно закрепление за словом

¹ В 60-е годы прошла дискуссия на эту тему, в которой приняли участие литераторы и языковеды и которая породила поток литературы по этой теме. Однако лингвисты, участвовавшие в этой дискуссии, касались особенностей языка художественной литературы, роли слова в создании литературных образов (см. об этом: 4, с. 94—129; 5 и др.).

абстракции, ее освоение говорящими и расширение ее семантических связей закономерно приводит ее к участию в создании образа, а следовательно, нового значения или нового слова. По терминологии Потевни, если образ есть выражение поэтического мышления, то понятие, как сущностная мыслительная форма,— прозаического. «...Поэтическое мышление,— писал он,— есть одна из двух равно необходимых форм мысли в слове, то есть такой мысли, которая требует для своего обнаружения возникновения слова» (2, с. 529). И далее: «Эта постоянная смена поэтического и прозаического мышления идет без конца и назад и вперед» (2, с. 536).

Участие абстракции в создании образа заключается в том, что она выступает в новом слове или значении в виде названного отдельного признака обозначаемого предмета. Признак, положенный в название, избирается среди существующих в языке слов по сходству их значений с вновь обозначаемым предметом, с той или другой его стороной. *Пр е д с т а в л е н и е* — это нечто общее между уже обозначенным и познанным и вновь обозначаемым и познаваемым, это основание для сравнения в новом знаке двух предметов или явлений (*tertium compta-rationis*), благодаря чему в сознании человека образуется и передается мысль об обозначаемом со множеством его воспринимаемых признаков. Это хорошо видно на примере слов с ясной внутренней формой: *розовый, коричневый, голубой, рыжик, насекомка, подорожник, подосиновик, подснежник, светелка, оборванец, ненавидеть, перевертыш, рвач, белок, желток, завсегда* и т. п.; ср. современные новые названия: *челнок, челночить, бугор, забугорный, тачка* (об автомобиле), *крутой* (о человеке) и др. Благодаря представлению в сознании говорящих создается образ предмета, т. е. известное обобщение по отдельному признаку о предмете определенной порядка.

Роль образа, т. е. обозначения нового предмета или явления путем использования имеющихся названий и их значений, не была постоянной в эволюции языка и мышления. Учитывая значительно меньший запас понятий и мыслей в древнейшую эпоху языка, мы можем предполагать большую семантическую самостоятельность вторичных переносных названий, а точнее — отождествление образа со значением, что характерно для мифического мышления. При мифическом мышлении (см. гл. V) перенос как таковой не воспринимается и не понимается. Дикарь буквально понимал, что *роса* — это «*плевки звезд*» (роса выпадает ночью при ясном, звездном небе; см.: (7, с. 6). Для иного, правильного понимания этого явления у него не было достаточных знаний, мыслительных запасов. Следовательно, это выражение не было метафорой: объясняющее здесь отождествлено с объясняемым, субъект с предикатом. И должно было прийти исторически много времени, чтобы мифическое мышление могло смениться другим типом мышления, а именно: поэтическим, которое обеспечивает отражение, более близкое к действительному положению вещей. При поэтическом 132

мышлении образ, иносказание стали специальным мыслительным приемом субъективного, ассоциативного видения и понимания вновь обозначаемого предмета или явления. Здесь образ, т. е. представление предмета по отдельному признаку, служит лишь необходимым средством образования значения, заключающего множество признаков. В языке, как говорилось выше, нет переносных названий, и каждая метафора — это выражение субъективного подхода человека в отражении и обозначении тех предметов и явлений, которые попали в круг его интересов и деятельности и которые ему необходимо назвать. При этом говорящие отчетливо (и одновременно — стихийно и произвольно) сознают разницу между внутренней формой слова и его значением. При поэтическом способе мышления открывается широкий простор для игры ассоциаций, названия предметов и явлений действительности по сходным признакам. Так, с одной стороны, человек может персонифицировать действия, признаки обозначаемых предметов и существ {*дождь идет, солнце встает, садится, время бежит, голый лес, море успокоилось, собака просит есть, ветер воет, стрела запала* и т. п.); с другой,— свои действия и качества человек может называть словами, обозначающими природные явления {*ребенок растет, горячие чувства, чувства угасли, взгляд потух, яркая личность, глубокий ум, тихий нрав, холодный прием, плоская шутка, низкий поступок, блестящая идея, запала мысль, кислое выражение лица* и т. п.).

В авторских поэтических произведениях игра субъективных ассоциаций, переносов значительно усложняется, становится нередко весьма утонченным средством ассоциативного видения мира, образного выражения душевного состояния поэта. Убедиться в разнице общезыкового субъективизма и личного легко, сравнив общезыковые переносы с игрой метафорических ассоциаций у поэтов.

Нас соплетает сладостная мощь,
Исполненная солнечными снами. Вот
наши души, как весенний дождь,
Оборвались слезами между нами.

Ушла, но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в мягких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В одних поэтических строках значение или идея лежит на поверхности, и каждый читатель без труда соотносит образ со значением, в других это соотношение построено на неожиданной игре ассоциаций, требующей усилий воображения, тонкого семантического чутья. В приведенных выше строках и им подобных не все слова употребляются переносно, однако и те слова, которые здесь применены в прямом значении, находясь в непосредственных семантических связях с переносными, участвуют в данном речевом единстве в создании субъективно рисуемом автором образе действительности. В таких случаях

значения слов выполняют изобразительную функцию (см. гл. III). Поэтическое отражение — это живое, картинное отражение, предполагающее единство восприятия. Генетическая нить такого поэтического выражения мыслей уходит в глубь тысячелетий развития человеческого мышления.

Однако и в раннюю эпоху развития языка не исключены элементы прозаического, по терминологии Потебни, мышления, т. е. зачатки научного. Потебня, например, пишет: «По мере того, как мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий, слово лишается исподволь своей образности. Тем самым полагается начало прозе, сущность коей — в известной сложности и отвлеченности мысли...» (8, с. 168).

Но с развитием языка образность, в общем, не уменьшается, хотя, судя по общей тенденции развития слова, его значение движется в сторону все большего отвлечения. Образность — необходимое свойство человеческого языка, поскольку она, согласно Потебне, обеспечивает понимание обозначаемого, что является непременным условием и одновременно целью общения.

В общении, в отражении действительности выражение отвлеченности, обобщения и одновременно конкретности равно необходимо. «Нельзя охарактеризовать развитие языка,— писал Потебня,— его стремлением к отвлеченности, не прибавив, что вместе с тем развивается и его способность изображать конкретные явления» (3, с. 347).

Образ — конкретное выражение эвристической природы нашего мышления, использующего закрепленное в языковых знаках и их значениях знание для понимания и познания новых явлений, вовлекаемых в человеческий опыт. Поэтому образ как форма мысли свойствен не только языку. Язык — генетический исток этой формы мысли. С образом мы встречаемся в художественной литературе, живописи, скульптуре, музыке, балете, архитектуре и других областях человеческого творчества. Разумеется, это не простое терминологическое совпадение. Применяемый в них образ как форма мысли обнаруживает те же необходимые структурные компоненты, что и в словесном образе, что позволяет указанные способы отражения действительности квалифицировать как разновидности одной и той же формы мысли. Каждый вид творчества имеет свой «язык», различную степень усложненности и развитости образа. По своему строению и функциям эти разновидности образа восходят к генетически исходному элементарному словесному образу и принадлежат, по терминологии Потебни, к поэтическому способу мышления. «Огромная часть слов, которые мы употребляем бессознательно для нас,— пишет Потебня,— произведения поэтически и по существенным своим элементам нисколько не отличаются от других больших произведений: песен, басен, драм, эпосов, романов. Разница будет только состоять в степени сложности

и во всем том, что зависит от сложности» (2, с. 528). Слово, по Потебне, есть поэтическое произведение, и все свойства поэтического произведения вообще находят соответствие в свойствах слова (9, с. 113). «Слово,— замечал он,— есть прообраз и зародыш позднейшей поэзии и науки» (2, с. 206). Будучи, таким образом, генетическим источником поэзии и науки, язык в последующем своем развитии не теряет своего родства с поэзией, искусством и наукой: «Наибольшее сходство язык представляет с искусством и наукою, которые предполагают его существование и возникают при его посредстве, но, как известно, его не заменяют» (3, с. 59).

То, что образ как форма мысли одновременен с возникновением самого языка и является истоком, из которого в последующем берут начало в разных сферах человеческого творчества и деятельности более сложные разновидности образного отражения действительности, замечали другие ученые, и прежде всего те, кто интересовался происхождением художественного творчества человека.

А.Н. Афанасьев

«Происхождение тех баснословных представлений и образов, из которых создались народные сказки, тесно связано с происхождением самого языка и начальных воззрений человека на природу. Первобытные языки, как убедительно доказано новейшими филологическими разысканиями, были исполнены метафор, и это обуславливалось самою сущностью человеческого слова. В эпоху своего создания слово являлось не техническим обозначением известного понятия, а живописующим, наглядным эпитетом, выражающим ту или другую особенность видимого предмета и явления... Всякий предмет рисовался в его наиболее характерных свойствах или в самом действии — не как отвлеченная мысль, а как живой образ...» (10, с. 3—4). Множество наблюдений этого рода мы можем найти в других трудах этого автора, например в (11).

А.Н. Веселовский

«В сущности, каждое слово было когда-то метафорой, односторонне-образно выражавшей ту сторону или свойство объекта, которая казалась наиболее характерною, показательною для его жизненности. Обогащение нашего знания объекта выяснением других его признаков совершалось на первых порах путем сопоставления с другими сходными или несходными объектами по категориям образности и предполагаемой жизнедеятельности» (12, с. 355).

Г. Пауль

«Метафора — это нечто такое, что с неизбежностью вытекает из природы человека и проявляется не только в языке, поэзии, но также — и даже прежде всего — в обиходной речи народа, охотно прибегающей к образным выражениям и красочным эпитетам» (13, с. 114).

Я. Парандовский

«Метафора настолько вошла в кровь и плоть языка, что если бы ее внезапно изъять, люди перестали бы понимать друг друга» (14, с. 157).

Слово является необходимым средством формирования не только образа, но и понятия, т. е. логической классификационной и квали-

фикационной мысли, способной проникать в сущность отражаемых и познаваемых предметов (о понятии см. ниже).

Уже одной своей звуковой стороной, внешней формой, слово вызывает в сознании человека наглядно-чувственный образ обозначаемого предмета. Следовательно, и в своем формировании, и в дальнейшем применении в качестве общеупотребительного знака слово, хотя и является, по И.П. Павлову, элементом второй сигнальной системы, не порывает с чувственными формами мышления и при условии закономерного развития в нем абстракции. Способность слова обозначать как чувственный образ, так и понятие, т. е. в зависимости от условий речи, задач общения иметь конкретное или отвлеченное значение, позволяет объективно отражать действительное положение вещей. Выражение конкретного и отвлеченного равно необходимо в общении, об антиномии конкретного и отвлеченного в языке Потебня писал следующее: «Отвлечения составляют, по-видимому, цель нашей мысли. Но так ли это на самом деле? Будет ли удовлетворена наша мысль, если она будет наполнена одними отвлечениями, такими как, например, план города, карта страны, схематическое изображение человеческой фигуры? Или, если представить себе, что кто-нибудь ограничивается только математической формой человеческой мысли, наиболее отвлеченной, какво будет состояние этого человека и отношение его ко всему, что вокруг него? Это трудно себе представить. Во всяком случае, это явление было бы в высшей степени уродливо. Отвлечению противопоставляют конкретные восприятия, из которых они получают; но на одних конкретных восприятиях не может успокоиться мысль, потому что процесс обобщения присущ человеческой природе.

Обобщение имеет для нас цену только в том случае, если под ним мы имеем конкретные восприятия, из которых оно получено. Одно обобщение есть познание слишком отдаленное...» (2, с. 512—513).

Эти два противопологающие друг друга процесса — конкретизация и отвлечение — равно необходимы для объективного познания действительности и общения и отвечают основным способам мышления современного человека — поэтическому (образному) и прозаическому (отвлеченному), научному мышлению, по терминологии Потебни: «Чередование приемов поэтической и прозаической мысли есть средство не только создания языка, но и создания всей человеческой мысли, и постоянная смена их так же необходима, неизбежна, как вдохание и выдыхание» (15, с. 18).

Если в слове образ создается на основе взаимодействия двух семантических величин: признака названия и значения, образующегося в результате восприятия обозначаемого предмета или явления, то во фразеологизмах, пословицах, поговорках, баснях и других более сложных произведениях языка образ создается путем использования многих слов. И здесь в создании образа взаимодействуют две семан-

тические величины: буквальный смысл единицы, содержащий мотивирующие признаки, и ее функциональное значение. Эти единицы более сложные, семантически расчлененные, отсюда их образная устойчивость. «Какая-нибудь пословица, — пишет Потебня, — живет века. Мы не можем представить себе количество случаев, к которым применялось и применяется, количество этих беспрерывных воплощений. Дело не в полном соответствии какой-то определенной идеи и образа, а в этой бесконечной способности соответствовать новым и новым идеям, в этой возможности будить, объяснять бесконечный ряд явлений жизни. С какими только идеями не сочетался образ «Тише едешь, дальше будешь»? (15, с. 87).

Образ занимает большое место в христианской религии. Христос проповедовал миру свое учение в виде притч — небольших образных индизательных повествований, отражающих понятные людям того времени обстоятельства жизни и одновременно выражающих в доступной форме религиозную идею, нравоучительный смысл. Вся история христианства доказала поразительную жизненность образов притч, способных в разные исторические эпохи, в преходящих жизненных ситуациях наполняться конкретным содержанием и выполнять роль религиозных, нравственных правил христиан.

«Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притч не говорил им. Да сбудется реченное через пророка, который говорит: «отверзу в притчах уста Мои, изреку сокровенное от создания мира» (Матф. 13, 34—35).

В иной форме многие образы притч нашли воплощение в различных видах литературного, изобразительного, музыкального творчества.

Важную роль играет образ в науке, несмотря, казалось бы, на тяготеение науки к открытию законов, логическим обобщениям, отвлеченным понятиям и категориям. Образ — ничем не заменимое средство языкового отражения и познания действительности во всех сферах деятельности человека. Поэтому для образа не существует каких-либо перегородок в пределах вербального мышления. О важности образа в научном познании действительности писали многие ученые прошлого и настоящего времени. Известный философ и математик, исследователь философских и методологических аспектов языка науки, специально изучавший взгляды ученых на роль метафоры в научном творчестве. В.В. Налимов писал, что в науке при введении и объяснении новых теорий с помощью уже существующего научного языка и установившихся теорий и соответствующих им терминологий ученые в силу необходимости используют метафору, образы. Метафоричность языка науки создает напряженность мысли, приводит ее в движение, что в конечном счете способствует пониманию и усвоению в научном опыте новых теорий и нового знания (см. об этом (16, с. 132—134).

Надо думать, метафора, образ всегда были активной формой мысли в науке, и в ее истоках, а не только в настоящее время. Метафора,

полагают ученые, сама по себе была исходным методом научного познания действительности. Я. Парандовский, например, пишет: «Может быть, следует искать метафоры не только в истоках поэзии, но и науки, она разновидность первоначального, древнейшего метода научного исследования, состоящего в сближениях, установлениях связи, сравнения между собой разных явлений» (14, с. 203).

§ 54. ФОРМЫ АБСТРАКТНОГО (ЛОГИЧЕСКОГО) МЫШЛЕНИЯ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Взаимосвязь и взаимообусловленность языка и мышления конкретно выражается во взаимоотношениях языковых единиц и форм чувственного и абстрактного мышления. Нельзя сказать, что связи между абстрактными формами мышления и языком достаточно хорошо исследованы и получили однозначное решение, хотя взаимоотношения основных единиц языка — слова и предложения — с соответствующими формами абстрактного мышления — понятием и суждением — давно стали традиционной темой в лингвистике и логике. Не освещен вопрос о возможности выражения понятия служебными частями речи, суждения — односоставными, вопросительными, побудительными, условными предложениями; неясен статус морфем по отношению к формам мышления. Решение всех этих вопросов имеет объективные трудности. Тесная связь и взаимообусловленность языка и мышления и одновременно своеобразие конкретных языков по отношению к общечеловеческим формам чувственного и абстрактного мышления свидетельствуют о том, что перед нами разные явления, обладающие собственными законами функционирования и развития. В то же время язык, как никакая другая знаковая система, способен обеспечивать единство абстрактного мышления с чувственными формами отражения.

§ 55. СЛОВО И ПОНЯТИЕ

В анализе соотношения слова и понятия следует иметь в виду важные условия, учитывающие, с одной стороны, идеальную природу понятия и образующих его признаков, с другой, — различные знаковые возможности их обозначения и выражения.

Отношение понятия к значению слова описано в гл. VIII. Здесь же мы укажем на способы обозначения понятия и его содержания в языке, точнее — на соотношение понятия с е д и - н и ц а м и и языка.

Понятие определяется как мысль о классе предметов или явлений действительности; или, по-другому, — как совокупность познанных в

практике общения и деятельности людей отличительных, существенных признаков, по которым выделяются и отождествляются в мышлении предметы, их качества, признаки, действия, связи и отношения. Понятие — это классификационная по своей природе мысль. С ее помощью осуществляется анализ и синтез отражаемых предметов и явлений действительности, их дифференциация и интеграция. В результате становится возможным проникновение в сущность этих предметов и явлений. Понятие, таким образом, — это сущностная категория нашего мышления.

При анализе взаимоотношений слова и понятия следует учитывать их двойственные отношения. Понятие относится к слову как к знаку, материально-идеальной единице, будучи само единицей собственно мыслительной, логической. Отношения между словом-знаком и понятием можно определить кратко и однозначно: понятие может быть обозначено как отдельным словом, так и разной формы сочетаниями слов {грузовой автомобиль = грузовик, маховое колесо = маховик, зубчатое колесо — зубчатка, столовая комната — столовая, авиационный двигатель = авиадвигатель, сделать ошибку = ошибиться и т. п.}. Понятие может быть обозначено аббревиатурой и соответствующим номинативным сочетанием слов {вуз = высшее учебное заведение, ТЮЗ = театр юного зрителя, колхоз = коллективное хозяйство и т. д.}; наконец, понятие может быть обозначено любым символом, заменяющим словесное обозначение понятия (ср. азбуку Морзе).

Содержание понятия образует выделенные и познанные в практике общения и деятельности людей признаки отражаемых предметов или явлений определенного порядка. Разумеется, эти признаки не могут приводиться всякий раз, когда речь заходит о том или другом понятии. В этом нет необходимости, поскольку говорящие на данном языке владеют этим содержанием. Как подчеркивал Потебня, слово само по себе не может выражать содержания понятия как совокупности и единства определенных признаков. Слово у к а з ы - в а е т на такое единство, служит кратчайшим его знаком. А.Ф. Лосев, исследуя взаимоотношения мысли и слова, замечал, что не все внутреннее выражается вовне. Слово содержит в себе, как правило, отдельный признак в виде внутренней формы, другие признаки понятия подразумеваются, существуют в значении слова имплицитно.

Между тем в современных языках, особенно в книжном и научном их стилях, весьма распространены неоднословные, аналитические наименования (дефинитивные, или определительные, названия или термины), в которых приводятся выделительные или существенные признаки обозначаемого. Такие признаки являются, по сути дела, его краткими определениями (ср.: *четырёхтактный двигатель внутреннего сгорания, современный русский литературный язык, гибридные химические связи, многозарядные катионы, эффект кристаллического поля, спиновое квантовое число* и т. п.). Разумеется, понятие, его содержание остаются

одними и теми же независимо от того, явно ли выражены отдельные признаки понятия в его названии либо они подразумеваются, т. е. содержатся в значении знака имплицитно (ср., например, однословные и неоднословные параллельные термины в языкознании: *индикатив* = *изъявительное наклонение*, *конъюнктив* = *условное наклонение*, *императив* — *повелительное наклонение*, *инфинитив* = *неопределенная форма глагола* и т. п.).

Однако подобные примеры свидетельствуют о сложных взаимоотношениях между понятием и значением слова, а в аналитических названиях — между понятием и значениями слов, входящих в такое название. Понятие может равняться, быть тождественным как значению отдельного слова, так и целому сочетанию значений слов. Как в таком случае соотносятся значения слов с одной и той же мыслительной единицей? Каковы внутренние семантические процессы, делающие такие соотношения возможными и тождественными? Кстати сказать, на эти и подобные им внутренние идеальные, семантические процессы лингвисты и логики мало обращали внимания, не объясняли их. Между тем именно в этих внутренних преобразованиях значений слов проявляются характерные свойства идеального.

В случае обозначения понятия одним словом мы вправе считать, что значение слова в логическом отношении тождественно понятию, т. е. представляет собой совокупность отличительных, существенных признаков, выделяющих тот или иной разряд предметов или явлений. Между тем не выяснено, какова природа семантического сдвига или преобразования в семантике слова, когда его значение из понятия превращается в отдельный признак в условиях словосочетания — знака другого понятия? Возможный ответ на характер преобразования семантики слова в таких условиях см. в гл. VIII.

Большинство лингвистов придерживается того мнения, что не все разряды слов выражают понятия. Например, предлоги и союзы не обозначают понятий ввиду отвлеченности и формальности (невещественности) своих значений. По этой же причине лишаются понятий и личные й"мена (антропонимы), вне отношения к конкретному лицу они не имеют конкретного содержания. Но какая форма мысли связана с лексическими значениями этих слов, — этот вопрос остается спорным. В то же время отдельные логики считают, что незначительные части речи выражают понятия (см., например, 17, с. 264 и ел.).

Последняя точка зрения нам представляется более соответствующей действительности. Служебные части речи формировались на базе знаменательных частей речи. Этот процесс активно продолжается и в современных языках. При этом отмечается следующая закономерность. По мере развития отвлеченности и «выветривания» вещественного содержания знак такого понятия постепенно теряет строение, лишается внутренней формы, приобретает тенденцию к сокращению. Но этот

прогрессирующий процесс, по нашему мнению, не меняет заключенную в слове форму мысли.

Некогда начавшийся процесс обобщения и отвлечения, приведший к образованию понятия, по мере своего развития не может привести к потере формы мысли в слове. Думается, что это единый по своей мыслительной, логической природе процесс, и потому он может развивать и углублять только эту форму мысли. И даже формальность, т. е. отсутствие вещественной информации, не меняет классификационную природу этой формы мысли, ее понятийность.

На этом основании можно считать, что и незначительные части речи также обозначают понятия. Только признаки понятий, обозначенных такими словами, весьма отвлеченны, формальны, а потому, как правило, малоинформативны. Но отвлеченность и малоинформативность не исключают понятийноеTM. Нельзя отказывать словам в способности выражать понятия ввиду их малой информативности. Высокая степень отвлечения связана с потерей конкретного, вещественного содержания. Но, надо полагать, это не может привести к потере самой формы мысли, обязанной своим образованием процессу отвлечения.

Толковые словари, определяя значения незначительных слов, приводят выделительные, классификационные их признаки. Высокая степень отвлеченности, формальность этих слов не ведет к потере классификационноеTM их значений.

Кстати сказать, у математиков, специалистов в области математической логики, нет сомнений, что, например, *конъюнкция*, *дизъюнкция*, *импликация*, выражающие определенные отношения между понятиями и суждениями, суть полновесные математические понятия (категории). Между тем прообразом этих отношений являются в языке соединительные, противительные, условные союзы, не потерявшие с математическими терминами известного семантического и функционального родства. Между тем многие лингвисты считают, что такие слова не выражают понятий.

Значение личного имени, или антропонима {*Иван, Петр, Анна* и т. п.) также классификационно; оно содержит целый ряд дифференциальных признаков, обозначающих: а) человека; б) его пол; в) класс определенных лиц, обозначенных данным именем; г) принадлежность к определенному национальному языку; д) совокупность грамматических показателей, представляющих парадигму изменения слова в языке и выражающих формальную классификационность слова. Наконец, имя, обозначая конкретное лицо, содержит смысл, который образуется у определенного круга людей, знающих в той или иной мере данное лицо. Таким образом, как и у нарицательных имен, у личных выделяются разные уровни семантики — абстрактный и конкретный. Игнорирование лингвистами абстрактного (классификационного) уровня семантики у личных имен говорит о том, что в этом случае смешивается понятийность с конкретной информативностью. Личные имена имеют

в общеупотребительном языке дейктический (местоименный) характер, конкретное содержание которых образуется в узких условиях общения.

Нам не дано знать и предвидеть, до каких степеней отвлечения и обобщения может достигать человеческая мысль. Однако форма мысли в этом ее движении, по нашему мнению, не меняется. Лексические, грамматические, словообразовательные значения в конечном счете выступают классификациями разной степени отвлечения и в разных функциях применения: от формальной и, возможно, предельно отвлеченной в данном языке до мысли о классе конкретных предметов или отдельного предмета. Представляется поэтому, что здесь присутствует одна и та же форма мысли только в разной степени разработанности и развития и в разных своих функциях. В слове, в результате семантического синтеза, они образуют один акт мысли. «Внутриязыковые значения», будь то грамматические, лексические или словообразовательные, по отношению к «внеязычному содержанию», образующемуся в конкретных условиях речи (см. гл. VII), выступают языковой формой его обработки и выражения.

§ 56. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СУЖДЕНИЕ

Суждение определяется как мысль, в которой что-либо утверждается или отрицается. Языковой формой выражения суждения является повествовательное предложение. Суждение двучленно, включает субъект (предмет речи) и предикат, т. е. то, что говорится о предмете речи. Обычно субъект совпадает с группой подлежащего, предикат — с группой сказуемого.

Высокие белоствольные березы росли по обеим сторонам дороги.

Суждение — это познавательный акт, и с предикатом связано то новое, что приписывается предмету речи, но новое не всегда выражается сказуемым предложения. Коммуникативно и логически новым в суждении может быть любой член предложения. Универсальным средством выделения логического предиката в языке является л о г и ч е с к о е у д а р е н и е, которое может падать на любой член предложения, выделяемый в таком случае интонационно, усиленным его произношением. Выделение логическим ударением члена предложения одновременно исключает возможное другое утверждение или отрицание, ср.:

Брат вчера уехал в Москву (а не кто-либо другой); см. другие примеры:

Брат вчера уехал в Москву.

Брат вчера уехал в Москву.

Брат вчера уехал в Москву.

В русском языке отмечаются и другие средства выделения в пред-

ложении логического предиката, когда он не совпадает со сказуемым: определительные, указательные местоимения, частицы, вводные слова (ср.: *этот, тот, каждый, только, лишь, вот, именно, конечно* и др.), а также в определенных условиях порядок слов, например инверсия. В некоторых языках для выделения логического предиката используются особые морфемы и служебные слова (подробно об этом см.: 18, с. 113 и сл.). В русском языке мы также наблюдаем такое явление, когда, например, субъект суждения выражается морфемой (ср. окончание спрягаемого глагола в определительно-личных предложениях: *Иду, Идешь* и т. п.).

Если суждение двучленно, то предложение, как известно, может иметь, кроме главных членов — подлежащего и сказуемого, второстепенные члены предложения. Суждение всегда выражается в виде предложения, но не всякое предложение выражает суждение, т. е. утверждение или отрицание (ср. вопросительные, побудительные, условные предложения). В логике и языкознании однозначно не решен вопрос, какая форма мысли выражается в этих предложениях.

Односоставные предложения рассматривались в русской лингвистической традиции как логические или психологические суждения, внутренняя двучленность которых не выражена отдельными членами предложения. В предложениях типа «*Пожар!*», «*Чудесно!*», «*Красота!*», «*Светает.*» и т. п. предмет суждения не имеет словесного обозначения, а состоит из непосредственного представления или же может быть понят из ситуации (см.: 19, с. 450—451; 20, с. 29, 49 и сл.). Поскольку в таких случаях отмечается непосредственное взаимодействие чувственных и логических форм мышления, то некоторые лингвисты видят здесь особый вид суждений, а именно: л о г и к о - п с и х о л о г и ч е с к о е с у ж д е н и е. «Логико-психологическое суждение — это особая форма мысли, создающаяся сочетанием наглядно-чувственных образов и обобщенных образов-понятий» (21, с. 61).

Традиционное изучение суждения и его выражения в предложении, надо думать, повлияло на поиски чисто языковых средств выделения в мысли данного и нового содержания. Актуальное ч л е н е н и е предложения, в соответствии с которым в предложении выделяется данное (тема) и новое (рема), по мнению многих лингвистов, соотносится с двучленностью логического суждения и с выделением в нем собственно субъекта и предиката. Однако концепция актуального членения предложения основывается прежде всего на языковых признаках этого членения, хотя в своем изучении предложения не исключает логических и психологических аспектов (см.: 22, с. 239-245; 23).

О логической природе вопросительных, побудительных и условных предложений высказываются различные мнения. Ряд ученых считает, что в таких предложениях следует видеть особую разновидность мысли, имеющей познавательное значение, а потому так или иначе заключа-

ющей в себе суждение. Эти предложения содержат суждение в неявной форме, имплицитно. Например, вопросительные предложения: *Кто принес эти книги? Кто ответит на этот вопрос?* и т. п. предполагают утвердительный или отрицательный ответ. В.В. Виноградов пишет по этому поводу: «Ведь и в вопросе что-то высказывается, сообщается и понимается. Вопрос тоже может быть истинным или ложным. Искомый предикат в вопросе не раскрыт. Но и в прямом вопросе содержатся свернутые (имплицитные) или неопределенные предикаты, обеспечивающие самую возможность указать на искомый предикат» (24, с. 84). Подобные мнения высказываются о побудительных и условных предложениях. Подробно об отношении этих и других типов предложений к логическому суждению см.: (25; 26, с. 266—351; 27; 18, с. 113-165).

§ 57. ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

В пособиях по теоретическому языкознанию нет четкого разграничения соотношений между, с одной стороны, языком и мышлением и, с другой, — языком и сознанием. Между тем эти соотношения принципиально различны.

Проблема языка и мышления включает изучение прежде всего взаимоотношения языковых единиц с формами чувственного и абстрактного мышления, закономерностей этого взаимоотношения, а также своеобразия вербального выражения мысли, различных психологических процессов, связанных с функционированием языка (аперцепция, аналогия, ассоциация, конденсация (сгущение) мысли и др.). Изучение взаимоотношения языка и мышления затрагивает и такую фундаментальную проблему, как происхождение языка. Область мышления шире области языка и сознания. Внутримозговые процессы не ограничиваются языковым мышлением. Психологическая деятельность человека шире, она включает наряду с абстрактными (логическими) формами и неразрывно связанным с ними образным мышлением целый ряд других психологических процессов: работу памяти, волю, воображение, проявление различных чувств и др. Все эти психологические процессы происходят в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с собственно абстрактным мышлением. Последнее способствует выделению, дифференциации этих процессов, их развитию, управлению ими; наконец, абстрактное мышление познает их. В довербальную эпоху мышление использовало для своего выражения другие знаки, материальные субстраты. Таким образом, область мышления шире области языка как в генетическом, так и в функциональном отношении.

Если при исследовании языка и мышления внимание обращается на соотношение чувственных и абстрактных форм мышления с соот-

ветствующими единицами языка (здесь учитывается прежде всего формальная сторона отношений), то проблема языка и сознания предусматривает исследование сдержательной стороны этого соотношения, исторически изменяющейся в зависимости от условий жизни, деятельности, развития общества.

Формы чувственного и абстрактного мышления остаются неизменными в течение всей доступной наблюдению истории человечества, в то время как сознание, будучи отражением жизни народа и действительности, исторически изменчиво, поскольку обусловлено сдержанностью этих форм в ту или другую эпоху развития общества. Сознание формируется с помощью языка и одновременно с ним, используя, с одной стороны, знания, накопленные в течение многих поколений, с другой, — отражая условия жизни и деятельности общества, особенности его мировосприятия и мировоззрения в ту или другую эпоху его развития. О тесной генетической и функциональной связи языка и сознания, об одновременности их формирования говорили ученые принципиально различных направлений. Известны высказывания Маркса и Энгельса о древности языка и сознания: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» (28, с. 29). О языке как необходимом условии сознания пишет С.Н. Грубецкой: «Каждое слово наше доказывает факт коллективного сознания» (29, с. 497). Однако суждения этих авторов требуют в данном случае известного уточнения, обусловленного лингвистическим отношением к этой проблеме.

Сознание народа в ту или иную историческую эпоху актуально отражается в письменной и устной речи — в непосредственном общении, в произведениях художественной литературы, в трудах по разным отраслям знания, деловых бумагах, мемуарах, эпистолярном наследии... С помощью языка выражается любое знание, являющееся отражением жизни и деятельности народа в тот или другой период его истории. Содержание любого текста исторически обусловлено. О материальных и духовных сторонах жизни народа в ту или другую эпоху его истории мы узнаем из различного рода словесных произведений и материальных памятников. Употребляемые в таких произведениях слова и предложения, как факты речи, наполняются индивидуальным смыслом, сопряженным с конкретной, исторически обусловленной «предметной отнесенностью». В указанных речевых образованиях, выражающих актуальное содержание, язык выступает одновременно и как форма, способная выразить различное содержание.

Предметом теоретического языкознания не может быть общественное сознание как таковое в тот или другой период его истории, находящее выражение в различных областях знания и деятельности людей. Такой аспект изучения общественного сознания не входит в компетенцию науки о языке. В то же время очевидно, общественное

сознание, реализуясь в языке, не может не влиять на язык. При этом мы, разумеется, не имеем в виду актуальное содержание, которое выражается с помощью языка и в котором так или иначе заключается общественное сознание. Это содержание также не стало объектом изучения языкознания, хотя участие языкознания в изучении отражения сознания народа в реальном языковом общении, несомненно, было бы полезным и помогло бы общественным наукам, исследующим эволюцию общественного сознания.

Если при изучении проблемы языка и мышления языкознание обращает внимание на взаимодействие форм чувственного и абстрактного мышления и языка, а точнее — на связь этих форм с основными единицами языка — словом и предложением, то при изучении связи общественного сознания и языка теоретическая лингвистика исследует влияние сознания, его содержания, на язык как постоянно действующую систему, т. е. на язык как форму. Языкознание, таким образом, интересуют те факты влияния сознания на язык, которые в той или другой степени закрепляются в его системе, становятся воспроизводимыми в определенный период истории общества и языка либо постоянными его элементами. Факты воздействия общественного сознания на систему языка отражают определенные исторические процессы общества, имеют устанавливаемые во времени причины. Эти факты воздействия отнюдь не всегда лежат на поверхности. Легче определить историзмы и архаизмы, которые отражают характерные черты той или другой эпохи в жизни общества, его реалии, представления и понятия. Все это входит в сознание людей, в их мыслительный багаж. Как известно, такие факты языка давно стали предметом описания лексикологии и лексикографии; без них не может обойтись любое историческое исследование или художественное произведение, описывающие ту или другую историческую эпоху.

Однако общественное сознание проявляется и не столь заметно и требует для обнаружения своего влияния на язык весьма внимательного наблюдения, обостренного языкового чутья, чувства времени. Сложность обнаружения связана с непрерывностью языка. В сознании народа, в языке не происходит революций, переворотов, подобных социальным. Но в то же время язык не отгорожен ни от происходящих общественных событий, ни от сознания, отражающего эти события, от движения общественной мысли.

Содержание слова неоднослойно, оно не исчерпывается той отвлеченной предметно-логической схемой, по которой выделяется класс предметов или явлений действительности. Такая логическая схема может не меняться исторически длительное время. И поэтому создается впечатление о неизменности всего содержания слова, которое обозначает один и тот же класс предметов в разные исторические эпохи. У нас также может создаться мнение, что мы вполне адекватно понимаем мысли наших далеких предков, коль скоро для обозначения предметов

и явлений определенного порядка используются современные нам слова и выражения. Однако речевое содержание таких слов и выражений, их общественно-исторические смыслы складываются в определенную историческую эпоху из общественного понимания и знания соответствующих предметов и явлений действительности, степени проникновения в их природу, роли этих предметов и явлений в конкретных условиях общества и др. Кроме того, значения одних и тех же слов в разные исторические эпохи имеют неодинаковую глубину отражения сущности обозначаемого; иными словами, соотношение их «ближайших» и «дальнейших» значений будет различным. Поэтому содержание и смыслы одних и тех же слов и выражений в разные исторические эпохи развития общества не могут быть совершенно тождественными. Семантика языковых знаков имеет определенную структуру, состоящую из семантических слоев, разновременных по образованию и, следовательно, разной устойчивости и подвижности. И сравнивая тождественные по обозначаемому классу предметов слова, входящие в разные временные пласты, мы улавливаем их общую семантику только определенного уровня, но не в полном ее объеме. Здесь и обнаруживается роль сознания общества и человека.

Рассмотрим некоторые факты на примере современного русского языка. Хотя русисты считают, что к современному русскому литературному языку относится язык периода от Пушкина до наших дней, многое в языке заметно изменилось.

Большинству читателей «Евгения Онегина» кажется, что они адекватно воспринимают и понимают текст романа в стихах. Однако это далеко не так. Например, комментарий Ю.М. Лотмана к роману вскрывает многие значения и смыслы слов и выражений, которые были вполне ясны для сознания современников Пушкина, но для нас понимание этих значений и смыслов требует специальных литературоведческих и лингвистических исследований (см., например, комментарий к словам и выражениям: Так думал молодой *повеса*; Сердца *кокеток записных*, Ученый малый, но *педант*, Там будет бал, там *детский праздник*, В своей глуши мудрец *пустынный*, Из Стразбурга пирог *нетленный*, Где каждый *вольностью* дыша, Племен минувших *договоры*, Игрок и *гвардии сержант*, Мне с плачем *косу расплели* и многие другие (30).

Немало слов в условиях общественно-политической жизни времени Пушкина имело явно осознаваемое современниками политическое, гражданское звучание. Так, например, слова *вольнoлюбивый*, *вольность* имели антикрепостнический смысл, по сравнению с близкими с ними синонимами *свободный*, *либеральный*, *свобода* и др. Не случайно, что цензура не пропустила прилагательное *вольнoлюбивый* при публикации стихотворения «К Чаадаеву». Об этом слове Пушкин писал: «Вчера видел я в «Сыне отечества» мое послание к Чаадаеву; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнoлюбивый* ей не нравится: оно так

хорошо выражает нынешнее liberal, оно прямо русское...» (Письмо к Н.И. Гнедичу, 21 сент. 1821 г.).

Слова, входящие в современный ряд синонимов *родина*, *отечество*, *отчизна* имели заметные отличия, которые не отмечаются современными словарями. Слово *родина*, по свидетельству В.В. Виноградова, «не имело того острого общественно-политического и притом революционного смысла, который был связан со словом *отечество* (и отчасти со словом *отчизна*)» (31, с. 221). *Родина* преимущественно употреблялась во времена Пушкина в значении «место, где кто-либо родился»; «Через 10 минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видел он своей *родины** (Дубровский). И ср. с этим:

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя.
И над *отечеством* свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря» (Деревня).

Сознание общества, подобно мышлению, находит выражение и закрепляется не только в фактах языка. Сознание определяет поведение людей в обществе, цели и планы их деятельности, оценку всего окружающего, основанную на жизненном опыте, духовных достижениях общества и пр. Сознание, таким образом, — это категория, создающая общую духовную атмосферу жизни и деятельности людей. Результаты сознания выражаются в многообразных продуктах духовной и материальной жизни людей.

Отражающее конкретно-исторические условия жизни общества сознание воздействует на содержание языковых единиц в виде внешне не явных пресуппозиций, основанных на знании, общественной оценке и роли тех или иных предметов и явлений действительности. Реализация таких пресуппозиций в употреблении слов приводит к определенным смысловым сдвигам и приращениям, налагаемым на классификационные, логические рамки значений слов, называющих эти предметы и явления. Такие изменения значений слов становятся фактом языка, закрепляя тем самым произошедшие изменения в общественном сознании. Вот, например, как пишет В. Катаев о затруднениях при обращении к молодой девушке в послереволюционное время в связи с изменением общественных, этических норм в жизни общества:

«Стихи, по расчету молодого человека, должны были произвести сильнейшее впечатление на одну *гражданку*...

Пишу *гражданка* потому, что в то легендарное время дореволюционные слова вроде *барышня*, *мадемуазель* были упразднены, а слово *девушка* как обращение к девушке, впоследствии введенное в повседневный обиход Маяковским, еще тогда не вошло в моду и оставалось чисто литературным. Сказать же *молодая особа* было слишком в духе Диккенса, старомодно, а потому смешно и даже непристойно. *Красавица* — еще более смешно. *Дама* — оскорбительно-насмешливо. Оставалось *гражданка* — что вполне соответствовало духу времени, так как напоминало «Боги

жаждут» Анатоля Франса, книгу, которая с «Девяносто третьим годом» Гюго — за неимением советских революционных романов — была нашей настольной книгой, откуда мы черпали всю революционную романтику, эстетику и терминологию.

Теперь бы я просто сказал *девушка*, тогда же можно было сказать только *гражданка*, в крайнем случае *молодая гражданка* — не иначе!... А под тип *таракуцки* она не подходила...» (Трава забвенья).

Между тем в послереволюционное время языковой этикет испытывал затруднения и в обращении к мужчинам, поскольку старые формы обращения оказались неприемлемыми вследствие изменения в общественном сознании и социальном положении людей. Аналогичную ситуацию описывает Вс. Кочетов в романе «Молодость с нами»:

«...Она подумала о том, что при всех богатствах русского языка в нем нет хорошего слова, с которым можно бы было обратиться к этому сероглазому товарищу. Сказать: *молодой человек* — в этом есть нечто обывательское, глупое. Сказать *юноша* — ну прямо-таки из сладенькой повести о жизни ремесленного училища, в котором всех мальчишек высокопарно называют *юношами*. Что же остается? Грубое *парень*? Нет, для молодых мужчин не нашли, не придумали такого поэтического, красивого, нежного слова, которое хоть бы в слабой мере равнялось бы слову, найденному для молодых женщин... Вот тот *юноша* — *парень* — *молодой человек*, случ вздумает обратиться к ней с чем-нибудь, он что скажет? Он скажет, конечно, *девушка*. Оле очень хотелось, чтобы сосед обратился к ней, спросил бы ее о чем-нибудь. И он обратился, он спросил. Он встал со своей скамьи, подошел к Олиной, и Оля вдруг услышала: «Юная леди! Извините, пожалуйста, сколько сейчас время?» Оля даже вздрогнула от удивления, которое тотчас сменилось возмущением. «Надеюсь это относится не ко мне? — ответила она гордо. «Именно к вам». — «Если ко мне, то, во-первых, я не леди, а во-вторых, говорят не «сколько время», а «какой час». Понятно?»

Значение слова, его содержание и смысл — это не значение и функция отвлеченного математического символа, одинаково используемого в разное время и в разных странах. И собственно предметно-логическая схема значения слова, его содержание, значимость, по Соссюру, и, наконец, его смысл — все это формируется в семантической системе определенного языка, в конкретно-исторических условиях общества, отражает субъективный подход к обозначаемому, интерес к нему общества в непосредственной практике общения. В.В. Виноградов, глубоко и разносторонне исследовавший социальные, исторические условия образования слов, динамику формирования их значений, оттенков, смыслов, писал об этих семантических процессах: «Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков» (32, с. 163).

Понимание и оценка обозначаемого, само понятие о нем меняется не только у общества, но и у отдельного человека в течение его жизни

в зависимости от его жизненного опыта, накопленных знаний, образования, меняющихся общественных условий и пр. Это касается как тех предметов и явлений, которые давно известны человеку, так и тех, которые только входят в его опыт.

Общественное сознание, воздействуя на понимание и оценку воспринимаемых предметов и явлений, отражается в содержании языковых знаков, в активизации определенных пластов лексики, проникает в глубинные области психологии и мировосприятия народа, в частности, в образование внутренней формы слова и словесного образа. Чтобы словесный образ был однозначно воспринят всем говорящим сообществом и чтобы каждый член такого сообщества мог по одному признаку представить себе обозначаемое и тем самым понять значение слова, этот образ должен быть социально обусловлен, общепонятен, подготовлен сознанием народа.

Общепонятность образа, внутренней формы слова и образование на этой основе общеязыкового значения предполагает наличие у народа общего мыслительного запаса, определенной направленности мысли, иными словами, — исторически и социально обусловленного сознания народа. Только этим можно объяснить тот факт, что один признак может служить «смысловым знаком» для образования общепонятного значения. Без наличия общего сознания народа природа названия, свойственная языку, действующая на протяжении всей его истории, была бы невозможна.

Как форма мысли образ оказывается весьма отзывчивым к происходящим процессам общественного сознания, его движению и изменениям. Человеческому мышлению свойственна ассоциативность, поэтому образ — неотъемлемая его форма, атрибут речеобразования человека. Выступая средством выражения актуального содержания, образ одновременно проникает в формальную организацию языка. Народное сознание обладает в ту или другую историческую эпоху известным запасом стереотипов речевого поведения, понимания и оценки совершающихся на глазах процессов и событий. Поэтому понятия и представления, связанные с такими процессами и событиями, находятся постоянно в светлой точке сознания, употребительны, семантически активны, участвуя в образовании новых слов, выражений и значений, речевых образов и смыслов. Тем самым такие слова, обороты, значения индивидуально окрашивают речь говорящих, делая ее характерным признаком переживаемой народом эпохи, обуславливая историческую неповторимость и своеобразие выражаемых образов и представлений.

Речевые образы редко становятся фактом языка, т. е. постоянным, воспроизводимым в речи говорящих. Но в то же время, оставаясь элементом авторской речи, образы, в силу своей исторической обусловленности, художественной выразительности, важности обозначае-

мого и пр., могут стать характерным признаком своего времени, выразительным свидетельством духовной жизни народа.

Так, например, речевые образы «Слова о полку Игореве», несмотря на многие столетия, отделяющие автора «Слова» от нашего времени, остаются для нас живыми, зримо представляемыми картинами происходивших событий, свидетельствами переживаний и чувств автора «Слова» и его героев.

«Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы:
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир закончили храбрые русичи:
Сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
А дерево с горя к земле приклонилось».

«На Немиге снопы стелют головами,
Молотят цепями булатными,
На току жизнь кладут,
Веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
Не добром были посеяны —
Посеяны костями русских сынов».

Только наличием нового взгляда на вещи в соответствии с сознанием народа в ту или другую историческую эпоху, необходимо уточнить, подчеркнуть вновь замеченные признаки обозначаемого можно объяснить появление многих образных слов и выражений, речевых синонимов в уже имеющихся рядах синонимов. Синонимическая система языка пополняется за счет использования и переосмысления понятий, вызывающих общий интерес, ассоциативно богатых, злободневных в определенные периоды развития общества. В их свете по-новому воспринимаются и обозначаются известные предметы и явления; они становятся индикаторами определенного периода времени в жизни общества, образа мыслей говорящих, свидетельствуя об особенностях восприятия действительности и ее оценке.

Ср. примеры из современных газет:

«Но реальная действительность не каждый раз с учебником *стыкуется* (= согласуется, соответствует). «Я мог бы привести сколько угодно фактов *несосты-кованности* (= несогласованности, несоответствия), несбалансированности планов»;

«На днях Ляо Ченчжи и Сакамото *стыковались* (= встретились). *Стыковка* (= встреча) произошла, разумеется, не в космосе, а в «поднебесной», в Пекине»;

«Что, думаю, за фря, за червонная краля? И вижу выплыл к ней *на орбиту* (= встречу) и мой Герасим».

«Где бы не появился Бек, он тотчас втягивал окружающих в *орбиту* (= круг, сферу) своих увлечений»;

«..(Колхозы) поднялись прежде всего потому, что их председатели старались каждую копейку так *запустить на орбиту* (= в оборот, в обращение), чтобы она возвратилась гривенником»;

«На *орбиту* (= дорогу, поприще) большого спорта вышел новый воспитанник экс-чемпиона мира...»;

«Искать свою *орбиту* (= призвание, место в жизни)»; «Говоря современному, именно тогда было *запрограммировано* (= заложены основания, запланировано) наше будущее, современное»;

«Из повести в повесть мечутся среди чужих семей и квартир люди, действующие в каком-то духовном *вакууме* (= пустоте, бессодержательности), *герметически* (= непроницаемо, изолированно) запечатаны в рамках своего окружения»;

«В отличие от космической невесомости литературная *невесомость* (= легкость, бессодержательность) не способствует высокому взлету» и т. п.

Общественное сознание отражается не только в подборе внутренней формы слова, но и других языковых единиц, например фразеологизмов. К тому же здесь образ более самостоятелен и устойчив, поскольку выражен сочетанием слов. Одновременно предикативная (характеристическая) функция фразеологизмов, как и у слов с синтаксически обусловленным значением, способствует удержанию и актуальности образа.

Однозначная мотивация с помощью образа значения как слова, так и фразеологизма обусловлена современным созданием образа общественным сознанием. Нередко фразеологизм (а также и слово) представляет собой осколок какого-либо произведения народной словесности или связан с определенным историческим событием, содержание которых и мотивировало значение этих единиц. Такое произведение может быть утрачено, историческое событие может быть забыто, а следовательно, и те семантические условия, питавшие особый смысл фразеологизма или слова. Но то, что такие условия были, напоминает неожиданный, немотивированный смысл этих образований в современном языке. Ср., например, значение глагола *везет* и его производных *{повезет, везение}* и др.: Ему в этом деле *повезло*: или значения фразеологизмов с собственными именами: *где Макар* телят не гонял (пас), не по *Сеньке* шапка, и *Митькой* звали, мели *Емеля* — твоя неделя, как на *Маланьину* свадьбу, *Иван* не помнящий родства, *Феодот* да не тот, во всю *Ивановскую*, с *Коломенскую* версту и т. п.). Этимология подавляющего большинства подобных фразеологизмов не раскрыта.

Изменение точки зрения на одни и те же явления действительности, их оценки в связи с изменившимися историческими условиями, с изменением и развитием сознания народа наблюдается не только в эволюции семантики языка, в развитии его понятий. В разные исторические эпохи сознание народа по-своему понимает и объясняет одни и те же исторические события, деятельность исторических лиц, произведения литературы, живописи, искусства, архитектуры... Каждая историческая эпоха по-своему понимает такие произведения, дает им свою оценку. Это происходит потому, что исторические события, лица, произведения литературы, искусства и др. всякий раз рассматриваются

в контексте все большего исторического времени, и в итоге все полнее и точнее выясняется место и роль событий, лиц, произведений в историческом движении народа и его сознания. Именно потому, например, говорят о жизни художественных произведений, об их развитии во времени.

Владение семантикой языковых единиц, и прежде всего слова как узловой номинативной единицы языка, предполагает ее включенность в определенный уровень сознания людей, обусловленный конкретно-историческими обстоятельствами жизни и деятельности общества. В каждый исторический период жизни и развития общества люди по-своему осознают и понимают окружающее. Их оценка прошлого не тождественна оценке предшествующих поколений, а настоящего — будущих. Слово существует в осознанном людьми социальном, материальном и духовном контексте, воздействующем на понимание обозначаемых предметов, явлений, событий... Конкретно-исторические условия жизни общества определяют мировоззрение людей, их нравственные принципы, этические нормы, эстетические вкусы, политические пристрастия, общим словом, их сознание. Исторически обусловленное сознание людей так или иначе не может не отражаться на значениях и смыслах слов, на их содержании, образности, отношениях в системе языка, на их эмоциональных и стилистических характеристиках.

§ 58. ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

Язык традиционно рассматривается как орудие и средство познания действительности. В силу своей сложности и многогранности тема «Язык и познание» разрабатывается с разных точек зрения в современных направлениях лингвистики и философии.

Получение и закрепление нового знания происходит в практической деятельности человека, в которую вплетена и речевая деятельность. Следовательно, познавательную роль языка нужно рассматривать в единстве с практической деятельностью человека. Как орудие познания и естественная знаковая система язык закрепляет результаты познания в любой области человеческой деятельности. Но, разумеется, предметом языкознания не могут быть мыслительные достижения в тех или других областях знания. В этом случае языкознание сделало бы универсальной наукой, наукой наук, что для него невозможно, непосильно. Как замечал Потебня, содержание языка, его знаков, может интересовать лингвистику лишь до известных пределов. Лингвистический интерес к этой проблеме заключается прежде всего в исследовании той стороны строения языка, которая обеспечивает отражение и закрепление в знаках и их значениях результатов деятельности говорящего коллектива. В частности, каков внутренний, посто-

янно действующий, а следовательно, формальный механизм языка, работа которого служит получению нового знания в практической деятельности говорящих и закреплению его в языковых знаках? Как совершается в языке, в его единицах переход от старого знания к новому, к формированию его в практической, в том числе и речевой, деятельности? Как совершенствуется в процессе эволюции языка этот внутренний механизм языка, выполняющий гносеологическую функцию?

Анализ языка с этой точки зрения показывает, что язык всей своей природой приспособлен к выполнению познавательной роли. Именно поэтому язык рассматривается как средство и орудие познания. Издавна эта проблема вызвала интерес в философии. Так, современная аналитическая, или лингвистическая, философия придает важную роль в становлении и разработке многих философских категорий общеупотребительному языку, являющемуся их истоком. Человеческая практика общения использовала такие понятия и категории в течение исторически длительного времени. Поэтому анализ их применения в человеческой деятельности был бы полезен и для современной философии, где они стали предметом специальных штудий. Задолго до возникновения аналитической философии на генетическую связь философских абстракций с общезыковыми понятиями и категориями, на целесообразность их исследования в единстве указывал Потебня. Так, он полагал, что для правильного понимания общечеловеческой категории субстанции, качества и пр. «нужно знать, в каком виде она дана в языках. Это трудно, до конца даже неисполнимо, но лучше, чем, не достигая цели, уверять себя и других, что общечеловечность, кафоличность у нас в кармане» (7, с. 9). Философские и общезыковые понятия и категории антропоморфны, генетически родственны, обусловлены средствами своего выражения: о них мы одинаково узнаем по их словесному выражению. «Сопоставления грамматических и философских понятий могут казаться праздными лишь тому, кто полагает, что качество нашей мысли для нас самих не зависит от выражения» (7, с. 8).¹

Специфический интерес к проблеме «Язык и познание», имеющий философскую окраску, проявляет концепция лингвистической относительности (неогумбольдтианство, «гипотеза Сепира-Уорфа»). Данное лингвистическое направление исследует различие между отраженными картинами мира разных языков, а также отношение этих картин к научной картине мира и к действительности. На основании отличий в отражении действительности в лексической и грамматической системе разных языков делается заключение об особенном мировидении и миропонимании народа, его психологии, характере, культуре и др. К этой теме с объективной точки зрения обращаются в последнее время и отечественные ученые (33). В нашу задачу не входят анализ и оценка исследования этой проблемы в аналитической

философии, концепция же лингвистической относительности рассматривается в разделе «История языкознания».

В лингвистической литературе последних лет стало распространенным мнение, что значения слов общеупотребительного языка представляются собой «наивные понятия», а потому семантика языка, в которой отразилась действительность,— это не более, как «наивная картина мира». Между тем закрепленные в языке понятия и создаваемая семантикой языка языковая картина мира (см. ниже) далеко не наивны; об этом писали многие ученые прошлого и настоящего столетия. Язык как орудие познания, как естественная знаковая система, закрепившая в своей семантике многовековой опыт духовной и материальной жизни народа, имеет исключительную познавательную ценность. В семантике общеупотребительного языка, в ее понятиях и категориях отложился итог развития мысли и речи народа. «Сам по себе язык,— писал Потебня,— содействует непрерывности предания, постоянству в капитализации мысли, и если предание порою прерывается, то он в этом неповинен» (3, с. 60).

Первую классификацию предметов и явлений мира мы находим в языке. Понятия общеупотребительного языка достигают высокой степени отвлечения и разработанности, становясь по мере формирования наук их категориями. При этом значения таких общеупотребительных слов не порывают определенных семантических связей с соответствующими научными категориями (ср., например, слова общего языка и соответствующие научные термины: *время, пространство, сознание, мышление, причина, движение, совесть, давление, связь, свет, тепло, язык, тело, скорость, сопротивление, звук, речь, поле* и др.). Поэтому ученые с полным правом приходят к заключению, что «путь науке уготовляется словом» (2, с. 164). Полемизируя с отдельными учеными, считавшими, что отвлеченные научные истины построены чистым мышлением, Потебня утверждал, что научные учения все еще зависимы от «безначальной (для нас) деятельности племен и народов, т. е. «несведы», безмянных для нас особей, уже тысячелетия совершенствующих способы распределения и ускорения мысли, заранее подготавливающих возможность отдельных наук и слагавших в языках на пользу грядущим плоды своих усилий» (7, с. 9).

Формирование таких категорий, как *субъект, субстанция, объект, предмет, причина* и др. уходит в общеупотребительный язык и несет на себе черты антропоморфизма, или, по терминологии Потебни, «человекообразности». О генетической связи общеупотребительного языка и науки писал В.В. Виноградов: «Между словарем науки и словарем быта прямая тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общена-

родного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, тело, отражение* и т. п.) (32, с. 165).

В последние годы в зарубежной (преимущественно американской) лингвистике пробудился интерес к языку как естественному средству получения, хранения и передачи знания, информации. Однако исследования в данном направлении представляют собой, судя по обзорным публикациям, авторский поиск моделирования мыслительных процессов в непосредственном общении, в речи (дискурсе) — понимания, освоения информации, получения знания и его использования в последующей речевой деятельности и др. (34; 35, с. 17—33; 36, с. 34—47; 37, с. 126—139). Исследования подобного рода получили общее название «когнитивная лингвистика», или «когнитивная теория». Когнитивная лингвистика пока не представляет собой единого направления с разработанными общей методологией и методиками исследования языка, мыслительных, умственных (ментальных) процессов, связанных с получением, хранением, использованием знания, информации, подобно тому, что мы наблюдали в направлениях структурной лингвистики. Когнитивная лингвистика носит междисциплинарный характер, что весьма показательно для научной парадигмы нашего времени; она устанавливает связи с логикой, философией, психологией, математикой... и, разумеется, с собственно лингвистикой, используя научный аппарат этих отраслей знания, их методы и методики исследования. Внимание к мыслительным, умственным (ментальным) процессам, возникшее в последнее время в американской лингвистике, вызвано, надо думать, реакцией на бихевиоризм, имеющий глубокие корни в американской науке и, по сути дела, исключавший анализ собственно мыслительных процессов.

Между тем общенаучная, философская проблема познания действительности с помощью языка давно была предметом изучения европейского языкознания. Постоянное внимание к этой проблеме было характерно для основателя теоретического языкознания В. Гумбольдта и его последователей как зарубежных, так и отечественных. Идея, что язык является основным орудием отражения и познания действительности, проходит красной нитью через весь его главный теоретический труд. «Человек, — утверждал он, — окружает себя миром звуков, чтобы отразить и переработать мир предметов» (38, с. 80).

В отечественном языкознании проблемой языка и познания занимался Потебня (а также его ученики), оставив в своих работах разрозненные, но весьма глубокие и продуктивные идеи по ней, основанные, как и свойственно методологии этого ученого, на богатых, объективно исследованных языковых данных. Потебня вскрыл глубинный, свойственный языку как естественной системе постоянно действующий механизм познавательных процессов, происходящих в языке, в вербальном мышлении. Ряд поднятых Потебней вопросов, высказанных им идей (как, например, антропоморфизм, или «человекообразность»,

познания, субъективное и объективное в познании, влияние средств познания на познаваемое, на результаты познания, познавательная роль форм вербального мышления и др.) предвосхитили острые дискуссии в науке XX в., особенно в тех ее областях, которые наиболее продвинулись в познании и тем самым оторвались от существовавших насущных представлений об изучаемом объекте (ср. область атомной физики, отражение с помощью естественного языка явлений микромира, расшифровка нейрофизиологических кодов человеческой речи и др.).

Язык, согласно Потебне, «постоянно остается посредником между познанным и вновь познаваемым. Как вещественные значения, так и формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе акты познания» (3, с. 59). Уже это суждение позволяет сделать вывод об исключительной роли языка в познании внешнего и внутреннего мира человека и в его эволюции вообще.

Язык как естественная знаковая система закрепляет в значениях своих знаков достигнутые результаты познания, делает их достоянием членов сообщества, а следовательно, объектом дальнейшего совершенствования и развития. С изобретением письменности значительно расширяются возможности распространения знаний во времени и пространстве, добытые знания благодаря непрерывности языка и единству в общении разных поколений передаются от поколения к поколению.

Язык устроен так, что весь его механизм, его материальные и значимые единицы, правила их применения в конечном счете служат отражению и познанию действительности. Разумеется, это не противоречит коммуникативной функции языка, которую лингвисты считают главной. Функции общения и познания выступают в единстве. В речи мы сообщаем друг другу сведения о тех или других окружающих и интересующих нас явлениях, событиях и пр. Непрерывно протекающая вокруг нас жизнь требует соответствующего ей отражения. В силу этого язык не может быть складом готовых мыслей. Потебня подчеркивал, что выражение мысли с помощью языка есть одновременно акт ее создания. Благодаря общению мысль говорящего становится достоянием не только своего создателя, но и слушателя, а в принципе, если она этого достойна, то и всего говорящего сообщества. Тем самым она может стать объектом совершенствования и развития многих участников общения.

Речевая деятельность имеет принципиально творческий характер. Освоив язык, т. е. овладев в известном объеме семантикой языка, исторически выработанной системой значений, языковыми способами оперирования ими и т. д., человек в своей практической, речевой деятельности применяет их все к новым и новым фактам действительности. Освоенными понятиями и способами их связи говорящий пользуется как формой, которую он, по условиям речи, наполняет

актуальным, новым содержанием. В результате расширяются семантические связи между словами, обогащается содержание выражаемых понятий. В своем функционировании язык объективно способствует все более глубокому познанию действительности.

Познание действительности с помощью языка осуществляется не только в процессе повседневной речевой деятельности людей, обменивающихся друг с другом новой информацией, но и в различных произведениях словесности, безымянных и авторских. Будучи вплетенным в человеческую деятельность, язык выступает в ней активным орудием познания, во всех областях этой деятельности — в производстве, науке, художественном творчестве.

Как сам по себе язык, так и осуществляемые с его помощью формы вербального мышления — образ, понятие, суждение, умозаключение — имеют эвристическую природу, нацелены на достижение нового знания. Поэтому язык, как необходимая функция человеческого организма (в отличие от других функций) и как вид общественной деятельности, имеет внутренне присущую ему тенденцию к развитию и совершенствованию. Эта тенденция очевидна и выразительна, ее результаты в истории человечества поистине велики.

В основании двух основных единиц языка, номинативной — слова и коммуникативной — предложения, лежит с р а в н е н и е. В новом слове значение образуется на базе соотнесенности (или сравнения) внутренней формы слова (т. е. признака названия, роль которого исполняет предшествующее слово), и вновь обозначаемого предмета. Именно это соотношение образует значение нового слова. Сходный семантический процесс происходит в предложении. Его смысл образуется на основе соотношения значений подлежащего и сказуемого. Таким образом, значение слова и значение или смысл предложения создаются в результате сравнения или уподобления двух семантических величин — объясняющего и объясняемого. Этот характер образования предложения и слова свойствен как современному, так, надо полагать, и первобытному языку «...Первое слово,— писал Потебня,— или, что то же, первобытное предложение есть акт апперцепции, т. е. сравнения и объяснения того, что уже раз воспринято; оно связывает две мысленные единицы: объясняемое (психологический субъект) и объясняющее (психологический предикат), и в этом смысле оно двучленно, без чего самое сравнение и объяснение немислимо» (3, с. 81—82). Аналогичный процесс Потебня описывает и при образовании нового слова: «В каждом слове, за исключением первых слов, до которых исследование не доходит, действие мысли состоит в сравнении двух мысленных комплексов, двух мысленных масс, одной вновь познаваемой, которая составляет вопрос и которую назовем так, как математическую неизвестную величину x , и прежде познанной, то есть той, которая составляет уже готовый запас мысли в то время, когда возник вопрос: что это такое? — и которую назовем A » (2, с. 539).

Исследователи языка указывали на собственные эвристические возможности языка. С помощью языка человек может понимать и усваивать новое содержание, новые понятия, создавать представления о таких явлениях и предметах, которых он никогда ранее не видел, о которых ничего не слышал и не знал. Л. Витгенштейн писал: «Предложение должно в старых выражениях сообщать нам новый смысл» (39, с. 59). На наш взгляд, такое свойство языка объясняется рядом факторов: знанием формы языка, с помощью которой выражается и мотивируется новое содержание, восприятием и представлением того, что в данном случае обозначается, в таких условиях подключается образное мышление; формами мышления, благодаря которым чисто логическим выводом достигается понимание и усвоение нового содержания, а также не в последнюю очередь — непосредственной предметной деятельностью, которая отражается и закрепляется в языке, в значениях его знаков.

§ 59. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ЯЗЫКЕ

Человек как субъект познания противостоит окружающему миру. Проникновение в этот мир и его познание человек не может осуществлять иначе, как субъективными средствами. Язык и является субъективным средством отражения и познания действительности. «Язык,— писал Потебня,— явление очень субъективное» (15, с. 22). О субъективности языка пишут и современные авторы (ср., например, 40, с. 292 и ел.). Но, разумеется, субъективный характер отражения и познания действительности с помощью языка не исключает наличия в нем, в его значимых языковых и речевых единицах объективного содержания. Образованная с помощью языка абстракция не оторвана от действительности. Материалом для абстракций служат чувственные формы отражения действительности, непосредственно с ней связанные. Сами языковые единицы имеют разное отношение к действительности. Так, например, ядро словарного состава языка образуют слова с прямым, номинативным значением, которое, будучи выраженным в свойственных языку формах, непосредственно направлено на отражение тех или других явлений и предметов действительности. Но одновременно в языке существуют и такие единицы, которые выражают чисто формальные значения; таким значениям не соответствуют какие-либо реалии (ср. в русском языке категорию рода у неодушевленных имен существительных, мн. число у слов *pluralia tantum* и др.).

Субъективность языка проявляется в самом характере отражения действительности. Своими отдельными знаками язык в отражении и обозначении предметов и явлений действительности расчленяет то, что в действительности и в чувственном восприятии существует как единство. Предложению «*Летит белая птица*», состоящему из трех слов,

соответствует один предмет. И в действительности, и в чувственном восприятии признаки не отделены от предметов. Язык, наше мышление вычленяет из предмета его признаки и тем самым делает их как бы отдельными, самостоятельными сущностями. Такое вычленение позволяет оперировать ими в разных связях и отношениях со многими другими предметами и явлениями. И, напротив, слово может представлять множество различных предметов и явлений как единое целое, нечто отдельное и дискретное (ср.: *лес, страна, народ, население, союз, толпа, косяк, совокупность* и т. п.). Иными словами, с помощью языка осуществляется анализ и синтез отражаемых предметов и явлений действительности, а это необходимый путь к познанию их сущности.

Субъективизм проявляется и в образовании слова. Выбор признака, взятого в название, обусловлен подходом человека к обозначаемому предмету, интересом к нему, конкретными социальными, культурными, бытовыми и прочими условиями, сопутствующими возникновению нового названия. Но эта субъективность корректируется значением слова, содержащим множество признаков обозначаемого предмета. Роль признака названия — служить «смысловым знаком» для образования значения, полнее отражающего предмет. В свою очередь, значение существенно беднее самого обозначаемого предмета. Между этими полюсами — от отдельного признака, взятого в основу названия, к множеству открываемых и познаваемых в деятельности человека признаков предмета — движется наше коллективное познание. В этом движении растет в значениях и смыслах слов элемент объективного содержания.

Обозначая и выражая мысль с помощью исторически выработанных формальных средств, каждый язык вносит в содержание мысли нечто свое, свой отпечаток. Для говорящих осознание субъективного и объективного в языке — процесс исторически длительный и изменяющийся. Первобытный человек не отделял не только слова от мысли, но и слова от вещи. Смысл слова отождествлялся с вещью и ее сущностью. Прогресс отделения субъективного и объективного элемента связан с успехами языкознания как науки. Задача теоретического языкознания, по Потебне, в частности, состоит в выделении субъективного элемента, вносимого языком как средством отражения и познания действительности, отделение этого элемента определяет тем самым и границы объективного содержания мысли. В связи с этим Потебня пишет: «...Практическое значение теоретического языкознания должно состоять в том, чтобы сообщить человеку убеждение в субъективном содержании слова и умение выделить этот элемент из объективного сочетания мысли и слова» (15, с. 105).

Языку издревле придавали исключительное значение в познании действительности; выше мы говорили, что слово отождествлялось с сущностью обозначаемой им вещи. Такая роль слова определяется мифическим мышлением, корни которого уходят в глубокую древ-

ность, но которое не чуждо и современному человеку. «Слово было средством создания общих понятий; оно представлялось неизменным центром изменчивых стихий. Отсюда чрезвычайно распространенное, может быть, общечеловеческое заключение, что настоящее, понимаемое другим, объективно существующее слово есть сущность вещи» (2, с. 416—417). В эволюции языка и мышления меняется само познание, его возможности. Движение ступеней, или стадий, развития языка и мышления — от мифического к поэтическому и прозаическому или научному — это вечное движение от субъективного к объективному познанию.

Первостепенную роль в отражении и познании действительности играет форма языка. Именно в форме «встречаются» и взаимодействуют два противостоящих друг друга мира — субъективный и объективный.

Генетически форма языка представляет собой выработанные в эволюции языка отвлеченные элементы строения содержания, отражающие установившиеся в данном человеческом сообществе стереотипы отношения человека и действительности. В силу этого элементы строения не могут не быть в известной степени изоморфными самой действительности. Доказательством этого служат успехи ее познания с помощью языка — главного орудия познания. Даже внешняя форма, звук, — это не случайный элемент языка, не безучастный к выражению мысли. Он препарирован мыслью, обработан мыслью, потребностью выражения ее дискретных образований.

Трудно точно и однозначно установить, в силу каких причин создается своеобразие формы того или другого языка. Надо думать, целый комплекс социальных, духовных, производственных, культурных, психологических и других условий жизни говорящего коллектива в конечном итоге определяют своеобразие формы языка. В ходе эволюции языка это некогда заложенное своеобразие может только увеличиваться, о чем свидетельствует историческое развитие родственных и неродственных языков.

Форма не существует вне выраженного ею содержания. Единство формы и содержания, т. е. язык в его действительном, актуальном существовании, отражает не только стереотипы подхода и отношения говорящего коллектива к действительности, но и конкретные результаты ее познания. Форма — средство проникнуть в окружающий человека мир путем мыслительного отчуждения или «снятия» его элементов в виде входящего в форму содержания. «Слово, — замечал Потебня, — делит непрерывное течение восприятий на отдельные акты и таким образом создает объекты мысли, подлежащие действию других таких же» (2, с. 306). Сама по себе форма субъективна, иной она и не может быть, но благодаря ей из мыслительного потока, образующегося на базе непосредственного восприятия действительности, могут отчуждаться и усваиваться элементы объективного содержания. Таким об-

разом, форма позволяет проникнуть в объективный мир, отразить его в свойственных человеку мыслительных образованиях и тем самым в известном приближении познать объективный мир.

В процессе исторического развития общества и познания действительности меняется и сам язык и осуществляемое с его помощью мышление. Выше мы говорили о различных стадиях развития языка и мышления, показывающих поступательный характер развития вербального мышления (о форме и содержании языка подробнее см. гл. VII).

Сущность отражаемого и познаваемого предмета или явления не может нам открываться сразу в нашем отражении и исследовании его. Познание действительности — бесконечное движение субъективным путем к объективному положению вещей. Указывая на бесконечность человеческого познания действительности, Потебня, как следствие этой посылки, утверждал относительность понятий субъективного и объективного в различных созданиях языка, в его формах, значениях и смыслах. Он пишет: «Понятие объективного и субъективного относительны, и, без сомнения, придет время, когда то, что нам представлялось свойством самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени» (2, с. 205).

Общеизвестно также, что субъективное, прагматическое использование языка может заведомо искажать действительное положение вещей, намеренно выражать ложь, о чем писали многие ученые. Эмоционально высказал эту мысль Л. Фейербах: «Как много толковали о лживости чувств, как мало о лживости языка, от которого ведь неотделимо наше мышление! Но, как в конце концов, груб обман чувств, как утончен обман языка!» (41, с. 75).

Г. Фреге стремился показать возможность выражения лжи в самой предложенной им структуре знака, а именно: в искусственно создаваемом противоречии между смыслом знака и его значением (см. гл. III).

А.Ф. Лосев рассматривал язык как «третье бытие «по сравнению с собственно материальным и идеальным бытием. Будучи относительно самостоятельным «третьим бытием», язык может правильно отражать действительность в человеческом опыте, может искажать ее, наконец, может намеренно клеветать на нее (см. гл. III).

§ 60. ЧЕЛОВЕКООБРАЗНОСТЬ (АНТРОПОМОРФИЗМ) ПОЗНАНИЯ

Выражением субъективности является человекообразность (антропоморфизм) познания. В своей методологии познания Потебня подчеркивал, что познаваемое не может быть свободным от познающего, от тех средств, которые используются для познания. Отсюда субъективизм и антропоморфизм (человекообразность, по терминологии Потебни) познания, осуществляемого с помощью языка и при изучении самого языка. Способы познания человеком действительно-

сти не могут не быть субъективными и человекообразными, язык пронизан субъективными и человекообразными элементами. Данное положение ученый стремился доказать в своих конкретных исследованиях. Эта неоднократно высказанная идея Потебни оказалась весьма продуктивной в последующем развитии науки, став одной из основополагающих методологических проблем теории познания.

Наше предложение строится как связь, тождество субъекта и предиката. «Субъектом называем вещь как познающую и действующую,— замечал Потебня,— т. е. прежде всего себя, наше я, потом всякую вещь, уподобляемую в этом отношении нашему я» (7, с. 7). Действие субъекта, по Потебне, мы «можем выразить, т. е. представить себе, только человекообразно («дождь идет», как «человек идет», «я иду») можно думать, что и вообще понятия действия, причины возникли так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что как всякий субъект — подобие нашего я, так всякие действия — подобие нашего действия» (7, с. 7—8). Следовательно, не только имена существительные выступают в языке как субъекты, наподобие человека, нашего я. «...Отношения между понятиями: субстанция и явление, вещество и сила или качество, Бог и мир — человекообразны, могут быть в нашем языке выражены лишь как подобия отношения между нашим я и его действием, в частности — его познанием вместе с познаваемым» (7, с. 8).

Одни из основных наших грамматических разрядов, как: подлежащее и сказуемое, определяемое и определение, — парны, в них совершается познание: и в том и в другом случае подлежащему и определяемому приписывается новый признак. Подобное мы наблюдаем и во многих других фактах языка. «...Ход человеческой мысли состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего» (7, с. 8). Это характерно для предложения, для определения и определяемого, для образования слова и др.

Согласно Потебне, качество нашей мысли зависит от средств ее создания и выражения. Поэтому характер нашей мысли, ее глубина, возможности отражения и познания действительности прямым образом зависят от языка. Поскольку же «нет языка вообще, а есть языки и их разновидности вплоть до «личного языка» (языка особи) включительно, языки, изменяющиеся по месту и времени» (7, с. 8), то познание и отражение действительности в языке национально. Этот вопрос остается в современном языкознании дискуссионным, как он был и в прошлом. Каждому языку свойственны своя организация и членение мира. Разумеется, членение и организация будут более сходны у родственных языков. И чем это родство ближе, тем отраженные в этих языках картины мира (см. ниже) будут ближе. Но вместе с тем и генетическое, и типологическое различие языков не исключает перевода с одного языка на другой. Гумбольдтовский парадокс «понимание есть одновременно непонимание» и потебнианский субъек-

ективизм и антропоморфизм (языковое познание национально, познаваемое не может быть свободно от познающего и средств познания) требуют в этом отношении соответствующего объяснения.

Язык как средство абстрактного мышления осуществляет свои функции на основе форм чувственного отражения действительности. Уже в силу этого семантика слова, предложения включает разные семантические уровни, в которых одновременно задействованы, выполняя свойственные им функции, соответствующие элементы значения языковых единиц. В типичном случае предметом сообщения является выраженный конкретный смысл, определенное положение вещей, на которое необходимо указать, о котором нужно сообщить. В одном и том же языке это можно выразить в различной форме, хотя «внеязычное содержание» останется одним и тем же и будет воспринято участниками общения одинаково. Тем более выразить по-разному можно разными языками. Предметы и явления действительности воспринимаются одинаково человеческими чувствами, но в формах языка воспринимаемое может быть по-разному обработано, организовано и выражено. Могут ли эти различия влиять на взаимопонимание общающихся? По нашему мнению, перцептивная, предметная функция слова как языкового знака обеспечивает взаимопонимание в типичном применении языка в конкретных актах речи. В этих условиях общение довольствуется поверхностным семантическим уровнем, т. е. указанием на конкретные предметы и явления, присутствующие или представляемые в акте речи. Именно чувственное восприятие, непосредственно связанное с действительностью, корректирует категориальные различия выражаемой мысли. Предельно отвлеченные грамматические либо словообразовательные категории в непосредственных условиях общения остаются «за кадром», как форма, которая наполняется конкретным содержанием, образованным в результате восприятия действительности и являющимся собственно предметом сообщения.

Такое положение не принижает роль формы. Напротив, подчеркивает глубину, проникновение во внутренние, структурные области, организующие человеческое мышление и сознание, непосредственно не контролируемые преходящими условиями общения. Форма есть выражение общих законов языка, т. е. она представляет общее, присущее всем говорящим на данном языке, позволяющее быть относительно постоянной величиной при выражении разнообразного содержания в разных условиях речи, разделенных во времени и пространстве. Поэтому форма выступает как наиболее характерный признак народности, национальной духовной культуры. Оставаясь относительно постоянной при выражении различного содержания, форма имеет значительную историческую глубину. Это свойственно не только языку, но и другим явлениям духовной и материальной жизни общества (ср.: литература, искусство, живопись и др.). 164

Воспринимаемый в непосредственных актах общения предметный план оставляет «за кадром» не только, категориальные грамматические и словообразовательные формы знаков, но и их языковые значения как обобщенные семантические (логические) схемы. Вот что пишет по этому поводу современный видный психолог А.Н. Леонтьев: «Это принципиально очень важно,— когда я воспринимаю, бумагу, я воспринимаю эту, реальную бумагу, а не значение «бумага». Интроспективно значение отсутствует в моем сознании: преломляя воспринимаемое или мыслимое, само оно при этом не воспринимается и не мыслится. Это фундаментальный психологический факт» (42, с. 276). Более того, как утверждают философы и лингвисты, мы можем мыслить собственно словами как знаками, не обращаясь всякий раз ко всему тому, что стоит за ними.

См.: Гегель: «При произнесении имени льва мы не нуждаемся ни в созерцании такого животного, ни даже в его образе, но имя его, поскольку мы его понимаем, есть безобразное простое представление. Мы мыслим посредством имен» (43, с. 273).

Потебня: «Наша мысль по содержанию есть или образ, или понятие, третьего, среднего между тем и другим, нет, но на пояснении слова понятием или образом мы останавливаемся только тогда, когда особенно им заинтересованы, обыкновенно же ограничиваемся одним только словом. Поэтому мысль со стороны формы, в какой она входит в сознание может быть не только образом или понятием, но и представлением или словом» (2, с. 166—167).

§ 61. ЯЗЫК И КАРТИНА МИРА

Проблема «Язык и картина мира» была заявлена В. Гумбольдтом и Потебней как важнейшая сторона изучения языка, его антропологической роли. В последующее время она стала предметом специального исследования в теории лингвистической относительности, представленной в Европе неогумбольдтианством (Л. Вейсгербер), в Америке Э. Сепиром и Б. Уорфом («гипотеза Сепира — Уорфа»). Но в настоящее время проблема картины мира вызвала интерес у представителей разных наук, а не только у языковедов: философов, физиков, искусствоведов, антропологов, химиков и др.

Языковая картина мира формируется вместе с языком. В. Гумбольдт, а также его последователи, авторы концепции лингвистической относительности, утверждают, что язык системой своих значений, выражаемых понятий создает промежуточный мир между человеческим сообществом и действительностью. «...Каждый язык,— пишет В. Гумбольдт,— образует вокруг народа своего сферу, которую надо оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому изучение чужого языка всегда должно бы быть приобретением новой точки

миросозерцания; в некоторой степени так и бывает, потому что в каждом языке содержится особенная ткань понятий и представлений одной части человечества» (44, с. 57). Надо полагать, что этот промежуточный мир создают не только понятия и представления, как обобщенно пишет В. Гумбольдт, но и другие формы мысли — образы, смыслы, суждения, включающие актуальное содержание, объективный истинностный элемент.

К сожалению, отсутствуют значительные обследования эмпирического материала, воссоздающие цельную ту или другую языковую картину мира. В лучшем случае описание картины мира ограничивается отдельными наблюдениями над лексическими или грамматическими фактами, свидетельствующими о своеобразном преломлении действительности в изучаемом языке (см. исследования Л. Вейсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, а также см.: (45, 33). Поэтому суждения о языковых картинах мира, кроме указанных работ, основываются либо на известных по другим исследованиям фактах, либо отчасти носят гипотетический характер. Надо, однако, заметить, что изучение языковой картины мира имеет объективные трудности. Хотя о ней известно в языкознании давно, для языковедения эта проблема все еще остается новой, как и для других наук, где о соответствующей картине мира заговорили сравнительно недавно. Нет разработанных методологий, методов и методик описания языковой картины мира; нет четкого разграничения между собственно языковой и так называемой концептуальной картиной мира, основанной на знании (в широком смысле слова) человека о действительности, а не только на значениях языковых знаков, и др. Но одновременно у ученых нет и сомнений в объективном существовании языковой и других картин мира.

В положении, которое возникло в современной науке, стало методологически важным определить в той или другой отдельной науке свое видение мира, основываясь на базовых теоретических категориях своей науки и в соответствии с общей научной парадигмой. В результате разрабатываются разные научные картины мира, характерные для прошлых и настоящей эпох: мифологическая, религиозная, философская, физическая, художественная и др. Такой общий, можно сказать, интерес к данной теоретической проблеме повлек за собой и лингвистов обратиться вновь к своей картине мира. О значении разработки языковой картины мира В.И. Постовалова пишет следующее: «В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового «отображения» действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира.

...Понятие картины мира становится органически необходимым

концептуальным элементом гносеологии, исходящей из идеи об истине как процессе движения от относительной истины к абсолютной» (33, с. 18).

На протяжении всей своей истории человек взаимодействовал с окружающим миром, отражая и познавая его в своей деятельности, в том числе и речевой. Человек не может непосредственно познать окружающую действительность, «войти» в нее, узнать ее внутреннее устройство, открыть ее существенные стороны. Для своего ориентирования и познания противостоящего ему мира человек нуждается в особых опосредованных знаковых, символических структурах, прежде всего в языке, но также в мифологии, религии, науке, искусстве, выступающих в роли регуляторов его жизнедеятельности. На основе понятий и категорий этих структур человек создает картину мира, которая считается одним из базисных понятий теории человека. «Картина мира,— продолжает В.И. Постовалова,— есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Опыты и формы контактов человека с миром в процессе его постижения характеризуются чрезвычайным разнообразием» (33, с. 19—20).

Язык как естественная знаковая система, как активное орудие и средство отражения и познания дает возможность личные достижения в познании мира делать общими, а общие, накопленные предшествующими и настоящими поколениями,— усваивать отдельной языковой личностью данного сообщества. Все это служит накоплению знаний об окружающем мире. С помощью языковой коммуникации создается общая для данного языкового коллектива картина мира, регулирующая поведение, деятельность людей данного сообщества и обеспечивающая понимание и взаимодействие его членами, несмотря на разницу в возрасте, образовании, развитии... Такое взаимопонимание различных по указанным признакам людей возможно потому, что существует общее смысловое поле, создаваемое опытом общения и деятельности людей, владением значениями и смыслами языковых единиц, определенного объема знанием окружающей жизни. Понимание есть включение сообщаемого в это смысловое поле, которым владеет каждый говорящий на данном языке. Возможности взаимопонимания в этом смысловом поле весьма значительны благодаря наличию, во-первых, разных уровней в семантической структуре слова и, во-вторых, широкого диапазона и разной глубины практического и теоретического знания об окружающем мире. Такой «разброс» смыслового поля общества включает тот усвоенный говорящими минимум владения семантикой языка и знания, который и обеспечивает общение и взаимопонимание в языковом сообществе.

Как известно, Потембня выделял в семантической структуре слова

«ближайшее» и «дальнейшее» значения. «Ближайшее» значение народно, это семантическое ядро или семантический минимум, необходимый для общения и взаимопонимания людей, говорящих на данном языке. «Ближайшие» значения в сочетании с соответствующим им знанием действительности, которыми владеют все представители народа, скажем, русского, обеспечивают понимание между, например, неграмотным человеком и академиком-интеллектуалом. Разумеется, последний владеет не только общей языковой картиной мира, которую знает и его собеседник. Картина мира нашего академика, исследующего, допустим, явления микро- или макромира, неизмеримо отличается по своей сложности и проникновению в окружающий видимый и невидимый мир от картины мира неграмотного собеседника, занимающегося несложным физическим трудом. Но не будем смотреть свысока на картину мира неграмотного человека. В ней обобщен и закреплён опыт многих поколений людей, обеспечивавший их жизнедеятельность, позволявший удовлетворять свои жизненные потребности. «Дальнейшее» значение ненародно, субъективно, лично; однако диалектика отношений этих значений заключается в том, что, по Потембне, «из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная» (3, с. 20). Истину, замечал Декарт, скорее откроет личность, а не масса.

Владение говорящими «ближайшими» значениями, а следовательно, и зафиксированной в них общей языковой картиной мира делает возможным их общение и взаимопонимание, несмотря на различия их в жизненном опыте, глубине и охвате восприятия и понимания действительных явлений, в наличии других картин мира. «Индивидуальная картина мира,— пишет В.И. Постовалова,— являет собой единство «личного» и «народного». Картины мира у людей соизмеримы, потому что они имеют общее ядро, которое «народно» (33, с. 28).

Однако любая человеческая картина мира, в том числе и основывающаяся на «дальнейших» значениях и категориях, представляющих собой последнее слово науки, в конечном счете ограничена в силу своей субъективности, заключая в себе относительную истину.

Языковая картина мира создается стихийно, независимо от индивида как отражение мира в значениях и категориях языка, в его форме и содержании. Она не осознается человеком в качестве определенного цельного мировидения и миропонимания (впрочем, как и сам язык: человек может свободно владеть языком, не зная ничего об его устройстве). Языковая картина мира не результат рефлексии человека; тем не менее он, не отдавая себе отчета, руководствуется в своей жизни этой картиной вместе с усвоенным языком. В зависимости от владения картиной мира осуществляется деятельность человека, его отношение к окружающему миру; несомненно ее влияние на сознание индивида и всего общества. Картина мира представляет собой безотчетный, но типический мотив поведения, деятельности человека; отсюда и труд-

ность «извлечения» языковой картины мира в качестве мотива деятельности человека, в том числе и речевой.

Исследователи справедливо утверждают, что языковая картина мира есть не только понятийное и категориальное отражение мира; это одновременно и образно представляемая, эмоционально переживаемая, динамично изменяющаяся картина мира в зависимости от возраста человека, условий его жизни, рода деятельности, образования, способностей и др.

По мере развития знаний людей, в условиях углубляющегося разделения труда, обособления различных отраслей знания в обществе дифференцировались и усложнялись представления о мире. Появляются мифологическая, религиозная, философская, художественная, физическая и др. картины мира. Эти картины мира формируются на актуальном содержании, поэтому они обычно находятся «впереди» языковой картины, закреплённой прежде всего во внутренней форме языка (см. ниже). Таким образом, один и тот же естественный язык в своем актуальном речевом применении может включать разные картины мира, используя при этом и другие знаковые системы. Естественный язык, в силу своих универсальных качеств как средство общения и выражения мысли, может участвовать в образовании различных картин мира. Конвенциональные же, искусственные знаковые системы могут применяться только при выражении отдельных картин мира.

Поскольку отражение и познание мира возможно только субъективным путем, то в каждом языке осуществляется индивидуальный поиск истины. Сторонники концепции образования или создания единого языка в человеческом обществе будущего — коммунистического или некоммунистического толка (см. 46) — видели в таком едином для всего человечества языке, а следовательно, и единой для всего человечества картине мира благо. Однако такая перспектива для человечества, по мнению ученых разных наук, напротив, означала бы деградацию человечества и даже его духовную катастрофу. До самого последнего времени умножение языков, их дифференциация в истории человечества преобладают над процессами ассимиляции, отмирания языков. Заимствование же тех или других языковых элементов одним языком у других не лишает его, как правило, самостоятельности и оригинальности. То же самое можно сказать и об интерференции языков.

Распространено мнение, что особая языковая картина создается прежде всего семантической организацией словарного состава языка, своеобразно представляющей действительность. Отсюда делается заключение, что целью изучения языковой картины мира должно быть описание и определение особенностей идеографического словаря языка (семантические, понятийные, тематические поля), гиперо-, гипонимии, синонимии, вариантности и др. Однако хотя индивидуальная

семантическая организация лексики в том или другом языке, несомненно, играет важную роль в создании языковой картины мира, тем не менее эта картина будет далеко не полной, если не будут учтены другие компоненты системы языка, и прежде всего глубинные, относящиеся к его внутренней структуре. Своеобразие картины мира создается в значительной мере категориальным представлением действительности в морфологической, синтаксической, словообразовательной системе языка. В языках, относящихся к разным морфологическим типам действительность организуется и отражается по-разному. Кроме того, языковая картина мира зависит от характера образности языка, в чем находит выражение психология народа, его мировосприятие и мировидение, образ жизни и др.

Если же говорить обобщенно, то фундаментальные, основополагающие черты в языковую картину мира вносит форма языка, создавая особый ракурс отражения мира, его категориальное и актуальное представление в динамической системе.

Внутренняя форма языка включает различные типы внутриязыковых значений — лексических, морфологических, синтаксических, словообразовательных. Этот категориально-понятийный запас выработан в языке в течение столетий и тысячелетий. Форма закрепляет в «снятом» виде типичные, устоявшиеся взаимоотношения человеческого сообщества с окружающим миром. Особенно это относится к категориальному составу языка. Посредством грамматических и словообразовательных аффиксов выражаются отношения между словами, образуются словоформы, синтаксические модели словосочетаний и предложений, словообразовательные модели слов, отражающие понятийное и категориальное членение словарного состава, и др. Эти предельно отвлеченные в языке, модели и формы глубинны, национальны, заключая в себе всякий раз, на каждом этапе развития языка итог взаимоотношения человека и действительности, стереотипы такого взаимодействия и взаимоотношения.

Форма консервативна в своем применении и эволюции сравнительно с выражаемым с ее помощью содержанием; она имеет значительную историческую глубину, а потому национальна. В силу своей консервативности она, разумеется, не может во многом соответствовать различным научным и иным картинам мира, актуальному содержанию, выражаемому с ее помощью. Форма включает пережитки предшествующих картин мира, хотя и переосмысленных в процессе движения, эволюции языка. Непрерывность языка не отображает эти пережитки, а преобразовывает их под воздействием нового знания, развития понятий и смыслов и тем самым усугубляет особый, национальный характер языка, его народность. Переосмысление и преобразование прежних значений во вновь образуемых значениях и смыслах слов и выражений порождает, как и в процессе синтеза

семантических элементов вообще, и диоматичность семантики языковых знаков, т. е. ту их черту, которую многие языковеды считают фундаментальным их свойством. Непрерывность языка, наличие в значениях языковых знаков семантических слоев, которые отражают разную степень приближения семантики языка к действительности, а следовательно, разную степень объективности, — все это обеспечивает коммуникативные потребности людей, существенно различающихся по своему развитию, образованию и пр.

Исследование языковой картины мира как выражения в языке особенного мировосприятия и мировидения народа по необходимости оказывается связанным с такими соотносительными категориями, как субъективность и народность и их выражением в языке. Все три категории — языковая картина мира, субъективность и народность в языке — в известной степени содержательно пересекаются, а потому органически связаны друг с другом, предполагают друг друга, отличаясь отношением к соответствующим им внеязыковым явлениям и фактам действительности и, как следствие, направлением их исследования.

Языковая картина мира представляет собой индивидуальное содержание, образованное в результате отражения и познания действительности народом-носителем данного языка. Языковая картина мира включает в себе особое мировосприятие и мировидение народа, закрепленное прежде всего в базисном понятийно-категориальном составе языка (в лексике, грамматике, словообразовании), а также и в образном представлении окружающего мира в семантике различных языковых единиц.

Выражение народности в языке, в отличие от языковой картины мира, хотя и включает ее данные, вместе с тем содержит и другие факты языка, отличающие его от других языков. Кроме того, сам по себе язык являет собой лишь один, весьма существенный, признак народности как более общей категории. Известно, что под народностью понимается совокупность черт, признаков, отличающих один народ от другого. Говоря о важности языка среди других признаков народа — антропологических, психологических, этнографических, эстетических, этических и др., — Потенбня видел в языке наиболее совершенное подобие народности.

Субъективность предполагает отношение к объекту. Изучение субъективного в языке необходимо связано в каждом языке с особым характером организации, использования человеческих, антропоморфных средств для проникновения в противостоящий человеку-субъекту объективный мир с целью его отражения, познания его устройства, его свойств, качеств... и использования результатов познания в своей жизнедеятельности (см. выше).

Категориальная организация и распределение отражаемой действительности, ввиду своей отвлеченности и формальности, непосред-

венно не осознается говорящими. Она является не предметом, а средством сообщения и потому не актуальна в общении. Категории — это выработанные в течение исторически весьма длительного времени логико-семантические схемы или рамки, в которые втискивается отражаемая действительность. Языковые категории формально, а потому г л у б и н н о обуславливают мировосприятие, образ жизни, отношение людей к действительности, а следовательно, в известной степени и поведение людей.

Надо сказать, что категориальное воздействие языка на мировосприятие и поведение человека в достаточной степени не исследовано. Теория лингвистической относительности объективно не оценена; в советском языкознании она преимущественно подвергалась критике (см. 47, 48 и др.). Исключение составляет коллективная монография (33), в которой намечено непредвзятое изучение этой проблемы. Между тем о субъективном и человекообразном характере отражения действительности в грамматических категориях, а следовательно, о выражении в них национальной психологии, языковой картины мира, народности писали видные отечественные и зарубежные ученые.

В отвлеченных грамматических категориях языка, по мнению Н.Я. Данилевского, сказывается особый психологический склад народа и воззрение на мир: «Если бы в племени не вырабатывалась особенность психологического строя, то каким бы образом могли произойти столь существенные различия в логическом строении языков? Отчего один народ так заботится об отличии всех оттенков времени, а другой (как славянский) почти вовсе опускает их из виду, но обращает внимание на качества действия; один употребляет как вспомогательное средство при спряжении глагол *иметь*, другой же — глагол *быть* и т. д. Сравнительная филология могла бы служить основанием для сравнительной психологии племен, если бы кто успел прочесть в различии грамматических форм различия в психологических процессах и в воззрениях на мир, от которых первые получили свое начало» (49, с. 107—108).

В историческом формировании грамматических категорий и грамматических систем действует, по мнению Б.А. Серебrenникова, «принцип избирательности», т. е. выбора определенного представления или признака, который кладется в основу той или другой грамматической абстракции. Поскольку фамматическая абстракция призвана систематизировать все подпадающие под ее обобщение факты языка, отличаться всеобщностью, то и признак должен быть весьма показательным, отражать типичные стороны образа жизни народа, его мировосприятия и психологии (см. многочисленные примеры в (45, с. 54—73).

Значения фамматических категорий предельно отвлечены, участвуют в организации и выражении множества различных содержаний. Выступая как отвлеченный, формальный элемент в акте речи, категории как правило, не несут конкретной информации; они служат формальным средством ее организации и выражения. Будучи формаль-

ными рамками, выработанными в течение столетий и тысячелетий, категории отражают действительность в определенном ракурсе. Это отражение всеобщее, потому оно подчиняет всех говорящих, одновременно оно глубинно, во многом определяя характер восприятия и видения действительности и демонстрируя тем самым черты национальной психологии.

Формальные категории, направляя и организуя наше восприятие и отражение действительных предметов и явлений, тем не менее не закрывают от нас последние; в категориях обнаруживается индивидуальный национальный подход и ракурс отражения.

Могут возникнуть сомнения в правильности сказанного, поскольку известно, что всегда возможен перевод содержания с одного языка на другой. Для критиков теории лингвистической относительности это соображение является главным доказательством ее научной несостоятельности. Однако не нужно думать, что редчайший полиглот В. Гумбольдт, к идеям которого восходит концепция лингвистической относительности, и представители последней не учитывали подобных соображений.

Значимые единицы языка, и прежде всего его узловая номинативная — слово, имеют различные уровни семантики. Чем отвлеченнее уровень, тем он глубиннее, становясь формой выражения различного содержания. В конкретном предметном содержании этот уровень малоинформативен, но как форма он самобытен и национален, определяя направление восприятия и отражения действительности. Если определенная фамматическая абстракция в одном языке выражается фамматически, а в другом всякий раз лексически, то это не может не указывать на различие в структуре вербального мышления двух народов, а следовательно, и на особенности их психологического склада. Однако с этой точки зрения семантика языковых единиц остается неисследованной.

Различия в формальных категориальных значениях слов разных языков не исключают их предметного тождества (кстати, оно возможно у слов, обозначающих разные понятия). Предметное тождество может быть обеспечено тождеством или сходством «внеязычного содержания», которое благодаря информативной избыточности языков может быть представлено в цепочке разных закономерно связанных между собой преобразований (см. гл. VII). Поэтому при переводе всегда возможен выбор наиболее подходящего по смыслу к оригиналу преобразования. Адекватности перевода способствует синонимия, вариативность языковых единиц, речевая подвижность и лабильность смыслов и др.

Выше говорилось, что существуют разные уровни семантики языковых единиц, и прежде всего слова. В повседневном общении слова и их значения указывают на конкретные предметы и явления, которые вошли в круг интересов общающихся. В этих условиях люди офани-

чиваются «ближайшими значениями», т. е. семантическим минимумом, необходимым для взаимопонимания, указанием на Соответствующий предмет. И такое предметное речевое взаимопонимание не исключает категориальных различий, связанных с выражением мысли, как и разных субъективных представлений об обозначаемом. Вместе с тем такой обмен мыслями не передает всю связанную со словом потенциальную семантику, а следовательно, и возможную глубину понимания тем или другим говорящим обозначаемого. В обычном, рутинном общении в этом нет необходимости.

Использование в речи различных уровней семантики слова осуществляется под воздействием контекста, цели сообщения в виде «моментов тождества» (А.Ф. Лосев): слова и предмета, слова и понятия, слова и смысла, слова и образа...

Категориальные значения, будучи структурообразующими, формальными, не препятствуют отражению множества признаков обозначаемых предметов и явлений, которые они упорядочивают, систематизируют в языковом выражении.

§ 62. О ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Итог познания, закрепленный в семантической системе общепотребительного языка, на определенном этапе развития общества становится исходным рубежом формирования и развития науки. Развивающееся общество с необходимостью приходит в своем движении к разделению труда и, как следствие, — к социальной и профессиональной дифференциации. В языке, обслуживающем образующиеся социальные и профессиональные слои общества, в свою очередь, происходит определенная дифференциация его средств. В конечном счете этот процесс приводит к формированию в языке стилей. Стиль — это разновидность языка, обслуживающая ту или другую, в известной степени обособленную область общения. Языковыми признаками стиля, дающими право выделить его как разновидность общего языка, является наличие в нем, в первую очередь, особой лексики, а также определенных фразеологических средств. Являясь разновидностью общего языка, стили входят в его общую систему, подчиняясь общим грамматическим, словообразовательным, семантическим законам. Однако в силу своеобразия отражаемой действительности, особых задач в той или другой сфере общения стили одновременно отличаются избирательным привлечением общеязыковых — грамматических, словообразовательных, лексических — средств, их различным количественным распределением. Благодаря единству языка элементы того или иного стиля могут проникать в другой или другие стили. Общим стилистическим и семантическим фоном, на котором выделяются те или другие признаки стилей является общепотребительная стилисти-

чески и эмоционально нейтральная лексика. Будучи используемой во всех стилях языка, именно она выполняет роль исходной точки отсчета в стилистической, экспрессивной, эмоциональной и семантической оценке лексических средств того или иного стиля.

Научный стиль современного языка отличается от других стилей многими свбими признаками, совокупность которых дает основание говорить о Нем как об особой разновидности языка, обусловленной спецификой отражаемой действительности, задачами общения.

Современный научный стиль включает в свой состав значительное количество «подъязыков» науки, семантически обособляющихся от семантики общего языка. Но «подъязыки» обладают и общими признаками, дающими право выделять научный стиль как таковой. Подробное описание языковых характеристик научного стиля приводится в пособиях и учебниках по стилистике того или другого языка (см., например, 50). Здесь мы отметим наиболее показательные признаки языка науки в аспекте выполнения им познавательных задач.

Область науки — это область специального познания, шагнувшего за грань общих сведений о мире, закрепленных в естественном языке и ставших в той или другой степени достоянием всех говорящих на данном языке. Язык, применяемый в определенной отрасли знания, целиком подчиненный задачам познания, поиску истины, закреплению добытого знания в своих знаках, речевых образованиях (текстах, документах и т. д.) не может не нести специфических черт, обусловленных указанными выше задачами. Гносеологическая задача общего языка осуществляется стихийно, объективно, бессознательно; итоги коллективного познания закрепляются в значениях и смыслах слов, известных говорящим на данном языке. В науке же познание осуществляется сознательно, целенаправленно, и язык, применяемый в области специального знания, весь подчинен целям познания и его закрепления.

Наука — сфера интеллектуального общения. По своему составу и семантике язык той или другой науки представляет собой единство и сложное взаимодействие двух стихий: лексических средств, обозначающих специальные понятия, и некоторых разрядов общепотребительной, общепонятной лексики. В язык современной науки избирательно привлекается общепотребительная лексика, выполняющая в языке науки различную роль. Она служит для связи научных понятий, для выражения их взаимоотношений. Эта лексика образует ту соответствующую интеллектуальному общению семантическую среду, в которой могут выполнять свою роль, взаимодействовать специальные термины. С помощью общепотребительных и общенаучных слов даются объяснения, толкования терминов, выражаются логические, предметные и иные отношения, модальность, оценка автора обозначаемого и пр. К этому нужно добавить, что общепотребительная лексика — постоянный материальный источник терминов.

Собственно информативной специальной частью научного языка является его терминологическая система. Т е р м и н — это слово или сочетание слов, которое обозначает научное понятие и является устойчивым, воспроизводимым элементом в системе специального знания, занимающая в ней определенное классификационное место.

Как термины и терминосистема в целом, так и общеупотребительная и общенаучная лексика, входящая в язык науки, как правило, имеет отвлеченный или дефинитивный характер (см. гл. III), т. е. слова, употребляемые в языке науки, не обозначают конкретных предметов, их признаков. Исключение составляют отдельные отрасли знания, целью которых является описание именно конкретных предметов, образований, местности (ср. географические, астрономические описания). В большинстве же случаев за словом в языке науки стоят либо понятия и классы предметов, либо идеальные предметы, представители таких классов. Это естественно, поскольку наука призвана находить и открывать общие закономерности, законы, свойственные тем или другим явлениям действительности. Отсюда преимущественно отвлеченный характер лексики языка науки.

По своей логической природе термины, образующие терминосистему, неоднородны. Среди них выделяются прежде всего базовые, узловые термины, т. е. термины категориального порядка, вступающие в многообразные отношения с другими терминами данной науки. Базовые термины образуют логическое ядро терминосистемы. Основная же масса терминов терминосистемы логически производна от них. Здесь наблюдаются многоступенчатые иерархические зависимости, выражающиеся в первую очередь в родовидовых отношениях разных рангов. В каждой науке в процессе своего развития вырабатываются определенные классы понятий, образующие в совокупности собственный аспект познания действительности.

Язык науки, и прежде всего терминосистема, отличается от общеупотребительного языка и своим формальным составом. Части речи по-разному участвуют в процессе терминообразования и развития терминосистемы. Наблюдения показывают, что средством обозначения, наименования формирующегося научного понятия является имя в логическом смысле этого слова, т. е. — это наименование предмета или понятия, равное слову (имени существительному) или номинативному сочетанию слов. В лингвистике утвердилось мнение, что язык науки имеет преимущественно номинативный характер. Имя существительное, вследствие своей грамматической и семантической природы (предметность), приобретает в любой терминологии главенствующую роль. Надо заметить, что и в общем языке существительное обозначает основную массу понятий, хотя количественное соотношение существительных с глаголами, прилагательными и наречиями иное, чем в специальном языке. Так, например, более половины слов современного немецкого языка (по подсчетам в объеме около 400 тыс. слов (51,

с. 390) составляют существительные, около четверти — глаголы, около шестой части — прилагательные вместе с наречиями; предлоги и союзы насчитывают вместе около 200 слов.

Мы не располагаем точными данными о таком соотношении в языке науки, но со всей очевидностью можно утверждать, что количество терминов, принадлежащих к глаголам, прилагательным и наречиям невелико. Причем слова этих частей речи в языке науки — это по преимуществу термины-дериваты, т. е. семантически производные от имен существительных (так называемые «синтаксические дериваты», по Е. Куриловичу). Поэтому вследствие незначительного количества терминов-дериватов и их семантической производности и выводимости многие специальные словари не включают их в свой состав. Специальный словарь носит преимущественно именную характер.

Существенным признаком современных терминологий является преобладание в них составных терминов. Надо полагать, такой облик современных терминологий объясняется, во-первых, ускоренным, лавинообразным ростом новых терминов и формированием терминосистем, отражающих ход научно-технической революции. Такой активный процесс терминообразования оказался слишком обременительным для словообразовательной системы языка, не обладающей к тому же достаточной оперативностью, и, кроме того, дефинитивным (определяющим) характером как терминов, так и самих терминосистем, что находит, как правило, адекватное отражение в самой явно выраженной логической структуре составного термина.

Составные термины — это сочетания слов номинативного характера с именем существительным в качестве главного слова. Составной термин представляет собой конструируемое название понятия на основе признаков последнего, указывающих на отношение данного понятия к другим понятиям системы. Необходимость приведения этих признаков в названии (с их помощью), собственно, и выделяется понятие, обозначаемое явление) указывает на их существенность, отчего такие составные термины носят отчасти определяющий или дефинитивный характер: отдельные существенные признаки обозначаемого явно приводятся в самом названии (ср.: *двигатель внутреннего сгорания, электронно-вычислительная машина, именное составное сказуемое, периодическая система элементов, синтетическое жидкое топливо, аналитическая философия* и т. п.). Естественно, такая природа составных терминов не позволяет их отнести к фразеологизмам.

Связь общего и специального языка не ограничивается единством грамматической, словообразовательной, фонетической, стилистической системы, избирательным привлечением в состав языка науки определенных разрядов общеупотребительной лексики. Общий язык и язык науки связаны и семантически. Между ними отмечается встречное движение: научные знания проникают в общезыковую семантику и постепенно, исподволь изменяют смыслы и значения общеупотребитель-

тельных слов, связанных с предметами и явлениями, попавшими в круг научного изучения. В общий язык активно проникают термины в своем специальном или переносном (образном) значении. В свою очередь, как мы отмечали выше, язык науки привлекает в свой состав определенные семантические разряды общеупотребительной лексики. В отличие от четко, как правило, формулируемого и понимаемого в пределах терминосистемы научного понятия значение слова общего языка функционально подвижно. Поэтому слово общего языка приобретает в составе языка науки особый речевой смысл и новую предметную отнесенность.

Терминосистемы современной науки обособливаются от семантики общеупотребительного языка. Причем семантическая отдаленность научных терминосистем у разных наук неодинакова (ср., например, с одной стороны, язык истории, литературоведения, содержание которых доступно и широкому кругу неспециалистов, с другой, — язык математики, физики, химии и др., семантика которых значительно обособлена). На высших степенях отвлечения и логических операций некоторые науки используют формальные, символические языки, применяемые по строго установленным правилам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А.А.* Психология поэтического и прозаического мышления//Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. II. Вып. 2.
2. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
3. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
4. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963 (гл. II. Слово и образ).
5. *Шмелев Д.Н.* Слово и образ. М., 1964.
6. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
7. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. III.
8. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1926.
9. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
10. *Афанасьев А.Н.* Сказка и миф//Филологические записки. Воронеж, 1864. Вып. 1-2.
11. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М., 1983.
12. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
13. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
14. *Парандовский Я.* Алхимия слова. М, 1972.
15. *Потебня А.А.* Основы поэтики//Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. II. Вып. 2.
16. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. М., 1974.
17. *Богуславский В.М.* Слово и понятие//Мышление и язык. М., 1957.
18. *Памфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
19. *Фортулатов Ф.Ф.* Избранные труды. М., Т. 2, 1956.
20. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.
21. *Бабайцева В.В.* О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности//Язык и мышление. М., 1967.

22. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения//Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
23. *Распопов И.П.* Строчение предложения в современном русском языке. М., 1970.
24. *Виноградов В.В.* «Синтаксис русского языка» акад. А.А. Шахматова//Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
25. *Галкина-Федорук Е.М.* Суждение и предложение. М., 1956.
26. *Копнин П.В.* Природа суждения и формы выражения его в языке//Мышление и язык. М., 1957.
27. *Попов П.С.* Суждение. М., 1957.
28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология//Сочинения. Изд. 2. Т. III.
29. *Трубецкой С.Н.* О природе человеческого сознания//Сочинения. М., 1994.
30. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983.
31. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
32. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
33. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
34. *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М, 1989.
35. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода//Вопр. языкознания. 1994. № 4.
36. *Кубрякова Е.Д.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука//Вопр. языкознания. 1994. № 4.
37. *Киричек А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу//Вопр. языкознания. 1994. №5.
38. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
39. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
40. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
41. *Ленин В.И.* Философские тетради. М., 1969.
42. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
43. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. III.
44. *Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1959.
45. *Серебренников Б.А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
46. *Свадост Э.* Как возникнет всеобщий язык? М., 1968.
47. *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван, 1968.
48. *Васильев С.А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. М., 1974.
49. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
50. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1977.
51. *Jung W.* Grammatik der Deutschen Sprache. Leipzig, 1968.

VII. ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКА

§ 63. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКА. ИСТОКИ ИЗУЧЕНИЯ

Философская проблема формы и содержания является одной из самых трудно разрешимых теоретических проблем. Об этом свидетельствуют многочисленные исключаящие друг друга представления о ней философов прошлого и настоящего времени (см. об этом I, с. 264—287). Это вызвано прежде всего неисчерпаемым разнообразием предметов и явлений действительности, представляющих собой в каждом случае особенное единство и взаимопроникновение формы и содержания, что в итоге и создает индивидуальность, качественную определенность предметов и явлений. Если к этому добавить относительность противоположения этих категорий в движении и развитии предметов и явлений действительности, то станет ясной трудность изучения этих категорий как в общетеоретическом, философском, так и конкретно научном плане.

Все эти трудности наглядно обнаруживаются на примере изучения языка как единства формы и содержания. Проблема формы и содержания языка была доминирующей в воззрениях основателей теоретического языкознания В. Гумбольдта и Потебни. Однако в последующей истории языкознания она, по сути дела, осталась неустраненной (2, с. 339). В лучшем случае отечественные лингвисты и литературоведы обращали внимание на учение о внутренней форме слова, разработанное Потебней. Но она является лишь одним, несомненно, весьма важным и для многих ученых увлекательным аспектом исследования этой общей проблемы.

Исследователи творчества В. Гумбольдта отмечали, что одна из центральных категорий его концепции языка — форма — определена весьма отвлеченно и тем самым допускает различное ее понимание и толкование (см. 3); отдельные авторы считают, что В. Гумбольдт фактически обошелся без определения внутренней формы языка, хотя и уделил ей немало страниц в своем теоретическом труде (2, с. 339).

Если в одном из определений В. Гумбольдт представлял язык как «постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то,

чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» (4, с. 70), то под формой он понимал «постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности...» (4, с. 711). При этом, как уже говорилось в гл. I, В. Гумбольдт представлял язык в виде деятельности (энергея), а не продукта деятельности (эргон). И активным началом этой деятельности, осуществляемой постоянным и единообразным способом, он считал форму языка. Поэтому В. Гумбольдт справедливо заключал: «Понимание формы открывает исследованию путь к постижению тайн языка и выражению его сущности» (4, с. 72).

В. Гумбольдт предостерегает от сужения категорий формы и содержания. «Под формой языка разумеется не только так называемая грамматическая форма» (4, с. 72); форма не ограничивается различием грамматики и лексики, «понятие формы выходит далеко за пределы словосочетания и словообразования...» (4, с. 72). Все названные факты В. Гумбольдт относит к форме языка, но они не исчерпывают ее. Это лишь отдельные проявления формы, которая представляется как нечто постоянное, всеобщее и единообразное в деятельности духа. «Эти частности,— пишет В. Гумбольдт,— должны включаться в понятие формы не в виде изолированных фактов, а лишь постольку, поскольку в них вскрывается единый способ образования языка» (разрядка наша.— В.Г.) (4, с. 73). Из этого и других высказываний В. Гумбольдта явствует, что он видел в форме активное языкообразующее начало.

Воззрения В. Гумбольдта на форму и содержание языка послужили мощным толчком дальнейшего теоретического осмысления и конкретного исследования этой проблемы в трудах Потебни. Ряд положений Потебни о форме и содержании в языке, а также выделенные в языке элементы, соответствующие этим категориям, прямым образом перекликаются с идеями В. Гумбольдта. Особое внимание Потебня уделит в *внутренней* форме слова. Некоторые ученые считают, что проблему формы и содержания Потебня ограничил учением о *внутренней* форме слова (см., например, 5, с. 19). Однако это не соответствует действительности, хотя во многих случаях, касаясь проблемы формы и содержания языка, Потебня более всего исследовал *внутреннюю* форму слова и связанные с ней элементы и процессы. Мы полагаем, что такой интерес к слову у Потебни имеет свое объяснение. Слово — узловое единичное языка, средоточие взаимодействия различных языковых факторов и процессов. В силу этого взаимодействие формы и содержания весьма показательным образом на примере слова. Слово, согласно Потебне, эволюционируя и видоизменяясь, как центральная, узловое единичное языка, было таковой на любом

этапе развития языка. Первобытное слово-предложение, надо полагать, стало истоком образования и развития как внешней, так и внутренней формы языка. Взаимоотношение формы и содержания, их элементов, наблюдаемое в слове, коррелятивно и тождественно взаимоотношению этих явлений в других единицах языка, например в предложении, а также и в языке вообще. Поэтому, надо думать, не случайно, что Потепня изучал взаимодействие формы и содержания преимущественно на примере слова, хотя, как мы покажем ниже, не ограничивался словом.

Взгляды Потепни на форму и содержание языка не были специально изложены в какой-либо отдельной его работе. Но суждения ученого по этой проблеме и связанным с ней вопросам, высказанные в разных трудах, в разное время, убеждают, что Потепня внутренне руководствовался цельной концепцией формы и содержания, не получившей, к сожалению, законченного оформления и выражения.

§ 64. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА

Уже из приведенного выше весьма общего определения В. Гумбольдтом формы языка явствует, что в самой форме взаимодействуют звук и значение, подчиняясь постоянной и единообразной мыслительной деятельности человека, или деятельности его духа. На этом основании и В. Гумбольдт, и Потепня выделяют внешнюю и внутреннюю форму языка и соответствующее им выражаемое и обозначаемое содержание. Эти общие выделенные категории требуют своего уточнения и раскрытия на основе анализа закономерностей функционирования языка и его единиц, выражения ими содержания, образующегося в результате восприятия и отражения действительности.

Форма — не простая сумма материальных элементов (членораздельных звуков) и абстракций («внутриязыковых значений»); это индивидуальный в каждом языке принцип деятельности человека, управляющий их взаимодействием и направленный всякий раз на выражение нового содержания, образуемого в конкретных речевых условиях. Форма постоянно испытывает давление содержания, эволюционируя в определенном направлении.

Внутренняя форма слова потому называется *внутренней*, что представляет собой, в противоположность *внешней* форме, мыслительный акт, в котором предшествующая мысль в виде усвоенного сообществом значения слова используется для представления и понимания вновь воспринимаемого и обозначаемого предмета и, как следствие, образования нового значения. Формой же этот

мыслительный акт называется потому, что он, согласно Потепне, показывает, как, как и м о б р а з о м входит в наше сознание новое содержание мысли.

Мы воспринимаем новое явление с запасом некогда усвоенного знания в виде понятий, значений слов, которыми мы владеем в своей деятельности, практике общения. Мы используем этот запас при необходимости представить и понять воспринимаемое новое явление, мобилизуем приобретенное нами знание, подбираем те понятия и значения, которые могут служить всему говорящему сообществу средством общего представления и понимания данного явления.

«Старое» знание помогает нам представить и понять новое; но новое потому и новое, что выходит за пределы нам известного. Поэтому используемые понятия и значения при усвоении и понимании нового служат не более как «смысловыми знаками» (Потепня) этого нового содержания, помогающими нам представить и понять воспринимаемый предмет со всеми являющимися в этом восприятии или представлении признаками. Поэтому значение слова и в момент своего образования всегда шире внутренней формы, включающей, как правило, один признак.

Из сказанного следует, что внутренняя форма слова — это мысль в действии, направленном на представление, понимание и познание нового явления; это поступательное движение мысли.

Внутренняя форма слова участвует в представлении нового содержания одновременно с внешней формой, т. е. с определенным образом организованным звуковым комплексом. Признак, по которому весь говорящий коллектив представляет новый предмет и тем самым образует значение слова, должен быть назван. Дискретная оформленная мысль возможна в единстве со средством своего материального дискретного же оформления и выражения вовне, т. е. в единстве с внешней формой. Только при этом условии мысль может быть воспринята и усвоена говорящим коллективом. Внутренняя форма рождается и существует одновременно и в единстве с формой внешней.

Например, при наименовании определенного вида гриба словом (*подберезовик* говорящие подбирали значимые морфемы для представления в слове называемого предмета по характерному, на их взгляд, признаку и тем самым создавали внутреннюю форму слова. Но одновременно с ее созданием образуется особый звуковой облик слова, элементы которого соотносительны с представлением и одновременно служат знаком значения слова. Внешняя форма создается в необходимом единстве с внутренней для выражения и обозначения вновь образованного содержания слова. И такую картину мы наблюдаем при образовании любого нового слова. Таким образом, в диффузном, казалось бы, движении мысли 183

Потебня открывает элементы, свидетельствующие о ее внутреннем строении и об их разной познавательной роли в этом движении от известного — к новому. Обнаружить эти элементы мысли помогает внешняя форма слова, ввиду указанного выше известного сходства и даже изоморфизма мысли и звука. Внешне выраженный признак (или признаки) указывает на мыслительную, связь предшествующего слова (или значения в случае многозначности слова) с формирующимся значением нового слова, образуемым на основе отражения вновь обозначаемого предмета. Такими выделенными Потебней элементами являются: внешняя форма, внутренняя форма, представление или *tertium comparationis* (т. е. общее сравниваемых предметов, основа сравнения), образ, значение слова или его смысл. Важным компонентом этого познавательного движения мысли Потебня считает о б р а з как одну из форм мысли по выражаемому содержанию наряду с понятием. Нередко внутреннюю форму слова отождествляют с образом, поскольку последний является закрепленным в слове итогом этого мыслительного процесса. Образ включает обобщение воспринимаемого, но в отличие от понятия по одному признаку, причем не всегда существенному. Образ двузначим, с его помощью представляется новый предмет, новое мыслительное содержание на основе ранее освоенного понятия или значения. Образ — исходная форма познания действительных явлений, осуществляемого с помощью слова. Последующее выделение признаков обозначаемого, их познание приводит в конечном счете к расчленению образа, его «затушевыванию» и, как следствие, к образованию понятия.

В слове как узловой единице языка мы наблюдаем действие формы, направленное на отражение и познание нового явления. Аналогичное действие формы наблюдается и в языке в целом, где она также выступает в виде в н у т р е н н е й ф о р м ы я з ы к а (В. Гумбольдт, А. Потебня, Г. Шпет и др.). И здесь также исторически разработанный, закрепленный в знаках мыслительный запас («внутриязыковые значения»), в соответствии с правилами и законами их применения, мобилизуется и используется говорящим сообществом для отражения и обозначения различного «внеязычного содержания». В действительности внутренней формы языка вовлечены все единицы языка и закрепленные за ними «внутриязыковые значения», объединенные в единой системе и применяемые по свойственным для данной системы правилам и законам. В употреблении языка как формы мы оперируем готовыми, давно выработанными с т е р е о т и п а м и речевых образований. Главную роль здесь играет коммуникативная единица — предложение, которое, по замечанию Л. Витгенштейна, в старых выражениях должно сообщать нам новый смысл.

В речевом общении мы обмениваемся определенными синтакси-

ческими формулами, могущими наполняться конкретным, новым содержанием. Внутренняя форма языка в целом обладает исключительной информативной избыточностью, а следовательно, и большими возможностями для выражения — в разных объемах и отношениях — определенного «внеязычного содержания».

Если с помощью внутренней формы слова рождается новое слово и его значение, то с помощью внутренней формы языка выражается содержание языка всей совокупностью высказываний на данном языке в тот или другой период его существования. Как и в случае со словом, роль внутренней формы языка познавательная.

Форма языка создавалась в течение всей его истории, отразив в своем движении и развитии действительные взаимоотношения людей между собой и окружающим миром. Она представляет собой обобщенный и закрепленный опыт этого взаимоотношения, выражающийся в функционировании языка, в структурных и системных связях его единиц и их значений, в характере отражения ими действительности.

Стереотипы поведения людей, типичные условия и порядок их жизни, ее цикличность и пр. обусловили и выработали, в свою очередь, стереотипы применения языка, образование и функционирование его единиц и их форм и, надо думать, само строение языка вообще. Язык не мог бы быть средством отражения действительности, если бы он не был изоморфен самой действительности. Но этот изоморфизм не исключает оригинальности каждого языка по своему строению, внешней и внутренней форме, всякий раз своеобразно преломляющей объективное содержание. В этом отношении язык напоминает своего носителя — человека, который, обладая общими родовыми признаками, свойственными людям вообще, тем не менее отличается от всех других своей внешностью, качествами, чертами характера, внутренним содержанием и пр.

Формальные возможности языка конкретно выражаются прежде всего на примере его основных единиц: номинативной — слова и коммуникативной — предложения.

Внутренняя форма слова, с помощью которой оно образуется, представляется чисто внутренним познавательным движением мысли, хотя и выраженным в виде признака названия — важного компонента формы. Образованное вновь слово, будучи принадлежащим к знаменательной части речи, уже с момента своего образования потенциально обладает всей п а р а д и г м о й форм изменений, свойственной этой части речи (глагол *изменить*, например, обладает всеми спрягаемыми формами, выражающими значения лица, времени, наклонения, склоняемыми формами причастия, формой деепричастия), а также деривативными, словообразовательными возможностями (*измена, изменник, изменнический, изменнически*). В этом отношении слово пред-

ставляется формулой, рассчитанной на ее использование в с и с - т е м е языка, способной тем самым выразить стоящее за словом понятие в разных связях с другими компонентами речи, а также послужить словообразовательной базой для развития родственных понятий.

Подобно слову, словосочетание и предложение обладают свойственной им парадигмой изменения, а также потенциально возможными синтаксическими преобразованиями. Обозначая более сложные мыслительные образования, словосочетание и предложение также обладают возможностью по-разному препарировать соответствующее им «внеязычное содержание». Следовательно, образованная иоформл е н н а я по законам данного языка единица, попадая в систему языка, тем самым приобретает исторически выработанную в этой системе парадигму изменений и закономерных преобразований, свойственных единицам данного порядка.

В языке нет ничего неоформленного, и форма реально не существует вне оформляемого и выражаемого ею «внеязычного содержания». Поэтому, чтобы найти собственно содержание (а следовательно, и выделить форму), надо в ы й т и за пределы языка, на что указывали в свое время В. Гумбольдт, Потебня, Г. Шпет. Последний, в частности, писал: «Чтобы найти содержание в установившемся здесь смысле, надо взять язык в его «органическом» целом. Для этого нужно, как говорит В. Гумбольдт, выйти за границы языка, потому что в самом языке мы не найдем неоформленной материи (3, с. 62). «Форма противоплагается содержанию; но, чтобы найти содержание языковой формы, надо выйти за границы языка. Внутри языка о содержании можно говорить только относительно, например, основное слово — по отношению к склонению. В других отношениях то, что принято здесь за содержание, считается формой» (3, с. 14).

Чтобы в том или другом показательном виде продемонстрировать возможности формы языка и тем самым в известном приближении очертить-или выделить «внеязычное содержание», ученые прибегают к разным искусственным приемам. Потебня, например, показывал возможности формы на примере преобразования одного и того же «внеязычного содержания», или «значения»: «...Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма. Чтобы получить внеязычное содержание, нужно бы отвлечься от всего того, что определяет слово в речи, например от всякого различия в выражениях: «он носит меч», «кто носит меч», «кому носить меч», «чье дело ношение меча», «носящий меч», «носитель меча», «меченоситель», «меченосец», «меченоша», «меченосный». Если при этом не всякое различие между частями речи исчезнет, то это будет служить лишь доказательством несовершенства отвлечения, а никак не того, что в с о д е р ж а н и е предложения

входят различия между существительным, прилагательным и глаголом» (6, с. 72).

В своих лекциях по истории русского языка Потебня использовал для наглядного показа формальных возможностей разных языков вымышленную фразу на латинском языке: *Arator arans arat arando arabilem arvum* (7, с. 136). По-русски эта фраза переводится как *Оратай ралом орет ралию* (или, по-другому: *Пахарь плугом или сохой пашет землю*). Вещественным элементом слов, составляющих это предложение, является корень *ag-*; все другие аффиксы выступают «субъективными приспособлениями», в известной степени преобразующими вещественное значение корня и выделяющими отдельные предметы и признаки воспринимаемой объективной картины.

Л.В. Щерба же, например, в своем придуманном бессодержательном предложении: *Глокая кудра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* — иллюстрирует только формальные, отвлеченные показатели возможного вещественного содержания, являющиеся, по замыслу автора, предметом изучения грамматики и словообразования.

По Потебне, важной категорией в понимании взаимоотношения формы и содержания в языке, в его действительном существовании, т. е. в речи, является «внеязычное содержание», или собственно содержание, в отличие от «внутриязыкового содержания», или — чаще употребляемый термин — «внутриязыковых значений».

«Внеязычное содержание» образуется в результате восприятия того или иного явления действительности и п о н и м а н и я воспринятого. Для понимания говорящий использует свой мыслительный запас. В одном случае это требует определенного напряжения ума, мобилизации знаний в виде закрепленных в памяти понятий. Для обычного же повседневного общения, где речь идет о знакомых, постоянно наблюдаемых явлениях и событиях, их понимание не вызывает затруднений и происходит автоматически. Но именно понимание, т. е. включение п о н и м а е м о г о в освоенное человеком с м ы с л о в о е поле, которым он владеет, дает ему возможность обозначить воспринимаемое соответствующими знаками языка. И здесь язык предоставляет всякий раз системно связанные, закономерно предполагающие друг друга в системе формы. Именно поэтому объективное содержание — в соответствии с субъективными задачами сообщения, по выбору говорящего — может быть обозначено по-разному.

Обозначению с помощью языка явления действительности предшествует его чувственное восприятие и последующее преобразование чувственного восприятия или наглядно-чувственного образа в конечном счете в такую форму мысли, которая может быть выражена с помощью слова. Современные психологи и лингвисты предполагают, что мыслительный процесс от чувственного восприятия до выражения

логически расчлененной мысли в языке скорее включает ряд преобразований. Было бы очень просто, пишет современный исследователь этого вопроса В.М. Павлов, если бы языковая мысль непосредственно соотносилась с чувственным восприятием (8, с. 159). Между тем это ненаблюдаемый, чисто внутримозговой процесс; потому, замечал Потебня, нет возможности не избежать произвольности в его познании, в анализе переходов различных мыслительных форм.

Попытки проникнуть во внутреннюю работу мозга, в собственно процессы мышления, используя данные языка, предпринимались издавна. «Путем тщательного анализа значения слов,— писал Лейбниц,— мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» (9, с. 293). Таких же отечественных ученых, как Потебня и Л.С. Выготский, проблема объективации мысли в языке интересовала в течение всей их научной деятельности. Исследуя эту научную проблему, они подчеркивали, что здесь еще «много таинственного» (Потебня), много такого, «что и не снилось мудрецам» (Л.С. Выготский).

На основе психологических и лингвистических наблюдений и Потебня, и Л.С. Выготский указывали, что мышление, предшествующее речеобразованию, «больше» и обширнее. Не имея возможности сказать об этом точнее, они ограничивались терминованием этого процесса и образным его представлением. Для Потебни область речеобразования — это светлая «точка сознания», «узенькая», «маленькая сцена», на которой не могут поместиться все «действующие лица», поэтому за ней, т. е. «за порогом сознания», находятся сгущенные «мыслительные массы». Они могут быть припомнены, актуализированы, если попадают на эту «узенькую сцену» (10, с. 517). Для Л.С. Выготского состояние мышления, предшествующее речеобразованию,— это «нечто целое, значительно большее, по своему протяжению и объему, чем отдельное слово» (11, с. 313—314); это как бы нависшее облако, которое проливается дождем слов.

Разумеется, конечный продукт речеобразования — предложение — находится в необходимой связи всеми своими элементами с предшествующим неязыковым (симультантным) состоянием мысли, но по своему строению предложение не тождественно строению мысли. И Потебня, и Л.С. Выготский подчеркивали, что мысль в своем движении к языковой объективации претерпевает ряд преобразований. Потебня писал: «Когда создается слово, тогда в говорящем происходит известное изменение того состояния мысли, которое существовало до создания. Что такое создание? Мы не можем себе представить создание из ничего. Все то, что человек делает, есть преобразование существующего. Точно так же и создание мысли есть известного рода преобразование ее» (10, с. 539).

Подобным же образом Л.С. Выготский замечал, что течение мысли

совершается как внутреннее движение через целый ряд планов. «Речь,— продолжал он,— по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеяться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» (11, с. 270).

Внеязычное содержание, препарированное языковыми средствами, входит в конкретных речевых условиях информативным компонентом смысла слова или предложения. Поэтому значение слова в речи, или его смысл,— это синтез внутриязычного и внеязычного содержания. Причем первое выступает формой второго, т. е. представляет собой строевой, структурный элемент содержания. Этот элемент познан, известен всем говорящим; владение внутриязыковым значением (т. е. формой) делает возможным отражать попадающие в опыте предметы или явления, оформлять вновь образованное внеязычное содержание и в единстве с внешней формой, т. е. звуком, осуществлять передачу актуальной информации. Этот синтез в процессе общения определяет и саму возможность понять вновь выражаемую мысль.

Внеязычное содержание — это собственно мыслительное образование, тождество которого обнаруживается в цепочке возможных языковых его преобразований с помощью категориальных (грамматических и словообразовательных, или субъективных, по терминологии Потебни) элементов и их значений. Самостоятельно, вне препарирования его субъективных элементов, это содержание не выражается и не существует в языке. Субъективные элементы представляют собой формальный, категориальный механизм языка, различным образом видоизменяющий и оформляющий мысль, образующуюся в результате восприятия и отражения определенного явления действительности, ситуации. Эти элементы входят организующей, структурной частью во многие языковые единицы, являются явно выраженными показателями их классификационноеTM; это — грамматические, семантические рамки, формы, которые в конкретных речевых условиях наполняются индивидуальным предметным содержанием. Таким образом, в преобразовании обнаруживается как «внеязычное содержание», так и те формы, «субъективные приспособления», которые оформляют и категориально видоизменяют «внеязычное содержание». Тождество «внеязычного содержания» обеспечивается наличием одних и тех же «объективных», по терминологии Потебни, элементов слова (т. е. вещественных, корневых частей слова, которые, по Потебне, непосредственно направлены на действительность), принадлежностью словоформ, участвующих в преобразованиях, к одной и той же лексеме, словами, находящимися в прямых деривативных отношениях (по современной терминологии, «синтаксическими дериватами»), а также

и самим внеязыковым объектом, на основе восприятия и понимания которого «внеязычное содержание» образовалось.

Цепочки категориальных преобразований «внеязычного содержания» тянутся от минимально значимых единиц языка — аффиксов до предложения. Потебня в связи с этим замечает, что содержание может быть выражено в стольких грамматических комбинациях, «сколько позволяет известный язык» (7, с. 145). На основании примеров Потебни можно заключить, что одно и то же «внеязычное содержание» обнаруживается у слов разных частей речи (*чернь — черный — чернеть, зеленый — зеленеть — зелень*) (см. 7, с. 145); в словах и словосочетаниях (*меченосец — меченосный — носитель меча — носящий меч*); в словосочетаниях (*белый снег — белизна снега, активно участвовать — активное участие*); в словосочетаниях и предложениях (*зеленая трава — трава зеленеет*) (см. 6, с. 91); в предложениях (*Ученики решают задачу — Задача решается учениками*) (см. 7, с. 137 и т. п.).

О тождестве объективного содержания однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи, писал и Л.В. Щерба: «*Веселый, веселье, веселиться* никак нельзя признать формами одного и того же слова, ибо *веселый* — это все же качество, а *веселиться* — действие. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что содержание этих слов в известном смысле тождественно и лишь воспринимается сквозь призму разных категорий — качества, субстанции, действия» (12, с. 59).

Формальный механизм языка, организующий и выражающий «внеязычное содержание», пронизывает весь язык, все его уровни. Важно подчеркнуть, что эти формальные, субъективные приспособления внутренне взаимосвязаны, системны, закономерно выводимы одно из другого. В совокупности они образуют единство, систему. Поэтому одно и то же «внеязычное содержание» может быть выражено на разных уровнях языка путем комбинации одних и тех же вещественных, или объективных, элементов слова и различных субъективных, образуя цепочки преобразований. Диапазон возможных трансформаций «внеязычного содержания» в языке весьма широк, если учитывать как богатство грамматических и словообразовательных категорий, так и отмеченную Потебней способность слова служить средством сгущения и развертывания мысли (10, с. 211; 13, с. 73).

Большое внимание Потебня уделяет словам разных частей речи, находящихся в прямых деривативных отношениях, что связано с выяснением природы частей речи. «Внеязычное содержание» категориально видоизменяется в словах разных частей речи, что не нарушает его тождества. «...Разница между частями речи, — писал Потебня, — не в содержании, а в способе его представлять» (6, с. 88). Будучи языковыми категориями, части речи представляются рамками, «в которые втискивается содержание мысли нерасчлененной, не препарирован-

ной. От того, каковы грамматические категории, зависит наше мышление, его общий характер, полнота и глубина» (14, с. 22—23). «Чем отличается *чернь, черный, и чернеть?* — замечает Потебня. — Чувственное восприятие дает нам не вещь, не качество и не действие, а это все безразлично. Наш ум разделяет это чувственное восприятие. Это, так сказать, процесс пищеварения в умственном восприятии, которое ум делает для себя» (7, с. 145). В другом месте Потебня пишет: «Сравнивая, с одной стороны, выражения, как *«зеленая трава»*, не составляющие предложения, а с другой, предложения, как *«трава зеленеет»*, не найдем в них никакого различия по содержанию; но глагол изображает признак во время его возникновения от действующего лица, а имя — нет» (6, с. 91).

Предложение, подобно слову, имеет не только свойственную ему парадигму изменений, заключающуюся в выражении предикативности, т. е. комплекса модально-временных значений, но обладает и способностью различных синтаксических преобразований, в том числе и деривативного характера, закономерно препарирующих объективное «внеязычное содержание». Заключенное, например, объективное содержание в предложении:

1) *Петр потерял библиотечную книгу*

может быть выражено в целом ряде синтаксических трансформаций:

- 2) *Петр потерял книгу. Книга была библиотечная.*
- 3) *Петром потеряна библиотечная книга.*
- 4) *Петрянная Петром книга была библиотечная.*
- 5) *Книга, которую потерял Петр, была библиотечная.*
- 6) *Потеря Петром библиотечной книги.*
- 7) *Петр, потерявший библиотечную книгу.*
- 8) *Петр, который потерял библиотечную книгу.*
- 9) *Библиотечная книга, потерянная Петром.*
- 10) *Библиотечная книга, которую потерял Петр.*
- 11) *Потеряв библиотечную книгу, Петр...*

Модель такого преобразования характерна в русском языке для предложений типа $N_n V_{\text{н}} \text{Adj} N_{\text{дс}}$. Следовательно, подобные цепочки преобразований мы можем ожидать в предложениях:

Собака съела дохлую рыбу.
Писатель издал историческую повесть.
Милиция арестовала опасного преступника и т. п.

Другие типы предложений имеют свои возможности формального преобразования (ср.: *Ветром срывает листья. Собака лает. Ученики*

изучают язык и др.)¹ - Если к этому добавить, что слова в этих преобразованиях могут быть заменены своими синонимами, перифразами, не меняющими обозначаемое положение вещей, то можно представить, какими большими возможностями обладает язык для обозначения объективного «внеязычного содержания».

Очевидно, что цепочки преобразований представляют своего рода выработанные в языке формулы, характерные для разных уровней языка: морфемно-морфологического (ср.: деривационные цепочки, соотношенность различных грамматических форм и их значений и др.), синтаксического (ср.: преобразования словосочетаний, предложений, различных синтаксических оборотов и др.).

Как формулы, эти цепочки преобразований свойственны самой системе языка, т. е. уже вне отношения к конкретному содержанию. Но их закономерная трансформируемость одновременно свидетельствует о реальности возможных «внеязычных содержаний», могущих быть

Как известно, американская порождающая грамматика предложила иное объяснение подобных преобразований вне отношения к категориям формы и содержания, ограничив при этом описание синтаксисом. Синтаксические преобразования она описывает в терминах глубинной и поверхностной структур и содержащихся в их семантике, по-разному выражаемых семантических структурных компонентов. Однако единства в понимании глубинной и поверхностной структуры, этих основных категорий трансформационной грамматики, нет ни среди американских лингвистов, ни среди европейских их последователей, в том числе и отечественных. Большинство авторов считает, что глубинная структура есть не что иное, как смысловая структура предложения, воплощающаяся в ряде поверхностных структур. Поверхностные структуры восходят к единой глубинной структуре; они являются синонимичными, поскольку включают в себя одни и те же лексемы или их «синтаксические дериваты». Однако эти положения вызывают сомнения у многих лингвистов. Как известно, слово может выполнять разные грамматические и семантические функции (см. гл. VIII). Поэтому одни и те же лексемы, употребленные в разных грамматических и семантических функциях (а тем более слова и их дериваты) способны образовывать различные по своей семантике и грамматическим значениям синтаксические единицы. Расчленение общего «внеязычного содержания» будет различным и, следовательно, собственно языковые значения таких единиц, по-разному препарирующих общее объективное содержание, не будут тождественными. Здесь разные синтаксические значения; в результате такие трансформации выражают разные формы мыслей: именные (*Потерявший библиотечную книгу Петр. Срываемые ветром листья и т. п.*) — «расчлененное понятие»; предложения (*Петр потерял библиотечную книгу. Ветер срывает листья*) — суждение.

Мы придерживаемся того мнения, что в подобных синтаксических преобразованиях имеем дело с закономерными отношениями элементов языковой формы и по-разному преобразованным с их помощью «внеязычным содержанием». Преобразование таких синтаксических конструкций и меняет их статус как языковой единицы, что дает возможность использовать препарированное содержание на разных участках языковой системы, в разных связях и отношениях с другими членами высказывания, а следовательно, отражать содержание все в новых и новых ракурсах. Наличие в семантике преобразований общих смысловых элементов не делает эти конструкции в большинстве случаев синонимичными, как и у других языковых единиц, имеющих общие значимые элементы.

подвергнутыми таким преобразованиям. Следовательно, цепочки преобразований показывают, с одной стороны, формальные средства языка, с другой, — реальность того или другого «внеязычного содержания», могущего быть подвергнутым с помощью таких трансформаций различному препарированию.

Такие формулы — готовые для этого парадигмы. Образовав, например, новое существительное, мы тем самым потенциально наделяем его всеми возможными для слова этой части речи формами словоизменения, деривацией, связями с другими словами (валентность), дистрибуцией. Подобным же образом при образовании наделяются своей парадигмой словосочетание и предложение.

Разумеется, приведенные выше цепочки преобразований представляют искусственный прием, показывающий формальные возможности языка на том или другом своем участке в отражении определенного положения вещей, в выражении «внеязычного содержания». В реальной речи полная лексическая параллельность таких преобразований вряд ли возможна либо чрезвычайно редка¹. В то же время соотносительность однокоренных слов, находящихся в прямых словообразовательных отношениях, отражающих одно и то же явление действительности и препарирующих одно и то же «внеязычное содержание», о чем писал Потебня, — явление обычное.

Ср. глагол и отглагольное существительное:

«Он рассуждал, и в рассуждении его видна была некоторая сторона справедливости». (Гоголь, Мертвые души.)

Ср. у К. Федина: «*Народмудр*, однако *народная мудрость* не могла всего объяснить, отдав целые поля во власть неизведанного» (Горький среди нас). В первом случае выделенные слова образуют предложение. Сказуемое приписывает субъекту признак конкретизированный предикативными и модальными значениями. Предложение выражает суждение, т. е. в нем осуществляется акт непосредственного познания. Значение прилагательного-сказуемого, или его смысл, сужено своим отношением к субъекту-подлежащему.

Во втором случае преобразованные однокоренные слова представляют собой именованное словосочетание, т. е. номинативную единицу, которая имеет свое синтаксическое значение и соответственно выполняет иную роль в предложении. Словосочетание лишено тех конкретизации (предикативные и модальные значения), которые свойственны предложению. Но существительное (*мудрость*), как организующий словосочетание центр и как подлежащее, в свою очередь, может быть конкретизировано другими участниками, вступающими с ним в грамматическую и семантическую связь (определение, сказуемое, приписывающее подлежащему признак).

Таким образом, известное содержание выражено в разных языковых категориях; производящие и производные слова обладают разными морфологическими, синтаксическими и семантическими характеристиками. Каждый компонент подобного преобразования имеет свои возможности разработки мыслительного содержания. Эти возможности слов в сочетании с конструктивной обусловленностью их употребления в речи с соответствующими языковыми единицами позволяют им наполняться неравнообъемным предметным содержанием.

«...Но только что я появился, все *замолчали*... Глупое *молчание* не нарушалось минуты три полных». (Достоевский, Бесы.)

«Моя Настенька так оробела, так перепугалась, что, кажется, поняла, наконец, что я *люблю ее* и сжалилась над моей бедной *любовью*». (Достоевский, Белые ночи.)

Прилагательное и однокоренное существительное:

«Но большинство озер все же — *черные*. Старики говорят, что *чернота* вызвана тем, что дно озер устлано толстым слоем опавших листьев». (К. Паустовский. Поэтическое излучение).

«(Л. Толстой) должен быть *одинок* в собственной судьбе, но... это *одиночество*, может быть, нужно ему». (Скиталец, Лев Толстой.)

«Взгляд автора на человеческое сердце очень *прост*, даже *простоват*; но эта *простота* накидная, притворная». (Из газет.)

Существительное и однокоренное наречие:

«...Я охотно не поехала бы совсем в Москву. Там *тревожно*, и нет сил на эту *тревогу*». (С.А. Толстая. Дневники.)

«(Слова А. Блока): Когда я шел навстречу, вы подходили *неподвижно*. Иногда эта *неподвижность* была до конца». (Вл. Орлов. Гамаюн.)

«Однако, несмотря на суету, на работающие расчеты, все вокруг *тихо*... И *тишина* эта тревожна». (О. Кожухова. Ночные птицы.)

«И если поют и пляшут они (артисты) сейчас *радостно* и *вдохновенно*, то и *вдохновение*, и *радость* черпают из того же источника. Имя же ему — единство». (Из газет и т. п.)

Однокоренные слова, принадлежащие к разным частям речи, в силу своих морфологических, синтаксических, валентных, дистрибутивных качеств, имеют конструктивно обусловленную сочетаемость со словами определенных морфологических классов. Поэтому в реальной речи синтаксические конструкции с такими словами непредставимы. Общее «внеязычное содержание» они «эксплуатируют» по-разному, отражая и обозначая его в разных связях, объемах, ракурсах. Одновременное применение этих слов в приведенных выше примерах и вызвано необходимостью определенного видоизменения и уточнения «внеязычного содержания», категориально иного его выражения, что возможно при условии его обозначения однокоренным словом другой части речи.

Таким образом, общность и тождество воспринимаемого явления действительности и образованного на основе восприятия «внеязычного содержания» не доказывает семантического тождества, «синонимии» обозначающих их однокоренных слов и образованных с их участием синтаксических конструкций.

Выше мы условились, что к форме языка относится все то, чем горящий владеет в отвлечении от конкретного применения языка для выражения того или иного содержания в разных условиях речи. Следовательно, владеть языком — это владеть его формой (внешней и внутренней), включающей правила и законы применения ее элементов.

Язык располагает информационно избыточным количеством средств, накопленных в течение своей истории, что позволяет говорящим с их помощью выразить различное преходящее и изменяющееся во времени содержание, обозначить то или другое положение вещей. Более того способность формы языка в выражении нового содержания идет дальше. Владая формой языка, говорящий в своей практической деятельности может понять (а следовательно, и сообщить) совершенно новое содержание, о котором он раньше ничего не знал. Язык способен выразить любую фантастику, описать неведомый до сравнительно недавнего времени и сложнейший по своему строению микромир, никогда не бывший предметом человеческой практики, и др. Все это обеспечивается возможностями формы языка, которая на протяжении всей его истории и предыстории призвана была в ы р а ж а т ь н о в о е с о д е р ж а н и е .

§ 65. СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ И ЯЗЫКООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФОРМЫ

Выше мы отмечали (см. гл. I), что внутренняя форма в понимании В. Гумбольдта выступает как активное языкообразующее начало.

Разъясняя это положение В. Гумбольдта, Г. Шпет писал: «Внутренние формы лежат между внешними и предметными. Само собою также этим подсказывается, что это «между» и есть не что иное как своего рода о т н о ш е н и е между указанными пределами, составляющими меняющиеся живые термины этого отношения» (3, с. 93).

Эти суждения Г. Шпета требуют, на наш взгляд, известного уточнения. Автор не учел еще одного необходимого промежуточного компонента, без которого трудно представить и само образование формы, и наполнение ее известным содержанием, в чем, собственно говоря, и заключается отражение и познание мира (= предметных форм). Внутренняя форма не может непосредственно оформлять предметный мир; между ею и миром существует чувственное восприятие и образованное на его основе нерасчлененное объективное «внеязычное содержание». Только на их основе и может образоваться внутренняя форма в виде абстрагированных, узловых элементов строения образующей мысли, способных к воспроизведению в речи.

Форма, таким образом, оказывается необходимым посредником между различными по своей природе явлениями — звуком как материалом, объективным содержанием и воспринимаемой действительностью. Форма — необходимое средство взаимодействия человека и окружающей мира. Как субъект человек противостоит этому миру. В форме встречаются и пересекаются два противостоящих друг другу мира — субъективный мир человека и объективный, окружающий его мир. Эволюция взаимоотношений этих миров, постоянная, необходи-

мая, совместная деятельность людей в обеспечении своих жизненных потребностей в окружающем мире, задачи общения — все это в итоге выработало определенные средства, способы и приемы проникновения человека в этот мир с целью его отражения и познания. В форме объективно и стихийно откладываются и закрепляются организующие, общие, узловыe моменты отражения и познания мира. Поэтому форма, применяясь в разных условиях речи, разделенных во времени и пространстве, способна наполняться различным конкретным содержанием. Форма есть овеществленное закрепление наиболее оптимальных человеческих приспособлений отражения и познания мира, выработанных и оправдавших себя в течение длительной истории того или другого сообщества, его деятельности, практики общения. Форма — единственная возможность объединить в мысли эти два мира — субъективный и объективный, снять их внешнюю обособленность, недоступность друг другу и противостояние, войти человеку в объективный мир единственно возможным для него путем, внушенным самой его природой и условиями его существования.

Как отношение между двумя противостоящими мирами внутренняя форма динамична. Ее нельзя представлять в виде набора абстрактных схем («внутриязыковых значений»); это мысль в познавательном действии, осуществляемом по определенным законам. Внутренняя форма языка находится в постоянном движении и изменении под воздействием практики общения и деятельности человека, направленной на отражение и познание действительности, форма нацелена на организацию, оформление и выражение содержания.

Будучи отношением, внутренняя форма воздействует на внешнюю форму. Последняя немыслима вне единства с внутренней формой; образование внешней формы осуществляется в единстве с внутренней и под воздействием последней. Звук, подчеркивал Потебня, сформирован, проникнут мыслью. Внутренняя форма воздействует также и на характер восприятия и отражения действительного мира, поскольку в ней отложены результаты познания мира — достигнутые абстракции, значения и представления, сквозь призму которых человек воспринимает действительность. Функционирование внутренней формы заключает диалектическое противоречие: по отношению к внешней форме и материальному миру внутренняя форма выступает как деятельный, динамичный, подвижный компонент языка; по отношению же к образуемому в конкретных условиях речи содержанию она консервативна.

Существование внутренней формы как важнейшего компонента языка возможно только в органическом единстве с указанными двумя материальными явлениями, граничащими и взаимодействующими с ней. В этой триаде внутренняя форма выступает важнейшим системообразующим, а следовательно, языкообразующим началом. Чтобы быть таковой, внутренняя форма одновременно должна быть в известной

степени и з о м о р ф н о й этим двум граничащим с ней «пределам» или меняющимся живым «терминам» отношения, по выражению Г. Шпета. Вне этих взаимодействующих с ней материальных явлений внутренняя форма невозможна, не существует. Передающаяся с помощью языка конкретная информация о действительности, являющаяся целью сообщения, становится содержанием языковых форм, существует и передается ими в органическом единстве. Материальным знаком, сигналом вовне о содержании, организованном и оформленном с помощью внутренней формы, выступает внешняя форма. Отсюда ясно, какую важную роль выполняет последняя в общении, в образовании и функционировании языка. Становление языка как постоянно работающей общей системы, как средства общения и мышления выразилось в образовании внешней и внутренней его формы, способных выразить любое содержание, образуемое в данном говорящем сообществе, пользующемся языком. Образование указанных форм и их элементов шло в органическом единстве и соотношении.

Действие формы началось одновременно с образованием языка. Задачи общения, постоянная потребность выразить меняющееся в зависимости от условий речи содержание сделали н е о б х о д и м о й в самих истоках становления языка с и с т е м а т и з а ц и ю средств выражения мысли, выработку правил и законов самой мысли. Естественное средство общения в человеческом обществе не может не быть организованной и закрепленной в знаках системой. И эти качества — необходимо и объективно — придает языку форма.

Первоначально это действие выражалось в виде формирующихся фонематических единиц (внешняя форма) в слове-предложении, т. е. в образованной с помощью внутренней формы синкретической единице, сочетающей номинативную и предикативную функции. В основу же внутренней формы, надо полагать, первоначально легло представление об обозначаемом предмете, которое было выработано у людей при помощи различных неязыковых средств общения, предшествовавших языковым, а также весьма длительное время применявшихся одновременно и в теснейшей функциональной соотнесенности с вербальными средствами (см. гл. X).

В первоначальную эпоху формирования языка небольшой по числу своих членов род обходился, надо думать, ограниченным количеством слов-предложений. Немного было и фонематических единиц; однако и при этом условии их сочетаемость позволяла дифференцировать образующиеся новые слова-предложения. Этим самым был сделан решающий в истории человечества шаг, потенциально он таил в себе небывалые перспективы интеллектуального развития человека. В этой праснове языка, первоначально весьма ограниченной по своим идеальным и материальным возможностям, необходимо и закономерно начала действовать форма языка — языкообразующий и системооб-

зующий механизм, показавший в истории языка поразительные возможности выражения и развития мысли.

В эволюции языка форма также подвержена изменению; и как любое исторически меняющееся явление, обладающее сложной разноразмерной структурой и системой, она отличается значительной вариативностью. Кроме того, форма имеет исключительные возможности сочетаемости своих элементов в пределах действующих в языке моделей и схем, что обеспечивает потребности общения, образования и передачи мысли.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать следующее. Если рассматривать форму в генетическом и историческом отношении (вспомним, что В. Гумбольдт считал единственно верным научным определением языка — генетическое), то форма есть объективно и стихийно выработанный в данном языке единый принцип соединения членораздельного звука и расчлененной (дискретной) абстрактной мысли, соотношенной с отражаемым и обозначаемым «кусочком действительности». Причем форма в этом соединении составляет устойчивый, воспроизводимый компонент, знаково закрепленный в образующейся системе. Отсюда начинается системообразующая, а значит, и языкообразующая роль формы. С образования формы, собственно говоря, начинается становление языка как такового.

Форма — существенный элемент речевой деятельности; она необходима в качестве постоянной, консервативной составляющей языка; последний благодаря форме может участвовать в выражении меняющегося содержания, образуемого в разных условиях речи, разделенных во времени и пространстве.

Единение формы и содержания происходит в речи, точнее — в речевой деятельности. Изучение языка в этом аспекте открывает его действительные качества, представляет язык в действии, показывает его настоящую, реальную жизнь. Единство и взаимопроникновение формы и содержания наблюдаются и при исследовании отдельных элементов формы в их отношениях к выражаемому содержанию. Потебня неоднократно подчеркивал, что в действительности «есть только речевые... Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет» (6, с. 42). Методологическая продуктивность изучения проблемы формы и содержания языка заключается в том, что она заставляет рассматривать язык как определенный вид деятельности; на важность именно такого понимания языка в свое время, как известно, указывали В. Гумбольдт, Потебня и другие ученые.

Принцип соединения членораздельного звука и мысли с развитием языка усложняется и разветвляется; тем не менее он характеризуется е д и н с т в о м своего осуществления на разных уровнях языка, в функционировании разных единиц языка: от кратчайших, конечных — фонем и морфем — до высшей коммуникативной единицы — предложения. Это единство формы языка как бы отсвечивает в

отдельном высказывании, в закономерных связях единиц, относящихся к разным уровням языка, во внешней и внутренней форме этих единиц. Все это сигнализирует об указанном единстве в данном языке звука и мысли. По малому фрагменту языка мы можем судить о связи данного фрагмента со всей системой языка, о его внешней и внутренней форме, о том что это за язык, к какому морфологическому типу он относится и др.

Именно в единстве формы при выражении в речи содержания прежде всего проявляется неповторимость и своеобразие языка, его строя. Форма, иначе говоря, и есть действующий строй языка в его отвлечении от конкретного выражения им содержания в речи, т. е. в действительном существовании языка, представляющем собой единство формы и содержания.

Своеобразие языка проявляется во внешней и внутренней его форме, которое, несомненно, сказывается и на самом содержании. Развитие языка под воздействием расширения человеческой деятельности, успехов мышления усугубляет своеобразие формы языка, делая тем самым язык все более отличным и неповторимым по своему внешнему и внутреннему строению. Так, самостоятельное развитие родственных языков ведет их к расхождению, все большей самостоятельности. Но рядом с этим возможны и процессы сближения, заимствования, ассимиляции, интерференции, поскольку в своей эволюции и функционировании языки не изолированы друг от друга.

Под воздействием необходимости организации и выражения усложняющегося, анализируемого и синтезируемого содержания действие формы приводит к созданию сложной структуры и системы языка, целой иерархии уровней, подсистем, с их разнообразными по своим функциям и неодинаковыми по своим абстрагирующим возможностям разрядами единиц. «Формальность языка, — писал Потебня, — есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание, одновременно со своим появлением в мысли» (6, с. 61).

Сам факт образования такой структуры и системы, восходящих к ограниченному количеству фонематических единиц и слов-предложений свидетельствует о весьма значительной временной удаленности образования человеческого языка и одновременно о заложенной в природе языка способности к развитию и совершенствованию, а также о творческих способностях самого человека.

§ 66. О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ. ФОРМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ УСИЛИЙ ЧЕЛОВЕКА

Содержание образуется в результате восприятия и отражения действительности членами сообщества, в процессе их предметной и речевой деятельности. Содержание обусловлено, детерминировано дей-

ствительностью; оно в известном смысле отождествлено с отражаемой действительностью, представляя ее в знаках языка в «снятом» субъективном виде.

Форма (внешняя и внутренняя) закрепляет в своей системе типичные связи и отношения между членами сообщества, а также между сообществом и действительностью. В форме отложен многотысячелетний опыт общения и отражения действительности, общее и постоянное в предметной и речевой деятельности народа. Как общее и постоянное, форма становится достоянием всех говорящих на данном языке. Именно благодаря владению формой человек может выразить в речи различное содержание, отразить встречающиеся в опыте, в общении те или другие явления, положения вещей. В речи происходит единение формы и содержания; речь есть действительное существование языка. Она включает актуальное индивидуальное содержание, богатое признаками; это содержание и является целью сообщения. Именно под постоянным воздействием речевого содержания происходит постепенное изменение, развитие и обогащение самой формы, благодаря чему отражение действительности всем сообществом становится все более к ней близким.

В историческом движении взаимоотношения между формой и содержанием воздействие содержания, вызванное потребностями общения и отражением действительности, определяет и само происхождение формы и ее своеобразный характер в том или другом человеческом сообществе. Однако было бы ошибочно определять форму языка как пассивное начало в этом взаимоотношении. Активность формы в употреблении языка подчеркивал Э. Бенвенист (15, с. 25). Форму не следует рассматривать как нечто совершенно неподвижное по отношению к содержанию. Это живая, функционирующая форма, которая на всех уровнях языка допускает множественность комбинирования своих элементов, призванных обслуживать человеческий опыт, практику жизни и общения.

В общем генетическом и историческом движении приоритет остается за содержанием. Форма порождается как результат импульса, представляющего собой необходимую потребность выражения содержания, одновременно с ним, будучи, заметим, не нечто чуждым содержанию, а элементом его организации и строения. С функциональной же точки зрения утверждение об исключительном приоритете содержания было бы весьма категоричным.

Народившийся человек, осваивающий язык, находит его готовым и усваивает прежде всего форму; в выражении своих мыслей он подчиняется ей в виде выработанных в эволюции языка стереотипов его применения. Стереотипы охватывают все возможные в данном сообществе отношения между его членами, а также между сообществом и действительностью. Форма и ее стереотипы позволяют при этом выразить образующееся в конкретных речевых условиях новое, прехо-

дящее содержание. Форма определяет языковое поведение личности, выход за ее пределы недопустим и оценивается сообществом как нарушение объективно существующей нормы. Здесь форма выступает активной, определяющей стороной речевого поведения говорящего.

Наблюдается примечательная особенность во взаимодействии формы и содержания, доказывающая их существенное различие и одновременно взаимодополняемость, необходимые для языка как средства общения и выражения развивающейся мысли. Высказываемое говорящим содержание индивидуально, оно результат его личного творчества, хотя для его выражения используются общезыковые формальные средства, т. е. принадлежащие системе языка и применяемые всеми говорящими. Но если индивидуальное, актуальное содержание имеет автора и характер выражения этого содержания зависит от целей автора, его произвола, то форма, ее элементы консервативны, независимы от индивида. Возможны лишь различные комбинации автором элементов формы для выражения образованного им содержания. По мнению некоторых авторов (Э. Бенвенист), форма в этом отношении предоставляет автору неограниченные возможности. Форма консервативна, ее изменение и движение происходит под воздействием речевой деятельности всего говорящего коллектива; причем это движение происходит независимо от воли людей, объективно и стихийно. Так же объективно и стихийно вырабатывается и направление этого движения. Говорящий, выражая образованное им содержание речи, одновременно оказывается подчиненным общему движению формы.

Выше мы уже говорили о том, что Потебня выделял в слове «ближайшее» и «дальнейшее» значения (см. гл. III, § 16). «Ближайшее» значение всеобщее, народно, им владеют все говорящие на данном языке. «Пустота», т. е. неинформативность, для говорящих «ближайшего» значения служит основанием тому, что оно вместе со словом, носителем этого значения, служит формой мысли (6, с. 20). Поскольку же «ближайшее» значение всеобщее, оно обеспечивает взаимопонимание; форма языка, таким образом, является условием взаимопонимания в общении. Так как «ближайшее» значение закреплено за словом в системе языка, только оно и может быть предметом языкознания. В связи с формальной природой «ближайшего» значения Потебня пишет: «Ближайшее значение слова, одно только составляющее предмет языкознания, формально вовсе не в том смысле, в каком известные языки, в отличие от других, называются формальными, различающими вещественное и фамматическое содержание. Формальность, о которой здесь речь, свойственна всем языкам, все равно, имеют ли они фам-матические формы или нет. Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» (6, с. 20).

В слове действительность отражается субъективно. Система внут-

языковых значений строит свой мир, по-своему создает его из наплыва, хаоса представлений, возникающих на основе восприятия действительности. Поэтому каждому языку соответствует своя картина мира, своя его организация и отражение в системе. Разумеется, эта система внутриязыковых значений не отгораживает внешний мир от носителей языка, она только всякий раз по-своему преломляет его в своем отражении. Потебня пишет следующее о соотношении общеязыковых внутренних значений и содержания речи говорящих: «Посредством языка человек доводит до своего сознания или, другими словами, представляет себе содержание своей мысли. Язык имеет свое содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самым лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит вне языка» (13, с. 99—100).

При таком понимании формальности языка не может быть противоположности между «ближайшим» значением и значением грамматической формы. Оба эти значения «внутриязычные» и оба распределяют обозначаемое по определенным разрядам; форма есть значение (6, с. 63). Они могут противопоставляться только внутри языка, по отношению же к «внеязычному содержанию» оба они являются формальными.

Как и содержание, форма действительно существует в речи, в единстве с ним. Будучи отраженной в мозгу, усвоенной в процессе обучения языку как его постоянный, воспроизводимый компонент, она хранится в памяти в виде системы своих элементов, автоматических приемов и навыков их применения в речевой деятельности, как строевое средство организации и выражения содержания. В языке как виде человеческой деятельности форма и содержание реализуются в неразрывном единстве.

Выше мы говорили, что содержание образуется в результате предметной и речевой деятельности человека и выражается в различных речевых образованиях. Но образовавшись, оно также может храниться в памяти как знание о чем-либо. При речеобразовании форма используется автоматически, бессознательно, причем элементы внешней и внутренней формы могут воспроизводиться, быть используемы многократно при образовании и выражении преходящего содержания. Обращение же к хранящемуся в памяти содержанию в виде знания, воспроизведение его в речи требует значительных мыслительных усилий и напряжения. Реализоваться вовне содержание может только с помощью формы. В неформленном виде содержание остается внеязычным, и, надо полагать, логически нерасчлененным. Природа такого существования остается нераскрытой.

Темпы образования, изменения и развития формы и содержания весьма различны и в известном отношении несоизмеримы. Чем отвле-

ченнее формальная абстракция, тем она имеет более длительную историю своего образования и применения, тем более автоматически и бессознательно она применяется. Потебня пишет по этому поводу: «...Общее возникает не иначе как из сложения многих частных, и добывание общих мыслей происходит с известными усилиями, которые бывают настолько велики, что до некоторых обобщений человечество доходило лишь в течение многих тысячелетий своей жизни; что многие языки, а стало быть, и говорящие ими народы известных обобщений вовсе и не могут выразить или выражают их неполно, потому что эти обобщения не составляют общего достояния среднего уровня говорящих» (Ш, с. 493).

Однако, овладев такой абстракцией, говорящий пользуется ею с легкостью, оставляет классификационные признаки вообще за порогом сознания. Освоенная говорящими абстракция как форма освобождает их от непосильной и невозможной для индивида мыслительной работы, но определяющей его речевую деятельность, давая тем самым простор для индивидуального творчества.

Если говорящий, пользуясь языком как формой, способен образовать и выразить разнообразное содержание на основе отражения действительности, то создание им элементов формы практически исключено. Образование формы есть, по сути дела, образование языка как постоянного средства выражения различного преходящего речевого содержания. Форма создается объективно и стихийно речевой деятельностью всего народа. Образование формы — итог многотысячелетней эволюции языка, в которой участвовало множество поколений безвестных носителей языка, «несведов», по выражению Потебни. Именно их постоянная, незаметная, стихийная, но одновременно творческая в общих пределах и координированная в системе речевая деятельность в конечном итоге и определяла направление эволюции языка, и подготавливала условия для такого индивидуального словесного творчества, какое возвышалось над обычным, рутинным общением. «Быть ли грозе, если в воздухе нет электричества?» — задавал риторический вопрос Потебня, объясняя появление произведений великих национальных гениев. Возможны ли такие произведения без той многовековой, обычной, но также по своим задачам творческой деятельности народа, создавшего необходимые духовные предпосылки и средства для индивидуального творчества, и прежде всего язык и народность как духовные источники, без которых невозможна творческая личность.

Важнейшей функциональной ценностью формы является экономия с ее помощью мыслительных, умственных усилий человека. Овладев в период научения языку внешней и внутренней его формой (т. е. внутриязыковыми абстракциями разных рангов и законами их применения, чем владеют все говорящие на данном языке), человек все свои творческие усилия переносит на отражение конкретных

предметов и явлений, которые подпадают под эти абстракции и выступают в условиях речи объектом опыта и темой сообщения. Сами же абстракции остаются за порогом сознания.

Потебня и другие представители Харьковской филологической школы особое внимание обращали на «субъективные приспособления», к которым они прежде всего относили грамматические формы и словообразовательные средства, с помощью которых, по их мнению, в языке осуществляется «принцип экономии сил». Чем отвлеченнее абстракция (ср. грамматические формы, словообразовательные аффиксы), тем без видимых усилий, бессознательно она применяется. Но не только эти предельно отвлеченные категории употребляются автоматически. Предметом сообщения в речи, как правило, не является и содержание тех понятий, которые выражаются знаменательными частями речи. Такие понятия суть логико-семантические рамки, под которые в речи так же без видимых усилий, автоматически подводятся конкретные предметы и явления, отражение и обозначение которых и является целью сообщения. А.Н. Леонтьев считал это фундаментальным психологическим фактом. Содержание этих понятий общеизвестно, и мы в нашей речи не задумываемся над ним; в речеобразовании эти понятия остаются «за кадром», выполняя роль само собою разумеющихся регуляторов в обозначении подпадающих под них конкретных предметов.

«Субъективные приспособления» являются необходимым средством оформления и выражения мысли. Именно такая роль языковых элементов и их значений в отражении и обозначении действительности в конечном счете свидетельствует, что они выступают формой, в какую «отливается» мысль, образующаяся на основе восприятия тех или других явлений действительности. Потебня и его ученики подчеркивали, что человек не затрачивает на применение этих форм, по сути дела, никаких усилий, высвобождая тем самым умственную энергию для творческой языковой работы. Об этих «приспособлениях», выражающих классификационные значения, Потебня писал: «Эта первоначальная классификация образов и понятий, служащая основанием позднейшей умышленной и критической, обходится нам, при пользовании формальным языком, почти ни во что» (6, с. 37—38). Развитие этих положений ученого мы находим у его учеников (16, с. 1—20; 17, с. 252-312).

В то же время Потебня семантически не противопоставлял субъективные и объективные элементы слова; он указывал на их органическое единство в слове и относительность их различия; при этом под объективными элементами он понимал корни слов, имеющие вещественное значение. «Грамматическая форма,— замечал он,— есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением» (6, с. 39). Для говорящего «вещественное и формальное значение данного слова составляют... один акт мысли» (там же). Поэтому

вещественный и формальный различны для нас не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения» (там же). Об относительности противоположения вещественных и формальных элементов слова свидетельствует и происхождение последних из знаменательных слов.

Форма в таком понимании — это общие структурные, классификационные и квалификационные элементы самого содержания и законы их применения, чем говорящие владеют в отвлечении от конкретных их применений и что позволяет в речевом употреблении языковых единиц подвести действительные явления под известные понятия и их разряды и тем самым понять и отразить эти явления.

Образование элементов внутренней формы языка — образов, понятий, грамматических и словообразовательных категорий — есть закрепление общих достижений в мыслительных процессах, концентрация мысли и одновременно экономия сил в текущей умственной работе человека. Потебня и другие представители Харьковской филологической школы распространяли этот принцип экономии сил на всю психическую деятельность человека, включая образное и абстрактное мышление (18, с. 44).

§ 67. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Поскольку язык представляет собой внутренне сложное многокомпонентное и многоуровневое образование материального и идеального порядка, то вполне логично допустить, что взаимодействие в нем формы и содержания и их элементов имеет многоступенчатый и относительный характер. Именно на эту сторону взаимоотношений данных категорий указывали В. Гумбольдт (4, с. 72—73), Потебня (10, с. 178 и др.), Г. Шпет (3, с. 14 и др.). Разумеется, это обстоятельство не исключает приложения этих категорий к языку в целом. Но в этом случае взаимоотношение формы и содержания языка приобретает весьма обобщенный, глобальный характер, что и отразилось в приведенном выше определении формы В. Гумбольдтом (4, с. 71). В отвлеченности этого определения упрекали В. Гумбольдта некоторые исследователи формы. В соответствии с этим определением (а также и фактически) следует, что мы не можем наблюдать форму языка как таковую во всем ее проявлении, в ее единстве, как и само содержание, а следовательно, и язык в целом, в его существовании в качестве действительного явления. Обо всех этих фактах — о форме, содержании и языке в целом — мы судим по фрагментам их реализации в речевой деятельности человека и по этим частностям пытаемся воссоздать более или менее верное представление об указанных категориях. Именно внутренняя взаимосвязь частных форм свидетельствует о ее един-

стве и определенности. Это единство — объективно и стихийно — проявляется в речеобразовании говорящего, владеющего данным языком.

Диалектика взаимоотношения формы и содержания в языке предполагает, таким образом, относительность их противоположения. Потебня: «Форма и содержание — понятия относительные: В, которое было содержанием по отношению к своей форме А, может быть формой по отношению к новому содержанию, которое назовем С...» (10, с. 178).

В своем формировании языковая мысль претерпевает ряд преобразований. В этом ступенчатом движении мысли, осуществляемом с помощью языка, каждая предшествующая ступень выступает формой последующей, т. е. в такой связи она служит структурным организующим элементом последующей ступени при ее образовании и развитии. Особое место в этом движении, приводящем в конечном итоге к осмысленному соединению звука и значения, занимает внутренняя форма слова.

В пределах языка с помощью внутренней формы слова, т. е. представления или признака, положенного в основу названия, вместе с оформляющими слово грамматическими и словообразовательными аффиксами образуется «ближайшее значение» слова. В такой связке «ближайшее значение» выступает содержанием слова. Но само оно, будучи воспроизводимой в речи логико-семантической рамкой, которая заполняется в речи конкретным предметным содержанием, выступает по отношению к нему формой.

Потебня иллюстрирует противопоставления формы и содержания примерами соотношения различного типа значений как внутри одного и того же языка, так и в разных языках. Если ближайшее значение выступает формальным по отношению к дальнейшему, то «по отношению к грамматическим категориям само это формальное значение является вещественным» (6, с. 20). Однако и это противопоставление окажется относительным, если мы будем иметь в виду разные языки. Понятие формального (грамматического) и содержательного значения меняется от языка к языку. «Есть языки, — пишет Потебня, — в коих подведение лексического содержания под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формою, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют» (6, с. 20).

Наблюдая за характером выражения содержания в языке, по возможности, на всю глубину языковой системы — от значения морфемы до актуального содержания высказывания, образованного в индивидуальных речевых условиях, — мы приходим к выводу, что язык представляет собой синтез синтезов. Сама по себе форма языка есть единство или синтез членораздельного звука (внешняя форма) и «внутриязыковых значений». Форма языка наполняется в акте речи конкретным вещественным значением, в результате образуются смыс-206

лы участвующих языковых единиц, в которых органично сливаются классификационность, абстрагированность внутриязыковых значений, например, значения слова (логико-семантической схемы), и вновь образованный на основе восприятия обозначаемого предмета мыслительный материал. Здесь и происходит синтез синтезов (об этой стороне языка см. монографию Г. Шпета (3)).

Единицы речи — слово, словосочетание, предложение — это всегда единый мыслительный акт, о единстве которого свидетельствует ряд формальных и содержательных его показателей. Эти образования наделены особыми, неповторимыми качествами, отличными от качеств составляющих их элементов и не представляющими собой простой суммы этих качеств. То есть и в этих случаях происходит синтез.

Синтез — идеальный, внешне не выраженный, как правило, процесс. Он и обнаруживается как таковой по несводимости качеств элементов, создавших путем слияния данное явление — новое качественное образование. Отсюда та идиоматичность, которая отмечается лингвистами как существенная черта языковых единиц, особенно наблюдаемая у тех, которые имеют выраженное строение (ср., например, определения значения слова А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева, где идиоматичность лексического значения объявляется существенной его чертой). Так, в строении слова выделяются его отдельные элементы: корень, суффикс, приставка, окончание. Но значение слова как единого целого не есть простая сумма значений этих элементов. Их синтез происходит в мышлении и не отражен видимым их присутствием в составе слова. О синтезе, в частности, свидетельствует исторически меняющееся строение слова, которое может не влиять на его значение (см.: опрошение, переразложение, потеря внутренней формы слова и др.).

Исследование формы и содержания языка, по нашему мнению, не продвинулось в зарубежном и отечественном языкознании со времени В. Гумбольдта и Потебни, рассматривавших эту проблему как фундаментальную в науке о языке. Заявившие об этой проблеме основоположники теоретического языкознания указывали на ее сложность и таинственность. «...Понятие содержания (насколько оно составляет предмет языкознания) и формы слова, — отмечал Потебня, — еще весьма не ясны» (6, с. 71). Высказанные этими учеными продуктивные суждения, хотя и не сведенные в явно выраженную, законченную концепцию, не были творчески использованы в немногих работах по этой теме в последующее время.

В языкознании распространено мнение, что собственно содержанием языка являются закрепленные в лексической системе значения слов (19, с. 352—407; 20 и др.). С этим мнением можно было бы согласиться, если бы авторы указывали на относительность противопоставления формы и содержания в пределах языка. Между тем целью речевого обмена не является сообщение его участниками содержания этих значений. Предварительное знание этих значений является для участников условием обмена мыслями. И было бы весьма странно,

если бы мы вдруг стали объяснять в разговоре, что такое *стол*, *потолок* *есть*, *спать* и т. п. Все это говорит о том, что эти «внутриязыковые значения» выступают в речи формой. Люди, во-первых, не думают о значениях слов, которые употребляют; и, во-вторых, от людей, которые свободно владеют данным языком, и нет оснований ожидать, что они легко сумеют правильно определить значения таких слов. Точное, корректное определение значения требует тонкого языкового чутья и достаточно высокой степени профессионализма. Остроумно писал о возможности говорящих определять значения слов, которые они употребляют, Б. Рассел: «...В утверждении, что человек, правильно употребляющий слово, должен уметь раскрыть его значение, не больше логики, чем в утверждении, что правильно движущиеся планеты должны знать законы Кеплера» (21, с. 38).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967.
2. Мельников Г.П. Истоки и состояние современной системной лингвистики//Лингвистика на исходе XX века: истоки и перспективы. Тезисы международной конференции. М., Т. II. 1995.
3. Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Рамшивили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания//>ибл!>д/я В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
7. Потебня А.А. История русского языка. Лекции, читанные в 1882/3 академическом году в Харьковском университете//Публикация С.Ф. Самойленко//Потебнянысы читаня. Кмв, 1981.
8. Павлов В.М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании//Язык и мышление. М., 1967.
9. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., Т. IV. 1941.
14. Потебня А.А. Основы поэтики//Вопросы теории и психологии творчества СПб 1910. Т. II. Вып. 2.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
16. Овсянко-Куликовский Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли//Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1 (без даты издания). Харьков.
17. Лезин Б.А. Художественное творчество как особый вид экономии мысли//Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1 (без даты издания). Харьков.
18. Овсянко-Куликовский Д.Н. Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного)//Собр. соч. СПб.,
19. Галкина-Федорук ЕМ О форме и содержании в языке//Мышление и язык. М.,
20. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. Минск, 1989.
21. Analysis of Mind. London, 1924/Цит. по: Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1974.

VIII. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

§ 68. НАУКИ, ИЗУЧАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Проблема значения в современном языкознании — одна из самых сложных и активно разрабатываемых проблем. И это естественно. Назначение языка — выражать мысли, осуществлять обмен мыслями, который обеспечивается значениями языковых единиц.

Проблемой значения слова, основной единицы языка, начали заниматься давно; ею живо интересовались мыслители Древнего мира и Средневековья. По мере развития языкознания исследование значения слова и других единиц языка специализировалось, превращаясь в отдельную, а вернее — в отдельные области знания в пределах частного и общего языкознания.

Наука, изучающая значения слов и других языковых единиц, называется с е м а с и о л о г и е й, или семантикой. Первый термин ввел в научный обиход немецкий ученый С.Х. Рейзиг в «Лекциях о латинском языке» (1839); синонимичный термин семантика — М. Бреаль в своем «Опыте семантики» (1895) (1, с. 74 и ел.; 2, с. 5; 3, с. 14 и ел.). Если первоначально семасиология, или семантика, занималась изучением значения слова, интересуясь при этом преимущественно закономерностями изменения значений слов (это направление семасиологии было особенно активным в немецком языкознании), то в последующее время, особенно в XX в., она значительно расширила свои границы, исследуя значения всех двусторонних единиц языка и их структур — морфем, словосочетаний, фразеологизмов, различных лексикализованных сочетаний слов, предложений. Таким образом, под семасиологией (семантикой) в настоящее время понимают науку, изучающую содержание, внутреннюю сторону языковых единиц. Предметом изучения семасиологии являются значения языковых единиц, их типология, а также такие явления в области их значений, как многозначность, синонимия, омонимия, гиперонимия, гипонимия и др. Смежными с семасиологией науками, в известной степени пересекающимися с ней, являются э т и м о л о г и я и о н о м а с и о л о г и я.

если бы мы вдруг стали объяснять в разговоре, что такое *стол*, *потолок*

есть, спать и т. п. Все это говорит о том, что эти «внутриязыковые значения» выступают в речи формой. Люди, во-первых, не думают о значениях слов, которые употребляют; и, во-вторых, от людей, которые свободно владеют данным языком, и нет оснований ожидать, что они легко сумеют правильно определить значения таких слов. Точное, корректное определение значения требует тонкого языкового чутья и достаточно высокой степени профессионализма. Остроумно писал о возможности говорящих определять значения слов, которые они употребляют, Б. Рассел: «...В утверждении, что человек, правильно употребляющий слово, должен уметь раскрыть его значение, не больше логики, чем в утверждении, что правильно движущиеся планеты должны знать законы Кеплера» (21, с. 38).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967.
2. Мельников Г.П. Истоки и состояние современной системной лингвистики//Лингвистика на исходе XX века: истоки и перспективы. Тезисы международной конференции. М., Т. II. 1995.
3. Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Рамшвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания//у.мбьл&Ли В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
7. Потебня А.А. История русского языка. Лекции, читанные в 1882/3 академическом году в Харьковском университете/Публикация С.Ф. Самойленко//Пот ебняньско читаня. Кмв, 1981.
8. Павлов В.М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании//Язык и мышление. М., 1967.
9. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- И. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., Т. IV. 1941.
14. Потебня А.А. Основы поэтики//Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. II. Вып. 2.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
16. Овсянко-Куликовский Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли//Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1 (без даты издания). Харьков.
17. Лезин Б.А. Художественное творчество как особый вид экономики мысли//Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1 (без даты издания). Харьков.
18. Овсянко-Куликовский Д.Н. Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного)//Собр. соч. СПб., 1914. Т. VI.
19. Галкина-Федорук Е.М. О форме и содержании в языке//Мышление и язык. М., 1957.
20. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. Минск, 1989.
21. Analysis of Mind. London, 1924/Цит. по: Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1974.

VIII. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

§ 68. НАУКИ, ИЗУЧАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Проблема значения в современном языкознании — одна из самых сложных и активно разрабатываемых проблем. И это естественно. Назначение языка — выражать мысли, осуществлять обмен мыслями, который обеспечивается значениями языковых единиц.

Проблемой значения слова, основной единицы языка, начали заниматься давно; ею живо интересовались мыслители Древнего мира и Средневековья. По мере развития языкознания исследование значения слова и других единиц языка специализировалось, превращаясь в отдельную, а вернее — в отдельные области знания в пределах частного и общего языкознания.

Наука, изучающая значения слов и других языковых единиц, называется с е м а с и о л о г и е й , или с е м а н т и к о й . Первый термин ввел в научный обиход немецкий ученый С.Х. Рейзиг в «Лекциях о латинском языке» (1839); синонимичный термин семантика — М. Бреаль в своем «Опыте семантики» (1895) (1, с. 74 и ел.; 2, с. 5; 3, с. 14 и ел.). Если первоначально семасиология, или семантика, занималась изучением значения слова, интересуясь при этом преимущественно закономерностями изменения значений слов (это направление семасиологии было особенно активным в немецком языкознании), то в последующее время, особенно в XX в., она значительно расширила свои границы, исследуя значения всех двусторонних единиц языка и их структур — морфем, словосочетаний, фразеологизмов, различных лексикализованных сочетаний слов, предложений. Таким образом, под семасиологией (семантикой) в настоящее время понимают науку, изучающую содержание, внутреннюю сторону языковых единиц. Предметом изучения семасиологии являются значения языковых единиц, их типология, а также такие явления в области их значений, как многозначность, синонимия, омонимия, гиперонимия, гипонимия и др. Смежными с семасиологией науками, в известной степени пересекающимися с ней, являются э т и м о л о г и я и о н о м а с и о л о г и я .

Об этимологии в достаточной мере говорится во «Введении .. языкознание» и других лингвистических курсах. Кратко охарактеризуем ономастиологию как лингвистическую дисциплину, изучающую значение слова и имеющую свой к нему подход.

О н о м а с и о л о г и я (греч. *онома* — имя, обозначение) как отрасль языкознания понимается языковедами по-разному: в широком и узком смысле. В широком смысле слова она исследует различные способы номинации в языке, совпадая тем самым частично с изучением языкового знака вообще, способов его образования. Истоки такого понимания ономастиологии восходят к глубокой древности, поскольку природа названия и отношение имен-названий к обозначаемому издавна интересовала мыслителей Древнего мира и Средневековья.

Ономастиология в узком смысле слова — сравнительно молодая отрасль лексикологии, в известном отношении противопоставляемая семасиологии по своему методу изучения лексики языка, значений слов. Если семасиология исходит из отдельного слова и интересуется его значением или значениями, то ономастиология, напротив, идет от обозначаемой вещи или понятия и исследует различные их обозначения в языке. Семасиология, таким образом, исследует различные значения слов, в то время как ономастиология — различные обозначения понятия или вещи. Очевидно, что ономастиология имеет прямое отношение к идиографии и синонимии языка. Ономастиологический и семасиологический аспекты изучения слов можно показать в следующей схеме.

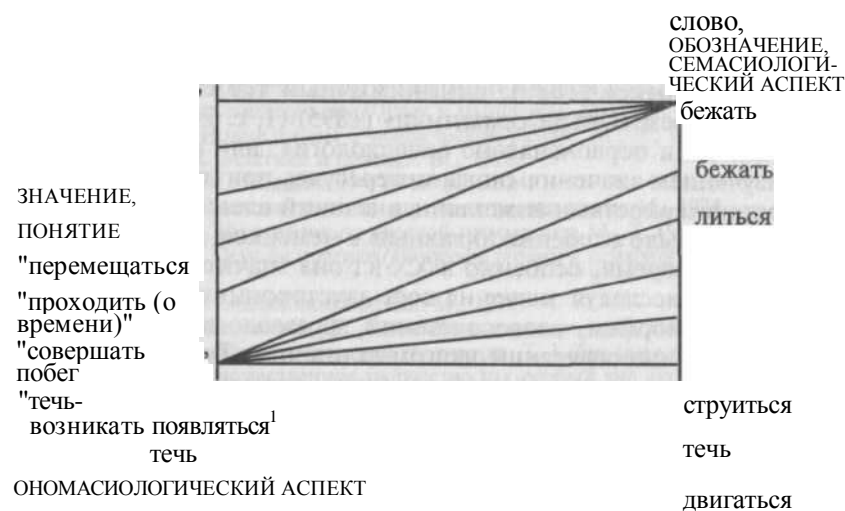

Рис. 7

Оба метода исследования — ономастиологический и семасиологический — тесно связаны между собой. Их различие сказывается в подготовке словарей на семасиологической или ономастиологической

основе. В соответствии с семасиологическим подходом создаются различные алфавитные словари и энциклопедии, в которых при каждом Слове приводятся его значения. При ономастиологическом подходе, напротив, словари включают вещественные группы слов или понятийные поля по их словарному обозначению в языке, с подразделением групп и полей до синонимических рядов (ср., например, такие тематические и семантические поля: обозначения цвета, чувств, движения, частей человеческого тела, растений, диких и домашних животных, слова речи и др.).

Ономастиология уделяет большое внимание синонимии, поскольку изучение последней отвечает на главный ономастиологический вопрос: как обозначается в языке данное понятие или предмет и как изменяются в языке их наименования («подвижки синонимов»). Такой аспект изучения словарного состава языка имеет прямое отношение к важным языковым проблемам, как например: характер изменения словарного состава, развитие семантической и стилистической системы языка, смена таких систем, факторы, влияющие на эти изменения и др. Примером словарей ономастиологического характера являются идеографические и синонимические словари.

Становление и развитие ономастиологии связано с именами таких ученых, как Р. Мерингер, Г. Шухардт, Ф. Дорнзайфф.

§ 69. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Главной проблемой лингвистической семантики была и остается проблема значения слова. Слово — основная значимая единица языка, и как таковая она аккумулирует и закрепляет в своей внутренней стороне итоги познания говорящим коллективом действительности. За словом нам является в «снятом» виде отраженный в нашем сознании и организованный в опыте определенный отрезок действительности. Лексическая семантика, закрепленная в значениях слов, является тем семантическим порогом, с которого начинается специальное, научное познание действительности, которое в своем углублении в изучаемую действительность тем не менее не порывает своих родственных связей с общей семантикой.

Общим методологическим итогом активного изучения семантики слова является убеждение, что значение слова представляет собой идеальную структуру, сложную и — одновременно — динамичную и подвижную как в непосредственном отражении предметов и явлений действительности, так и в процессе своего исторического развития. Именно благодаря такой своей природе значение слова, с одной стороны, способно обобщать и сохранять в системе мыслительные результаты отражения действительности говорящим коллективом, с другой, — прилагать их для более полного понимания и отражения, в

свою очередь, конкретных предметов и явлений действительности, встречающихся в речевой практике. В отечественной науке сложилась прочная языковедческая и философская традиция в лице прежде всего таких языковедов и философов, как А.А. Потебня, М.М. Покровский, П.А. Флоренский, В.В. Виноградов, А.Ф. Лосев и др., отстаивающих такое или близкое к нему понимание значения. Разумеется, свидетельства подобного представления о лексическом значении мы находим и в зарубежной науке. Как сложное и неоднородное явление человеческого духа рассматривал значение В. Гумбольдт; в таком или сходном отношении рассматривали значение и многие другие зарубежные ученые — Г. Пауль, Г. Фреге, С. Ульманн, Ш. Балли, О. Эрдманн, У. Вайнрайх, Т. Шиппан и др.

В свое время Потебня указывал на существенное качество значения слова — его подвижность и гибкость в речи. Такое свойство значения обеспечивает взаимопонимание людей в общении, в живой изменяющейся действительности. Он писал в связи с этим: «...Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать друг друга» (4, с. 180).

Среди отечественных ученых функциональную точку зрения на значение как на подвижную идеальную структуру с широкими философских позиций последовательно отстаивал А.Ф. Лосев. Согласно ему, значение слова представляет собой ряд диалектических «моментов тождества», реализуемых в зависимости от конкретных речевых условий: тождества слова и понятия, слова и предмета, слова и образа, слова и смысла и др. (5, с. 68 и ел.).

Такое понимание значения предполагает наличие в нем семантических элементов и выполнение в речи различных функций, которые в итоге и создают сложную, подвижную структуру значения, но одновременно не нарушают ее единство и тождество. В значении прежде всего выделяются присущие слову, определяющие элементы; это обобщение (образ, понятие, сигнификат), закрепленное за словом, существующее, в нем в отвлечении от конкретных применений в речи, где слово наполняется индивидуальным предметным содержанием. Это «внутриязыковое значение», или *ф о р м а*, в которую облекается «внеязычное содержание», благодаря чему слово обретает в речи конкретный смысл, «предметную отнесенность». Владение этим обобщением в слове всеми говорящими на данном языке обеспечивает их взаимопонимание в общении, позволяет отражать и обозначать в различных речевых условиях, разделенных во времени и пространстве, определенные факты, явления, ситуации.

Ниже мы кратко охарактеризуем те элементы семантической структуры слова, которые присутствуют в описании семантики любого языка, но которые, к сожалению, не получили в языкознании более или менее общепринятого понимания.

В современной лингвистике существует большое количество определений значения слова, что связано со сложным, функционально многообразным и подвижным его характером. Под значением понимают: понятие, «формальное понятие», «наивное понятие»; предмет, обозначаемый словом; употребление слова, лексикосемантический вариант; информацию или инвариант информации, передаваемый словом; набор дифференциальных семантических признаков, реакцию человека на слово, минимальную формулу дистрибуции слова... Очевидно, что такое сложное и подвижное идеальное явление, как значение слова может иметь много определений, выделяющих различные его стороны, в том числе и существенные. Но при всей своей подвижности и многофункциональности значение слова имеет известный набор категориальных «моментов тождества», которые не разрушают его единство и отражают свойственные слову связи с обозначаемой словом действительностью. И нет оснований предполагать, что в каждом применении слова реализуются все идеальные образования, которые закреплены за словом как знаком. В значении слова эти образования откладываются практикой общения и существуют в слове потенциально. Их формирование и закрепление за словом не одновременно; их реализация и актуализация происходит под непосредственным воздействием действительных фактов, задач общения. Обозначение образа, понятия, класса предметов, соответствующих им, свойственные слову стилистические или эмоциональные характеристики, оттенки значения и др. могут быть закреплены за тем или другим словом. Однако одновременная актуализация этих образований в слове, в его конкретном применении невозможна.

Ж. Вандриес замечал: «...Вне зависимости отданного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» (6, с. 17).

И хотя, как это отмечается в литературе и как это видно из сказанного выше, значение слова не равно понятию, а включает другие мыслительные образования, коннотации, имеет подвижный характер, выполняя различные функции в речи, тем не менее его существенной, определяющей стороной является обобщение, понятие, представляющее собой обширное «семантическое пространство», под которое на основе существенных, отличительных признаков подводится открытый класс предметов. В семантике слова в зависимости от его употребления происходят закономерные категориальные сдвиги, видоизменения, которые, собственно говоря, и составляют наряду с другими признаками своеобразие лексического значения по сравнению с понятием как логической формой нашего мышления. Слово в разных условиях своего употребления является знаком неразрывно связанных, взаимно

предполагающих друг друга, но различных семантических функций (см. ниже). Понятие при этом оказывается одной семантически предельной функцией слова, мыслительной схемой, в пределах которой возможны более частные семантические функции слова.

В качестве примера для анализа лексического значения, его семантических функций возьмем имя существительное, занимающее в системе языка особое место как в семантическом, так и в грамматическом отношении.

Изучение значения слова должно быть конкретизированным в языковом отношении. Как подчеркивал В.В. Виноградов, значение слова зависит от свойств той части речи, к которой оно принадлежит, а в пределах ее — от грамматических категорий и грамматических форм (7, с. 65 и сл.). Учет этих и других языковых факторов поможет приблизить изучение значения слова к действительному положению вещей, обнаружить реальные его свойства.

Значение слова конкретно объективируется в словоформе. Словоформа является тем единством, в котором выражаются лексические и грамматические значения. Она реализует и актуализирует только определенные стороны лексемы в соответствии с конкретной задачей отражения той или другой стороны обозначаемого фрагмента действительности.

Вскрытие внутренней стороны лексического значения требует конкретного анализа и обобщения значений словоформ, их типичных применений. При этом анализ должен быть как собственно семантический, так и ономаσιологический. Анализ парадигмы слова в ономаσιологическом отношении очерчивает то реальное пространство, которое охватывается словом. Он устанавливает границы и аспект отражения действительности и тем самым обнаруживает связь и взаимоотношение действительных фактов известного порядка с основными семантическими функциями значения.

Для имени существительного, служащего прежде всего обозначением предметов, характерен ряд функций, например обобщения, обозначения отдельного предмета определенного класса или разных их совокупностей, отношения к обозначаемому существительным предмету или классу предметов и др. Язык «упростил» выражение этих функций. Их выполняет одно и то же слово в различных своих формах и в различных условиях употребления без разрушения своей парадигмы, без нарушения единства своего значения, моделируя тем самым характер существования действительных предметов определенного класса и их вхождение в человеческий опыт. Слово в современном языке — это знак с заданной сложной семантической структурой, являющейся итогом длительной эволюции языка и мышления и отражающей в этой эволюции выработанные в практике общения категориальные взаимоотношения между человеком и действительностью.

Возьмем ряд предложений.

- 1) *До леса оставалось совсем недалеко.*
Ему дали прочитать интересную книгу.
- 2) *Берегите лес (= леса)! Лес (=леса) — наше богатство/*
Книга (= книги) — источник знания.
- 3) *Окружающий воздух напоен запахами леса.*
Заглавие книги выполнено броско.
- 4) *В зоопарках живут многие обитатели леса (= лесов).*
Выставка книги (= книг) открыта в нашем городе.

В перечисленных предложениях словоформы лексем *лес*, *книга* обозначают: в 1) — индивидуальный предмет определенного класса; в 2) — класс предметов; в 3) — отношение к отдельному предмету, обозначенному данным существительным; в 4) — отношение к классу или совокупности предметов известного порядка.

Функциональная подвижность значения закономерна, т. е. является выражением внутренних категориальных семантических отношений. И в этой связи, надо полагать, она изоморфна существованию предметов действительности. Отдельный предмет и класс соответствующих предметов, будучи обозначенными одним и тем же словом, выглядят полюсами в его речевой семантике, или его речевых смыслах. На самом деле их отражение в мысли образует неразрывное единство, выступая лишь как отдельные функции значения. Этому единству соответствует диалектический характер существования реальных предметов. Предмет обладает как родовыми признаками, объединяющими его с определенным классом предметов, так и индивидуальными, отличающими его от всех других предметов данного порядка. Предмет существует в своей определенности, тождественности самому себе, но он может выступать и как отношение к другому или другим предметам. В примерах 3) и 4) значение предмета, класса предметов (ср. обобщение, понятие) преобразуется в отношение к ним, т. е. в признак, выступающий составным элементом в другом расчлененном наименовании, почему возможны трансформации родительного принадлежности существительного в относительное прилагательное: *запахи леса = лесные запахи*, *обитатели леса = лесные обитатели*, *заглавие книги = книжное заглавие*, *выставка книг = книжная выставка*.

Названные выше идеальные образования, которые выражаются парадигмой слова, можно представить для наглядности в виде «древесных колец» — центрального, или глубинного, и подвижного внешнего. Если к этому добавить грамматические значения слова, которые, как известно, могут носить лексико-грамматический характер, то внутренняя сторона существительного будет представлена в виде трех «древесных колец» — А, Б, В (см. рис. 8).

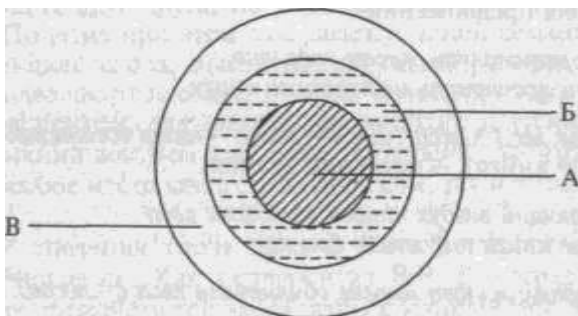

Рис.8

Глубинный слой (А) — определяющий. Он выражает семантическую индивидуальность слова, содержит существенные, отличительные признаки. Лексикографически значение отождествляется с этим слоем. Это семантическое ядро слова, и как таковое оно по своей природе предикативно: называя новый в опыте предмет данным именем, мы тем самым квалифицируем его, относим к определенному ряду предметов. Такая квалификация может быть целиком внутренней, специально не выраженной: сам предмет выступает как бы субъектом, а предикатом — его название: *У дороги вырос я с ень* (а не другое какое-либо дерево). В явном виде такая квалификация приобретает вид двучленного предложения (*Это дерево — я с ень*), где сказуемое акцентирует понятийные признаки значения, т. е. оживляется содержание значения, его отличительные признаки и вообще наше знание о соответствующем классе предметов. Понятие, входя в качестве мыслительного ядра в значение слова, вместе с тем не исчерпывает его содержание (ср. стилистические и семантические оттенки, образность, эмоциональность). Более того, глубинный слой может вообще не содержать логически расчлененной квалификации и классификационности, а представлять собой образ (образную ситуативную характеристику (см. ниже).

Способность слова называть, по актуальному взаимодействию с действительными фактами, то отдельный предмет, то класс предметов, то отношение к ним и др., мы условно отнесем к среднему слою значения (Б). В типичном употреблении слова, когда речь идет о привычных, окружающих нас предметах, слово и предмет отождествлены, и квалификация предмета с помощью слова остается «за кадром». Глубинный слой не актуализируется, он служит лишь логической рамкой, управляющей правильным приложением слова к отдельному предмету; слово выступает простым заменителем предмета. Слой (Б)

своими функциями напоминает грамматические значения (ср., например, ед. и множ. число). Но считать указанные модификации значения слова грамматическими нет оснований. Так, одна и та же грамматическая форма, например им. п. ед. числа существительного может обозначать как отдельный предмет, так и класс предметов, а также понятие; то же можно сказать обо всей парадигме ед. числа. В свою очередь мн. число не обязательно обозначает целый класс предметов, оно может обозначать различные совокупности предметов или один предмет.

Внешнее кольцо (В) символизирует грамматические значения слова; они сопутствуют лексическому и носят не только формальный характер, но и затрагивают реальные взаимоотношения обозначаемых явлений (ср. лексико-грамматические категории числа, падежа, рода, вида и др.). В результате они тесно смыкаются с лексическими значениями, особенно с их подвижным внешним слоем. Будучи постоянно сопутствующими, грамматические значения имеют в слове свой постоянный знаковый показатель, в то время как семантические функции подобного показателя не имеют.

Выше мы рассмотрели функциональную подвижность номинативного значения существительного; разумеется, семантические функции других частей речи и других типов лексического значения существенно различаются. Так, если предикативная функция прямого, номинативного значения существительного — это логически расчлененная квалификация и определение, основанное на актуализации и вскрытии действительных отношений предиктируемого предмета, то, например, у синтаксически обусловленного типа значения — это образная, эмоциональная характеристика и оценка, основанная на активном ассоциативном соподразумевании предметов, картин... Это значение замыкается в глубинном слое, причем характер глубинного слоя — не логический. Семантическая структура такого значения логически не расчленена, как у прямого, номинативного; единство и отвлеченность этого значения обусловлены образом. Такие слова и фразеологизмы, представляющие собой образную, эмоциональную характеристику и оценку действительных фактов, не занимают какое-либо определенное место в количественной, качественной семантической градации или в логическом соподчинении понятий (ср. гиперонимы, гипонимы): *Не дом, а загляденье! Не житье, а масленица}. Весь урок проспал, сонная тетеря!* и т. п.

Кроме понятия, семантика слова включает и другие идеальные образования, одни из которых могут быть постоянными элементами значения, другие — непосредственно образовываться в акте речи. Ниже мы кратко их охарактеризуем.

§ 71. СЛОВО И ОБРАЗ. О ПРИРОДЕ НАЗВАНИЯ

В § 55 мы рассмотрели образ как форму мысли и ее выражение в языке, словесности и других видах человеческого творчества.

В данном параграфе мы обращаем внимание на роль образа в семантической структуре слова. Природа названия на протяжении всей наблюдаемой истории человеческого языка такова, что она предполагает образное представление вновь называемого предмета. Понятие формируется уже потом по итогам познания обозначаемого предмета в речевой практике сообщества.

Объективный, необходимый характер наименования в языке нового предмета или явления заключается в том, что его обозначение невозможно вне отношения к другому предмету или явлению и его названию. В языке нет «свободных», «незанятых» слов, которые могли бы использоваться по мере надобности при обнаружении новых фактов, требующих наименования. Поэтому в новых названиях предметы и понятия обозначаются через отношения к другим предметам и понятиям и их обозначениям. Значение слова формируется с помощью отношения к значению другого слова либо к предшествующему значению одного и того же слова (в случае многозначности) по результатам человеческой деятельности, направленной на обозначаемый предмет. Это отношение выступает в слове *п р и з н а к о м*, или «смысловым знаком» (Потебня) нового слова или значения.

Функциональное значение вновь образованного слова не равно этому признаку. Значение — это совокупность многих признаков, поскольку оно есть отражение действительного предмета, обладающего множеством признаков. Но одновременно значение не может быть представлено, понято и выражено вне отношения к старому знанию и его обозначению. Признак и представление с его помощью нового значения — необходимый прием, способ, форма образования и выражения нового содержания. Между признаком и значением всегда наблюдается неравенство. Такая форма образования и выражения содержания в процессе человеческой деятельности и общения представляет собой *о б р а з н о е п о з н а н и е*. Образ — постоянная, необходимая стихия вновь возникающего слова и его значения.

Образ как необходимая форма познания предшествует понятию об обозначаемом предмете или явлении действительности. Согласно концепции Потебни, образ также представляет собой отвлечение (или схему). Но это отвлечение по своей природе не логическое, не классификационное. В образном слове отвлечение первоначально происходит, как правило, по одному характерному, показательному признаку, по которому в сознании человека создается представление об обозначаемом предмете и определенное его понимание. Для того чтобы у всего говорящего сообщества создалось одинаковое или сход-

ное представление об обозначаемом, необходимо, чтобы и отношение признака к значению и, как результат, понимание обозначаемого не вызывали у говорящих затруднения. Образ должен быть общепонятным, народным. Понятность образа обеспечивает взаимопонимание между членами сообщества. Футбол, например, должен занимать определенное место в жизни и интересах коллектива, быть ему хорошо известен, чтобы понимание такого глагола, как *отфутболить* («отослать к кому-либо») не вызывало затруднений (ср. современные названия: *перестройка, челнок, челночить, гайдарономика, прихватизация* и т. п.). В свою очередь, это взаимопонимание свидетельствует об известной общности сознания коллектива в тот или другой период его истории. Потому в сознании современного человека одни признаки легко вызывают представление об обозначаемом, другие же, особенно у слов, образованных в исторически отдаленное время, требуют известного напряжения мысли, знания условий жизни и быта людей прошлого, особенностей их мировосприятия и др. Раскрытие таких признаков (а следовательно, и словообразовательных связей) нередко нуждается в этимологическом анализе. Ср. названия, как правило, с мотивирующими значение слова признаками:

цвета {*коричневый, салатный, вишневый, фиолетовый, небесный, свекольный, морковный, изумрудный...*};

ягод {*смородина, черника, голубика, земляника, рябина, костяника...*};
грибов {*боровик, подберезовик, подосиновик, опенок, лисички, рыжик, сыроежка, волнушка...*};

цветов, растений {*колокольчик, незабудка, львиный зев, василек, гвоздика, Иван-чай, анютины глазки, перекати-поле, пустырник, тысячелистник, метелка, чертополох, мать-мачеха, кашка...*};

состояния человека {*рассердиться, разгневаться, вскипеть, вспылить, взорваться, вспыхнуть, взвиться, выйти из себя, утихомириться...*} и т. п.

Образ, внутренняя форма слова наряду с его внешней формой являются необходимым, постоянно действующим в языке способом формирования нового слова и его значения; потому образ — это существенный элемент семантической структуры слова.

Значение слова на первых порах весьма зависимо от представления, заложенного в слове, его признака. Однако на всех этапах развития значения оно никогда не равно этому признаку уже потому, что значение отражает предмет, обладающий множеством признаков. Убытие воздействия признака на значение прямо зависит от развития в слове абстракции, обобщения. Обобщение же растет по мере приложения слова все к новым и новым предметам определенного порядка, открытия и познания в деятельности людей новых признаков данного предмета, приписываемых ему в речи. Совокупность таких открытых

и познанных признаков образует понятие об обозначаемом классе предметов.

Обновление номинативных средств языка, в том числе и тех, которые обозначают предметы и понятия, постоянно сопутствующие жизни человека, исторически происходят постоянно. В этом обновлении выражается новое представление и понимание обозначаемого, открытие в нем новых сторон, изменение его роли в жизни людей и пр. В.В. Виноградов писал, что внутренняя форма слова — «это образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими и культурно-историческими особенностями среды и эпохи» (8, с. 17—18).

С течением времени под воздействием развития в слове абстракции современность образа претерпевает изменения, теряется его живость, актуальность. Образ становится историческим; этимологические исследования раскрывают часто странные, по нашим современным меркам, представления, заложенные в слове (ср., например, значения весьма активно употребительного в древнерусском языке слова *верста*: 1. Возраст. 2. Зрелый возраст. 3. Сверстник, товарищ. 4. Чета, пара. 5. Мера пространства. 6. Порядок, ряд и др.).

Забвение образа, превращение внутренней формы в этимологическое значение, развитие несоответствия и даже противоречия между внутренней формой и значением (ср. хрестоматийные *красные чернила*) исторически закономерны, но также закономерно и название новых предметов и явлений по какому-либо определяющему в данной ситуации признаку или признакам. Это внутреннее противоречие заложено в самой природе названия и значения.

Образность является наряду с понятием существенной характеристикой слова. Поэтому пока язык жив, его изобразительность не оскудевает. Образность слова связана с его понятностью. Две стихии — образность и абстрактность (по словам Потебни, поэтичность и прозаичность языка) жизненно важны для языка, для общения и отражения действительности. Потебня в связи с этим писал: «...Какой бы отвлеченности и глубины не достигала наша мысль, она не отделяется от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к своей исходной точке, представлению. Язык есть не только материал поэзии, как мрамор — ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова» (9, с. 157).

§ 72. СЛОВО И ПРЕДМЕТ

Весьма часто значение определяют как способность слова обозначать предмет или как тождество слова и предмета. Так, например, Г. Фреге считал, что значением имени является обозначаемый именем

предмет. Однако подобные определения нуждаются в пояснении. Если имеется в виду конкретный предмет, то такое определение языкового значения слова практически нереально: трудно представить, чтобы говорящие, разобщенные во времени и пространстве, обозначали один и тот же предмет или явление (разумеется, речь идет о нарицательных именах, составляющих основную массу номинативных средств языка, а не именах собственных). Обозначение же словами предметов одного и того же класса вполне согласуется с пониманием значения как реализованного в слове понятия. Именно понятие, т. е. мысль о классе предметов, логическая классификационность и квалификационность этой мысли, позволяет слову в разных условиях и в разное время обозначать предметы одного порядка. Таким образом, именно в силу того, что за словом как знаком стоит обозначаемое понятие, слово может обозначать соответствующий класс предметов, различные их совокупности либо отдельные предметы этого класса.

Как известно, самое богатое своими признаками — конкретное. Отсюда возможность обозначения конкретных предметов множеством названий¹. Между словом как знаком, носителем значения (понятия) и обозначаемым им предметом существуют отношения полярности и одновременно единства. Слово может обозначать как открытый класс предметов (либо их различные совокупности), так и отдельный предмет этого класса. В свою очередь, конкретный предмет может быть обозначен теоретически бесконечным количеством названий (как однословных, так и неословных), значения которых будут отражать различные признаки предмета. Здесь конкретно обнаруживаются особенности и возможности человеческого познания и участия в нем языка. Наше знание о предмете выражается в совокупности суждений о нем, т. е. в приписанных ему в этих суждениях признаках. На этой почве образуются разноименования для одного и того же предмета или явления, которые в языкознании определяются как речевые (контекстуальные, денотативные, окказиональные) синонимы. В результате предмет, подпадающий под определенное понятие, оказывается фокусом приложения многих понятий. Так, например, главный герой «Евгения Онегина» Пушкина назван в романе многими именами {*Онегин, герой моего романа, добрый мой приятель, ребенок, дитя, ученый мальчик, педант, глубокий эконо́м, мой проказник, театра злой законодатель, непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис...*}. Разумеется, многими именами могут быть названы предметы, существа, обозначаемые нарицательными именами. Так, в

¹ С другой стороны, предельно абстрагированное понятие, например число, также имеет бесконечный ряд обозначений. Так, единица выражается в бесконечном ряде равенств: $1 = 3 - 2 = y = \sqrt{7} = 5 - 4$ ит. д.

одном газетном очерке уссурийский тигр был назван именами: *тигр, огромная кошка, ночной разбойник, убийца, вредное животное, ценное и тщательно оберегаемое животное, полосатая кошка, «заклятый враг», прекрасный зверь, полосатое совершенство, полосатый бродяга, наш амурский тигр, царь тайги...* Обозначая отдельные признаки предметов, существ, такие наименования одновременно выполняют в речи «синонимическую» роль, а точнее — функцию разноименования.

По мнению многих исследователей семантики слова, предметная, или перцептивная, функция слова как основного языкового знака одна из самых главных. В этой функции слово, или имя, выступает заместителем предмета. О способности слова выступать знаком как различных связанных с ним мыслительных образований, так и собственно предмета Потебня писал: «Мысль наша по содержанию есть образ или понятие; третьего, среднего между тем и другим, нет; но на пояснении слова понятием или образом мы останавливаемся только тогда, когда особенно им заинтересованы, обыкновенно же ограничиваемся одним только словом. Поэтому мысль со стороны формы, в какой она входит в сознание, может быть не только образом или понятием, но и представлением или словом» (9, с. 126).

Г. Фреге, указывая на предикативную природу понятия, подчеркивал, что слово как знак естественного языка обозначает его лишь в определенных своих употреблениях; обычно же слово обозначает предмет, который, по Г. Фреге, и выступает его значением (10, с. 182 и сл.). Г. Фреге считал, что логически строгое применение знаковой системы предполагает разграничение тех знаков, которые обозначают предмет или понятие. И в своем искусственном языке логических исчислений он такие знаки разграничивал. В естественном языке такие функции не разграничиваются в знаках; слово может обозначать в разных условиях речи предмет, понятие, отношение, не нарушая своего тождества. Эти обозначения словом выступают как его внутренние семантические функции, своего рода подвижки внутри семантического пространства, очерченного понятием как классификационной логической схемой.

А.Ф. Лосев рассматривал предметную, перцептивную функцию слова как весьма важную в развитии языка и мышления. Он, в частности, писал: «...Знак вещи всегда именно демонстрирует эту вещь, вырывая ее из смутного и непознаваемого (потому что нерасчлененного) потока действительности. Если мы обозначили данную вещь и если мы назвали данную вещь, то уже тем самым сделали ее предметом нашего ясного и расчлененного как ощущения, так и мышления. В этом смысле значение языка в истории мышления огромно. Едва ли даже вообще возможны история мышления, да и само мышление, если оно не оперирует обозначенными предметами» (5, с. 87).

О понятии как форме человеческого мышления, его связи с образом и способах выражения в языке мы говорили в § 57. Здесь мы обратим внимание на место понятия в семантической структуре слова и отличие понятия от значения.

В истории языкознания значение слова нередко отождествлялось с понятием. Большое влияние на такое понимание семантики слова оказало логическое направление в языкознании, которое, по сути дела, отождествляло значения таких единиц, как слово и предложение, с логическими категориями — понятием и суждением.

Учитывая обобщающую и классифицирующую природу значения слова, мы, разумеется, не можем пройти мимо понятия; и языкознание не может обойтись без обращения к этой форме мысли, которая находит выражение в языке и имеет закономерные отношения с единицами языка и их значениями. Понятие формируется в языке, его образование невозможно без участия слов, т. е. без выражения и закрепления с помощью слов признаков и отношений отражаемого предмета или явления действительности, обнаруживаемых и познаваемых в процессе человеческой деятельности. «Слово,— писал Потебня,— ...есть средство образования понятия, и притом не внешнее, не такое, каковы изобретенные человеком средства писать, рубить дрова... и проч., а внушенное самую природою человека и незаменимое» (4, с. 165).

Понятие определяют как мысль о классе предметов, как совокупность существенных, отличительных признаков, по которым вычленяется из действительности определенный класс предметов или явлений. Поскольку понятие представляет собой совокупность вычлененных и познанных признаков, оно не может быть одноактным. Поэтому слово само по себе не выражает содержания понятия, оно служит только указанием на него, его представителем, знаком. «Всякое суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ можем назвать аналитическим познанием образа. Такая совокупность есть понятие» (9, с. 120). Поэтому истоки научного познания действительности восходят к общепотребительному языку, начинаются с формирования в нем понятий: «...Единственный строительный материал науки есть понятие, составленное из объектированных уже в слове признаков образа» (4, с. 195).

И образ, и понятие, как определенные формы человеческой мысли, характеризуются единством и общностью; это единство и общность не являются исключительным созданием слова. Несмотря на субъективность форм человеческой мысли, это единство и общность зависят от отражаемой действительности. «Понятие,— писал Потебня,— развивается только то, что дано уже до него» (4, с. 218). Одновременно понятие

характеризуется ясностью мысли, поскольку оно представляет собой совокупность вычеленных и познанных признаков. Вычеление признаков есть одновременно систематизация и классификация обозначаемого предмета. Понятие — это классифицирующая и квалифицирующая мысль. В понятии по мере отвлечения отличительных, существенных признаков исключается все случайное и развивается определяющее, необходимое. Поэтому формирующиеся в течение весьма длительного времени в общеупотребительном языке понятия являются предтечей, пороком, с которого начинается образование и развитие собственно специальных, научных понятий.

Из сказанного становится очевидным, что слово является необходимым средством формирования и обозначения понятия, иными словами, — познания действительности и закрепления этого познания в языковом знаке. «Как без языка, — писал Гумбольдт, — невозможно образование понятия, так без посредства его недоступен нашей душе никакой предмет: даже внешние предметы получают для нее полную существенность только при посредстве понятия» (11, с. 56).

Многие ученые отождествляют значение слова и понятие. Однако в свете сказанного для такого отождествления нет достаточных оснований. Приведем высказывания сторонников такого подхода.

Л.В. Щерба: «...В основе «значений» так или иначе лежат понятия» (12, с. 4).

Д.С. Кацнельсон: «...Значение слова в своем концептуальном содержании соответствует формальному понятию» (13, с. 19).

Ю.Д. Апресян под значением понимает «наивное понятие» (14, с. 56, 69).

Л.С. Выготский: «Значение слова с психологической стороны... есть не что иное, как обобщение или понятие. Обобщение и значение суть синонимы» (15, с. 262).

С другой стороны, весьма распространено и противоположное мнение, что значение слова и понятие — явления разного порядка; они самостоятельны и не соотносительны, будучи категориями разных наук и обладая не тождественным содержанием. К тому же если значения слов, как элементы конкретных языков, национальны, то понятие — категория мышления, имеющая общечеловеческий характер. Понятие — единица логического, а не лингвистического анализа. Оно может быть выражено различного рода сочетаниями слов, в то время как речь идет о значении отдельного слова и т. д. Однако эти полярные точки зрения вызывают замечания.

Уже в силу сказанного о слове и образе мы не можем отождествить значение и понятие. Как и образ, значение слова формируется одновременно с образованием слова, чего нельзя сказать о понятии, что подчеркивали как языковеды, так и логики. Потебня, например, писал: «Слово не одним присутствием звуковой формы, но и всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию» (16, с. 68). В некотором противоречии со своей приведенной

выше мыслью Л.С. Выготский утверждает: «Название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием» (15, с. 144—145). Из контекста явствует, что автор имеет в виду первоначальное неравенство образа и значения понятию. Точка зрения на понятие, в сущности, тождественна пониманию Потебни.

Об известной самостоятельности понятия по отношению к слову и значению слова пишет современный исследователь понятия Е.К. Войшвилло: «Понятие не может возникнуть и существовать вне слова, поскольку оно есть специфически словесная форма отражения предметов, но оно нередко возникает и существует вне того слова, значением (смыслом) которого оно может стать. Последнее вводится как сокращение для выражения уже возникшего понятия... Таков естественный путь введения специальных терминов» (17, с. 125).

Решительным противником отождествления значения слова и понятия был А.Ф. Лосев: «Теория тождества гласит, что значение слова есть попросту выражаемое им понятие. Это совершенно неверно. Слово может выражать не только понятие, но и любые образы, представления, любые чувства и эмоции и любую внесубъектную предметность. Кроме того, если значение приравнивается к понятию, то язык оказывается излишним, то есть он попросту превращается в абстрактное мышление понятиями» (5, с. 75).

Понятие формируется по результатам человеческой деятельности, направленной на отражение и познание предметов и явлений определенного круга, попавших в сферу человеческих интересов и опыта. Результаты этой деятельности так или иначе отражаются в языке. Понятие как форма человеческого мышления, а следовательно, и форма человеческого знания о действительности, не может быть осуществлена, сформирована и закреплена вне языка. Но собственный знак этого понятия отнюдь не обязательно образуется в языке одновременно с формированием понятия. Таким образом, возникновение нового слова происходит отнюдь не одновременно с образованием понятия; формирование нового понятия может происходить без участия того слова, которое станет знаком этого понятия.

Представляется также не доказательным то мнение, что значение и понятие семантически совершенно самостоятельные, не пересекающиеся в какой-либо части семантические явления.

Понятие может быть выражено как отдельным словом, так и тем или другим сочетанием слов. Однако такой характер обозначения и выражения понятия не может служить достаточным основанием для отказа от его использования при изучении значения слова, поскольку оптимальным знаком понятия в языке остается слово. И однословные и не однословные обозначения понятия в речи и языке отражают определенные языковые и мыслительные процессы. Как замечал Потебня, слово служит средством как «сгущения», «конденсации» мысли, так и ее расчленения. И возможность расчлененного обозначения

понятия (раскрытие его содержания, приведение его признаков) не может служить доводом исключения его исследования в языкознании в случае его неоднословного обозначения.

На замечание, что понятие — общечеловеческая категория, а значение — национальная, а потому некорректно использовать эту категорию в лингвистических исследованиях, можно ответить следующее. Обобщение, классификация и квалификация отражаемых языком действительных фактов по их существенным, отличительным признакам происходит в форме мышления — понятии. Было бы совершенно неправомерным исключить из круга лингвистических исследований и научного аппарата эту общую сторону лексических единиц, существенную и определяющую, только потому, что она названа термином, вышедшим из логики, но давно применяемым в языкознании. Именно понятие придает слову обобщающую силу.

Понятие, входящее в значение слова в качестве его семантического ядра, также национально, как и само значение — по своему содержанию и объему. Достаточно сравнить значения слов, обозначающих предметы одного порядка в разных языках, чтобы убедиться в своеобразии выражения обобщения. Такие слова различаются охватом обозначаемых предметов, фразеологическими связями, оттенками значений, коннотацией и др. Как форма человеческого мышления понятие (подобно другим абстрактным формам мышления) — общечеловеческая категория. Но в действительности оно формируется и выражается в определенном языке и потому не может быть свободным от тех или других национальных особенностей. Нет вненациональных понятий, когда речь заходит о национальных языках. Даже общенаучные понятия получают в национальных терминологиях определенные национальные особенности.

О выражении понятия словами различных частей речи см. § 57.

Детальная разработка теории образности и понятийности слова в русском языкознании принадлежит Потембе и его ученикам, представителям Харьковской филологической школы, развившим основные положения своего учителя. Образ и понятие как формы содержания, связанные со словом, равно необходимы в языке и равно предполагают друг друга на протяжении всей доступной наблюдению истории языка и мышления.

§ 74. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

Многие видные отечественные ученые выделяют в слове наряду со значением с м ы с л слова. Если значение понимается как категория языковая, социальная, свойственная всему говорящему коллективу, то смысл — явление индивидуальное, образующееся в конкретных условиях речи. Смысл — это отдельная реализация значения в речи; это

единство абстракции (обобщения, логической или семантической схемы) и отдельного, отражаемого в нашем сознании предмета, подпадающего под это обобщение, а также и нашего отношения к этому предмету. Логическая схема служит здесь средством организации, формой определенного содержания. Она остается за порогом сознания общающихся, выполняя лишь роль указания — в целях взаимопонимания и то до известного предела — на предмет. Слияние абстракции (общего) с отражаемым предметом действительности создает органичность смысла как семантического явления.

Значения, которыми говорящий владеет в отвлечении от употребления, сами по себе не порождают мысль. Эти значения, стихийно усвоенные говорящими, востребуются в практике общения, в деятельности людей для отражения и обозначения предметов и явлений действительности, вошедших в их опыт. Функционально значения существуют, активизируются в единстве с этим отражением, извлекаются из него. Они необходимы для такого отражения, будучи хранителями обобщенного опыта в понятиях, т. е. в мыслях о классах предметов и явлений.

Разумеется, не каждое применение значения порождает в речи особый смысл слова. В обиходном употреблении языка, в его перцептивной функции применение слова ограничивается его предметной отнесенностью; слово выступает заместителем предмета. В таком применении интроспективно, в сознании говорящего отсутствует не только особый смысл, но и само значение (см. об этом: 18, с. 276).

Различие между значением и смыслом было постоянно в кругу творческих интересов В.В. Виноградова. «Лексические формы слова, — писал он, — социально осознанные и общие всему коллективу, необходимо отличать от форм индивидуального словоупотребления. В этом отношении значение, как устойчивый конструктивный элемент лексической формы слова, отличается от случайного, «оказионального» смысла слова, от его индивидуального применения.

Смысл — это не только индивидуально-стилистические оттенки, та неповторимая атмосфера интеллектуальных и эмоциональных обертонов, которою облачается слово в данной форме, в данном контексте, те субъективные применения, которые получает слово, вовлекаясь в разнообразные контексты речи и действительности... Следовательно, значение — понятие лексическое, смысл — стилистическое. Конечно, новый смысл, наслонившийся на слово, легко может превратиться в жаргонное, групповое и даже общелитературное значение этого слова» (19, с. 120).

Если в обычной речи, в общеупотребительном языке формирование индивидуальных смыслов (за вычетом «предметной отнесенности»), с их семантическими приращениями, эмоциональными и стилистическими наслоениями и обертонами — явление нечастое и не всегда

ощущаемое говорящими, то в языке художественной литературы, рассчитанном на рефлексию слова, смысл — обычное явление; он не равняется общеупотребительному значению или «предметной отнесенности». Образованию индивидуальных смыслов в художественной речи способствует эстетическая, художественная, изобразительная роль слова в произведении. Тот же В.В. Виноградов в связи с этим пишет: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым предметно-номинативным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами (так же, как значение описываемого эмпирического факта вырастает до степени типического обобщения). В художественном произведении нет и во всяком случае не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов» (20, с. 230).

Нередко для правильного понимания смысла слова или выражения необходимо знание всего художественного произведения, о чем также пишет В.В. Виноградов: «В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» (20, с. 234). Закономерно встает вопрос о сочетании смыслов внутри целого художественного произведения, — вопрос, который не разработан в языкознании (19, с. 228).

Из сказанного явствует, что для понимания смысла недостаточно знания общепринятого, общеязыкового значения слова. Необходимым оказывается осмысление контекста или многих контекстов употребления слова либо целого произведения, а иногда, на определенных этапах развития общества, особенно на поворотных пунктах этого развития, — необходимо учитывать характер общественного сознания, восприятие слов той или другой сословной средой, ее оценки в изменившихся общественных условиях. Короче говоря, в определенных общественных условиях слова приобретают известный социальный, политический, эстетический и иной смысл.

Индивидуальным смыслом, например, наделены заглавия художественных произведений; он образуется на основе содержания всего художественного произведения и является как бы его символом (ср.: «Мертвые души», «Демон», «Обрыв», «Отцы и дети», «Идиот», «Бесы», «Яма», «Скифы», «Чайка», «Тихий Дон», «Котлован», «Пожар» и др.).

Вопрос о смыслах — традиционная тема в литературоведении, стилистике художественной речи. И это неслучайно, поскольку именно в художественной речи, рефлексивной по своей природе, обращенной к воображению читателя, слово раскрывает все свои потенциальные — изобразительные, образные, эстетические, эмоциональные, стилистические, музыкальные и др. — возможности. О роли слова в поэзии В.Г. Белинский писал: «Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое 228

тут могло бы заменить его. Пушкин и в этом отношении величайший образец: во всех томах его произведений едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выражение, даже слово...» (21, с. 694).

Следует обратить внимание на весьма примечательную, на наш взгляд, особенность смысла. В силу своей индивидуальности, конкретности и неповторимости условий своего образования, смысл, подобно идее музыкального или живописного произведения, допускает игру ассоциаций и потому предоставляет читателю или слушателю простор в субъективном понимании обозначаемого. Это не недостаток смысла, а, напротив, одна из положительных его черт. Смысл приближает знак предмету как множеству признаков, не делая знак математически отвлеченным символом. Неслучайно Потебня справедливо считал, что с помощью «дальнейшего», т. е. субъективного, личного, значения может достигаться большая объективность в действительном познании предмета по сравнению с «ближайшим», народным значением. Кстати сказать, первое значение он в определенных контекстах называл и смыслом слова. Поэтому раскрытие смыслов слов художественного текста связано со значительными трудностями. Смыслы могут угадываться как второй семантический план, подтекст, а возможно и рассчитаны на известную недоговоренность, заставляющие читателя усиленно размышлять над контекстом слова либо над художественным и идейным содержанием целого произведения.

Например, смыслы синонимов в заключительной сцене «Бориса Годунова» существенно различаются: «*Мосальский*. Народ! Марина Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. Народ в ужасе молчит. — Что же молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович! Народ безмолвствует». В этом небольшом отрывке, которым заканчивается трагедия, трижды повторены названия одного и того же действия. В обращении Мосальского к простому народу естественно употребляется нейтральный глагол *молчать*. Синонимическое нагнетание (амплификация) усиливает значимость обозначаемого действия, сосредоточивает на нем внимание, заставляет искать смысл общего длительного безмолвия народа. Синоним *безмолвствует* (ведь никто не провозглашает здравицу в честь нового царя, как обычно бывает в таких случаях) — это выражение кульминации осознаваемого народом отношения к происходящему, его молчаливый протест; ей соответствует стилистически возвышенный тон слова с ярко выраженной внутренней формой. Трагедия, подобно финалу симфонии, обрывается на высокой эмоциональной ноте, хотя, казалось бы, последняя сцена и заканчивается глубоким оцепенением народа, пораженного содеянным.

Творческое владение языком увеличивает субъективизм, основанием которого при этом служат общеязыковые значения. Можно сказать, что субъективизм, образование индивидуальных смыслов нередко вы-

стует в виде направленного семантического движения от общеупотребительного значения. Здесь обнаруживается соотношение между «ближайшим» (общим) и «дальнейшим» (субъективным) значением. Например, в толковых и синонимических словарях не указывается на какие-либо семантические отличия между значениями слов *родина* и *отечество*. Между тем преломление «ближайших» значений этих слов в сознании говорящих, т. е. в связях и ассоциациях с другими понятиями и представлениями, отражающими внутренний мир говорящего, его отношение к стране, может быть весьма индивидуальным и своеобразным. Однако у выдающихся знатоков русского языка это своеобразие смыслов тем не менее не порывает связей с семантическим содержанием и коннотациями общеязыковых значений этих слов, а напротив, находит в них опору. Ср., например, смыслы этих слов у М. Пришвина: «В чувстве природы таится, как я понимаю, мое чувство *родины*, в делах же моих определяется мое *отечество*. Проще говоря, все мое странничество, вся моя «охота» исходит из моего чувства *родины*, а собрание моих сочинений,— это мой паспорт в *отечество*» («О творческом поведении»).

Очевидно, что примеры образования индивидуальных смыслов в художественном тексте можно увеличивать бесконечно.

Категорией смысла занимается не только языковедение и стилистика художественной речи, но и другие науки, в частности психология и философия. Л.С. Выготский следующим образом характеризует смысл и значение слова: «Смысл слова... представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова... оказывается всегда динамичным, текучим, сложным образованием... Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте» (15, с. 385).

Обобщая различные взгляды лингвистов и психологов на смысл и значение, другой видный советский психолог А.Н. Леонтьев дает развернутую характеристику смыслу: смысл — это «зачаточный образ», «зачаточное действие», «совокупность всех психических явлений, вызываемых словом в сознании», «сложное контекстное значение» и др. Эти определения смысла исходят из понимания автором смысла как того, «что создается в индивидуальном сознании значением» (18, с. 280). Согласно А.Н. Леонтьеву, смысл и значение интроспективно слиты в сознании, но тем не менее они имеют разную основу и изменяются по разным законам. Смысл не содержится потенциально в значении. Смысл порождается не значением, а жизнью. Смысл есть смысл чего-то. «Сознание как отношение к жизни раскрывается перед нами как система смыслов... Развитие смыслов — это продукт развития мотивов деятельности» (18, с. 280). Здесь, однако, необходимы некоторые уточнения. Смысл не порождается без участия значения. Смысл рождается в конкретной «встрече» значения и жизни, ее неповторимых 230 .

проявлений. Смысл есть, таким образом, органическое единство общего и единичного. Из смыслов в конечном итоге извлекается и само значение, что не исключает индивидуальности смыслов. Такова вообще диалектическая формула категории отдельного.

Философы связывают образование и функционирование смыслов с поисками сущности явления действительности, отражаемого в индивидуальном сознании и языке. Показательны в этом отношении суждения Э.Г. Аветяна: «Смысл есть... понимание сущности вещей, и еще точнее, он есть ближайшим образом само это понимание». «Смысл — не сама сущность, а сущность, воспроизведенная с потерями или наращиваниями субъективного сознания» (22, с. 42—43). «...Смысл продуцируется и формируется из человеческого отношения к сущности» (22, с. 51).

Таким образом, смысл с философской точки зрения понимается как гносеологическая категория в анализе отношения языка к действительности. Как мы говорили выше (см. гл. III), с гносеологической точки зрения смысл знака (в собственном его понимании) в свое время рассматривал Г. Фреге.

§ 75. ЗНАЧЕНИЕ И ПРИЗНАК

Признак — весьма употребительный термин в науках, имеющих предметом изучения внутреннюю, идеальную сторону языковых единиц, и прежде всего в языковедении, логике и психологии. Однако общепринятого определения признака нет, его содержание расплывчато. Строго не обозначены его место в терминологиях этих наук, отношение к языковой действительности, несмотря на несомненную важность обозначаемого этим термином понятия и его высокую частотность в семантических исследованиях.

Термин признак используется без разграничения его объектно-го применения, когда он обозначает отличительную сторону или черту действительного предмета, и метаязыкового, когда он обозначает элемент содержания слова или другой языковой единицы. При всем возможном тождестве в отражении объектного признака и признака как семантической величины (не случайно в определениях эти признаки, как правило, смешиваются, см. ниже), мы должны различать их статусы, их отношение к действительности. Это необходимо прежде всего для того, чтобы определить содержание признака как семантического образования. Это важно еще и потому, что такие мыслительные категории, как «субстанция», «признак», по мнению некоторых лингвистов, отражают «все основные сферы материальной действительности» (23, с. 36). В языке эти категории представлены соответственно номинативными и признаковыми частями речи. Признак как категория семантики имеет особую важ-

ность для понимания не только значения тех или других языковых единиц, но и мыслительных процессов, их содержания и отношения к словесному воплощению. Именно поэтому есть необходимость специально рассмотреть эту категорию.

Признак мы рассматриваем как элемент семантики, как мыслительное образование, входящее в значение языковых единиц. Сравнительно недавно в языкознании велись оживленные споры о том, что является кратчайшей семантической единицей языка. Если следовать традиционной терминологии, то в качестве таковой выделялся в этих спорах признак, который, однако, у лингвистов разных направлений выступал под разными названиями: фигура, семантический множитель, сема, элементарный смысл, элементарное понятие и др. Но суть от этого не менялась: во всех этих случаях имелся в виду элемент значения слова, который выделялся путем сравнения значений слов и который служил одним из их различителей. Потому-то все авторы, применявшие другие термины, в качестве примеров обычно брали признаки, выделенные в определениях значений слов в толковых словарях.

Мы будем придерживаться традиционной терминологии прежде всего потому, что термин *п р и з н а к* отражает сложившееся в результате исследования в указанных выше науках содержание. Кроме того, как чисто мыслительное образование, признак и его содержание находятся в органической связи с «признаковыми» частями речи, выражающими такое мыслительное образование явно, эсплицитно, в языковом воплощении, которое своими формальными показателями соответствует мыслительной природе этого семантического образования. Этим самым доказывается, что в семантическом отношении нет пропасти между чисто мыслительным признаком, с одной стороны, и его материально-идеальным выражением в определенном языковом знаке, с другой.

Значение термина *признак* в языкознании, логике, психологии соотносительно со значением этого слова в общеупотребительном языке, т. е. с неспециальным значением. Поэтому можно говорить о преемственности и известном тождестве семантики этого слова в общем и специальном языке.

Однако в определениях этого слова и в толковых, и в специальных словарях нет четкого разграничения *о б ъ е к т н о г о* его значения и *м е т а я з ы к о в о г о*. Ср., например, у В. Даля: «Признак. Знак, метка, заметка, запримета, отличие, отлика; все, по чему узнают что-либо»; Словарь Д.Н. Ушакова: «Признак. Та сторона в предмете или явлении, по которой его можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком». Словарь русского языка (МАС): «Признак. Показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-либо».

Признак как категория логики традиционно разрабатывался в этой науке. В логике дается классификация признаков: родовые, видовые,

существенные, второстепенные, собственные и др. Но и здесь мы не найдем четкого разграничения объектного и языкового или мыслительного его статуса. Кроме того, сами определения нередко противоречат друг другу. Так, в «Логике» Г.И. Челпанова мы находим такое определение: «Составные элементы представления или понятия принято называть признаками. Признаки есть то, чем одно представление или понятие отличается от другого. Например, признаками золота мы считаем «металл», «драгоценный», «имеющий определенный удельный вес» и т. п. Это все то, чем золото отличается от других вещей, от неметаллов, от недрагоценных металлов и т. п.» (24, с. 18). Как видим, здесь дается содержательная характеристика понятия «признак», примеры же имеют *о б ъ е к т н ы й* характер. Как правило, объектное определение мы находим и у других логиков: «Признак — все то, чем предметы, явления сходны друг с другом; показатель, сторона предмета или явления, по которой можно узнать, определить или описать предмет или явление.

Каждый предмет, каждое явление, о которых мы мыслим, обладают самыми различными признаками» (25, с. 477). Примеры таких определений можно умножить.

Внимание к кратчайшим семантическим элементам, образующим в совокупности значение слова, значительно оживилось в связи с разработкой так называемого «компонентного анализа» значения слова. Терминологически эти мыслительные образования обозначались по-разному: семантические множители, элементарные смыслы, элементарные понятия, компоненты значения, семы и др.; в этом ряду применялся и традиционный термин — признак. Эта терминология активноупотребительна в зарубежной лингвистике, а также у некоторых отечественных лингвистов (см. работы М. Бирвиша, Дж. Катца и Дж. Фодора, Д. Болинджера, О.С. Ахмановой, Ю.Д. Апресяна, Э.В. Кузнецовой и др.). Корректное выделение компонентов значения, или признаков, прежде всего связано с определением значений слова. И здесь терминологическое многообразие в обозначении различительных элементов значения мало что дает в действительном познании семантики слова. Это отмечают и сами лингвисты, занимающиеся компонентным анализом: «...Они (т. е. Дж. Катц и Дж. Фодор) не говорили прямо, что предлагаемые процедуры разработки определений являются лишь усовершенствованием того, чем всегда занимались составители словарей, но некоторые сходные моменты, несомненно, существуют» (26, с. 202).

Вместе с тем сами авторы вводимых в процедуры описания значений семантических множителей или элементарных смыслов нередко трактуют их по-разному. Например, Дж. Катц пишет об этих единицах следующее: «Семантическое представление любого отдельного значения слова... не является неразложимым целым, а имеет сложную внутреннюю структуру. Поэтому каждое толкование строится на основе

набора семантических признаков, соответствующих элементарным понятиям. Семантические признаки следует рассматривать как лингвистические конструкты, позволяющие удобно описывать структуру значений, они отнюдь не являются выражениями естественного языка, хотя и изображаются в виде таких выражений. Их можно сравнить с конструктами естественных наук такими, например, как сила» (27, с. 36).

По-другому рассматривает компоненты значения М. Бирвиш. Согласно ему, признаки (иначе — семантические компоненты, маркеры) — это доязыковые семантические предрасположенности человека, переводимые и выражаемые вовне с помощью языка; в языке им приписываются определенные фонетические и морфологические свойства. Короче говоря, это врожденные элементарные базовые семантические сущности, которые эксплицируются с помощью языка; причем в разных языках это происходит по-разному. Языки различаются не собственно базовыми семантическими компонентами, а их различными комбинациями (28, с. 177, 199).

Выделение на основе семантических связей слов компонентов значения, их соотношение и классификация помогают четче определить границы семантических полей. На этой базе разрабатываются методики компонентного анализа значений языковых единиц.

Однако в исследованиях последнего времени мы не находим однозначного ответа на вопрос о семантической природе этих образований мысли; противоречива, как мы видели выше, и интерпретация их связи с языком. Незнание этой проблемы, а нередко и ее игнорирование отрицательно сказывается на познании семантических процессов, понимания связи языка и мышления.

Между тем в ряде классических трудов по языкознанию мы находим весьма продуктивные подходы к изучению признака, его отношения к значению слова, понятию, признаковым и субстанциональным частям речи.

Значение признака в языке формируется на базе предметного значения, что убедительно доказано на большом фактическом материале — генетически и функционально — многими учеными, и прежде всего Г. Павским, А. Потебней, В.В. Виноградовым и др., при рассмотрении происхождения частей речи, в частности имени прилагательного. Формирование признака как мыслительного образования из предметного значения (ср. относительное прилагательное, а также существительное в роли несогласованного определения) есть движение мысли к большой отвлеченности и закрепление ее в соответствующем ее природе языковом знаке. Преобразование предметного значения в признак происходит не только без потери содержания, информации, но и с известным семантическим приращением, поскольку в слове в относительной функции к обозначаемому им понятию присоединяется категориальное значение отношения. В результате изменяются грамматические, семантические, ономазиологические связи слова. Здесь

происходит тот процесс, который Потебня называл «сгущением», «конденсацией» мысли, а современные исследователи этого семантического процесса — «сверткой информации» (В.В. Налимов).

Слово, обладающее для выражения признака свойственными ему грамматическими, словообразовательными, валентными данными, соответственно формирует свою синтагматику и парадигматику. Благодаря этому оно приобретает способность вступать в новые семантические связи, обогащая и развивая тем самым как свое содержание, так и содержание тех слов, с которыми оно сочетается.

Признак может выполнять в языке атрибутивные и предикативные функции; разумеется, роль слова, выполняющего такие функции, существенно различается. Так, обозначение признака, постоянно сопутствующего той или другой номинации в качестве ее атрибута, не является необходимым. Признак может подразумеваться, т. е. существовать чисто идеально наряду с другими признаками, входящими в содержание обозначаемого номинацией понятия. Признак существует в этом случае имплицитно. Как подчеркивал А.Ф. Лосев, не все внутреннее выражается вовне. Собственно же номинацию можно так или иначе изменить или заменить, но для наименования предмета она как знак необходима.

В языке отмечается большое количество способов сокращения составных наименований, а следовательно, перевода явно выраженных признаков в чисто внутреннее, идеальное существование при сокращенном знаке. Так, например, устойчивые номинативные словосочетания типа *фрикативный звук, столовая комната* сокращаются за счет существительного; прилагательное субстантивируется, обозначая соответствующий предмет (*фрикативный, гласный, согласный, столовая, ординаторская, операционная, приемная* и т. п.). Такие словосочетания могут сокращаться и по-другому: путем опущения существительного и образования с помощью суффиксации нового слова, куда бывшее прилагательное входит в качестве признака внутренней формы (*грузовой автомобиль = грузовик, курительная комната = курилка, зубчатое колесо = зубчатка, маховое колесо = маховик* и т. п.). О способах сокращения составных наименований в русском языке см (29). Здесь, таким образом, происходит сжатие или сгущение мысли, свертка информации. Однако сущность признака как мыслительного образования в разных его ипостасях не меняется: это понятие в относительной функции, или другими словами, отношение, и м п л и ц и р у ю щ е е п о н я т и е. Признак — это инобытие понятия, перевод и существование его в другой идеальной форме. Однако эта форма, как указывалось выше, не изменяет содержания понятия. При необходимости признак может быть развернут в понятие, и тем самым последнее может быть названо словом либо развернутым определением, раскрыто в совокупности суждений о соответствующем предмете или явлении.

В свете сказанного можно сделать вывод об исключительно важной гносеологической функции признака в мыслительных и языковых процессах. Признак свидетельствует о категориальной функциональной подвижности значения и понятия как идеального образования.

Многие ученые представляют понятие как совокупность, единство существенных, отличительных признаков отражаемых явлений или предметов определенного порядка. Формирование этого единства происходит на основе совокупности суждений об обозначаемых явлениях или предметах. Понятие — обобщение этих суждений, следовательно, — сжатие, сгущение мысли, свертка информации. Но понятие как выработанная совокупность познанных признаков информационно может быть охвачено одним отношением к другому понятию и другому названию, а следовательно, трансформироваться в признак с сохранением понятийного содержания, а значит, с потенциальной возможностью при необходимости его развертывания. Признак и как чисто идеальное, и как материально-идеальное явление (в случае его выражения соответствующим словом) способен к обратимости, т. е. к превращению в понятие, а затем и в совокупность суждений об отражаемых данным понятием предметов или явлений действительности.

Каждое такое преобразование предоставляет мысли новые возможности взаимодействия с новыми элементами языка и мышления, а следовательно, и возможности развития. Такой процесс ведет к обогащению элементов, вступающих в связь с данной мыслью, а значит, — и к обогащению ее самой. Эти преобразования мысли возможны, надо думать, в силу ее идеальности и являются одним из таинственных свойств мысли как идеального образования. Формы мысли: образ — суждение — понятие — признак не отгорожены друг от друга, а по мере развития мысли взаимно переходят друг в друга. Преобразование определенной совокупности суждений в понятие, а последнего — в признак есть следствие сгущения мысли, свертки информации, которая при необходимости способна к развертыванию. Об этих свойствах мысли Потенбня писал: «Когда мы говорим, мы затрагиваем огромное количество комплексов мысли, но в свою речь вводим только намеки на них... Все это сокращение труда мысли... похоже на то, когда мысли заменяются алгебраическими знаками, благодаря чему сложные численные задачи сводятся к простым отношениям. А сокращение труда мысли дает возможность ворочать все большими массами» (30, с. 116).

§ 76. ЗНАЧЕНИЕ И ОТТЕНОК ЗНАЧЕНИЯ

Другой семантической величиной, меньшей значения, является оттенок значения, о котором ведутся длительные споры в отечественном и зарубежном языковедении. Однако подавляющее большинство

лингвистов, особенно тех, кто непосредственно связан с лексикографической работой, не сомневается в реальности оттенка и в его важности как в практическом, так и теоретическом отношении. Вместе с тем ученые отмечают объективные трудности его изучения, обусловленные самой природой таких идеальных образований: они потенциальны, подвижны, требуют для своей актуализации и оживления наличия особых контекста, речевых условий. Как семантическая величина, меньшая значения, оттенок не имеет относительно самостоятельного, логически расчлененного соотношения с отдельным классом предметов или явлений. Выше мы подчеркивали, что слово — не математический знак, и его значение — не математическое, чистая абстракция. Обобщение в слове формируется исторически, через отношения и связи с другими понятиями, испытывая в своем развитии воздействие многих внутриязыковых и внеязыковых факторов. В этих связях и отношениях выражается и исторически изменяющееся наше понимание обозначаемого.

Оттенок функционирует внутри понятия, в пределах его логической схемы, не затрагивая категориальных функций значения слова; он более индивидуален, ассоциативен, а потому нередко потенциален, т. е. реализуется далеко не в каждом употреблении слова, в значение которого он входит. Вспомним, что и другие элементы значения слова не в каждом его употреблении могут актуализироваться. При таком понимании оттенок значения — это отдельный семантический участок, выделяющийся в «семантическом пространстве» обозначаемого понятия. Образование оттенка может быть обусловлено: воздействием внутренней формы на формирование значения (абстракции), развитием значения, расширением фразеологических связей слова, соотносительностью стилистических, эмоциональных характеристик слова с соответствующими семантическими признаками его значения и др.

Оттенки значения играют особенно активную и важную роль в синонимике языка, в стилистической системе языка, его экспрессивных, эмоциональных, образных средствах выражения.

Синонимия сама по себе не является условием существования оттенков значения. Это семантически независимые явления; оттенки формируются, существуют и могут обнаруживаться и вне синонимических отношений. Но поскольку синонимы обозначают один и тот же класс предметов, явлений и на этой основе тесно взаимодействуют друг с другом, — синонимия способствует более самостоятельному, контрастному проявлению оттенков; тем самым они приобретают в синонимии особую роль. Можно сказать, что возможность формирования, выражения и самостоятельной актуализации оттенков с помощью синонимов способствует утверждению и закреплению в языке как самой синонимии, так и оттенков, играющих, как известно, существенную роль в отношениях между синонимами. Подобно тому, как свойства предмета обнаруживаются в отношениях с другими

предметами, так и признаки и оттенки значения слова обнаруживаются в смысловых связях с другими словами.

Для доказательства высказанных выше положений обратимся к разбору некоторых примеров из русского языка. Глаголы *жить* и *существовать* определяются в толковых словарях одинаково. В Словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой пишется: «*Существовать* имеет отвлеченный характер и указывает на то, что лицо сохранило жизнь, а не умерло». Но возможные семантические отличия, обнаруживаемые в речи в конкретных смыслах словосочетаний и отражающие потенциальную семантику этого слова, значительно богаче. В контексте, в тесной связи и координации со значениями других слов как бы высвечиваются отдельные черты значений синонимов.

Глагол *существовать* по сравнению с *жить* имеет, скорее, не общественный, а биологический признак — «быть; находиться, присутствовать в процессе бытия»: «Он (Терещенко) — настоящий художник, таких почти не *существует*» (А. Блок. Письмо Л.Д. Блок, 1917, 3 мая) «— Яков Демидыч, для чего ты на свете *живешь?*.. Для чего ты на свет родился, для чего на земле *существуешь?*» (И. Бунин. Божье дерево) и др. В другом контексте глагол *существовать* обнаруживает по сравнению с *жить* часто противопоставляя^ ему, уничижительное значение, обозначая механическую, однообразную жизнь, лишённую радостей, удовольствия, ясной цели: «До этой поры он не *жил*, а лишь *существовал*, правда, очень недурно, но все же возлагал все надежды на будущее» (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско). Интересно, что глагол *существовать* может приобретать, напротив, утверждающий оттенок и противопоставляться глаголу *жить*, подчеркивая действительное бытие, наличие в жизни: «Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: ре-звунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана и даже три девочки, чтобы было всем известно, что он действительно *жил* и *существовал*, а не то, что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком,— чтобы не было стыдно и перед отечеством...» (Н. Гоголь. Мертвые души). По сравнению с *жить* *существовать* может приобретать отвлеченный, распространительный оттенок «присутствовать в том или ином виде в действительности»: «...Если разобраться, все живые существа в мире в равной степени — и мои предки и мои потомки. Я *существую* в так называемом времени, которое так же, как и я, бесконечно. Умерев, я просто соединился с бесконечным миром элементарных частиц, как это стало принято считать в науке через сто лет после меня» (В. Катаев. Кладбище в Скулянах) и др.

Оттенки значения, не выходя за рамки одного и того же понятия, могут подчеркивать отдельные особенности обозначаемого. Так, в паре глаголов *гаснуть-тухнуть* для слова *гаснуть* и его производных наиболее важным является указание на прекращение свечения, тогда как

для *тухнуть* и его производных существенно также и прекращение горения¹.

В паре синонимов *коснуться — дотронуться* последний обозначает намеренное действие живого существа (ср.: Он *коснулся* ее руки = Он *дотронулся* до ее руки, но только Лодка *коснулась* берега). Слова с экспрессивно-синонимическим типом значения отличаются от соответствующего синонима с номинативным типом значения не только экспрессивной возвышенной или сниженной оценкой, но и своей семантикой: обозначаемое явление должно обладать качествами, соответствующими таким оценкам (ср. пары: *глаза — очи, лоб — чело, одеть — облечь, есть — вкушать — жрать* и т. п.). К оттенкам относят и особенности значения, связанные с внутренней формой слова, т. е. образным или описательным представлением обозначаемого (ср.: *краткий — немногословный, тишина — безмолвие — беззвучие — молчание, небывалый — невиданный — неслышанный, гостеприимный — хлебосольный* и т. п.).

Как уже говорилось выше, у большинства лингвистов, и прежде всего стилистов, лексикографов, особенно внимательно вникающих в семантические и стилистические тонкости значений слов, не вызывает сомнения реальность оттенков значения слова, хотя все они подчеркивали значительную трудность их нахождения и отражения; вместе с тем они отмечали известную недифференцированность обозначаемых этим термином языковых фактов. «Сравнительно легко наметить основные группы значений,— писал Л.В. Щерба,— но установление так называемых оттенков представляет уже большие трудности и иным кажется неважным, а иным субъективным. Не может быть сомнения в том, что такие ведущие к своего рода словарному агностицизму суждения неверны. Трудность отыскания чего-либо не доказывает отсутствия искомого» (12, с. 282). Ш. Балли указывал на скрытое существование оттенков значения и переменный характер их обнаружения. «Не подлежит сомнению,— замечал он,— что все указанные в словарях характерные оттенки синонимов действительно существуют в скрытой форме в сознании говорящего; однако в каждой отдельной ситуации и в каждом данном контексте речевой факт не может

О синонимах этого порядка известный судебный деятель, оратор и знаток языка П.С. Пороховщиков писал: «У великих писателей каждое отдельное слово бывает выбрано сознательно, с определенной целью; каждый отдельный оборот нарочито создан для данной мысли; это подтверждается их черновыми рукописями. Если бы в первоначальном наброске о смерти Ленского Пушкин написал: *Угас* огонь на алтаре, я думаю, что перечитав рукопись, он заменил бы слово *угас* словом *потух*, а если бы в стихотворении «Я вас любил» было первоначально сказано... Любовь еще, быть может, В душе моей *потухла* не совсем» Пушкин, несомненно, вычеркнул бы это слово и написал бы: *угасла* не совсем» (Искусство судебного оратора/Об ораторском искусстве. М., 1959, с. 143).

обнаружить всю совокупность своих оттенков; в каждом случае на первый план выступает один из них, и он временно отгесняет все остальные на задний план. Выявить эту эмоционально-смысловую доминанту может только окружение, контекст» (31, с. 181). «Без понятия оттенка,— писал Р.А. Будагов,— ничего нельзя уяснить ни в синонимах, ни в синонимических рядах, ни в лексических расхождениях между языками, ни в теории перевода, ни в стилистике в целом...» (32, с. 19). Как заметили лексикографы, при лексикографическом описании значений слова этот термин оказывается необходимым, являясь промежуточным звеном между употреблением и значением, т. е. отражая семантические величины, не равные сформировавшемуся в языке значению слова, но и не образующиеся в отдельном речевом акте (33, с. 533). Действительно, учитывая, с одной стороны, семантическую непрерывность языка, органическую семантическую связь производных слов и значений с их производящими, и, с другой стороны, временную, историческую постепенность формирования нового понятия (а следовательно, и значения), трудно предположить отсутствие такой единицы.

§ 77. К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Весьма длительное время лингвистика не обращала должного внимания на характер и место в лексической системе языка собственных имен, хотя очевидно, что эта лексика, особенно личные имена (антропонимы), играет весьма важную роль в человеческом общении. Семантика собственных имен изучена недостаточно. Возможно, что такое отношение к собственным именам обусловлено тем, что они традиционно считаются «семантически ущербными», не имеющими собственного значения и не выражающими понятия. Этот взгляд на собственные имена имеет солидную традицию, его придерживались такие видные ученые прошлого, как Д.С. Милль (34, с. 24 и ел.), О. Еспероен (35, с. 71 и ел.) и др. Эту точку зрения разделяют и многие современные авторы, например А.В. Суперанская (36, с. 89 и ел.), А.А. Уфимцева (37, с. 156 и ел.) и др.

Представляется, однако, что отмечаемая авторами семантическая недостаточность и «ущербность» собственных имен является следствием неизученности именно семантики этого разряда лексики, ее своеобразия.

Собственные имена, например географические названия, обозначают е д и н и ч н ы е п о н я т и я. Их логически подчиненный характер во многих случаях подтверждается соответствующими родовыми понятиями, которые либо устойчиво употребляются вместе с ними (ср. *о. Байкал, р. Певл, г. Белгород, с. Ракитное, пос. Красная Яруга, ст. Готня* и т. п.), либо входят вместе с видовым признаком в собственное имя

(*Черное море, Балтийское море, Русская равнина, Валдайская возвышенность, Тихий океан, Индийский океан, Хибинские горы, Кавказский хребет* и т. п.). Но одновременно активно применяются и логически нерасчлененные собственные имена (Пиренеи, Альпы, Урал, Хибины, Карпаты, Англия, Франция, Москва, Лондон, Варшава и т. п.); в таких названиях их родовой признак входит в значение.

Иную семантическую картину представляют собой личные имена, или антропонимы (*Петр, Иван, Павел, Мария, Борис, Елена, Владимир* и т. д.). Обозначение личным именем отдельного человека, заключенная в имени преходящая информация о человеке, или смысл имени, послужили поводом для многих лингвистов считать личные имена лексически неполноценными, не способными выражать понятие, содержать сведения о классе индивидов и т. п.

Понятие — это форма мысли, и потому к пониманию его природы мы должны подходить формально. То есть не следует отождествлять понятийность, как характерную особенность данной формы мысли, с информативностью в речи или актуальным преходящим содержанием. При всей относительности противоположения формы и содержания в пределах языка, мы должны в каждом случае такого соотнесения иметь в виду, что форма — это постоянный, воспроизводимый элемент языковой единицы, который служит средством организации и выражения актуального содержания; это структурно организующий элемент строения содержания. Поэтому понятие трактуется как классифицирующая и квалифицирующая мысль: это мысль о классе определенных предметов, явлений, действий и т. д.; или, по-другому, структурно-логическая схема, образуемая связью определенных классификационных признаков и наполняемая в конкретных условиях актуальным содержанием.

Личные имена отдельными своими признаками существенно отличаются как от нарицательных имен, так и других разрядов имен собственных. Эти отличия обусловлены природой их семантики (наименование лица) и выполняемыми в общении функциями. В отличие от нарицательных имен личные имена, различаясь только по полу, обладают общими категориальными признаками. Так, например, *Иван, Борис* и т. п.— это: а) русские имена; б) называющие человека; в) мужского пола; г) обозначающие совокупности людей с этими именами; д) обладающие набором грамматических и лексико-грамматических форм, позволяющих этим словам функционировать в системе русского языка, выражая значения этих форм. Именно на основе обладания общими категориальными признаками некоторые лингвисты считают все такие личные имена синонимичными.

Эти категориальные, «внутриязыковые» признаки семантически не актуальны в непосредственном общении, в речи. В совокупности они образуют элемент языковой формы, постоянно существующий в слове наряду с его внешней формой (звуковым обликом имени). Но в личном

имени форма имеет определенную структуру, в чем, в частности, обнаруживается своеобразие этого разряда лексики. Общие категориальные признаки личных имен свойственны всем именам, следовательно, внутренней формой конкретного имени они выступать не могут. Если внутренняя форма слова, согласно Потепне, обозначает, как, как и м о б р а з о м входит в наше сознание новое содержание, то внутренней формой личного имени будут те субъективные представления об имени, руководствуясь которыми, родители присваивают имя ребенку, образуя тем самым индивидуальный смысл имени, его «предметную отнесенность». Указанные вышекатегориальные семантические признаки, общие для класса имен, не играют здесь определяющей роли. На первый план выступают внешняя и внутренняя форма конкретного имени, которые воспринимаются говорящими весьма индивидуально и субъективно; однако именно этот субъективизм служит руководством и главным критерием в выборе имени для ребенка.

В постоянно совершающемся в обществе наречении людей имя всякий раз рассматривается участниками наречения с разных точек зрения, при этом стихийно обращается внимание на внешнюю и внутреннюю форму имени. При оценке внешней формы учитываются благозвучность имени, его национальный характер, уместность сочетания с фамилией и отчеством и др. Как говорилось выше, под внутренней формой слова понимается то, как, каким образом входит в наше сознание новое содержание, т. е. смысл имени вновь нареченного человека. Поэтому внутренней формой личного имени выступает не только признак, положенный в название (ср. исконно русские и славянские имена: *Владимир, Светлана, Святослав, Вячеслав, Всеволод, Лада, Ратмир, Богуслав* и др.) У многих обрусевших имен признаки, положенные в название, остаются, без обращения к их этимологии, неизвестными (ср.: *Александр, Алексей, Петр, Елена, Галина, Клавдия и др.*). Роль внутренней формы при наречении людей именами выполняют признаки, образующиеся под воздействием многих обстоятельств и факторов (православная традиция, по которой имя дается в честь святого; историческая традиция в наречении; мода на определенные имена, подчеркивающая их современность; семейная традиция, предания семьи, ближайшего окружения; сословный выбор имени; наречение в честь исторических деятелей, национальных героев, полководцев, писателей-, персонажей художественной литературы, кино, театра...). Все эти признаки мотивируют наречение человека именем и служат, таким образом, внутренней формой имени.

Личное имя существенно отличается от нарицательного характером своей предметно-логической схемы, своим обозначаемым (человек), а также индивидуальным смыслом, образуемым на основе признаков обозначаемого (определенного лица). Личные имена, как говорилось

выше, могут иметь одну и ту же предметно-логическую схему, различаясь только своим звуковым обликом (внешней формой).

Нарицательное имя выделяет и обозначает класс предметов или явлений в языке в целом, занимая в его семантической системе определенное место. Индивидуальный смысл нарицательное имя получает в конкретном акте речи.

В отличие от нарицательного имени имя личное выделяет среди людей данного сообщества отдельную их совокупность, носящих одно имя (все лица с именем *Петр, Борис, Иван, Татьяна, Екатерина* и т. п.). Свою дифференцирующую роль и соответственно индивидуальный смысл личные имена приобретают как имена отдельных людей. Этот смысл, как правило, образуется в узком кругу людей — в семье, в производственном, учебном коллективе, среди знакомых. Смысл личного имени формируется на основе знания человека — черт его характера, деятельности, образа жизни, родственных связей, положения в обществе в узком и широком смысле слова, привычек и пр. Все эти черты и качества человека раскрываются в общении, во взаимоотношениях людей, приобретая несомненную человеческую ценность. Личное имя служит знаком этого знания об обозначаемом человеке; понимается, у разных людей, знающих данного человека, это знание будет разного объема, а зависимости от близости, активности взаимоотношений с этим человеком. Функциональное своеобразие личного имени, его отличный от нарицательного имени языковой и, в частности, семантический статус обусловлен природой обозначаемого, т. е. человека. Как и человеческая личность смысл личного имени неповторим. Язык, обеспечивая обмен мыслями людей в сообществе в целом, аккумулируя их знания, одновременно может в смыслах своих единиц, в частности личных имен, выражать и закреплять локальную информацию, которой владеет узкий круг людей.

Смысл личного имени, или его конкретное содержание,— это подвижная категория, которая образуется в ограниченном кругу общающихся между собой людей; при этом смысл меняется от человека к человеку. Для круга людей, знающих определенное лицо, смысл его имени изменяется по мере изменения самого человека в зависимости от его возраста, деятельности, взаимоотношения с людьми, близости с ними и др. Во всем этом обнаруживаются особенности характера человека, его качества, способности и пр., что и находит отражение в конкретном содержании антропонима.

Личные имена — это существующий в языке особый класс знаков, который, хотя и функционирует в непосредственных семантических и грамматических связях с нарицательными именами, тем не менее не вступает с ними во внутриязыковые системные процессы, характерные для нарицательной лексики (синонимия, полисемия, антонимия, омонимия и др.). Как единица языка личное имя может неизменно служить таковым в течение многих веков. Нужны особые условия для перехода

личных имен в нарицательные, когда личное имя приобретает свойства последних. Эти случаи здесь не рассматриваются, как и переход нарицательных имен в собственные.

Яркой чертой личных имен, особенно в русском языке, является их исключительная способность к изменениям и преобразованиям, связанным с выражением различных эмоциональных, стилистических и иных оттенков и значений (ласкательных, уменьшительных, фамильярных, уничижительных, официальных, деловых и др.), отражающих богатую гамму межличностных человеческих отношений (ср.: *Александр — Саша — Шура — Саня — Алексаша — Санек — Санечка — Шурочка — Саиша — Шурка — Саишок...*; *Екатерина — Катерина — Катя — Катюша — Катенька — Катька* и т. п.).

§ 78. ЗНАЧЕНИЕ МОРФЕМЫ. ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЯ

Как известно, кратчайшей значимой единицей языка является морфема. К морфемам относятся корень и аффиксы (суффиксы, приставки, интерфиксы, постфиксы и др.).

Слово представляет собой органическое семантическое и грамматическое единство, один акт мысли, поэтому выделение его частей и отдельное их рассмотрение и анализ есть искусственный прием, впрочем совершенно необходимый для познания строения слова и его частей. Расчлняя слово, принадлежащее к той или другой части речи и представляющее собой семантическое и грамматическое единство, мы будем рассматривать вычлняемые морфемы как носители известных значений и отношений: корень — отношение вещественной части слова к другим родственным, однокоренным словам; словообразовательный аффикс — как указание на принадлежность к определенному содержательному разряду слов; окончание (грамматическая форма) — на принадлежность к определенному формальному классу. Принадлежность к содержательному и формальному классу означает и выражение соответствующих общих содержательных и формальных (грамматических) значений.

Выделение всех этих элементов наглядно свидетельствует о системном характере и классификационномTM слова и его значения. Именно по принадлежности к тому или другому классу и показателю этой принадлежности у всего класса мы выделяем общий элемент значения. Значения словообразовательного и словоизменительного элементов слова однородны с вещественным значением. Значение слова представляет собой не простую сумму названных элементов и их значений, но их синтез, в результате которого образуется принципиально новая узловая единица языка с новыми качествами и новыми возможностями.

Слово аккумулирует в своем значении результаты познавательной деятельности говорящего коллектива и закрепляет их в системе языка. О том, что в слове происходит синтез значений его элементов, в результате чего образуется семантическое единство с новыми качествами и закономерностями, не равными качествам и закономерностям его частей, свидетельствуют многие факты. По этому поводу Потенция писал: «Вещественное и формальное значение данного слова составляют... один акт мысли, именно потому, что слово формальных языков представляется сознанию одним целым, язык столь мало дорожит его стихиями, первоначально самостоятельными, что позволяет им разрушаться и даже исчезать бесследно» (16, с. 39). К таким фактам относятся фонетические изменения слова, нарушающие его членение, превращение производных слов в непроизводные, опрощение, образование связанных основ или корней, переразложение. Все эти процессы не были бы возможны, если бы слово не представляло собой синтеза элементов и их значений. При опрощении, связанности основы или корня корень слова и другие элементы, по сути дела, теряют отдельное, самостоятельное значение, но собственно значение слова, некогда образованный синтез входящих в состав слова элементов сохраняется. Это говорит о неаддитивности сочетания в слове значений морфем с момента образования слова и о сохранении этого единства в последующее время, несмотря на произошедшие изменения в составе слова. Аналогичное можно сказать о переразложении.

Единство в слове лексических и грамматических значений отмечали и другие ученые. Так, В.В. Виноградов писал: «Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями» (8, с. 15).

Но вместе с тем сам характер реализации в слове грамматических (а также и словообразовательных) значений указывает и на их отличия. Синтез их в отдельном слове не лишает их определенной самостоятельности в системе языка в целом. Об этом свидетельствует отдельность их обозначения особым показателем, участие грамматических форм и словообразовательных аффиксов в оформлении и образовании целых разрядов лексики.

Единство и взаимообусловленность лексических, грамматических и словообразовательных значений обнаруживается в синтаксических преобразованиях одного и того же «внеязычного содержания»:

*Ученики решают задачу. Задача
решается учениками. Решение
задачи учениками. Решающие
задачу ученики. Решая задачу,
ученики... и т. п.*

Такие преобразования демонстрируют формальные возможности языка в препарировании одного и того же «внеязычного содержания». Одновременно они свидетельствуют о целостности, единстве языковой системы, о категориальных субъективно-объективных взаимоотношениях языковой системы и действительности.

Выше мы говорили о выражении элементами слова разных отношений: корня — к другим однокоренным словам, словообразовательных и словоизменительных аффиксов — соответственно к содержательным и формальным классам слов с теми же аффиксами. Отношения, выраженные внешними элементами слова, указывают на его принадлежность к определенным классам слов, а следовательно, и на обладание данным словом общими для этих классов признаками. Эта информация синтезируется в слове и включается во множество других признаков, образующихся на основе непосредственного отражения предметов и явлений действительности, обозначаемых данным словом. Если бы в слове не совершался синтез значимых элементов, то его открытость к новым признакам по мере углубления и расширения нашего знания об обозначаемом была бы затруднительна. Кроме того, если бы значение слова, имеющего строение, было бы аддитивным, то отношение между его элементами и их значениями были бы постоянными и неизменными, чего мы не наблюдаем.

Классификационные содержательные элементы слова — это выражение нашей субъективности в процессе познания и отражения действительности («субъективные приспособления», по выражению Потебни). В самих предметах и явлениях действительности, как в «связках» множества сторон и признаков, все эти вычленимые нами стороны и признаки, оформляемые с помощью «субъективных приспособлений» в виде субстанций, действий, качеств и др., — существуют органично, едино, во взаимопроникновении. Познание этих сторон предметов и явлений невозможно без субъективного и, в известном смысле, произвольного их расчленения и рассмотрения. Однако этот субъективный, искусственный прием гносеологически необходим.

Грамматические и словообразовательные аффиксы с и н с е м а н т и ч н ы, т. е. имеют сопроводительные значения по отношению к номинативной единице — слову, носящей а у т о с е м а н т и ч е с к и й характер, т. е. семантически самостоятельной. Лексическое значение слова как аутосемантической единицы не существует и не воспринимается вне его грамматического оформления. Без грамматической формы основа слова или корень не воспринимаются как носители самостоятельного лексического значения. Отсутствие, например, в русском языке окончания у существительных им. падежа, ед. числа, мужского рода (*стол, краб, враг* и т. п.) служит в парадигме склонения таких слов показателем именно данной формы, которую называют нулевой. Выше мы говорили, что корень выражает отношение к вещественным частям однокоренных, родственных слов и тем

самым имплицитно это вещественное значение, выражение которого, однако, требует его грамматического оформления по законам данного языка.

Весьма распространено мнение, что грамматическое значение отличается от лексического степенью отвлеченности. Разумеется, грамматические значения отвлеченные, но не всякая отвлеченность есть формальность. Многие лексические значения более отвлеченные и общие, чем значения грамматические (ср., например, имена числительные); однако это не делает их грамматическими (16, с. 36; 37, с. 9 и ел.) Грамматические значения оформляют слово и указывают на определенные общие разряды слов. «Формальность языка, — утверждал Потебня, — есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением в мысли» (16, с. 61). В другом месте он пишет: «Говорить на формальном языке, каковы арийские, — значить систематизировать свою мысль, распределяя ее по известным отделам» (16, с. 37). Это подведение лексического значения с помощью грамматической формы к определенному общему разряду не есть выражение большей отвлеченности грамматического значения, а реализация его функции в языке — подведение слова в соответствующем оформлении под известный формальный разряд, находящийся в системных отношениях к другим разрядам данного языка (38, с. 12).

Однородностью своих значений либо, напротив, их разнородностью, выполняемыми функциями, общим грамматическим понятием грамматические значения объединяются в совокупности, в четко функционирующие системные образования. Такие совокупности грамматических значений называются г р а м м а т и ч е с к и м и к а т е г о р и я м и. Эти категории могут быть свойственными одной части речи (например, в русском языке глагольные категории времени, лица, наклонения, вида); грамматическими категориями называют также и собственно части речи, образованные по определенным словообразовательным моделям и оформленные набором свойственных им грамматических форм. Но категории могут распространяться на разные части речи, доказывая тем самым внутреннее единство грамматической системы (ср. в русском языке категории рода, числа, падежа).

Надо заметить, что словообразовательные аффиксы и их значения, подобно грамматическим формам, группируются по типовым своим значениям в совокупности, называемые многими лингвистами словообразовательными категориями (например, категории действующего лица, отвлеченности, предметности, субъективной оценки и др.).

Если к этому добавить, что и словарный состав языка объединяется вокруг базовых, категориальных понятий, образуя семантические, понятийные, тематические поля, организованные на логически подчиняющихся и подчиненных отношениях, и прежде всего родовидовых, то

можно утверждать, что разные типы языковых значений обнаруживают известный изоморфизм отношений.

Однако несмотря на указанный изоморфизм эти типы значений существенно различаются по месту и роли в системе языка, по выполняемым функциям, способу выражения. Так, грамматические значения относятся к внутренней структуре языка как наиболее абстрагированные от вещественных значений элементы. Грамматические формы и их значения оформляют части речи, различающиеся, как известно, характером своих лексических значений, набором грамматических форм. С помощью последних выражаются также связи между словами в речи и образуются принципиально новые по своим семантическим и грамматическим качествам единицы — словосочетания и предложения.

Слово является носителем лексического, грамматического и словообразовательного значения. Все эти типы значений относятся к внутренней форме языка, образуя ее структуру. Как элементы внутренней иерархической структуры, эти типы значений не противопоставляются друг другу, а образуют в слове семантическое единство, один акт мысли (Потебня). Они не противопоставляются и по своему содержанию. Выше мы приводили мысль Потебни, что грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением (16, с. 39). Отсутствие противоположения грамматического значения лексическому по своему содержанию отмечают и современные ученые (38, с. 8 и ел.). Но будучи элементами внутренней формы языка, эти типы значений различаются своими функциями.

Наиболее отвлеченным от вещественных значений строевым элементом внутренней формы выступает грамматическое значение. Грамматические формы и их значения оформляют слова с вещественным значением, перекрывая в своей формальной классификации различные содержательные разряды слов, показателем которых являются словообразовательные аффиксы.

Образованное с помощью словообразовательных средств слово определенной части речи одновременно владеет набором грамматических форм и их значений, обеспечивающих функционирование слова в языке, т. е. его вступление, в соответствии со своей грамматической природой, в связи с другими словами определенного формального порядка. Это особенно наглядно обнаруживается в случаях прямой деривации, иными словами, при образовании так называемых синтаксических дериватов. Производное слово (синтаксический дериват) наследует абстракцию производящего слова, видоизменяет ее в сторону большего абстрагирования (ср. дериваты: относительные прилагательные, отыменные глаголы, атрибутивные существительные и др.). Синтаксический дериват «эксплуатирует» эту абстракцию на новом для нее участке или уровне языковой системы, в новых семантических и грамматических связях со словами определенного формального поряд-

ка. В результате семантически обогащается как вновь образованное слово, так и те слова, которые вступили с ним в семантические и грамматические связи.

Словообразовательные значения более близки к лексическим; они указывают на семантические разряды последних, соответственно их оформляя словообразовательными показателями (суффиксы, приставки и др.). Словообразовательное значение и формируется на основе типового семантического соотношения производящих и производных основ. По сравнению с грамматическими формами и их значениями словообразовательное значение ближе к действительности, указывая на общие, однопорядковые предметы и явления.

Индивидуальное, конкретное отражение действительных предметов и явлений осуществляется с помощью лексики языка. Многие лингвисты считают, что собственно лексические значения и есть содержание, выражаемое языком (39, с. 352—407). Однако закрепленное за словом значение (содержание, понятие) известно всем говорящим на данном языке, и потому нет необходимости его сообщать кому-либо. Само по себе владение такими значениями не создает еще мысли, которую нужно было бы сообщить другому. Язык не есть кладь готовых мыслей, используемых людьми; он средство с о з д а - н и я мыслей в процессе отражения предметов и явлений действительности и одновременно средство передачи мыслей в общении. Лексические значения, которыми владеют говорящие в отвлечении от конкретного их применения («внутриязыковые значения») — это обобщения, логико-семантические схемы, или формы, под которые подводятся конкретные предметы и явления, собственно и представляющие собой материал сообщения. Именно в речи и рождается конкретный смысл или «предметная отнесенность», которые и есть цель сообщения. Все названные элементы внутренней формы языка — грамматические, словообразовательные, лексические значения — служат средством организации, оформления и выражения в речи конкретного предметного содержания.

Иерархически организованная внутренняя форма языка построена таким образом, что оформление индивидуального содержания, являющегося предметом сообщения, осуществляется с помощью разного уровня абстракций: от грамматических и словообразовательных значений до лексического значения, непосредственно отражающего предмет или явление действительности. Но и здесь лексическое значение не есть предмет сообщения, оно — необходимое средство выделения конкретного предмета или явления действительности из континуума действительности и сообщения о нем.

Отмеченная Потебней однородность грамматических и лексических значений доказывается происхождением грамматических форм из слов. Исторически грамматические формы и их значения образуются на базе слов и их значений, специализируясь в выполнении опреде-

ленных системных, классификационных функций. Это свидетельствует об относительном противополжении в языке категорий формы и содержания, что особенно наглядно обнаруживается при сравнении грамматических и лексических значений разных языков. То, что в одном языке выступает грамматической формой, в другом может быть содержанием, требующим всякий раз для своего выражения подбора определенных лексических средств. Потебня по этому поводу писал: «Есть языки, в коих подведение лексического содержания под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формой, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют» (16, с. 38).

Образование грамматической формы и ее значения (как и любой значимой единицы, языкового знака) происходит по единому в языке способу. Согласно Потебне, языковая единица (знак) генетически и функционально предполагает необходимые компоненты: внешнюю форму (определенным образом упорядоченные звуки), внутреннюю форму (представление) и собственно значение. Поскольку грамматические формы и их значения исторически образуются на базе слов и их значений, то внутренней формой или представлением служат значения лексические. Их отбор в каждом языке избирателен и индивидуален. Потребность формальной классификации содержания, надо полагать, в каждом языке диктуется задачами выражения самого содержания. Поэтому «при создании грамматических форм мышление ищет те особенности семантики слова, которые могли бы быть использованы для языкового выражения того или иного грамматического отношения» (40, с. 66).

Образование грамматических форм и их значений уходит в глубокую древность, исчисляемую многими тысячелетиями. Во всяком случае индоевропейский праязык уже имел развитую флективную систему.

Потребность в формальной классификации, а также и ее основание рождаются в языковой деятельности, в практике общения. И как говорилось выше, избираемое лексическое значение для грамматического отношения исторически выступает его внутренней формой. Так, в русском языке личные окончания глаголов образованы из личных местоимений, как и окончания членных прилагательных; для выражения местного падежа, обозначаемого местонахождением предмета в чем-либо, в различных языках используются такие слова, как «внутренность», «середина» и т. п. (40, с. 63 и ел.). Например, аналитические формы прошедшего времени в разных языках используют слова *«иметь»*, *«быть»*, *«начинать»*, *«желать»*; ср. также форму будущего времени в русском языке: *буду писать*; в народной латыни: *Scribere habeo «Ябуду писать»*. В английском языке форма варианта настоящего времени использует глагол *«быть»* *I am writing («Я пишу в данный*

момент») и др. Различны способы выражения определенности имени существительного в разных языках. В некоторых языках определенность выражается с помощью указательного местоимения (ср.: во французском языке — *la, le*, в испанском — *el, la*; в английском — *the* и т. д.).

Отношения между внутренней формой грамматической единицы и ее функциональным значением развивается по общей для всех языковых единиц закономерности: по мере развития отвлечения сглаживается заложенное в форме представление.

В основе всех грамматических понятий и категорий, которые, казалось бы, обрели в языке чисто формальный характер, в конечном счете лежат вполне определенные вещественные представления, тесно связанные с жизнью человека. Ярким примером такой категории в русском языке является грамматический род. Потебня писал об этой категории: «Грамматический род принадлежит к числу человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли. По второму предикату это определение слишком широкое, так как человекообразность — постоянное свойство человеческой мысли. Мыслить иначе, как по-человечески (субъективно), человек не может. Если под мышлением понимать ту долю умственной деятельности, которая сказывается в языке, то оно есть создание стройного, упрощенного целого из наплыва восприятий. Представить себе такое создание мысли иным, чем созданием «по образу и подобию» своему, чем внесением в познаваемое свойств познающего, мы не в силах; но свойства познающего изменяются в определенном направлении, благодаря чему возможна история мысли и ее человекообразности, т. е. без *hendiadys*, история человекообразности мысли» (41, с. 461).

Образование грамматического значения из лексического не есть его деградация и потеря содержания. Напротив, избранная форма, образованная из слова и его значения, оказалась необходимой для расширяющихся актов мысли; одновременно превращение лексического значения в грамматическое, сугубо классификационное представляет собой экономно умственной энергии, сэкономленная энергия тем самым может использоваться для творческой индивидуальной работы мысли.

Многие лингвисты наряду с названными типами языковых значений выделяют значение словообразовательное. Новые слова образуются из уже существующих в языке слов. Поэтому словообразовательное значение создается на основе регулярного соотношения значений производных и производящих слов, осуществляемого с помощью определенного словообразовательного элемента (суффикса, приставки). Словообразовательным значением, таким образом, является обобщенное значение производных слов в их отношении к категориальному значению слов производящих, имеющих соответст-

вующий словообразовательный показатель. Следовательно, носителем словообразовательного значения выступают слова, обладающие одним и тем же словообразовательным показателем и образующие тем самым один словообразовательный тип: ср., например, глаголы с суффиксом —*e*— в русском языке, образованные от прилагательных и имеющие значение «приобретать признак, названный производящим, мотивирующим прилагательным»: *белеть, краснеть, зеленеть* и т. п.; или прилагательные с относительным суффиксом —*ск*— и производными от него —*еск*—, —*ическ*—, —*овск*— и др., имеющие общее значение: «относящийся к тому или свойственный тому, что названо производящим, мотивирующим словом»: *морской, институтский, медицинский, гармонический, московский* и т. п.

Вместе с тем распространено также и мнение, что словообразовательное значение есть собственно значение словообразовательных аффиксов, имеющих регулярную связь с определенными видами основ, а следовательно, с определенными их семантическими разрядами.

Словообразовательные форманты, их значения и взаимоотношения образуют систему словообразовательных средств языка как особую область внутри общей языковой системы. Наличие такой системы доказывается многими фактами:

- связью словообразовательных элементов, словообразовательных типов, или моделей, с определенными частями речи и их грамматическими формами;
- выражением словообразовательными средствами содержательной классификации словарного состава языка;
- группированием на основе частных словообразовательных значений и их формантов общих словообразовательных категорий (ср., например, у существительных суффиксы таких категорий, как лица, отвлеченности, предметности и др.; у прилагательных — суффиксы относительности, качественности, притяжательности и др.);
- наличием системных семантических взаимоотношений между словообразовательными аффиксами (синонимия, вариантность, многозначность, антонимия, омосемия);
- закономерными формальными связями с морфологическим, фонетическим окружением (см. различные виды дистрибуции морфем) и др.

§ 79. ЗНАЧЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К разновидностям грамматических значений относятся значения словосочетания и предложения.

И словосочетание, и предложение представляют собой сложные структурные образования, в которых выделяются разные уровни се-

мантики. Большинство языковедов выделяет два таких уровня, а именно: конкретное содержание, или речевой смысл, и собственно грамматическое (синтаксическое) значение этих конструкций. Последнее представляет собой грамматическое отвлечение второго порядка, более абстрагированное по сравнению со значением отдельной грамматической формы.

Как известно, словосочетания и предложения строятся по определенным грамматическим моделям, имеющим типовое значение. Модель — это известное соотношение форм слов, образующих грамматическое единство. По В.В. Виноградову, словосочетания выражают «расчлененные понятия»; точнее говоря, словосочетания выражают конкретизированные субъектные, объектные, глагольные, атрибутивные, обстоятельственные значения в зависимости от грамматически стержневого, главного слова словосочетания (ср.: *ручная работа, высокий дом, рубить дрова, пить молоко, известный в стране, готовый к сопротивлению, легко обыграть, низко над землей, тесный в плечах, недалеко от дома* и т. п.). Конкретные содержания, или смыслы словосочетаний, как и предложений, не представляют собой простой суммы входящих в их состав значений слов.

Наметившееся в советском языкознании в 50—60-е годы активное изучение словосочетаний русского языка в последующие годы практически сведено на нет. Между тем это все еще недостаточно изученная область языка. В частности, не описаны типовые значения моделей словосочетаний, не раскрыто своеобразие номинативной функции различных типов словосочетаний и др.

Семантика предложения в 70—80-е годы стала предметом повышенного внимания лингвистов. Как говорилось выше, в предложении, как в слове и словосочетании, выделяются различные уровни семантики: во-первых, абстрактная модель и ее типовое значение, которая как форма, по мнению ряда языковедов, принадлежит к языку, и, во-вторых, смысл предложения, образующийся в конкретных условиях речи и потому являющийся единицей речи. Таким образом, значение предложения изоморфно строению семантики других языковых единиц, например слову и словосочетанию, в которых также выделяется смысл, образующийся в речи, и собственно языковое значение.

Единицы языка — слова, словосочетания, предложения — способны обозначать по условиям речи конкретные предметы, явления, ситуации только в силу наличия в них отвлеченного, обобщенного значения, закрепленного в системе языка и реализуемого в отдельных актах речи. Таким образом, семантика языковых единиц, вследствие такой своей природы, не может не быть сходной в своих определяющих элементах. Отвлеченный уровень семантики этих единиц представляет собой разную степень абстрагирования. Для слова, например, это мысль о классе предметов (понятие), для предложения — это значение структурной схемы, т. е. предельно отвлеченная от вещественного

значения предложения грамматическая абстракция. Но в том и другом случае отвлеченные уровни семантики — это типизированные, семантически и логически разработанные формальные либо содержательные схемы, которые в конкретных условиях всякий раз заполняются индивидуальным предметным содержанием. Причем и индивидуальное содержание, и схема, и ее типовое значение известным образом соотносятся с действительностью.

Типовое значение модели предложения представляет собой результат регулярного соотношения грамматических значений форм слов, образующих модель, с их лексическими значениями. Это предельно отвлеченный уровень, где, следовательно, органически спаяны грамматические и лексические значения. Это структурный, грамматически и лексически организующий уровень; он может квалифицироваться как формальный в том смысле, что формой здесь выступают строевые, организующие элементы самого содержания. Содержание предложения оформляется не чуждыми ему элементами. Напротив, формой служат предельно обобщенные структурные элементы самого содержания. Их выделение есть результат их отвлечения из содержания на основе анализа множества высказываний определенного порядка.

Говоря о смысле предложения (или о «высказывании», по весьма распространенной терминологии, в отличие от структурной схемы предложения и ее типового значения, называемых собственно предложением) как о речевом явлении, мы отвлекаемся от схемы предложения и ее типового значения. В сущности, они неинформативны, а точнее, — малоинформативны при передаче конкретного сообщения; информативным является предметный содержательный уровень. Но тем не менее схема и ее типовое значение органически существуют в этом сообщении как его грамматически и семантически организующая структурная часть. Она выступает структурно-грамматической и семантической формой, в какую отливается индивидуальный смысл предложения, его предметное содержание, представляющее цель сообщения. Поэтому все названные элементы равным образом реализуются в речи. Абстрактный уровень входит в предметное содержание и организует его уже в силу того, что относит обозначаемые явления, ситуации к определенным типам и разрядам и тем самым отличает от всех других явлений и ситуаций. Следовательно, абстрактный уровень семантики, заключенная в нем логико-грамматическая схема — это классификационная часть семантики, относящая предмет или ситуацию к разработанным и закрепленным в языке их разрядам, стереотипам.

Следовательно, распространенное представление о смысле («высказывании») как о самостоятельной синтаксической единице в отрыве от абстрактной модели и ее значения — иллюзорно, так как без них смысл невозможен, не образуется и, следовательно, не существует как семантическое явление, подобно тому, как смысл слова не образуется

без участия значения. Последнее выступает в качестве абстрагированного классификационного фундамента, необходимого для образования в конкретных речевых условиях смысла. Отвлеченный уровень семантики предложения (ср. словосочетание), будучи практически неинформативным в сообщении, остается, по сути дела, незамеченным, отчего у некоторых авторов встречаются весьма неожиданные суждения о предложении. Так, Э. Бенвенист утверждает: «Предложение содержит знаки, но само не является знаком» (42, с. 139). А.И. Смирницкий понимает предложение как чисто речевую единицу (43, с. 18). Отсюда получается и весьма своеобразная трактовка самого языка, в котором для предложения нет места. В.А. Звегинцев, например, пишет: «Язык — это все то, что располагается ниже предложения» (44, с. 237). В свою очередь, фактически недоказуемо и самостоятельное существование модели, или схемы, предложения, поскольку в действительности схема не существует вне лексического наполнения, а ее типовое значение есть результат регулярного соотношения грамматических значений форм слов, образующих схему, с их лексическими значениями. Ее выделение — искусственный прием, гносеологически необходимый для познания сущности предложения.

Рассмотренная выше семантическая структура свойственна свободным предложениям, образованным в речи по известным моделям. Между тем эти типы предложений не исчерпывают семантические потенции предложения как коммуникативного знака языка. Подобно тому, как среди словосочетаний выделяются свободные и устойчивые (фразеологизмы), существенно различающиеся между собой по своему значению и выполняемым функциям, так и среди предложений выделяются воспроизводимые, устойчивые предложения с особым типом значения — постоянным обобщенным содержанием. Речь идет о пословицах и крылатых выражениях, которые, как известно, подобно фразеологизмам, играют важную роль в общении (ср.: *Старый конь борозды не портит, У каждой птицы свои замашки, На бедного Макара все шишки летят, А Васька слушает да ест, Любви все возрасты покорны* и т. п.). В таких языковых единицах закрепляется образно выраженное суждение, имеющее разные семантические планы, — буквальный и переносный. Пословица, крылатое слово, как образные выражения, двусмысленны; буквальный смысл такого языкового знака существенно мотивирует его функциональное значение.

Пословицы, образные крылатые выражения выступают особыми узуальными синтаксическими знаками со сложной семантической структурой. В структуре такого знака выделяются уровни:

- а) типовое значение модели предложения;
- б) буквальное значение знака-предложения (его внутренняя форма);
- в) языковое значение предложения, представляющее собой суждение, мотивированное внутренней формой предложения;

г) смысл предложения, отражающий определенную конкретную ситуацию.

Пословица выражает суждение о действительности, закрепленное в семантической системе языка. Суждение носит обобщенный характер, имеет отношение к вопросу об истинности мысли, распространяя значение истинности на известное множество ситуаций, положений вещей. Пословица — такое очевидно истинное суждение, которое может быть распространено на многие сходные положения вещей, служа своего рода правилом в той или другой жизненной обстановке. В пословице в образной форме обобщен и закреплен народный опыт, оценка тех или других явлений жизни. Мысль, содержащаяся в пословице, изначально рассчитана на переосмысление, на образное распространение на сходные явления, ситуации.

Таким образом, предложение, как и слово и словосочетание, имеет сложную семантическую структуру, в которой выделяются уровни, обращенные как к семантической и грамматической системе языка, так и к непосредственно отражаемой конкретной действительности.

§ 80. СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК ЕДИНСТВО ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ. ИЗОМОРФИЗМ СТРОЕНИЯ ЗНАЧИМЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В нашем описании значений основных единиц языка мы выделили различные их компоненты; в слове: логико-семантическое ядро (понятие), внутреннюю форму слова, смысл, «предметную отнесенность», а также такие элементы значения слова, которые составляют его коннотацию, — стилистическую, эмоциональную, экспрессивную характеристики; в словосочетании и предложении: значение типовых моделей и смысл (конкретное содержание, образующееся в речи). Все эти компоненты реализуются в речи — действительном существовании языка, представляющем собой единство формы и содержания. И все названные выше компоненты семантики языковых единиц относятся к этим двум основополагающим категориям — к форме либо к содержанию.

К внутренней форме языка относятся постоянные, воспроизводимые значимые элементы языковых единиц; в слове — его внутренняя форма или образ, «внутриязыковое значение» в виде закрепленного за ним понятия; воспроизводимыми, а следовательно, относящимися к форме являются стилистические, эмоциональные, экспрессивные характеристики слова. К содержанию, образуемому непосредственно в акте речи, мы отнесем смысл, «предметную отнесенность», т. е. то, что, как правило, является предметом сообщения.

В словосочетании и предложении к элементам внутренней формы языка мы отнесем модели строения и их типовые значения, которые

воспроизводятся всякий раз, когда образуется такое словосочетание или предложение. К содержанию — речевой смысл этих единиц языка. Разумеется, в речи языковые единицы, например слово, выступает как единство формы и содержания, но форма как таковая, с помощью которой содержание может быть организовано и выражено, не является целью сообщения, поскольку она известна всем говорящим на данном языке. И только в редких случаях она может быть предметом сообщения. Такой анализ семантики языковых единиц имеет целью привести в известность те структурные элементы, которые, с одной стороны, являются системными и которыми говорящие владеют в отвлечении от конкретного применения в речи, с другой, — элементы, которые образуются непосредственно в речи и являются предметом сообщения. В исследовании значения единиц языка ученые нередко сосредоточивают свое внимание на отдельных элементах структуры значения — на обобщении (понятии), образе, «предметной отнесенности», смысле. Между тем для полного, по возможности, отражения семантики языковой единицы следует ее рассматривать как неразрывное единство структурных элементов, относящихся к форме и содержанию.

Значимые единицы языка, имеющие строение (слово, словосочетание, предложение), образованы по принципу логически расчлененной дихотомии: единства рода и вида, общего и частного. Эти отношения объективно выражаются в соответствующих элементах указанных единиц.

Формальные отличия языковых единиц, неаддитивность их значений, как результат синтеза входящих в их состав элементов, создают качественное своеобразие этих единиц — как их значений, так и их формальных свойств. Но одновременно названные единицы обнаруживают известный изоморфизм (сходство по форме), что говорит об общих, глубинных принципах организации языка и общих условиях образования и функционирования этих единиц.

Так, в слове *учитель* родовой признак (Р), указывающий на принадлежность обозначаемого словом понятия к определенному семантическому разряду («действующее лицо»), выражается значением суффикса. Корень слова имеет индивидуальное, видовое значение или признак (В), по которому называется действующее лицо. В итоге слово обозначает видовое понятие, но его внутренняя логическая расчлененность, классификационность в известной мере отражена в самих значимых элементах слова.

В Р

У Ч И - Т Е Л Ь

Аналогичную дихотомию родовидовых или общечастных отношений мы наблюдаем и в словосочетании. В словосочетании *березовая роща* существительное обозначает родовое, общее понятие, *березовая* — видовое. В целом словосочетание, как и в других подобных случаях, обозначает индивидуальное видовое понятие с явно выраженным логическим взаимоотношением входящих в его состав элементов.

В Р
Б Е Р Е З О В А Я Р О Щ А

В

Подобные отношения характерны и для предложения.

В Р
И В А Н О В — С Т У Д Е Н Т

В

Для показа явной логической расчлененности предложения мы приводим предложение с именным составным сказуемым, где отдельными единицами выражается родовое понятие (именная часть сказуемого) и предикативные значения (связка, отсутствующая в настоящем времени). Признак замыкается в субъекте. В целом предложение выступает как тождество субъекта и предиката; иными словами, предложение обозначает субъект с предикатируемым ему признаком. Та же форма мысли и те же логические взаимоотношения наличествуют и в предложении с простым глагольным сказуемым. В отличие от именного сказуемого в личном глаголе предикативные категории и лексическое значение выражаются в формах глагола, морфологически.

ИВАНОВ УЧИТСЯ = («ЕСТЬ УЧАЩИЙСЯ»)

Однако в выражении этих логических отношений в предложении, по сравнению со словом и словосочетанием, наблюдаются и существенные отличия, поскольку предложение не номинативная, а предикативная единица языка. Структурные логические отношения закреплены в слове как единице системы языка, т. е. являются данными, воспроизводимыми. И в свободном словосочетании они, хотя и образуются в речи, но также приводятся как данные. Именно поэтому и слово, и свободное, переменное словосочетание относятся к номинативным единицам языка (В.В. Виноградов). Другое дело предложение. Здесь родовой признак предикатируется, т. е. приписывается субъекту с помощью предикативных значений времени, наклонения, лица. Родовидовые отношения (с предикатом связано общее, родовое понятие) в предложении имеют характер актуального познания (сооб-

щение, в котором что-либо утверждается, отрицается, подвергается сомнению и т. д.). Предикативные отношения свойственны только предложению.

В словосочетании и предложении указанные отношения выражаются свободно привлекаемыми словами; в слове морфемы закреплены и постоянно воспроизводятся. Но в результате различных исторических изменений, образных наименований логические отношения могут быть не выражены. Однако это не означает, что отмеченные отношения пропадают вовсе; они присутствуют в слове идеально, имплицитно, не имея самостоятельного выражения в соответствующих элементах слова. Это наглядно видно при сравнении тождественных или близких по значению слов или выражений с ясным логическим членением и без такового (ср.: *грузовой автомобиль* — *грузовик* — *полупотрка* — *двухтон-ка*; *столетие* — *век* и т. п.).

В своем рассмотрении сходства по форме семантических структур мы обращались к единицам, имеющим строение, выраженное элементами этих единиц. В слове логические отношения наличествуют и в тех случаях, когда они могут быть явно и не выраженными. Вполне правомочен вопрос: имеет ли подобное строение морфема, и в частности аффикс — кратчайшая семантическая единица. Надо полагать, аффиксы, как и корни в своем конкретном применении, подобно другим значимым единицам языка, имеют два семантических уровня. Однако семантика аффиксов в этом отношении не изучена. Интересен в связи с этим следующий пример. Общим категориальным значением относительных прилагательных является выражение отношения к предмету, обозначенному производящим словом. Однако эта общая категориальная идея отношения может весьма своеобразно конкретизироваться, отражая реальные отношения предметов в аспекте человеческой деятельности. Так, прилагательное в сочетании «*золотая карета*» может обозначать: а) «сделанная из золота»; б) «в которой перевозят золото»; в) «окрашенная в цвет золота»; г) с качественным оттенком: «очень дорогая»...

Таким образом, основные единицы языка обнаруживают сходство в строении своей семантической структуры, известный изоморфизм, свидетельствующий о едином, глубинном принципе их семантической организации, лежащей в основании языка.

§ 81. ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ. К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕТАЯЗЫКА

Решение многих задач современной семантики и лексикографии зависит от теоретической и практической разработки определения, толкования значения.

Богатая лексикографическая практика в этом отношении теорети-

чески не подытожена, а это порождает затруднения в понимании как природы определения и толкования, так и самого значения. Такое положение отрицательно сказывается и на лексикографической практике.

Определение значения (понятия) представляет собой логическую и лингвистическую процедуру, с помощью которой проводятся в известность отличительные или существенные признаки, выделяющие данное понятие среди других, благодаря чему раскрывается его содержание. Определить — это значит представить явно те признаки (= отношения), которые в совокупности выделяют данное понятие среди других. Эта процедура принципиально важна для говорящих, а также и для лексикографов как в практическом, так и в теоретическом отношении. В практическом — это важно для усвоения говорящими значений слов, в теоретическом — для получения объективной языковой картины связей и взаимодействия значений слов, т. е. для выявления структуры значений, их содержания, системности лексики.

В логике выделяют различные виды определений. Однако нас интересуют собственно лингвистические определения и толкования.

В современной науке под влиянием дедуктивных, аксиоматических теорий весьма распространено мнение, что «определение — всегда перевод» с одного языка на другой, который по отношению к первому выступает в качестве метаязыка, т. е. языка второго порядка (45, с. 62—63). Если в дедуктивных, аксиоматических теориях, в формальных языках статусы этих языков могут различаться в самих знаках и значениях, то в естественном языке при толковании слов мы не наблюдаем каких-либо формальных и смысловых отличий в употреблении слов в правой и левой части толкования, за исключением того, что, по общепринятому правилу, правая часть берется в кавычки. Но это не значит, что статусы этих частей одинаковы и равноправны. Именно на этом основании под влиянием методологии дедуктивных наук некоторые лингвисты (преимущественно структурального направления) высказали идею создания особого языка описания значений слов естественного языка. Однако попытки создания такого языка, как и следовало ожидать, оказались неосуществимы.

Естественный язык — универсальная, стихийно, объективно формирующаяся знаковая система. Между тем формальные, искусственные языки образуются по условию; они интерпретируются либо естественным языком, либо другими более сильными формализованными языками. Надо заметить, что такие языки, создаваемые для специальных целей, должны быть обязательно интерпретированы, в противном случае они не будут поняты как содержательные знаковые системы. Ученые, которые переносят методологические требования, какие предъявляются к таким искусственным, формализованным языкам и их интерпретации, — в описание значений слов естественного

языка, тем самым приравнивают его к таким искусственным языкам, что не может не вызывать возражений у многих языковедов.

Ученые называют многие черты естественного языка, свидетельствующие, по сравнению с формализованными языками, об исключительном богатстве и лабильности его семантики, о гибкости средств выражения, об универсальности. Следует подчеркнуть необходимость и единственность языка, хотя начиная с Соссюра некоторые лингвисты утверждают, что естественный язык принципиально не отличается от других семиотических систем. История человечества не знает человеческого общества без языка. На всех этапах развития общества язык непосредственно вплетен в человеческую практику и корректируется этой практикой. Непосредственное выражение мысли на естественном языке есть одновременно акт ее создания. В искусственных языках эти акты на известном этапе разделены; специальное назначение знака в системе и его содержание предварительно оговариваются, следовательно, такие языки подготавливаются другой содержательной системой и средствами ее выражения.

Обсуждение правомочности естественного языка как языка описания своих единиц имеет важную гносеологическую сторону. Способен ли язык описывать не только материальные, но и такие идеальные объекты, как значение слова или другой языковой единицы? Языковая практика дает основания ответить положительно.

Значение слова мы вправе рассматривать как идеальный объект; в значениях отождествлены, в известном смысле, реальные предметы, их свойства и их отношения. Между действительностью, ее материальными объектами и значениями единиц языка, отражающими их, нет пропасти. Поэтому не может быть принципиального противоречия между описанием средствами естественного языка обозначаемого явления действительности и описанием отражения этого явления в значении слова, т. е. его идеальной стороны. Соответствие материального, являющегося объектом человеческой деятельности, и его идеального отражения в голове человека делает принципиально и единственно возможным использование естественного языка для описания как обозначаемых фактов, так и значений слов, отражающих эти факты.

В формализованных языках статусы объектного языка и метаязыка различны, что находит выражение соответственно в знаках и их значениях.

Если формализованные языки оперируют предельно абстрактными понятиями, то структура значений слов естественного языка, как говорилось выше, подвижна и многофункциональна, способна по условиям речи обозначать не только понятие (которое, кстати сказать, весьма редко актуализируется в речи), но чаще всего конкретные предметы и явления. Однако толкование

значения слова относится собственно к семантическому, логическому ядру слова (см. выше схему лексического значения).

В естественном языке при толковании значений слов мы не наблюдаем каких-либо формальных или семантических отличий в употреблении слов в определении, когда они раскрывают признаки «идеального предмета», по сравнению с употреблением этих же слов в обычной речи, когда они обозначают те или другие признаки, приписываемые подлежащему, обозначающему предмет или понятие. В левой части определения обозначается слово как знак; то, что оно обозначает, раскрывается в правой части, выступающей в форме развернутого предиката. Как любой предикат, определение содержит признаки, приписываемые субъекту-подлежащему, т. е. левой части. «Предикативная функция,— замечал В.В. Виноградов,— заключается... в раскрытии реального содержания, связи и взаимодействия предметов и явлений действительности» (46, с. 50). В этой дефинитивной роли у языка не появляется каких-либо неизвестных, новых свойств.

Распространенное применение в современной лингвистике терминов метаязыка, метаречи не должно вводить в заблуждение относительно свойств естественного языка описания. В употреблении этих терминов должно учитываться не столько своеобразие поведения языка, сколько своеобразие обозначаемого в его отношении к значениям и функциям слов, описывающих его.

Как предметы, так и отражающие их значения (понятия) находятся в многообразных отношениях друг к другу, существенных и несущественных. Именно поэтому как предмет, так и понятие может определяться через различные отношения к другим предметам и понятиям, однозначно выделяющим толкуемый предмет или понятие. Иерархическая подчиненность понятий, особенно сложных, и одновременно рядоположенность и соподчиненность их с другими, позволяют понятиям определяться различными комбинациями других понятий, т. е. переводиться в разные знаковые экспликации, что Л.С. Выготский назвал «законом-эквивалентности понятий» (15, с. 249). Такая природа значения (понятия) делает настоящей исследовательской задачей поиск действительно определяющих, ближайших существенных признаков значения. «Подлинно удачное определение,— писал Х. Касарес,— может содержать столько же интеллектуальной красоты,— в конце концов речь идет об уравнении,— как и изящное решение сложной математической задачи» (47, с. 177).

Определение значения, разумеется, не есть еще значение в своем реальном существовании, т. е. значение в себе. И признаки значения, эксплицированные в определении с помощью других слов, существуют в толкуемом слове не как значения этих слов с выражением всех свойственных им семантических функций. Подобно тому, как определение предмета не есть еще сам предмет, так и определение значения

(«идеального предмета») не есть еще собственно значение, значение в себе. Если первое очевидно, то второе — определение значения — нередко смешивается, т. е. определение значения, представленное в виде называемых его признаков, выдается за собственное его существование в слове.

Признак как элемент значения — это существующее в мышлении идеальное отношение обозначаемого явления (понятия) к другому или другим. Соотношение и условное равенство между признаком и обозначающим его словом в определении замыкается пределами данного определения как отрезка метаречи. Приведение этого признака необходимо для понимания, уточнения или уяснения значения слова как совокупности подобных признаков.

Определение, таким образом, отражает действительные отношения значения к другим значениям (понятиям): эти отношения закреплены практикой общения, парадигматическими и синтагматическими отношениями слов. Поэтому отыскание и исследование этих отношений и приведение их в известность в вербальных определениях представляются единственно возможным способом отразить действительное положение предмета и понятия. Указание на принадлежность определяемого предмета или понятия к тому или другому классу предметов или понятий есть одновременно указание и на обладание свойствами этих предметов или понятий. Для говорящего, таким образом, раскрываются содержание, существенные черты толкуемого значения.

Ввиду того, что лексика представляет собой сложную систему единиц, семантически и логически разнообразных, находящихся в многообразных отношениях к действительности и друг к другу, невозможно предусмотреть универсальный способ определения (48). Это ставит перед составителями словарей задачи чрезвычайной трудности, так как в дополнение к различным другим лексикографическим разработкам всякий раз приходится решать вопросы системной организации фрагментов словарного состава. Отсюда ценность словарных толкований в том, что они, объясняя и уточняя значения слов, приводя различные их характеристики, одновременно вскрывают ближайшие системные логические взаимоотношения слов. Поэтому вполне закономерно, что путь к решению проблемы определения значения слов лексикографы видят в разработке моделей толкования для тематических и семантических групп слов (48, с. 11). Между тем лексика, например, русского языка остается в этом отношении неизученной. Возможно, что вскрытие «идеологической» и тематической организации словарного состава языка позволит создать типологию дифференцирующих и интегрирующих признаков, отражающих эту организацию. Выделение таких общих определяющих признаков позволит выбрать наиболее подходящий способ толкования значений той или другой группы слов.

Разумеется, определяя значения языковых единиц языковыми же единицами (также в свою очередь определяемыми), мы имеем опасность оказаться в бесконечном ряду определений, если будем познавать значимые единицы языка, обозначающие действительные факты, исключительно из вербальных определений. В. Дорошевский в связи с этим пишет: «Объяснение и толкование языковых фактов нельзя замкнуть в границах этих фактов, т. е. желая их объяснить, нельзя не выйти за их пределы. Каждый языковой элемент — это звено, связывающее человека как неразрывное биопсихосоциальное целое с внешним миром, это рефлекс его контакта с этим миром или импульс, направляющий в сторону этой действительности, которая является «чем-то иным, чем слова». Цель семантического анализа слова, который должен завершиться определением, состоит в том, чтобы найти способ пробить стену, отделяющую мыслимое слово, как предмет интроспекции, от этого элемента действительности, знаком которого оно является» (49, с. 265—266).

Таким образом, естественный язык способен описывать как материальные, так и идеальные объекты, во-первых, в силу того, что между действительным объектом и его отражением в нашем мозгу в виде понятия о нем нет противоречия. Более того, они в известном смысле тождественны. И, во-вторых, язык, как материально-идеальное и субъективно-объективное образование, как «третье бытие», по А.Ф. Лосеву, выступает по отношению к ним в качестве самостоятельного естественного средства отражения и обозначения. Язык как бы «возвышается» над чисто идеальным и материальным, делая их одновременно предметом отражения и обозначения. Отсюда способность языка описывать материальные и идеальные объекты с субъективной точки зрения, постепенно приближаясь к их действительному положению. Такое описание материальных и идеальных предметов осуществлялось всегда. К теоретическому же осмыслению этих возможностей языка ученые обратились сравнительно недавно.

Общепринятое правило аксиоматических, дедуктивных наук — описывать знаки и их значения формальных языков можно только более сильными метаязыками, т. е. языками второго, более высокого порядка. В частности, такие языки должны обладать большим количеством знаков по сравнению с описываемыми языками (ср.: Л. Блумфилд). Естественный язык радикально отличается от формальных конвенциональных языков в этом и других отношениях. Прежде всего естественный язык — это не дедуктивная, аксиоматическая и конвенциональная система. Ее образование обязано объективной практической необходимости общения людей. Она всегда пребывала и продолжает пребывать вплетенной в практическую деятельность людей. Это, разумеется, не значит, что с помощью естественного языка невозможно выразить ту или другую теорию, в том числе дедуктивную, аксиоматическую. Общее направление развития семантики языковых

единиц тяготеет к отвлеченности, не теряя при этом способности к конкретному предметному образному отражению. Обладая способностями и возможностями идеального (мысли) и материального (звука), отвечающего своими определенными качествами природе мысли, естественный язык в этом отношении универсален. Он образован из практических потребностей, постоянно корректируется конкретной действительностью, непосредственной практикой общения, опытом, чувственно воспринимаемой действительностью. Проще говоря, и здесь действует правило: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

В определении мы должны видеть абстрактный способ познания значения и обозначаемого словом предмета. Вербальное определение не может заменить овладения значения слова в практике общения, усвоения связей слова в системе языка, а тем более не может заменить знакомства и познания обозначаемого предмета или явления действительности (ср. наглядное, или остенсивное, определение). Определение значения имеет целью раскрыть содержание значения, по предположению, известными читателю средствами, связью других значений, входящих в толкуемое как отличительные или существенные признаки. О познавательной ценности лингвистического определения можно сказать то же самое, что и о научном определении вообще. Об ограниченности определений даже в дедуктивных науках акад. А.А. Марков, например, писал: «По моему мнению, различные понятия определяются не столько словами, каждое из которых может, в свою очередь, потребовать определения, как нашим отношением к ним, которое выясняется постепенно» (50, с. 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
2. Baldinger K. Semasiologie. Versuch eines Uberblicks. Berlin, 1957.
3. Schippan T. Einführung in die Semasiologie. Leipzig, 1972.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
6. Вандриес Ж. Язык. М, 1934.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
8. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
9. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1926.
10. Фреге Г. Смысл и денотат//Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
11. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1976.
13. Кацнельсон Д.С. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
14. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
15. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1936.
16. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
17. Войвицкый Е.К. Понятие. М., 1967.

- 193».
20. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
21. *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова//Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1.
22. *Аветян Э.Г.* Смысл и значение. Ереван, 1979.
23. *Уфимцева А.Л.* Семантика слова//Аспекты семантических исследований. М., 1980.
24. *Челпанов Г.И.* Логика. СПб., 1910.
25. *Кондаков А.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
26. *Болинджер Д.* Анатомизация значения//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981.
27. *Катц Дж.* Семантическая теория//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. Л.
- " 28. *Бирвиш М.* Семантика//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981.
29. *Лотте Д.С.* Краткие формы научно-технических терминов. М., 1971.
30. «Вопросы теории и психологии творчества». Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910.
31. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
32. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М., 1974.
33. *Горбачевич КС Сороколетов Ф.П.* Значение и оттенок значения в лексикографической практике//Изв. АН СССР, ОЛИЯ. Т. XXXIV 16. 1975.
34. *Милль Д.С.* Система логики. М., 1899.
35. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
36. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
37. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
38. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в грамматике. Л., 1974.
39. *Галкина-Федорук Е.М.* О форме и содержании в языке//Мышление и язык. М., 1957
40. *Серебренник Б.А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
41. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
42. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
43. *Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. М., 1954.
44. *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
45. *Мартинов В.В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1968.
46. *Виноградов В.В.* Идеалистическая основа синтаксической системы проф. А.М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия//Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
47. *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1959.
48. *Евгеньева А.Л.* Определение в толковых словарях//Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.
49. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
50. *Марков А.А.* Исчисление вероятностей. М., 1924.

IX. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

§ 82. ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Проблема языка и общества в теоретическом отношении разработана недостаточно, хотя, казалось бы, она давно была в кругу внимания языковедов, особенно отечественных.

Между тем изучение этой проблемы весьма важно для общества и государства, поскольку она самым непосредственным образом затрагивает многие стороны жизни людей. Без научного разрешения этой проблемы невозможно проводить правильную языковую политику в многонациональных и однопациональных государствах. История же народов мира, особенно в XX столетии, показала, что языковая политика государств нуждается в научном обосновании. Прежде всего это касается понимания общественными и государственными деятелями, а также, в идеале, всеми членами общества самого феномена языка как одного из основополагающих признаков народа. Кроме того, наука призвана обобщить многовековой опыт существования многонациональных государств, проводившейся в них языковой политики и дать правильные рекомендации, обеспечивающие свободное применение и развитие языков народов, проживающих в том или другом государстве.

В предшествующей и существующей отечественной литературе по этой проблеме много декларативных, общих положений, производных от идеологической, философской позиции авторов, в то время как собственно лингвистическая сторона проблемы остается недостаточно проясненной. Не вскрыт и не объяснен сам общественный механизм, определяющий формирование языка как объективно развивающегося, саморегулируемого общественного явления, независимого от воли отдельных его носителей. Однозначно не доказана генетическая связь между обществом, трудом, мышлением и языком. Одновременность их появления целиком основывается на их взаимосвязи и взаимообусловленности в современном обществе и на предположении и вере, что такая связь и взаимная необходимость были всегда, и в период образования языка. Однако при такой постановке проблемы ряд основополагающих вопросов остается без ответа (см. об этом в гл. X).

18. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
19. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1. М., 1938.
20. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
21. *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова//Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1.
22. *Аветян Э.Г.* Смысл и значение. Ереван, 1979.
23. *Уфимцева А.А.* Семантика слова//Аспекты семантических исследований. М., 1980.
24. *Челпанов Г.И.* Логика. СПб., 1910.
25. *Кондаков А.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
26. *Болинджер Д.* Анатомизация значения//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981.
27. *Катц Дж.* Семантическая теория//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981.
28. *Бирвиши М.* Семантика//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, М., 1981.
29. *Лотте Д. С.* Краткие формы научно-технических терминов. М., 1971.
30. «Вопросы теории и психологии творчества». Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910.
31. *Бати Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
32. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М., 1974.
33. *Горбачевич КС, Сороколетов Ф.П.* Значение и оттенок значения в лексикографической практике//Изв. АН СССР, ОЛИЯ. Т. XXXIV 16. 1975.
34. *Милль Д. С.* Система логики. М., 1899.
35. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
36. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
37. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
38. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в грамматике. Л., 1974.
39. *Галкина-Федорук Е.М.* О форме и содержании в языке//Мышление и язык. М., 1957.
40. *Серебренников Б.А.* К проблеме типов лексической и грамматической абстракции//Вопросы грамматического строя. М., 1955.
41. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
42. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
43. *Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. М., 1954.
44. *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
45. *Мартынов В.В.* Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1968.
46. *Виноградов В.В.* Идеалистическая основа синтаксической системы проф. А.М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия//Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
47. *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1959.
48. *Евгеньева А.Л.* Определение в толковых словарях//Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.
49. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
50. *Мирков А.А.* Исчисление вероятностей. М., 1924.

IX. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

§ 82. ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Проблема языка и общества в теоретическом отношении разработана недостаточно, хотя, казалось бы, она давно была в кругу внимания языковедов, особенно отечественных.

Между тем изучение этой проблемы весьма важно для общества и государства, поскольку она самым непосредственным образом затрагивает многие стороны жизни людей. Без научного разрешения этой проблемы невозможно проводить правильную языковую политику в многонациональных и однопациональных государствах. История же народов мира, особенно в XX столетии, показала, что языковая политика государств нуждается в научном обосновании. Прежде всего это касается понимания общественными и государственными деятелями, а также, в идеале, всеми членами общества самого феномена языка как одного из основополагающих признаков народа. Кроме того, наука призвана обобщить многовековой опыт существования многонациональных государств, проводившейся в них языковой политики и дать правильные рекомендации, обеспечивающие свободное применение и развитие языков народов, проживающих в том или другом государстве.

В предшествующей и существующей отечественной литературе по этой проблеме много декларативных, общих положений, производных от идеологической, философской позиции авторов, в то время как собственно лингвистическая сторона проблемы остается недостаточно проясненной. Не вскрыт и не объяснен сам общественный механизм, определяющий формирование языка как объективно развивающегося, саморегулируемого общественного явления, независимого от воли отдельных его носителей. Однозначно не доказана генетическая связь между обществом, трудом, мышлением и языком. Одновременность их появления целиком основывается на их взаимосвязи и взаимообусловленности в современном обществе и на предположении и вере, что такая связь и взаимная необходимость были всегда, и в период образования языка. Однако при такой постановке проблемы ряд основополагающих вопросов остается без ответа (см. об этом в гл. X).

В отечественном языкознании взаимосвязь языка и общества преимущественно исследовалась в пределах отношений общества и тех участков языка, которые отдельные лингвисты относят к внешней его структуре. Это очевидная связь, и ее изучение однозначно доказывает обусловленность определенных сторон системы языка жизнью и развитием общества (наличие в языке функциональных стилей, территориальных и социальных диалектов, научных подязыков, классовых, сословных особенностей речи, тематических, семантических группировок слов, историзмов и др.). Изучение взаимоотношений языка и общества ограничивалось обычно этими вопросами, несомненно, важными и нужными. В отечественном языкознании в 20—40-е годы на основе изучения таких фактов делались заключения о классовости языка, о принадлежности его к надстройке над экономическим базисом общества и др. Попытки распространения непосредственной обусловленности социальными, производственными факторами внутренней структуры языка (фонетика, грамматика, отчасти словообразование) оказались несостоятельными. Надо, однако, заметить, что не исключается опосредованное влияние общественного развития и на внутреннюю структуру языка. Но эта сторона взаимоотношения языка и общества, по сути дела, не исследована.

Не получили достаточного теоретического объяснения многие вопросы, касающиеся дифференциации языка под воздействием классового, сословного, профессионального, возрастного и иного разделения общества. Язык может обслуживать разные классы, сословия, идеологии, профессии, возрастные группы людей, не нарушая своего тождества. Один и тот же язык, также не нарушая своего генетического и функционального тождества, может быть средством общения в различных государствах с разным образом жизни людей, экономическим, государственным устройством, идеологией и др. Разумеется, эти различия отражаются в элементах внешней структуры, однако они не нарушают тождества языка. Непрерывность языка сохраняет его тождество в условиях национальных общественных потрясений, переворотов, катастроф, обеспечивая и в таких исключительных условиях общение и известное взаимопонимание говорящих. Язык как форма способен выражать различное, в том числе и противоположное содержание; он в виде «третьего бытия» как бы возвышается над обществом, его разделением на классы, сословия, профессии, возрасты и пр., отражая определенными своими элементами их различия, но одновременно и объединяя их своей общей системой и структурой, свидетельствующими, что эти различия не нарушают его тождества.

В 60—70-е годы в отечественном языкознании наметился крен в сторону сугубо внутреннего, структурного изучения языка. Под влиянием структурных, математических, кибернетических приемов и методов исследования язык стал рассматриваться многими лингвистами как своего рода порождающее устройство, которое на входе имеет

определенный словарь и правила оперирования им, а на выходе — построенные по этим правилам предложения. В этих процедурах описания, по сути дела, не говорилось о какой-либо связи языка и общества, об обусловленности языка действительностью вообще. Тем самым молчаливо допускалась мысль о полной спонтанности его развития, независимости от действительности и общества. В таком своем изучении языка лингвисты следовали завету Соссюра: «...Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (1, с. 269). Для лингвистов этого направления главное в языке — это структура языка, его элементы и модели их взаимоотношений. Нет сомнения в том, что эти аспекты изучения языка отражают его существенные стороны. Но ограничение его изучения только ими и игнорирование или вовсе отрицание других, также, несомненно, важных, вело бы к односторонности, искажению действительного положения вещей. Вне связи с действительностью невозможно понять роль, место и самой внутренней структуры языка. Ее отвлеченный характер не означает ее полного отрыва от действительности, а лишь говорит об особой ее роли в отражении все той же действительности.

Выше мы неоднократно подчеркивали, что связь языка с действительностью, обусловленность действительностью не лишает язык своеобразной природы и самобытности. И в период расцвета структурализма и в последующее время крайние его проявления подвергались справедливой критике. При всей важности изучения структуры языка необходимо учитывать, что язык выполняет общественные функции, а потому испытывает воздействие общества и, шире, действительности вообще, которую он отражает в своих знаках, их значениях и отношениях.

Сказанное выше доказывает, что в языке мы имеем весьма своеобразное явление, открытое по отношению к обществу, служащее необходимым его условием и атрибутом, но по-своему «перерабатывающее» общественную и иную действительность. Язык имеет свои «фильтры», пропускающая через которые общественные процессы и события, он своеобразно их преломляет и закрепляет в своих знаках и их отношениях. В этих связях и взаимообусловленностях языка и общества необходимо различать форму и содержание языка. Форма языка, подобно внутренней структуре (в известной степени совпадающая с ней, см. ниже), — глубинное явление языка. Наиболее абстрактными своими элементами она способна участвовать в выражении различных, в том числе противоречащих и исключаящих друг друга, конкретных содержаний.

Чтобы понять сложность и неоднозначность связи между языком и обществом, следует иметь в виду, что язык не только общественное, но и природное и психологическое явление (2, с. 47 и ел.). О том, что язык не только социальное явление, писали многие ученые. Так,

Е.Д. Поливанов подчеркивал сложную природу языка: «...Язык есть явление психическое и социальное: точнее, в основе языковой действительности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда лингвистика, с одной стороны, является наукой естественно-исторической (соприкасаясь здесь с акустикой и физиологией), с другой стороны,— одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, в-третьих, наука социологическая» (3, с. 182).

Какими социальными предпосылками можно, например, объяснить в русском языке падение редуцированных гласных, 1 и 2-е смягчение заднеязычных, палатализацию согласных, редукцию гласных, оглушение звонких на конце слова, виды грамматической связи, модели синтаксических конструкций и т. д. и т. д. Между тем все это глубинные отличительные признаки русского языка.

Общественная природа языка обнаруживается в обязательности его законов и правил для всех говорящих. Необходимость точного выражения своих мыслей с целью взаимопонимания заставляет говорящего — стихийно, а по мере познания языка и сознательно — строго придерживаться усвоенных общих законов и правил языка. Такие условия общения объективно вырабатывают языковую норму, а на определенном этапе развития языка и общества, как следствие, — литературную норму языка (см. ниже).

Общие законы языка, обязательные для всех говорящих, сочетаются с индивидуальностью речи и принципиально творческим ее характером. Объективно язык как общественное явление существует в виде «личных языков», по-разному репрезентирующих язык в качестве естественного средства общения. Непрерывность языка и его изменение во времени обеспечивается сосуществованием разных поколений носителей языка и их постепенной разновременной сменой. Отсюда важность изучения языковой личности, поскольку, как следует из сказанного выше, реально язык существует, воплощается в речи говорящих.

Языкознание не может охватить в качестве предмета своего изучения содержание языка личностей, относящееся к разным областям деятельности и знания, а также и к повседневной жизни. Но языкознание имеет свой подход к изучению языка личности. Однако до самого последнего времени только отдельные стороны этой большой проблемы исследовались в языкознании. Так, становление языка у детей, язык и стиль писателей традиционно изучаются в языкознании; в настоящее время формируется новое направление изучения языковой личности (Ю.Н. Караулов).

Родившийся человек «застает» язык сформировавшимся, готовым; с помощью других людей он овладевает в обществе языком в раннем детстве, приобщаясь тем самым к существующим формам отражения и понимания окружающего его мира, закрепленным в общественном

сознании, к общей языковой картине мира. Освоив язык как средство отражения и познания действительности, образования мысли и передачи ее другим, говорящий тем самым подключается к общему движению языка и коллективному познанию с его помощью действительности.

Содержание высказанной в речи становится достоянием собеседника, определенного круга лиц либо — в известных случаях — всего говорящего коллектива. При этом ее воздействие может не ограничиваться моментом ее произнесения. Ее содержание, усвоенное другими участниками общения, может затем передаваться в сообществе, расширяя тем самым восприятие ее другими в пространстве и времени. Участием в общении многих говорящих, взаимным обменом информацией и ее усвоением создается определенный социальный опыт в восприятии и познании окружающего мира. Язык закрепляет этот опыт в своих знаках и их значениях. Язык, таким образом,— это средство хранения и передачи из поколения в поколение социального опыта. Данная роль языка возрастает с изобретением письма, поскольку значительно расширяет временные и пространственные границы передачи информации. Эти границы еще более расширяются в наше время при использовании электронных средств информации, несравненно увеличивающих возможности накопления, хранения и передачи информации.

Из сказанного напрашивается вывод, что две свойственные языку главные его функции — коммуникативная и сигнификативная — отражают внутренне присущее ему противоречие в онтологическом и гносеологическом отношении. Эти две функции делают язык орудием одновременно индивидуального и общественного отражения и познания мира. И в этом, надо думать, залог прогресса познания, поступательного его движения.

Общее (общественное) и единичное (индивидуальное) обнаруживается в каждом факте языка, в любом его предложении. Диалектическое единство этих сторон отражает природу языка, его сущность. В качестве примера возьмем предложение:

В тот год осенняя погода стояла долго на дворе...

Предложение выражает определенный смысл, обозначая соответствующую внеязыковую ситуацию. Общий смысл предложения складывается из смыслов употребленных в нем словосочетаний и слов. В выражении и обозначении смысла участвуют все единицы предложения, принадлежащие к разным уровням языка, выполняя каждая свойственные ей функции, что и образует предложение как грамматическое и семантическое единство, соотношенное с обозначаемой ситуацией. Однако, будучи конститутивными единицами языка, каждая из них — фонема, морфема, слово, словосочетание и предложение (последние как модели) — применяются в соответствии со свойственными

им синтагматическими и парадигматическими правилами, не только в данном предложении. Отражая и обозначая бесконечное множество возможных ситуаций, единицы языка остаются свободными от этих ситуаций. И эта свобода является фундаментальным свойством как их, так и языка в целом. Если бы единицы всех уровней языка были связаны только с непосредственно отражаемой конкретной ситуацией, то применение языка как средства общения, разделенного во времени и пространстве и одновременно представляющего собой единство, было бы невозможно. Язык субъективное и относительно самостоятельное средство общения и отражения действительности и, как таковое, оно способно отражать и обозначать меняющиеся содержания о внеязыковой действительности благодаря наличию таких своих устойчивых механизмов, которые, в известных пределах, независимы от меняющегося содержания. Даже слова, которые, казалось бы, своими значениями непосредственно связаны с действительными фактами, участвуют не только для обозначения предметов той или другой ситуации, но благодаря своим отвлеченным значениям они способны применяться в открытом числе ситуаций.

Бесконечное многообразие явлений внешнего и внутреннего мира человека отражается бесконечной в принципе цепью сочетаний конечного числа единиц языка на каждом его уровне, начиная с сочетания фонем для образования слов и кончая сочетаниями слов при образовании высказываний. Разумеется, не все теоретически возможные сочетания единиц различных уровней языка реализуются в его употреблении. Синтагматические возможности языковых единиц, их валентность и дистрибуция на каждом уровне имеют свои правила и ограничения, обусловленные как внутриязыковыми, так и внеязыковыми факторами, говорить о которых здесь не представляется возможным. Укажем только на принципиальное различие сочетаемости значимых единиц языка, с одной стороны, слов на синтаксическом уровне и, с другой, — морфем на морфемно-морфологическом уровне.

На синтаксическом уровне словосочетания и предложения образуются путем свободного сочетания слов, управляемого, однако, грамматическими правилами соединения слов определенных частей речи, а также предметно-логическими отношениями.

По сходному принципу образуются и новые слова. В слове *уч-и-тель* корень встречается в других словах данного словообразовательного гнезда (*учить, ученик, ученица, учеба, учение, ученый, учащийся* и др.), так же, как и суффикс *-тель* — во многих других словах (*писатель, читатель, обыватель, поручатель, спасатель* и т. п.). Сочетание словообразовательных элементов *уч-и-тель* образует новое слово с новым значением. Разница между образованным с помощью указанных словообразовательных элементов словом и словосочетанием и предложением заключается в том, что слово и его значение закрепляется в языке,

становится постоянным его элементом, в то время как предложение и словосочетание образуются свободным сочетанием слов, взятых для обозначения конкретного явления или ситуации. Созданные таким образом слова составляют конечное число единиц, между тем предложения и свободные словосочетания практически бесконечны в речи говорящих.

Звуковые оболочки слов языка также образуются из ограниченного количества фонем, в совокупности представляющих собой строго построенную, замкнутую систему.

В каждом случае сочетаемость различных единиц языка (слов — при образовании словосочетаний и предложений, морфем и фонем — при образовании слов) подчиняется своим синтагматическим правилам и закономерностям. Сочетаемость морфем и фонем фиксирована в слове, в отличие от сочетаемости слов в словосочетаниях и предложениях, где она всякий раз создается в конкретных условиях речи. Но и в условиях речи связь слов, отражающая неповторимую ситуацию и образующая индивидуальный смысл словосочетания или предложения, включает элементы (грамматические формы слов, модели словосочетаний и предложений, типовые их значения), которые свойственны системе языка вообще и оформляют множества других слов и синтаксических конструкций.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что язык, предполагая в качестве необходимой предпосылки своего возникновения и функционирования общество, тем не менее по отношению к нему, как к действительности вообще, остается относительно самостоятельным образованием со своими особыми законами и правилами отражения действительности.

Мы называем язык общественным явлением прежде всего потому, что в его образовании участвует общество; говорящий овладевает языком только в обществе; объективный характер развития языка также проистекает оттого, что язык выполняет общественные функции; наконец, своей семантикой, а в известной степени и своей структурой язык в «снятом» виде отражает общество и его структуру. Но все это не лишает язык особого статуса самостоятельной знаковой системы по отношению к отражаемой действительности, в том числе и к обществу.

Таким образом, условием существования и развития языка как средства общения, образования и выражения мысли является диалектическое единство в нем индивидуального и общественного. Такая его природа объединяет и использует достижения и энергию языковой личности и всего языкового сообщества.

Любая человеческая деятельность, имеющая творческий характер, приводит к определенным новым результатам. Особенность речевой деятельности заключается в том, что она выполняет не только известные функции общения (образование мысли, сообщение мысли другому, восприятие и понимание ее последним и др.). В этой постоянно совершающейся в обществе деятельности исторически и функциональ-

но происходит постоянная систематизация и создание самого орудия этой деятельности — языка. При этом несмотря на, казалось бы, общие потребность и необходимость образования языка, каждый язык остается по своему характеру самобытным и своеобразным явлением. Языки поражают своим разнообразием фонетических, грамматических, лексических систем. Почему в результате общественной по своей природе речевой деятельности образуется в каждом языке именно такой состав фонем, такой грамматический строй и пр.— ответить на этот вопрос современное языковедение не может. И прежде всего потому, что истоки языка, а следовательно, и начало формирования его уровней скрыты толщей времени в несколько десятков или сотен тысячелетий. В доступную же наблюдению историческую эпоху наука отмечает на поверхности языка лишь отдельные подвижки уже готовой, действующей его системы и структуры; однако проследить и понять управление механизмом этой системы в целом современной науке пока также не удается.

§ 83. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА

В отечественной литературе весьма распространены взгляды, согласно которым развитие языка целиком подчинено историческому движению общественных формаций.

На этом основании выделяются сменяющие друг друга язык рода, племени, союза племен, народности, нации (см. ниже). Нет сомнения, что язык тесно связан с обществом; в своем функционировании и историческом движении он определенными своими средствами отражает многостороннюю жизнь общества. Однако связь языка с общественными процессами и формациями не так прямолинейна, как это выглядит на приведенной выше схеме. И выделение особых языков для разных, и прежде всего соседствующих, общественных формаций в истории одного и того же народа страдает механистичностью. Народ, живший в своей истории в разных общественных формациях, не лишается своего тождества. Подобным же образом и язык не лишается тождества, несмотря на то, что обслуживал эти формации. Разумеется, язык изменяется и развивается, и на каком-то этапе своего исторического движения можно говорить о его качественном новом состоянии. Но это его новое качественное состояние обуславливается не его принадлежностью именно к данной формации, хотя ее влияние на многие стороны языка, и в том числе на его структуру, будет несомненным. «...Язык, рассматриваемый в два последовательных момента истории,— писал Е. Косериу,— не является ни совершенно другим, ни в точности тем же самым» (4, с. 343).

Для понимания такого неоднозначного соотношения языка и общества необходимо учитывать двойственность, антиномичность

структуры языка, о чем мы писали выше (см. § 48). Присущая языку противоречивость давала основание ученым выделять в нем внутреннюю и внешнюю историю (Бодуэн де Куртенэ), внутреннюю и внешнюю лингвистику (Соссюр), внутреннюю и внешнюю структуру (Е. Косериу), два аспекта изучения языка — структурный и функциональный (А.В. Аврорин, Ф.П. Филин, Ю.Д. Дешериев и др.).

Продуктивной посылкой изучения противоречивой природы языка, еще одной его антиномией представляется выделение в нем внутренней и внешней структуры. Такое выделение имеет несомненные объективные основания, поскольку позволяет объяснить тождество языка как в его историческом движении, так и при наличии известной территориальной и социальной дифференциации. В свете такого изучения языка получают непротиворечивое объяснение классовые и сословные особенности языка, находящие свое выражение преимущественно в его внешней структуре, т. е. отражающие особенности общения в определенных социальных условиях.

Что образует внутреннюю структуру языка? Это прежде всего фонетический, грамматический, словообразовательный строй языка.

Фонетическая система (внешняя форма) образуется в течение столетий и тысячелетий, она строго структурирована; это внешний материальный субстрат нашей мысли. В силу такой своей природы она безразлична к внеязыковым событиям, социальным процессам, сменам формаций и пр.

Грамматическая система представляет собой предельно отвлеченную в каждом языке формально-содержательную классификацию единиц языка, их связей и отношений, обеспечивающих функционирование языка. Грамматическая система также формируется в течение исторически длительного времени и, подобно фонетической, она непосредственно не реагирует на общественные внеязыковые процессы и события. Сходна с ней и словообразовательная система.

Общепринято мнение, что лексика непосредственно отражает то, что происходит в обществе. Поэтому ее обычно относят к внешней структуре языка, тесно связанной с процессами, явлениями, событиями жизни общества. Однако и лексика языка включает исторически сформировавшееся ядро, обозначающее такие предметы и явления внешнего и внутреннего мира человека, которые всегда сопутствуют жизни его и общества. Разумеется, этот костяк лексики, или внутренний словарный фонд, не остается неизменным. Но он изменяется весьма медленно; даже изменения фонетической и грамматической сторон языка могут опережать по своим темпам изменение словарного фонда. Правда, надо заметить, что при внешнем тождестве одних и тех же слов разных исторических эпох меняются их значения, содержание и смыслы. Для людей разных исторических эпох содержание и смыслы

таких, например, слов, как *небо, звезды, Земля, Солнце, Луна, мир, государство, власть, правда, суд, воля, труд, мысль, молния, гром, гроза, туман, роса, землетрясение* и мн. другие не были одинаковыми. Кроме того, мы должны учитывать, что все происходящее в обществе непосредственно отражается и закрепляется в языке, в различных текстах, документах, произведениях, по которым и современники, и будущие поколения узнают и судят о происходившем. Цель всех этих реализаций языка — выражение актуального содержания; это речевые образования, в которых наряду с актуальным содержанием выделяется форма языка, которая способна выражать многообразное содержание.

В свете сказанного возникает вопрос, в силу каких языковых процессов образуется такая двойственность языка, давшая основание говорить о его внутренней и внешней структуре. Возможным объяснением могут служить, по нашему мнению, следующие соображения.

Речевая деятельность включает, кроме образования актуального содержания, передачи, восприятия и понимания его, постепенное создание самой системы языка, о чем мы писали выше (см.: § 48; 4, с. 343—344). Язык не был дан человеку в готовом виде, а начиная со своих истоков формировался в самом процессе функционирования и эволюции. С самых истоков эволюция языка есть одновременно и создание его системы. Выше мы говорили, что системообразующую и языкообразующую роль в речевой деятельности выполняла и выполняет форма языка (см. гл. VII). Именно в форме языка системообразующие тенденции речевой деятельности получают закрепление. Форма «отбирает» и закрепляет непосредственно в процессе общения (в определенных знаках, их значениях и регулярных отношениях) с т е р е о т и п ы языкового взаимодействия, с одной стороны, говорящих между собой, с другой, — последних с отражаемой действительностью. Стереотипы предполагают разной степени отвлечения от выражаемого в языке к речи содержания. Отсюда исподволь в языковой системе устанавливается разное отношение к конкретному содержанию разных структур и уровней языка по мере их исторического формирования: глубинных, непроницаемых для непосредственных внешних воздействий, и поверхностных, отражающих — в разной степени и форме, в том числе и непосредственно, — внеязыковую действительность. Однако и предельно отвлеченные элементы, свободные, казалось бы, от конкретного содержания высказывания, и элементы, непосредственно связанные с этим содержанием, оказываются одинаково необходимыми для образования и выражения в языке этого содержания.

Закрепление стереотипов в форме языка предполагает известную временную протяженность. Поэтому, как замечает Е. Косериу, «язык функционирует синхронно, а создается диахронно» (4, с. 338).

Стереотипы в использовании языковых знаков, их значений и связей образуются в результате отвлечения и обобщения конкретных содержаний, становясь их структурными элементами строения и вы-

ражения. Рост отвлечения прямо пропорционален охвату в отражении конкретных содержаний. Чем отвлеченнее та или другая языковая структура, тем она глубиннее и самостоятельнее по отношению к выражаемому конкретному содержанию. Поэтому наиболее глубинные структуры языка, например грамматические формы слова, модели предложений и словосочетаний, суть предельные в данном языке отвлечения. Они представляются независимыми от обозначаемого конкретного содержания, являясь в то же время весьма показательными признаками национальной самобытности языка.

Такая отвлеченность свидетельствует об огромной временной дистанции, которую прошел язык в своей эволюции: от нерасчлененного слова-предложения, непосредственно соотнесенного с подобным ему нерасчлененным чувственно-наглядным образом, до формальной абстракции, структурно организующей выражение открытого числа конкретных содержаний. Отмечаемая независимость внутренней структуры языка, ее имманентность есть результат многотысячелетнего пути отвлечения и обобщения человеческого опыта в отражении действительности. Несомненно, что в своих истоках язык, его элементы и их отношения были прямым образом обусловлены действительностью, взаимоотношением людей и действительности. Но в то же время в самих истоках языка берет начало и процесс абстрагирования. Ибо в противном случае язык не смог бы быть средством общения и выражения мысли в обществе, пусть первоначально и весьма ограниченным по числу своих членов, но разделенном во времени и пространстве. Причем по мере развития общества эта разделенность росла. Надо полагать, известную долю абстрагированное™ язык получил от других доязыковых средств общения, с которыми язык первоначально употреблялся в единстве (см. гл. X).

При всей видимой независимости от конкретного предметного содержания и социальных факторов предельная грамматическая отвлеченность, как элемент формы, является необходимой для образования и выражения этого содержания. Грамматические абстракции и средства их выражения обеспечивают широкий классификационный (а следовательно, и в известном отношении познанный) охват отражаемых и обозначаемых явлений действительности, их организацию и оформление. Формальные абстракции воплощают многотысячелетний опыт человеческого сообщества, невозможный и недоступный для отдельного человека и тем самым экономящий умственную энергию говорящих.

Постоянно совершающееся в языке движение к отвлеченности не исключает, как писал Потебня, чувственно-наглядного, образного познания действительности. Природа языка и мышления человека такова, что она сочетает отвлеченные, формальные структуры с выражением с их помощью конкретного содержания, образующегося в индивидуальных, неповторимых речевых условиях. Антиномичность языка, диалектика абстрактного и конкретного, общего и частного,

свойственная самой природе языка, обеспечивает поступательное его развитие. Процесс абстрагирования, умножение в эволюции языка отвлеченных языковых знаков, моделей их типовых связей обеспечивает все больший охват явлений действительности и в итоге, по мере привлечения абстракций в речевой деятельности, ведет к все более точному и дифференцированному отражению действительности.

Внутренняя структура существенно определяет качественный облик языка. Наследуя прошлое, находясь в процессе изменения и систематизации, внутренняя структура одновременно участвует в отражении разнообразного актуального содержания. И в этом выполнении переходящих коммуникативных задач в полной мере используется прошлый опыт применения языка, его формально-структурное, семантическое наследие.

Внешняя структура языка прямым образом связана с обществом и в известной степени отражает его структуру; она чутко реагирует на общественные явления и процессы, закрепляет их в своих элементах, в распределении языковых ресурсов в зависимости от сфер и условий общения. Именно этими внешними для языка причинами объясняется существование в нем функциональных стилей, территориальных и социальных диалектов, подязыков науки, семантических, понятийных, тематических полей, историзмов, неологизмов и др.

Язык — цельное системное и структурное образование. Поэтому между внутренней и внешней структурой языка не может быть жестких линий их разграничения. Границы между ними нечетки и подвижны. Но вместе с тем в строе языка наблюдается различие и поляризация единиц, их семантики, моделей их применения и связей, происходящих процессов по их зависимости или независимости от внеязыковых, общественных, субъективных факторов. Элементы внутренней и внешней структуры языка, будучи результатом исторически длительной эволюции языка, в равной степени участвуют в выполнении конкретных речевых задач.

§ 84. ФОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЯЗЫК. ЯЗЫК РОДА. ПЛЕМЕНИ, СОЮЗА ПЛЕМЕН, НАРОДНОСТИ

Язык обслуживает человеческое общество, начиная с рода, состоящего из весьма небольшого количества своих членов, и кончая нацией, насчитывающей, как правило, миллионы, в отдельных случаях — сотни миллионов людей.

Но на всех этапах обслуживания развивающегося общества язык, как естественная знаковая система, сохраняет свою самобытность и определенную самостоятельность по отношению к обществу, подчиняясь внутренним законам. Рассматривая связь языка с общественными формами, мы должны учитывать указанную выше антиномичность

278

языка, отражающую его природную триединую сущность как одновременно физического, психологического и социального явления. Одними своими элементами язык восприимчив к общественным явлениям и процессам, другими — он автономен по отношению к ним. Постоянно совершающийся общественный процесс, переход от одной общественной формации к другой непосредственно и опосредованно воздействует на язык и в итоге вызывает в нем изменение. Изменение языка есть постепенное преобразование старого состояния, приспособление его к постоянно меняющимся и усложняющимся условиям жизни общества. Поэтому сравнивая язык разных общественных формаций, мы находим в нем как новое, так и старое, а точнее: находим элементы, которые переходят от одного состояния общества в другое, видоизменяя в известной степени свои функции, и элементы, которые возникают и существуют только в определенном состоянии общества, в определенной общественной формации. На этом основании, как говорилось выше, в языке выделяются внутренняя и внешняя структуры.

Первичным социальным образованием принято считать род, который представляет собой и языковую общность. Последнюю, однако, нельзя называть собственно языком или обособившимся диалектом в полном смысле этого слова, а скорее — говором (5, с. 109). Род определяется как «группа кровных родственников, ведущих свое происхождение по одной линии (материнской или отцовской), по большей части осознающих себя потомками общего предка (реального или мифического), носящих общее родовое имя; в роде наблюдается экзогамия» (6, с. 156). В силу господствовавшего закона экзогамии род не мог существовать изолированно, поэтому с самого начала появления человека разумного два или несколько родов объединялись между собой брачными отношениями. Это накладывало отпечаток и на язык, языковые образования. Роды объединялись в фратрии, фратрии составляли племя.

Между членами племени также существуют кровно-родственные отношения. Племя в зачаточном виде возникло одновременно с родом. Племя характеризуется своей территорией, единым племенным языком или диалектом. Племя свойственна племенная эндогамия, т. е. заключение браков между мужчиной и женщиной одного племени. Существовали союзы племен, которые имели различия в языке, т. е. говорили на разных диалектах. Считается поэтому, что род не имел своего особого языка или диалекта. Об особом диалекте, а тем более о языке можно говорить по отношению к племени или союзу племен.

Народность как социальная форма жизни людей, предшествующая образованию нации, предполагает значительное развитие общественных отношений, наличие по большей части сложной — социальной, государственной, производственной и др. — структуры. Соответственно усложняются структура и общественные функции языков, обслуживающих такие социальные образования. Однако со-

временная социология и социоллингвистика, и прежде всего отечественная, относят к народностям группы людей, которые существенно различаются временем своего образования, характером общественных, производственных, государственных и иных отношений, количеством образующих народность людей. Соответственно различаются структура и выполняемые социальные функции языков таких общественных формирований (ср., с одной стороны, древнеегипетская, древнегреческая, древнерусская и др. народности и соответствующие им языки с их территориальной, функциональной, стилистической дифференциацией, богатым словарем, развитым грамматическим строем и т. д. и, с другой стороны, так называемые «одноаульные языки» современных весьма малочисленных групп людей, объединенных территорией, языком, родственными отношениями и насчитывающих нередко лишь сотни носителей такого языка (например, юкагиры, ягнобцы, таты и др.).

Однако в отечественной социологии и социоллингвистике как первые, так и вторые относятся к народностям. Общим их признаком считается классовый характер общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического. Признается при этом, что отличительные признаки народности и нации совпадают (общность языка, территории, экономики, психологического склада, проявляющегося в культуре и др.); однако у народности эти черты еще недостаточно развиты. Народность, согласно распространенной точке зрения, — это «исторически сложившаяся, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации» (7, с. 280).

Думается, что объединение в один разряд («язык народности») по одному классовому признаку языковых образований, существенно различающихся своим размером, структурой, выполняемыми общественными функциями, неправомерно. В таком неразличении сказывается вульгарносоциологический подход в изучении проблемы «Язык и общество». Надо, однако, заметить, что эта сторона проблемы изучена совершенно недостаточно и для языкознания она представляет весьма трудную задачу, поскольку предполагает учитывать многие языковые и социальные факторы на протяжении, можно сказать, всей наблюдаемой истории человечества: от рабовладения до социализма. Здесь необходимы более конкретные уточнения.

Одним из первых сложились древнеегипетская и древнеэллинская народности рабовладельческой эпохи. В Европе процесс становления народностей завершился в эпоху феодализма. Образовались французская, итальянская, польская, древнерусская и другие народности. Как отмечалось выше, в отечественной социоллингвистике принято считать, что народности образуются и при более поздних общественных формациях — капитализме и социализме. Историки считают, что за годы советской власти на базе родоплеменных групп возникли новые народности (5, с. 111). Это малочисленные народности Крайнего Севера,

Сибири и Дальнего Востока (ненцы, ханты, манси, эвенки, нанайцы, коряки, удэгейцы и др.).

Язык играет большую роль в процессе становления народности. Народности складываются, как правило, на базе близкородственных племен. Так, например, польская народность образовалась из славянских племен полян, вислян, мазовшан и др. Но базой для образования народности могут послужить и разноязычные племена. Например, французская народность образовалась на базе галльских племен, римских колонистов и германских племен (франков, вестготов, бургунов и др.).

При формировании языка народности один из диалектов таких племен становится господствующим, и на его основе образуется язык народности, т. е. постепенно превращается в общий язык всей народности. Так, в основу латинского языка лег диалект Рима, итальянского — флорентийский диалект, татарского — диалект Казани, грузинского — картлинский диалект и т. д. Диалекты, не ставшие базой для языка народности, могут развиваться под влиянием определенных социальных, экономических и др. условий в самостоятельные языки, но могут и сблизиться с языком народности.

Древнерусская народность возникла в результате объединения восточнославянских племен и образования государства Киевской Руси (племена: кривичи, древляне, словены, северяне, поляне, родимичи, тиверцы, вятичи, вольняне, белые хорваты и др.). Ф.П. Филин писал о языке древнерусской народности: «Относительное единство древнерусского языка эпохи разложения родового строя и перехода к феодальному обществу несомненно. Это единство поддерживалось разного рода экстралингвистическими обстоятельствами: отсутствием территориальной разобщенности между восточнославянскими племенами, а позже отсутствием устойчивых границ феодальных земель, развитием надплеменного языка устной народной поэзии, тесно связанного с языком религиозных культов, возникновением зачатков публичной речи, звучащей при заключении межплеменных договоров и судопроизводстве по законам обычного права» (8, с. 625—626).

Большую роль в консолидации языка Древней Руси сыграло распространение письменного, книжного старославянского языка с конца IX в. Старославянский не был обособленным, самостоятельным языком в полном смысле этого слова по отношению к языкам, а точнее — к диалектам племен древних славян, в том числе и восточным. С незначительным допущением этот язык можно считать о б щ е с л а в я н с к и м языком, т. е. языком, закрепившим в письменном, книжном варианте общеславянское языковое единство. Именно так его понимали наиболее авторитетные его исследователи: И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, А. Мейе, А.М. Селищев, Н.С. Трубецкой и др.

В XIII—XIV вв. начинают складываться три близкородственные народности — русская, украинская и белорусская — со своими языками. Единая древнерусская народность разделяется.

Образование и укрепление Московского государства привело к образованию русской (великорусской) народности. Как известно, в основу языка русской народности легли среднерусские говоры.

Историки языка утверждают, что для языка народности характерна значительная вариативность, особенно в эпоху феодализма и капитализма. Появляются различные наддиалектные образования — койне, которые цементируют языковую общность. Условием образования наддиалектных койне могли быть устное народное творчество, поэзия, религиозные ритуалы, охватывающие союзы племен, общие празднества, межплеменные договоры и др.

В состав современной России входят десятки малочисленных народностей. По наличию и характеру письменности языки народностей делят на литературные, письменные и бесписьменные.

К первым относятся языки аварцев, лезгин, кумыков, хакасов, адыгейцев, даргинцев, табасаранцев и др. У них существует художественная и другая литература, народный театр; языки используются в школьном обучении, на радио, телевидении, в сфере производства, особенно в сельской местности.

К письменным принадлежат языки нанайцев, ненцев, коряков, татов и некоторых других народностей. У них существует ограниченная литература (отдельные художественные произведения, школьные учебники, местные газеты). Это малочисленные народности. Узкая сфера применения этих языков, ограниченные общественные функции, малочисленность носителей этих языков затрудняют их нормирование, а следовательно, и их превращение в литературные языки.

Бесписьменными являются разговорные языки весьма малочисленных народностей Крайнего Севера и Сибири (алеуты, ругулы, ительмены, кеты, цезы, цахуры и др.). Эти языки ограничиваются семейным бытом, отдельными сказочно-фольклорными произведениями.

Характерной чертой народностей России является их интенсивное развитие.

§ 85. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

В процессе поступательного развития общества язык народности, при определенных исторических предпосылках, преобразуется в язык нации. Марксизм объясняет образование наций формированием и развитием капиталистических отношений в обществе. Ленин: «...Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития» (9, с. 75). Нация не продолжение народности, не

результат ее количественного роста. Образование нации вызвано новыми экономическими, государственными, политическими, культурными и иными отношениями, существенно преобразующими самое общество. Развитие капиталистических отношений в общих чертах характеризуется такими признаками, как ликвидация феодальной раздробленности и образование централизованных крупных государств; новыми экономическими отношениями, основанными на единой государственной, политической, хозяйственной системе, едином рынке и др. Процесс образования централизованного государства ведет к возвышению обусловленного историческим развитием общества центра, который определяет государственную, экономическую, культурную и иную жизнь страны. Новые условия жизни при капиталистической формации требуют взаимопонимания всех членов общества, единого средства общения в многообразных областях деятельности. Отсюда закономерным следствием образования нации является формирование национального языка — высшей формы в исторической эволюции языка. В известный период развития национального языка образуется литературный национальный язык, который существует в двух своих формах — устной и письменной. В марксистской концепции нации единство языка, наряду с экономической, государственной, политической, культурной и др. основой становления нации, выступает одним из важнейших условий государственного сплочения территории «с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплении его в литературе» (10, с. 258—259).

Национальный язык отличается от языка предшествующих общественных формаций, в том числе языка народности, значительным расширением и усложнением выполняемых им общественных функций, что ведет, в свою очередь, к развитию и усложнению внешней, а опосредованно — и внутренней структуры языка. В пределах единого национального языка формируется сложная система функциональных стилей и стиливых разновидностей, определенным образом отражающих структуру самого общества, предметное и понятийное своеобразие различных сфер общения. Возникают новые общественные функции языка по мере увеличения форм общественной деятельности людей (ср., например, развитие науки и техники, образование на этой основе научных в профессиональных подязыков, литературных жанров, расширение роли книжной, деловой речи в связи с ростом и усложнением системы государственных, культурных, учебных, просветительских и иных учреждений).

Во многих случаях нет однозначного соответствия между национальным языком и государством. Казалось бы, оптимальным соотношением должно быть: одно государство — один национальный (государственный) язык. Но в действительности такое соотношение не выдерживается. Единый язык может быть национальным и государст-

венным языком ряда государств; языки таких государств рассматриваются как национальные варианты единого языка. Так, национальными вариантами немецкого языка являются языки Германии, Австрии, частично Швейцарии. В Англии бытует британский вариант английского языка, в США, Канаде — американский вариант английского языка. В Латинской Америке существует два десятка национальных вариантов испанского языка различных государств и т. д.

В то же время в многонациональных государствах возможен не один национальный государственный язык¹. В Финляндии равными правами пользуются два национальных языка — финский и шведский; в Канаде — американский вариант английского языка и вариант французского, причем в провинции Квебек преимущественные права как официальный язык имеет вариант французского языка. В Швейцарии равными правами в употреблении обладают национальные варианты немецкого, ретороманского, итальянского и французского языков. Сложная языковая ситуация возникла в последние годы в бывших республиках Советского Союза (см. § 90).

Если для народности было возможным иметь в качестве литературного языка чужой язык, то в эпоху национальных и национальных литературных языков каждая нация считает приоритетным иметь свой национальный язык, связанный с историей народа, даже в том случае, когда осуществление в жизни такого стремления сопряжено с очевидными трудностями для данного национального государства. Так, например, получив государственность в сороковых годах нынешнего столетия, Израиль в качестве национального официального языка избрал иврит — культовый язык, на котором были написаны в V в. до н. э. священные книги иудаизма, хотя среди европейских евреев, составляющих большую часть населения Израиля, был распространен в устной и письменной форме идиш, имеющий к настоящему времени значительную литературу. Но последний представляет собой вариант верхненемецкого диалекта, восходящий к Средневековью (XV—XVI вв.). надо полагать, это обстоятельство послужило доводом в выборе национального государственного языка Израиля.

Использование не одного национального государственного языка

¹ Термины *нация*, *национальный* многозначны. В западной науке под *нацией* обычно понимают население одного государства безотносительно к разделению людей по этническому признаку и соответственно по родному языку. Между тем в отечественной науке эти термины употребляются преимущественно в этническом смысле, т. е. под *нацией* понимается устойчивая общность людей, генетически и исторически принадлежащая к одному этносу и характеризующаяся единым языком, определенным складом психологии, ума и другими признаками, отличающими данный народ от других (см. § 90). Такое преимущественно различное использование значений этих терминов в отечественной и западной науке отражает, на наш взгляд, исторически сложившийся подход (и соответствующую политику) в национальном вопросе.

в той или другой многонациональной стране становится объективно необходимым в силу складывающихся исторических, экономических, политических культурных и иных условий.

Закон, запрещающий применение в качестве государственного языка одного из национальных языков в многонациональном государстве, в котором живет значительное количество людей, говорящих на данном языке, есть нарушение прав человека, дискриминация их по национальному признаку, проявление национализма. Такая дискриминационная национальная и языковая политика в конечном счете имеет отрицательные последствия как для внутренней (экономической, государственной, гражданской, культурной и иной) жизни страны, так и во внешних отношениях. К тому же в современном мире вторым языком часто выступает по своим общественным функциям *м и р о в о й я з ы к* (английский, русский, французский, немецкий и др.), что дает каждому владеющему этим языком доступ к огромному объему самой различной информации, совершенно необходимой в условиях современной жизни. Поэтому ущемление национальных прав людей в многонациональном государстве, говорящих на языке, обладающем мировым статусом, бесперспективно для такого государства. Получение информации на мировых языках необходимо для крупных современных государств. Что же говорить о государствах небольших, которые экономически не в состоянии иметь не только развитые, соответствующие современным требованиям отрасли хозяйства, но и оперативно переводить на свой национальный язык лавинообразно растущую информацию по разным отраслям производства, науки, техники, культуры и т. д. Для таких стран владение коренным населением, вторым (мировым) языком, а также наличие в стране значительной диаспоры, для которой этот язык является родным, — должно рассматриваться как благо.

В силу исторических, экономических, государственных условий развития страны в основу национального языка кладется, как правило, один из диалектов, получающий тем самым приоритетное развитие по сравнению с другими диалектами. Возвышение национального языка, сопровождается интенсивным распространением его норм, вытеснением диалектной речи прежде всего из сферы культуры, литературы, общественной жизни. Экономическая и государственная жизнь страны при капиталистическом способе производства вызывает усиленную миграцию населения, способствующую разрушению и нивелированию диалектной речи. Однако история современных государств, в том числе и высокоразвитых, свидетельствует, что отнюдь не повсеместно и одинаково интенсивно диалектная речь отстает перед национальным литературным языком. При этом обнаруживаются весьма примечательные отношения между национальными языками и их диалектами. Так, распространяющиеся диалектные различия в ретороманских и других языках Швейцарии ставят под угрозу единство норм соответствующих литературных

языков, что вынуждает правительство Швейцарии принимать меры для укрепления позиций национальных литературных языков.

Разрыв между высшей формой национального языка — литературным языком — и диалектами может быть настолько значительным, что между ними образуется промежуточная форма национального языка преимущественно устного общения, сглаживающая различия между диалектами, с одной стороны, и литературным языком, с другой (ср. цепочку форм языкового общения в немецком языке: диалектная речь (Mundartrede) — «обиходный язык», полудиалект (Umgangsprache, Halbmundart) — литературный язык, письменный язык (Hochsprache, Schriftsprache).

Различия между диалектами одного и того же национального языка могут быть весьма значительными, и национальный литературный язык в таком случае выступает необходимым посредником во взаимопонимании между говорящими на разных диалектах. Эти различия могут быть большими, чем различия между разными близкородственными национальными языками. Так, отечественные ученые, начиная с Ломоносова (см. также В.М. Жирмунский и др.) отмечали, что речь баварца, саксонца или уроженца Шлезвиг-Гольштейна в Германии различается в большей степени, чем речь русского, украинца и белоруса. Говорящие на диалектах Северного и Южного Китая не понимают друг друга, и только китайское иероглифическое письмо служит посредником в их общении.

Общественные функции языка напрямую зависят от характера, структуры, развитости самого общества. Современный мир в этом отношении являет собой исключительное многообразие. На одном полюсе выделяются языки, обслуживающие современные развитые страны, насчитывающие многие миллионы говорящих на своих национальных языках. Такие общества отличаются сложной социальной структурой, высокоразвитым производством, разделением труда, социальной, территориальной, профессиональной дифференциацией языка, богатой литературой, имеющей, как правило, глубокие национальные традиции, литературным языком, обладающим сложной семантической и стилистической системой и др. Следствием экономической, государственной, культурной и иной роли таких стран в мире является приобретение их языками статуса *мировых языков* (ср.: английский, русский, французский, немецкий и др.). На другом полюсе отмечаются языки, которые обслуживают отдельное селение. Разумеется, общественные функции таких языков будут полярны (см. рис. 9, 10). Между ними находится вся масса языков с их индивидуальными общественными функциями, зависящими от состояния обслуживаемого ими общества.

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ МАКСИМАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

(по Ю.Д. Деширеву. Проблема функционального развития языка и задачи социологии // *Язык и общество*. М., 1968. С. 79)

Рис. 9

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК МИНИМАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

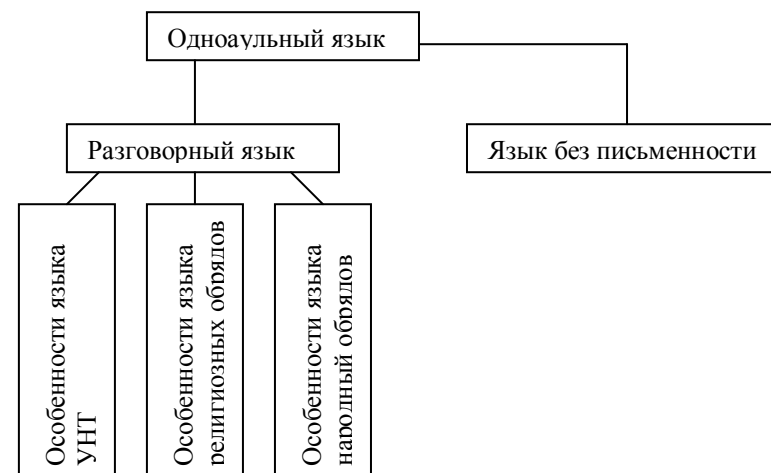

Рис. 10

§ 86. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вершиной развития национального языка является образование его литературной формы — письменной и устной. Формирование национального языка и национального литературного языка — это не обязательно совпадающие по времени процессы.

Однако из этого факта не следует, что до образования национального литературного языка не было вообще какой-либо формы литературного языка. Известно, что, например, создателем общенационального русского литературного языка явился Пушкин. Но это отнюдь не означает, что до Пушкина не было определенной формы русского литературного языка. Литературные языки образуются и в донациональную эпоху. Как правило, литературные языки — письменные языки, но это правило не без исключений. Возможны и устные литературные языки. Они образуются в донациональный дописьменный период языка в силу необходимости постоянного общения между близкородственными племенами и народностями под воздействием социальных, государственных, исторических отношений, народной поэзии, устного народного творчества и других причин (ср.: образование межплеменных койне).

Надо заметить, что в донациональную эпоху литературным языком мог выступать не свой, а другой язык по отношению к данной народности. Так, у германских и западнославянских народов в Средние века литературным языком служил латинский язык (только в письменной форме); в Прибалтике и Чехии — немецкий; у японцев и корейцев — классический китайский; у южных и восточных славян — старославянский; у тюркских народов долгое время в качестве литературного языка употреблялись арабский и персидский языки. Такой язык, как мы видим, мог быть совершенно другой системы (ср.: тюркские языки и арабский или персидский, японский и китайский); мог быть близким (романские языки и латинский); наконец, мог быть весьма близкородственным, одним из племенных диалектов, т. е. практически тождественным с ними в древнем своем состоянии (например, южнославянские и восточнославянские диалекты и старославянский язык).

Общенациональный литературный язык образуется в определенную эпоху. Его создание предполагает известные социальные, экономические, государственные, культурные предпосылки. Он создается тогда, когда сложилась нация со своим языком, имеющая единую территорию, централизованное государство, свойственные этому типу общества производственные, социальные, культурные и иные отношения. Существенно усложняется многообразная экономическая, государственная, политическая жизнь нации. Сложной структуре общества соответствуют дифференцированные функции языка, его структура и

организация, вызванные известным историческим преобразованием самого общества. В таких исторических условиях общество нуждается в семантически и стилистически обработанном, литературно организованном языке, единым по своим нормам в его письменной и устной форме.

Создание национальных литературных языков в Западной Европе замедлилось в связи с тем, что в Средние века в качестве литературного языка, особенно в науке, широко применялся латинский язык. Формирование английского национального литературного языка относится к XVI—XVII вв.; французского — к XVII в.; немецкого — к концу XVIII в.; русского — к концу XVIII — первой половине XIX в.; белорусского — конец XVIII в. (его значительная модернизация осуществлена благодаря творчеству Я. Купалы и Я. Коласа); украинского языка — к первой половине XIX в. В то же время, например, утверждение норм современного чешского языка происходит в конце XIX—первой трети XX в.

Национальный язык, а также и национальный литературный язык формируется на базе диалекта или группы диалектов, связанных с государственным, экономическим, политическим и культурным центром образующейся нации (см. роль таких центров в образовании нации и национального языка, как Москва, Париж, Лондон, Флоренция, Рим и др.). Выбор диалекта или группы диалектов в процессе формирования национального языка вызван не какими-то особыми качествами их грамматического строя, фонетического и лексического состава и пр., а в каждом случае определяется всем ходом и условиями конкретно-исторического развития общества. Однако по мере становления и развития нации, государственного, экономического, политического и культурного возвышения центра и особенно с образованием национального литературного языка и утверждением его норм языковые признаки диалекта, легшего в основу национального литературного языка, становятся престижными, а их кодификация (см. ниже) делает их образцовыми для всей нации, они получают статус национальных (ср., например, московскую речь и ее роль в истории национального русского литературного языка).

Литературный язык — это культурно обработанная форма общенародного языка, получившая в результате национального ее применения общественную оценку как образцовая. Литературный язык охватывает основные общественно важные сферы общения: художественную литературу, науку, школу, театр, радио, телевидение, государственное, хозяйственное управление и др. Различные задачи, выполняемые национальным литературным языком, условия его применения существенно определяют его организацию, структуру. В результате литературный язык имеет сложное строение, соответствующее его коммуникативным функциям. Он представляет собой разветвленную систему стилей и стилиевых разновидностей, отражающих разные усло-

вия общения. Потребность отражения относительно узких условий общения, свойственная им конкретная предметная область и соответствующая ей деятельность говорящего коллектива отбирают и формируют из общего словарного состава особый пласт слов и определяют количественное распределение других языковых средств — морфологических, синтаксических, словообразовательных и др., что и создает своеобразие стиля языка или стилевой разновидности.

Национальный литературный язык выступает в двух формах — устной и письменной. Известно, что язык первоначально существовал в устной форме, т. е. в виде непосредственного общения. Возникновение письменности на определенном этапе развития общества значительно расширяет и усложняет функции языка. По сравнению с устной формой языка письменная форма позволяет в большем объеме накапливать многообразный опыт народа, сохранять его, широко раздвигая временные и пространственные пределы его применения. Со всеобщим овладением письмом в национальную эпоху письменная форма заметно воздействует на устную. В то же время благодаря радио и телевидению, в свою очередь, растут возможности воздействия устной формы на письменную.

Л.В. Щерба отмечал, что устная и письменная формы различаются самым способом своей реализации. Устная речь протекает в виде диалога, обмена репликами. Письменная же речь — это монолог, восприятие которого читателем обычно разделено во времени и пространстве. Такие способы существования устной и письменной форм литературного языка во многом определяют их структурно-грамматические отличия.

Общенациональный литературный язык, наряду с разветвленной системой стилей и стилевых разновидностей, обладает развитой синонимией его двусторонних единиц. Наряду с синонимией национальному литературному языку свойственна весьма активная вариативность языковых единиц — от фонемы до предложения. Варианты языковых единиц литературного языка могут быть гомогенными и гетерогенными. Первые образуются в одних и тех же функционально не обособленных областях общения; вторые появляются в разных условиях общения, но, будучи тем не менее соотносены в единой системе национального языка, в процессе употребления образуют пары генетически и семантически тождественных единиц, однако, с такими их формальными видоизменениями, которые выходят за рамки парадигмы изменения одной и той же единицы. Варианты выполняют в языке одну и ту же функцию, что не исключает их некоторых отличий (см. варианты фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений; об этом см. также § 30).

Историки языка отводят определяющую роль в образовании национальных литературных языков художественной литературе. При этом

особое место в создании литературного языка занимают поэты общенационального масштаба.

В художественной литературе язык находит наиболее разностороннее и объемное использование. Выступая в художественной литературе в изобразительной своей функции, язык отражает типичные области своего применения в условиях единой системы. Это образный язык, предполагающий активное его восприятие читателем и воссоздание в воображении последнего изображаемой действительности. Художественное произведение рассчитано на определенное языковое сознание, но одновременно и отражает его. История художественной литературы свидетельствует, что ее воздействие — изобразительное, эстетическое, языковое, нравственное, познавательное — имеет значительную протяженность по времени и массовости, особенно в пределах реалистического метода отображения действительности.

Таким образом, язык художественной литературы сравнительно с обычным, рутинным предметным общением имеет определенную сверхзадачу. Отсюда и особый статус, особая роль художественной литературы в литературной организации национального языка. Вместе с тем отмечается, что литературная организация и определенное нормирование происходит и в других областях письменного и устного общения. Более того, организация и нормирование языка в специальных сферах общения может происходить раньше, чем в его общем применении. Так, историки русского литературного языка отмечали, что литературная организация языка науки происходила раньше, и в предпушкинский период язык научных трудов не представлял собой такого разноречия стилистических и семантических принципов организации, какой мы наблюдаем в художественном творчестве представителей разных направлений российской словесности. Но организация литературного языка в художественной литературе, в различных ее жанрах, претендует на общенациональное значение, поскольку в своем образном, художественном отражении жизни народа не ограничивается какой-либо одной ее стороной, хотя бы и весьма важной. Как говорилось выше, предметом художественного изображения является жизнь народа во всем ее многообразии. Прослеженный во времени язык художественной литературы наглядно отражает историческое движение языка в наиболее представительном объеме по сравнению с другими видами письменной речи. При этом определяющую роль в образовании национальных литературных языков играет творчество личности, как правило, выдающегося национального поэта. В.В. Виноградов пишет по этому поводу: «А priori можно предположить, что индивидуальное влияние было доминирующим в формировании многочисленных литературных языков, которые появились в течение последних двух столетий. Систематическое изучение таких языков, однако, только начинается» (11, с. 330). Между тем уже сейчас можно сказать о выдающемся вкладе в создание национальных литературных

языков поэтов и писателей национального масштаба: Пушкина в создании русского литературного языка, Данте, Петрарки и Боккаччо — итальянского, Дж. Чосера и В. Шекспира — английского, Гете — немецкого, И.П. Котляревского и Т.Г. Шевченко — украинского, Ф. Ско-рины, Я. Купалы, Я. Коласа — белорусского, А. Мицкевича — польского, Х. Ботева — болгарского, Х. Абовяна — армянского, И. Чавча-вадзе — грузинского, К. Хетагурова — осетинского и т. д.

Объяснение того факта, что создание национальных литературных языков связано с именами виднейших национальных поэтов, надо искать в особенном характере их поэтического творчества, предполагающего исключительное знание языка, свободное владение его различными выразительными (формальными и содержательными) возможностями. Поэт, как никто другой, должен разносторонне взвешивать функциональные ценности каждого слова в целях создания поэтического, художественного образа и выражения с его помощью того или иного содержания.

Истинно поэтическая речь по своей природе предполагает такое обновленное употребление слова, в котором активно и в максимальной степени используются все элементы как внешней, так и внутренней стороны слова. О природе поэтической речи В.В. Виноградов писал: «Поэтическая речь — категория эстетическая и историческая. Во всех своих исторических трансформациях, определяемых разными социальными условиями, разными эпохами, она сохраняет одну и ту же основу или сущность, состоящую в максимальном и целесообразном использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом аспекте. Это фонические, метрические, ритмические, мелодические, фонеморфологические, синтаксические, лексико-семантические, фразеологические, композиционно-динамические, образные и другие свойства и элементы эстетически организованной и направленной речи. Их применение должно быть гармонически согласовано с «планом содержания» и, воплощая его, составлять с ним внутреннее единство» (12, с. 169).

Использование в единстве с выражаемым содержанием указанных и других качеств и элементов слова в их эстетической функции требует от автора особого дара и предельного напряжения всех его творческих сил. Пушкин, например, писал о поэзии: «Поэзия бывает исключительно страстью немногих и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...» (13, с. 103—104). Поэт должен владеть огромными языковыми массами, иметь глубокое интуитивно и сознательно развитое представление о функциональной ценности, потенциальных возможностях элементов языковой системы, их месте в этой системе. Художественная литература, и прежде всего поэзия, оказывается той «лабораторией», в которой первоначально организуется национальный литературный язык и которая, как образец, служит созданию литературного языка в других сферах общения нации. Эту сторону

творчества великих национальных поэтов отметил А.П. Платонов: «...Надо уметь пользоваться комплексом всех слов, чтобы наша мысль, зародившаяся вначале как смутное ощущение, была исполнена в слове с изобразительной точностью» (14, с. 147).

Но не только поэтому поэзия оказывается тем жанром словесного творчества, который служит литературной организации национального языка. Особенности стихового слова, его положения в поэтической речи сравнительно с прозаическим словом весьма тонко и углубленно исследовал Ю.Н. Тынянов. Он считал, что эти особенности обуславливаются психологическими причинами, которые определяют сам процесс речевой деятельности творческой личности и непосредственно выражаются в различном поведении в системе языка поэтического слова по сравнению со словом прозаическим. Ю.Н. Тынянов утверждал, что для прозы характерна установка на с и м у л ь т а н н о е слово, в то время как поэтическое слово с у к ц е с с и в н о .

Симультанная мысль образуется в человеческом мозгу сразу во всей своей потенциальной сложности и одновременности. Поэтому ее выражение с помощью языка представляет своего рода «разматывание клубка». Внутренне человек имеет представление или собственно знание о содержании этой мысли. Возможно, это знание им когда-то было усвоено в его опыте и хранилось в памяти. Но это представление или знание не дошло еще до логически четкой кристаллизации мысли, когда ее уже можно выразить для других. И задача человека собственно и заключается в том, чтобы облечь представляемое содержание в соответствующие языковые формы. Причем образование такой мысли происходит быстро, поскольку оно обходится без участия языка, т. е. без логического расчленения, оформления и дискретного ее выражения. Симультанная мысль, например, возникает в том случае, когда на обращенный к нам вопрос собеседника мы знаем, что ответить, и высказывание нашего ответа происходит, можно сказать, одновременно с образованием этой мысли.

На такой характер нашей мысли указывали ученые и писатели, которые глубоко интересовались психологией человеческого мышления. «Нет сомнения,— писал Потебня,— что те действия нашей мысли, которые в мгновение своего совершения не нуждаются в непосредственном пособии языка, происходят очень быстро. В обстоятельствах, требующих немедленного соображения и действия, например, при неожиданном вопросе, когда многое зависит от того, каков будет наш ответ, человек до ответа в одно почти неделимое мгновение может без слов передумать весьма многое. Но язык не отнимает у человека этой способности, а напротив, если не дает, то по крайней мере усиливает ее» (15, с. 167). Эту же черту человеческого мышления отмечал Ф.М. Достоевский: «Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно в виде каких-то ощущений, без перевода на человеческий язык тем более на литературный. Но мы постараемся

перевести все эти ощущения героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этих ощущений, так сказать, то, что было в них самое необходимое и правдоподобное» (16, с. 315).

В прозе господствует симультанная мысль, развертывание мысли происходит одновременно со словесным ее выражением. В поэтической же речи мысль образуется последовательно, будучи обусловленной ранее высказанными словом и мыслью (рифма, размер стиха, заложенный образ и другие элементы организации стихового ряда). Здесь преобладает сукцессивная мысль, которая провоцируется предшествующими высказанными словами и мыслью. Такое строение поэтической речи создает, по словам Ю.Н. Тынянова, «тесноту стихового ряда»; слово в стиховом ряду более тесно связано семантически, общей «лексической тональностью». Он пишет: «Слово оказывается внутри стиховых рядов и единств в более сильных и близких соотношении и связи, нежели в обычной речи; эта сила связи не остается безрезультатной для характера семантики» (17, с. 121).

Сукцессивное мышление и способы его словесной объективации требуют от автора оперативного владения большими запасами мыслительного содержания и языковых средств его выражения. С учетом же указанных выше множественных характеристик поэтического слова такое владение предполагает наличие особых способностей к этому виду словесного творчества. Поэты национального масштаба обладают в высшей степени развитым сукцессивным мышлением, что, разумеется, не отнимает у них способности к симультанному мышлению (по большей части они писали и прозой, которая не уступала их поэтическим произведениям). Речь идет о том, что природа поэтического творчества требует исключительной способности к сукцессивному мышлению. Такое мышление, соответствующие ему способы выражения мыслительных образований путем подбора определенных слов и других языковых единиц заставляют выдерживать, по словам Ю.Н. Тынянова, единство «лексической тональности», что в творчестве поэтов такого масштаба становится необходимой предпосылкой образования национального литературного языка как единой системы общения и выражения мысли. В едином стиховом ряду стилистически и семантически различные, гетерогенные языковые единицы претерпевают определенные внутренние изменения, участвуя в создании упомянутой выше общей лексической тональности стихового ряда. Попадая в такой ряд, слова образуют индивидуальные речевые смыслы, не порывающие семантической и образной связи со своими языковыми значениями. Иными словами, именно поэтическая речь национальных поэтов обеспечивает синтез языковых средств, привлекаемых ими в своем творчестве.

И по завершении литературной организации национального языка художественная литература продолжает играть существенную роль в развитии и совершенствовании национального литературного языка.

Благодаря художественной литературе отражается и закрепляется, а следовательно, становится достоянием, в принципе, всех говорящих на данном языке, в том числе и будущих поколений, результаты общего языкового движения в типическом, образном его представлении. Каждое истинно художественное реалистическое произведение передает речевое поведение, образ мыслей, слова и обороты, характерные для определенного этапа развития общества. В этом отражении в художественной литературе языка, различных его временных пластов происходит, на первый взгляд, малозаметная, но от поколения к поколению все увеличивающаяся капитализация мысли и способов ее выражения. Литература отражает и закрепляет в своих произведениях различные срезы языкового состояния, содержит особенности речи каждой общественной эпохи.

§ 87. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

Когда говорят о современном литературном языке, то подчеркивают, что это *н о р м и р о в а н н ы й* язык. Однако в понимании самой нормы среди лингвистов нет единства. В последнее время наметилось разграничение понятий, относящихся к норме: выделяют *я з ы к о в у ю н о р м у* и *л и т е р а т у р н у ю н о р м у* национального языка.

Для понимания сущности языковой нормы и уяснения ее места среди других близких к ней языковых категорий следует определить ее отношение к таким категориям и соответственно терминам, как *с и с т е м а я з ы к а* и *у з у с*.

Рассматриваемая в этом аспекте система представляет собой допускаемую, регулярную возможность использования присущих языку формальных и содержательных элементов и вытекающих из их языковой природы видоизменений. Так, русские глаголы, например, имеют в качестве одной из своих форм деепричастия (= система), но в языке далеко не все глаголы образуют эту форму (= норма). Ср., с одной стороны, *читать — читая, летать — летая, умывать — умывая* и т. п., с другой, глаголы *пахать — ? полоть — ? течь — ? печь, лечь* и др., которые не имеют деепричастий; существует парадигма спряжения глаголов в наст. вр. ед. ч.: *пишу, читаю* и т. п. (= система), но отсутствуют формы наст. вр. ед. ч. 1 л. у глаголов типа *победить, убедить* (= норма), ср. противоречащие норме образования — *победю, убедю*; с одной стороны, образуются регулярные пары: *начальник — начальница, воспитанник — воспитанница, спутник — спутница* и т. п. (= система) и, с другой стороны, отсутствие таких пар у слов: *плотник, дворник, жулик, столяр* и др. (= норма).

Понятие системы или структуры более общее, чем понятие языковой нормы. Число языковых элементов и их возможных реализаций в

языковой системе значительно больше того, что допускает норма. Система предполагает реализацию всех потенциальных возможностей языка. Языковая же норма, в силу установленных в обществе традиций, стихийно выработанных правил, избирательно использует языковые элементы, их парадигматические видоизменения и сочетания. Система допускает в большей мере варьирование языковых единиц, норма же отбирает из всех возможных вариантов только определенные.

В отличие от нормы узус включает как традиционные, устойчивые, правильные формы, так и нетрадиционные, окказиональные, т. е. образованные по случаю, ошибочные формы, модные словечки и др., не принятые нормой (ср.: *офицера, хотим, крепкое кофе, по приезду, автомобили, сколько времени? красивее* и т. п.).

Введение понятия языковой нормы связано с именем Е. Косериу. Ее определяют как «совокупность наиболее устойчивых реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных языковой практикой» (18, с. 555). Характерными признаками языковой нормы являются: а) относительная устойчивость; б) избирательность; в) обязательность; г) стихийно оцениваемая «правильность» нормы.

Языковая норма весьма важное понятие для правильного понимания функционирования языка в обществе и отношения к нему говорящих. На любом этапе своего развития общество не было безразличным к языку — постоянному средству общения и закрепления знаний; так или иначе общество выражало свое отношение к языку. В обществе стихийно и осознанно происходит регуляция языка, вырабатываются определенные взгляды на его «правильность». В общении внутри племени и в союзе племен, в диалектах и языке народности, наконец, в национальном языке стихийно, на опыте практики употребления языка вырабатывается общая для всех языковая норма. Она, таким образом, характерна не только для языка нации, но и для других общественных формаций, языковых коллективов. С возникновением письменности, художественной литературы, ее различных жанров эту языковую норму стремится по необходимости отразить письменный литературный язык.

Языковая норма предшествует национальной литературной норме; точнее языковая норма трансформируется в высшую форму — национальную литературную норму, будучи осознанной в пределах национального языка, научно-познаваемой и кодифицированной (см. ниже).

Языковая норма национального периода отличается весьма развитой вариативностью единиц языка на всех его уровнях. Такая вариативность объясняется как собственно развитием языковой системы, так и самим процессом образования национального языка, консолидирующим его территориальные и социальные диалекты, что сопровождается выходом на общенациональную арену употребления

тождественных по своим функциям гетерогенных вариантов. Языковая норма национального периода отличается устойчивостью по сравнению с нормой языка предшествующих общественных формаций. С созданием национального литературного языка норма становится общественно осознаваемой под воздействием литературы, научного изучения языка, распространения научных знаний, грамотности (школа, различные службы языка и др.). Эти факторы укрепляют национальную литературную норму, делают ее традиционной и консервативной.

§ 88. НОРМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. КОДИФИКАЦИЯ. КРИТЕРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Норма национального литературного языка рассматривается как сознательное, основанное на научном изучении выражение языковой нормы. По сравнению с языковой нормой предшествующих форм общества норма национального литературного языка имеет свои особенности, поскольку речь идет о языке нации, имеющем обычно значительное распространение, сложные и многообразные функции, устную и письменную формы, а в их пределах разветвленную систему стилей и др. Норма национального литературного языка — это «...некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые» (18, с. 566). Существуют и более конкретные определения нормы, например: «...Принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словоупотребления» (19, с. 163). К этим определениям следует добавить, что литературная норма современных национальных языков устанавливается не стихийно, а с учетом прежде всего их научного описания и изучения. Именно научный анализ становится основным критерием соответствия литературной норме тех или других вариантов языковых единиц.

Норма национального литературного языка имеет особое содержание сравнительно с языковой и литературной нормой донационального периода. Одним из важных отличительных признаков литературного языка национального периода является его обработанность и осознанность, с чем связана его кодификация и чего, как правило, не наблюдается в языковой (в том числе и литературной) норме донационального периода развития языка. Под кодификацией понимается сознательное регулирование правил употребления языка путем подготовки и опубликования нормативных словарей, справочников, грамматик, стилистик, руководств и др. Кодификация — это более или

менее точное описание существующей нормы, основанное на научном изучении языка.

< Вопрос о литературной норме возникает прежде всего в тех случаях, когда существуют варианты слов, морфем, синтаксических конструкций, произношения и др. Весьма распространено мнение, что варианты языковых единиц, требующие выбора и установления нормы, входят в состав общеупотребительного языка преимущественно из территориальных и социальных диалектов, а также из других языков. Однако основная масса вариантов (мы имеем в виду прежде всего варианты слов) — это следствие развития собственно данной языковой системы. Именно изменение и развитие системы языка в конечном счете приводит к возникновению вариантов на всех уровнях языка. Такие варианты могут не противоречить литературной норме на том или другом этапе развития языка. Норме соответствуют те варианты, которые явились закономерным следствием внутреннего развития системы языка и закреплены в практике общения коллектива. Отбор и закрепление в языке того или иного варианта требуют известной временной протяженности. Норма предполагает определенную историческую глубину. Поэтому рекомендации о предпочтительности одного варианта и отклонении другого должны быть осторожны и учитывать постепенность эволюции языка и историчность самой нормы.

Особенностью национального литературного языка является «подчинение» им различных территориальных диалектов как остатков бывшей территориальной раздробленности или обособленности. «Подчинение» выражается в сглаживании местных языковых отличий под воздействием распространения норм национального литературного языка через письменную речь, радио, телевидение, литературу, миграцию населения и др.

Ученые подчеркивают, что норма — одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка; норма должна служить сохранению национальной речевой культуры. Поэтому норма в известной мере консервативна. В этой связи многие ученые критически оценивают так называемую «динамическую норму» (20), т. е. норму, изменяющуюся вслед за узусом. Вопрос о «динамической норме» спорный, поскольку по-разному понимается сама динамика нормы. Разумеется, язык изменяется и норма, отражающая объективные процессы в языке, не может не меняться. При определении нормы в условиях изменяющегося во времени языка нужно всякий раз находить разумное решение, учитывающее как объективную закономерность изменения и развития языка, так и традиционность и консерватизм нормы. Такой консерватизм оправдан исторически и функционально: он поддерживается сложившимся единством современного национального языка, имеющим определенную временную протяженность, и необходимостью сохранять выработанные и опробо-

ванные в общении способы и средства общения и выражения мысли в границах этого единства.

Так, Ф.П. Филин предупреждал о нецелесообразности слепого следования узусу. Он преходящ и меняется неизмеримо быстрее нормы. Узвальное языковое явление часто за сравнительно короткий срок претерпевает в своем развитии зарождение, распространение, кульминацию и уход из языка. Узус может разрушать норму, сложившуюся в течение исторически длительного времени.

Массовым, узвальным становится на какое-то время употребление некоторых новых слов, новых значений, оборотов и т. д., синонимичных, как правило, бытующим. Их употребление становится модным, т. е. в глазах многих людей признаком современной речи. Но модой нельзя руководствоваться при нормализации литературного языка, кодификации его единиц. Нормализация должна закреплять то, что оправдало себя в языке, освоено системой языка, стало традиционным, что отвечает историческим тенденциям развития, что, наконец, является усовершенствованием языка, его улучшением. Для такого освоения языкового явления в практике общения требуется значительное время.

О соотношении нормы и узуса Ф.П. Филин писал следующее: «Если бы господствовали подвижность, изменчивость, языку бы угрожал распад, хаос, во всяком случае диалектное дробление. Это нужно иметь в виду сторонникам становящейся модной «динамической нормы», которые делают упор на подвижность нормы под флагом борьбы с субъективизмом в стилистических оценках речевых явлений...

Вместо «динамической теории нормы», таящей в себе необоснованные уступки узусу, следует утверждать теорию устойчивости норм, включающую в себя и ориентацию на обоснованные изменения. Норма — подвижное в неподвижной на определенное время основе» (21, с. 311-312).

Норма должна отражать объективные законы развития языка, а потому она должна включать элемент прогнозирования нормализуемых языковых явлений. Сочетание консервативного, традиционного в языке, соответствующего его законам, и одновременно прогнозирование на этой основе развития языковых явлений придает норме конкретно-исторический характер. Постоянное в литературном языке и изменяющееся, но соответствующее действующим закономерностям развития литературного языка, позволяет ему оставаться в исторически утвердившейся и оправдавшей себя стилистической, семантической и культурной парадигме, или направлении развития.

При обсуждении проблемы нормирования литературного языка естественно возникают вопросы о том, что считать соответствующим литературной норме, а что — противоречащим ей; как устанавливается норма, каковы основные принципы или критерии нормирования, которыми нужно руководствоваться при отборе и оценке языковых фактов. Надо сказать, что единства в понимании критериев

литературной нормы у лингвистов нет. Ниже мы рассмотрим эти вопросы на примере современного русского литературного языка.

Главные аргументы сторонников «динамической нормы» при оценке того или иного факта следующие: а) его распространенность в языке; б) авторитетность источников, где он употребляется. К этим критериям добавляется еще один, весьма распространенный в наше «демократическое» время при решении не только вопросов нормы языка, а именно: коллективность, массовость оценки (ср.: разного рода анкетирование).

Представляется, однако, что руководствоваться тем или другим из названных критериев и даже их совокупностью недостаточно для поддержания нормы.

Языковой вкус массы не может соответствовать высшим достижениям литературного языка, на которые должны ориентироваться норма, культура речи, языковая политика и воспитание. Эти достижения связаны, в первую очередь, с деятельностью выдающихся национальных писателей, чьими усилиями был функционально, т. е. семантически, стилистически, эстетически, организован и закреплён в их произведениях национальный литературный язык. Надеяться, что «все само собой образуется», что язык «все переварит», справится с различными отклонениями от его установившейся традиционной культуры, — все это плохая и, прямо скажем, несостоятельная надежда, особенно если учесть историю, социальные, литературные условия образования национального русского литературного языка и деятельность великих классиков русской литературы, прежде всего Пушкина, трудами которых и был создан национальный русский литературный язык. Такое вряд ли повторится в русской истории. Поэтому высказанный однажды призыв акад. С.П. Обнорского: «Вперед к Пушкину!» надолго должен оставаться актуальным.

Другим критерием нормирования языковых фактов многие ученые считают авторитет источника, где применен тот или иной нормируемый языковой факт. В этом случае норма полагается на знание и языковое чутье того или другого автора. В свете сказанного выше о языке наших классиков такой критерий нормы может представиться правильным. Известная формула М. Горького подтверждает этот критерий: «...Язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами» (22, с. 155).

Однако можем ли мы целиком положиться на авторитет писателей, если хотим литературную норму, культуру речи поставить на научную основу.

С одной стороны, произведения классиков литературы являют собой пример глубокого знания языка и его возможностей. Проникновение великих писателей в семантику языка, его грамматический строй, законы словообразования, стихии, образующие его стилистическую систему, настолько глубоко, что писатели такого масштаба 300

способны, отвечая на потребности общества, л и т е р а т у р н о организовывать и тем самым преобразовывать язык. Кроме того, обладание угонченным ассоциативным видением мира, сочетающимся с исключительным знанием языка, возможностями его семантики и словообразования, позволяет писателям создавать неповторимые авторские словесные образы и смыслы, лексические и синтаксические неологизмы и др. (ср. язык таких авторов, как А. Блок, В. Маяковский, А. Платонов, М. Шолохов и др.).

Но, с другой стороны, известно, что писатели для подтверждения правильности того или другого языкового факта, соответствия его норме и духу языка обращаются к словарям, справочникам, грамматикам, подготовленным языковедами (свидетельства тому мы находим у Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Чехова, Федина, Югова и др.). Получается, таким образом, замкнутый круг: языковеды при становлении литературной нормы обращаются к языку авторитетных писателей; последние, в свою очередь, ищут решения у языковедов. Представляется поэтому, что критерий авторитетности не абсолютен, он нуждается в существенном дополнении, а именно: в н а у ч н о м подтверждении и доказательстве.

Язык писателей не свободен от нарушения нормы и ошибок. Кроме того, художественные произведения — это не руководства по грамматике, стилистике, словоупотреблению и т. д., а пример творческого использования языковых средств в художественном, изобразительном, эстетическом отношении. С этой целью писатель привлекает диалектную, узкопрофессиональную, жаргонную, просторечную, т. е. стилистически сниженную и ненормированную речь для реалистического изображения жизни. К сожалению, в последние годы в нашем обществе на волне «демократизации» русского языка, «свободы» творчества становится модным эпатаживать читателя внелитературной речью, используя даже нецензурные слова и выражения. Такая «свобода» разрушает литературную норму, ту семантическую и стилистическую парадигму современного русского литературного языка, созданию которой посвятили свое творчество великие русские писатели.

Культура р е ч и исходит из ее правильности, т. е. соответствия литературной норме, но, разумеется, этим не ограничивается, а приводит в известность и исследует наиболее оправдавшие себя в практике общения, выработанные приемы выражения мысли и используемые при этом языковые средства в соответствии с задачами и условиями общения. С целью обнаружения и систематизации этих приемов и средств культура речи как лингвистическая дисциплина обращается к произведениям образцовых мастеров печатного и устного слова, оказавших и оказывающих своим творчеством культурное, художественное, эстетическое воздействие на сознание и языковое воспитание народа.

Если учение о литературной норме и культура речи являются наукой, то они должны руководствоваться законами, отражающими свой, специфический аспект познания языка. Наука не может целиком основываться наличных, пусть весьма авторитетных оценках. Она должна искать общие закономерности наиболее оптимального прикладного использования языка, типичного выполнения коммуникативных задач в тех или других условиях общения в соответствии с культурными, эстетическими и другими критериями данного общества. Опыт научного изучения языка доказывает, что открываемые закономерности функционирования, изменения и развития языка ведут в конечном счете к разрыванию и совершенствованию его качеств. Поэтому рекомендации в области литературной нормы, культуры речи должны соответствовать объективным тенденциям развития языка с учетом выработанных и положительно зарекомендовавших себя в практике речи высших форм общения. Мы не рассматриваем здесь воздействие тех многообразных внешних причин, которые могут угнетать язык и тем самым приводить к прямо обратным результатам.

Учение о литературной норме, имеющей определенную историческую глубину, и культура речи представляются вместе с тем конкретно-историческими дисциплинами, оценивающими языковые факты с определенной временной (синхронической) точки зрения. Нет вневременной литературной нормы того или иного языка, как и культуры речи. Этим литературная норма и культура речи отличаются от риторики и ораторского искусства, которые могут иметь весьма широкие временные рамки и не придерживаются строго фанци языков. Литературная норма и культура речи дают основанные на научном изучении языка рекомендации, исследуя тенденции функционирования и развития языковых средств в данных временных пределах, например современного русского языка,— от Пушкина до наших дней. Таким образом, будучи прикладными по своему назначению дисциплинами, литературное нормирование и культура речи объединяют итоги научного, в том числе и теоретического, изучения языка с задачами повышения на этой основе речевой культуры общества.

Есть ли противоречие между творческой в принципе речевой деятельностью говорящего и строгой обязательностью литературной нормы? Думается, что здесь противоречия нет, поскольку творческий характер речевой деятельности говорящего заключается в выражении нового содержания. Язык при этом используется как форма, способная выразить различное содержание. В общем случае говорящий не может изменить форму языка, он подчиняется ей. Новое, более или менее удачное творческое изменение элементов формы — весьма редкое явление (ср., например, лексические неологизмы).

Кроме того, объективный, обязательный характер литературной нормы не противоречит и тому факту, что в создании национальных литературных языков участвуют личности. Объективная методология

создания национальных литературных языков заключается в том, что язык художественных произведений создателя или организатора национального литературного языка есть «слепок» с национального языка в единстве образующих его стихий. О верности отражения языка и языкового сознания народа в произведениях авторов-создателей национальных литературных языков свидетельствует само востриятие этих произведений как верного отражения в них жизни народа и его языка. Будучи «слепком» с национального языка, язык произведений писателей, как единая система, включает языковые средства разной функциональной — семантической, стилистической, экспрессивной — ценности. Не исключены в этой системе и ненормативные языковые факты. В силу сказанного язык такого писателя служит весьма ценным материалом для собственно лингвистического исследования, и в частности, процесса образования литературного языка. Научная интерпретация здесь необходима, она объясняет и квалифицирует этот процесс создания литературного языка и языковые стихии, участвующие в нем. Для этого лингвистика применяет свои методы и методики исследования языка, свой научный аппарат, используя язык писателя как типическое отражение языка национальной эпохи в его наиболее показательном представлении и организации. Именно поэтому язык художественной литературы (а не только создателей национального литературного языка) является важным и авторитетным материалом как для установления литературной нормы, так и для изучения речевой культуры, словесного мастерства. Он представляется первоначальным образным отражением языка народа, а следовательно, и известным его познанием, предполагающим в качестве следующего шага его познания — собственно научное исследование.

§ 89. ЯЗЫК И НАРОДНОСТЬ

Прямое отношение к обсуждаемой проблеме «Язык и общество» имеет тот аспект изучения языка, который рассматривает язык как одно из показательных и существенных выражений национальной самобытности народа. Речь идет о языке и народности — в вопросе, поставленном основателями отечественного языкознания в прошлом столетии, но в дальнейшем не востребуемом.

Категория народности была активно обсуждаемой в трудах представителей двух основных направлений общественно-философской мысли России прошлого века — славянофилов и западников. Обращаясь к этой категории, мы хотим вернуть ей первоначальный философский и онтологический смысл, существенно отличающийся от чисто литературного смысла, который она получила в последующее время, особенно в советском литературоведении и литературной критике, где

она стала, по сути дела, синонимом партийности. В настоящее время она, можно сказать, вовсе забыта.

К сожалению, у нас нет возможности в достаточной степени раскрыть содержание категории народности и ее выражение в языке.

Во-первых, народность как философская, онтологическая категория не исследована в науке и, во-вторых, язык характеризует только одну, но, как подчеркивали виднейшие представители отечественного языкознания, весьма существенную сторону данной категории.

Приведение в известность этой категории, ее определение и — что весьма важно — фактическое изучение отдельных сторон духовной жизни народа, входящих в содержание народности, связаны прежде всего со старшими славянофилами, а также учеными, формально не принадлежавшими к этому общественно-философскому течению, но разделявшими их теоретические взгляды.

Знаменательно, что одними из первых, кто оценил важность этой категории в ее национальном и общечеловеческом значении, были Пушкин и Гоголь, сыгравшие исключительную роль как в создании национального русского литературного языка, так и в становлении и развитии русской реалистической литературы. И при отсутствии строгих границ содержания этой категории, на что сетует Пушкин и другие авторы прошлого века (четкого понимания этой категории нет и у современных авторов), тем не менее ни у кого не возникает сомнений в реальности этой категории и необходимости ее образного, художественного и научного познания. В заключении своей небольшой статьи о народности Пушкин высказывает свое понимание народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (23, с. 40).

Изучение народности как онтологической категории представляет собой комплексную научную проблему; предметом такого методологически единого исследования являются различные стороны духовной и материальной жизни народа, выделяющие его среди других народов. Это язык и устное народное творчество, художественная литература и живопись, музыка и архитектура, эстетические вкусы и нравственные принципы, особенности образа жизни, ума, темперамента и др. Из сказанного очевидно, что исследование содержания этой категории в более или менее представительном объеме являет собой задачу чрезвычайной сложности и трудности в выполнении. Особенно если учесть, что проблема в таком аспекте и объеме не изучалась. Поэтому не случайно, что и славянофил А.С. Хомяков, и западник В.Г. Белинский равно утверждали в свое время, что осознание русским народом своей народности — дело неблизкого будущего. 304

Определение народности как общей категории, включающей различные стороны духовной и материальной жизни народа, мы находим, например, у Даля и Потебни. Даль: «Народность — совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого». Потебня: «Народность есть то, чем один народ отличается от другого» (24, с. 221).

Язык является одной из определяющих сторон народности. Вопрос об отношении языка к народности мы рассмотрим на примере русского языка, весьма показательном, поскольку именно в истории русского языкознания и русской общественно-философской мысли эта проблема в свое время была остро поставлена национально мыслящими учеными XIX в. и получила фактическое и теоретическое обоснование. Внимание к языку как важнейшему признаку народности было вызвано злободневными общественными причинами того времени, а именно: стремлением отстаивать право отечественного языка на центральное место в системе просвещения. В противоположность увлечению французским языком высших сословий, считавших его мерилом европейской образованности, все без исключения видные отечественные языковеды и педагоги доказывали необходимость изначального изучения родного, отечественного языка в целях естественного духовного развития человека как национально ориентированной личности.

Этими идеями проникнуты труды таких ученых, как К.Д. Ушинский, К.С. Аксаков, И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, В.И. Даль, А.А. Потебня и др. В их порой страстных выступлениях для нас особенно важна последовательно проводимая авторами идея о языке как наиболее важном выразителе народности, национальности. Приведем некоторые высказывания.

К.С. Аксаков: «Одинаковость языка есть первая таинственная связь, соединяющая людей между собою. Народ говорит одним языком, и в этом единстве выражается внутренняя симпатия, родство душ, по которому люди одного народа сливают звуки в известные стройные созвучия, выражая ими внутренние и внешние свои понятия... В языке мы находим первую степень народности» (25, с. 170).

К.Д. Ушинский: «...Язык народа есть цельное органическое его создание, вырастающее во всех своих народных особенностях из какого-то одного, таинственного, где-то в глубине народного духа запрятого зерна...

...В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости,— словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая жизнь. Когда исчезает народный язык,— народа нет более!» (26, с. 8—9).

Ф.И. Буслаев: «В недавнее время возродившееся стремление к национальности возвысило ценность народного языка» (27, с. 179).

«...Язык есть выражение не только мыслительное™ народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность... Искренние, глубочайшие ощущения внутреннего бытия своего человек может выразить только на родном языке. Внутренняя нераздельность языка и характера народа особенно явствует из отношения языка к народной образованности, которая есть не иное что, как непрестанное развитие духовной жизни, а вместе с тем и языка» (27, с. 230).

И.И. Срезневский, подобно другим языковедам своего времени, утверждал, что истоки народности языка уходят в глубокую древность, в языковую общность племен, наследуя и по-своему развивая ее в эпоху отделения от общей основы, а затем и самостоятельного развития. История языка, народа, народности в разных ее проявлениях непрерывна. «Народ развивает свою личную народность из народности своего племени, и язык его, хотя и становится выражением этой отдельной народности, только продолжает путь уже прежде начатый» (28, с. 22). Имея такую историю, язык приобретает в образовании народности огромную силу, сосредоточивая в себе духовное богатство народа. «В каждом народном языке, в каждом местном наречии,— пишет И.И. Срезневский,— есть сила неосязаемая и тем не менее мощная, сосредоточивающая в себе все другие силы. Это — дух народности. Он один и тот же, только с оттенками во всех краях земли народа, но не одинаково силен во всех слоях народа...

Сила народности языка не может быть приобретаема внешнею подражательностью, а должна быть усвояема душою» (29, с. 114—115)

XIX в. был отмечен общим интересом ученых, писателей, широкой общественности к национальным началам народа, находящим выражение в различных областях его духовной и материальной жизни. В это время осуществляется активный сбор словарных, этнографических материалов, произведений устного, художественного народного творчества (сказки, пословицы и поговорки, былины, народные песни, загадки, диалектная речь, произведения иконописи и др.). Издаются фундаментальные труды, отражающие различные стороны русской народности: К. Данилова, П.В. Киреевского, А.Н. Афанасьева, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, Д.Н. Пыпина, Д.Н. Садовникова, А.А. Потебни и др. Это было мощное научное движение, поставившее своей целью изучение духовной жизни народа в различном ее проявлении, т. е. народности.

Особое место в разработке проблемы языка и народности занимает Потебня как своими фактическими исследованиями в области языка и словесности, так и теоретическим осмыслением этой проблемы. Последнее весьма важно, поскольку именно теория и методология

исследования народности была и остается совершенно недостаточно разработанной. При жизни Потебня мало сказал о народности, причем косвенно в работах на другие темы. Сам он об этом писал: «Из того, что мне приходилось говорить о народности, заимствовании и т. п., в печать попадали только строки, например, в разборе «Песен Головацкого» (30, с. 138). Изданные после смерти ученого заметки о языке и народности — это лишь фрагменты, предварительные заготовки для задуманной большой работы по этой проблеме. Однако они весьма ценны, так как обнаруживают свойственное Потебне как языковеду-философу глубокое проникновение в сущность изучаемого предмета, содержат продуктивные положения, подводящие известный итог обширным эмпирическим исследованиям языка и словесности в интересующем нас аспекте. Представляется, что эти суждения Потебни могут служить исходной посылкой для создания теоретической и методологической основы изучения народности в различных областях знания, а не только лингвистики.

Понимая под народностью совокупность признаков, черт, какими один народ отличается от другого, Потебня отводил в ней центральное место языку, считая язык «совершенным подобием народности». Ни по чему другому мы не можем так разносторонне и объективно судить о жизни народа во всем ее объеме, как по данным языка. Народность образуется вместе с народом. Язык не исчерпывает народности, не является ее полным выражением, но он, несомненно, представляет существенную ее сторону. Поэтому освоение в детстве родного языка уже само по себе есть значительный шаг в восприятии и стихийном (бессознательном) воспитании в себе народности. История языка, его современное функционирование представляет нам картину и прошлых состояний общества, его материальной и духовной жизни, и современных условий существования народа. Дифференцируясь из своего прародостояния, языки по-своему распоряжаются общим наследием, преломляя и развивая его в новых, особых условиях, создавая тем самым свою собственную историю.

К пониманию народности Потебня подходит диалектически, рассматривая ее как единство формы и содержания. Как и в случае с языком, он акцентирует внимание на форме — структурном, строевом элементе содержания. «Народное единство,— подчеркивает он,— есть единство формальное» (24, с. 222). Поскольку же язык есть «совершенное подобие народности», то Потебня сосредоточивает внимание на языке как наиболее существенном формальном показателе народности. Одновременно Потебня признавал, что народность выражается и во многих других сторонах духовной и материальной жизни народа; и в этих случаях народность представляет собой единство формы и содержания.

Такой подход к народности позволяет видеть ее в историческом движении, разносторонне, не отождествлять ее со стариной, с тем или

другим преходящим содержанием и не рассматривать потерю отдельных ее проявлений и характеристик как деградацию народности вообще. В новых исторических условиях народность обнаруживает себя иначе, по-новому, наполняясь новым содержанием. Однако в таком отношении, замечал Потебня, народность не изучалась. «...До сих пор,— пишет он,— лишь немногим ученым удалось уловить отдельные сравнительно мелкие черты склада мысли, характеризующего народ» (24, с. 222—223). Такой подход к изучению народности предполагает особый метод и методики, которые, к сожалению, не разработаны.

Рассматривая язык, и народность как форму, Потебня обращается к категории бессознательного, играющего большую роль в психологических процессах вообще. Эта категория объясняет многое в функционировании языка и проявлении народности, в характере духовной и предметной деятельности народа. Категория бессознательного в теории языка и народности оказалась, по сути дела, обойденной в последующей истории языкознания. К сожалению, и вначале она не получила достаточного внимания и понимания, несмотря на усилия учеников и последователей Потебни развить его идеи в этом направлении (см. работы Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Б.А. Лезина, В.И. Харциева и др.).

Бессознательное в языке — это та часть нашей мысли, средств и способов ее выражения, которая в речи не является целью нашего сообщения другому уже потому, что эту часть знают, владеют ею все говорящие на данном языке. Бессознательное в языке отождествляется с его формой, внешней и внутренней (см. гл. VII). В общении народном языке примером бессознательного являются фонетическая система, грамматические формы слов, словообразовательные морфемы, модели их связей и др. В семантике языка бессознательное есть отвлеченная часть нашей мысли («внутриязыковые значения»); это отложившийся в памяти мыслительный опыт народа, усвоенный в той или иной степени человеком, для которого этот язык родной. Д.Н. Овсяннико-Куликовский пишет о грамматической, категориальной стороне языка: «Грамматическая форма слов мыслится бессознательно, автоматически. При этом, конечно, мы имеем в виду язык привычный, тот, на котором человек мыслит легко, непроизвольно, не задумываясь над приисканием того или другого слова, над употреблением той или другой формы. Это — тот язык, который человек усвоил с детства, — язык родной, Muttersprache, язык национального общения, молчаливой мысли и сновидений» (31, с. 61—62).

Родной язык входит в мышление и сознание ребенка впервые и одновременно с чувственно воспринимаемым миром и тем опытом его освоения и понимания, который взрослые передают ребенку в своей речевой и предметной деятельности, к которой постепенно подключается и ребенок. Одновременно с этими процессами формируется психология ребенка, его мировосприятие и миропонимание, органи-

чески связанные с осваиваемым народным опытом, иными словами, — объективно формируется народность. С овладением языком как орудием сознания, как формой у ребенка начинает развиваться самосознание. Расширение сознания прямо пропорционально расширению и области бессознательного, а следовательно, и укреплению формы в речевой деятельности ребенка; в итоге для последней освобождается все больше умственной энергии.

Как говорилось выше, человек, выражая на родном языке свою мысль, не задумывается над тем, какие фонемы, морфемы, значения слов, их связи, модели словосочетаний и предложений и др. он при этом будет употреблять. Точно так же в своих действиях и поступках, в выражении своих мыслей и чувств, в отношениях к окружающим людям, близким и далеким, и т. д., словом, во всей своей повседневной деятельности, подчиненной преходящим целям и мотивам, он также не задумывается над тем, что он будет вести себя как француз, русский, немец или грек... Но тем не менее в этой многообразной его деятельности будут пробиваться такие черты и принципы поведения, которые будут изобличать в нем представителя определенного народа. «Все, что функционирует в бессознательной сфере, — писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский, — не тратит, а сберегает энергию. Область нашего психофизического и психического автоматизма является аккумулятором энергии. Следовательно, язык и национальность, поскольку они функционируют бессознательно, автоматически, должны быть понимаемы прежде всего как особая форма накопления и сбережения психической энергии народов. Отсюда вывод: народы здоровы и живы несознаваемым здоровьем и автоматической жизнью своей национальной психики» (32, с. 38).

Бессознательное в психологии, в языке, в народности — это общее, чем владеют все; форма, в которой и благодаря которой только и может реализоваться личное, сознательное, творческое содержание. Бессознательное, таким образом, — необходимое условие образования и выражения содержания. Так понимали роль бессознательного в человеческой психологии, языке, народности Потебня и другие представители Харьковской филологической школы, видя в бессознательном колоссальное, недоступное для отдельного человека накопление энергии как основания для реализации творческих усилий личности.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский: «...Во всем психическом творчестве может быть только там, где есть сбереженные силы» (31, с. 41).

Б.А. Лезин: «Если бы все акты умственной деятельности были продуктом сознания, то человечество многое потеряло бы; едва ли хватило сил у него на создание науки и искусства» (33, с. 257).

«...Без участия бессознательной сферы не может быть никакого творчества» (33, с. 258).

«Бессознательная сфера сберегает, экономизирует психические акты; сознательная тратит; к первой относится и деятель-

ность языка, характер которой... сводится к тому же сбережению сил» (там же).

О месте и важности бессознательного в языковых процессах свидетельствует упоминавшееся уже положение Потебни: язык, будучи орудием сознания, сам по себе создание бессознательное. Но, по Потебне, не только язык: «Величайшие произведения человека, как язык, народность, великие государства, создаются бессознательно, то есть так, что намеренные усилия отдельных личностей теряются, как капля в море» (15, с. 452).

Язык, и в первую очередь своей внешней формой, сигнализирует о национальной принадлежности его носителя. Но в языке все национально, народно, все его уровни. И даже заимствованная, иноязычная лексика, попав в условия другой языковой системы, приобретает новые огласовку, смыслы и значения. Наличие таких «сквозных», глубинных различий между языками объясняется многовековой, собственной историей языков, вобравшей в себя в своем движении к современному состоянию и предшествующее языковое наследие, теряющееся во тьме тысячелетий, и воздействие теперь уже неисследимых многообразных внутренних и внешних факторов и условий. Современная наука может только более или менее верно описывать и оценивать эти особенности языков; причины же, вызвавшие то или другое качество описываемого языка, по большей части остаются не объясненными. Нередки заявления лингвистов вообще отказаться от выяснения причин того или иного языкового явления.

Говоря о национальном облике языка, мы, разумеется, имеем в виду язык как естественную воспроизводимую в речи знаковую систему, представляющую собой единство внешней и внутренней формы. Как общее, здесь все народно, национально. Но с помощью языка может быть выражено *любо индивидуальное*, речевое содержание, в том числе и антинациональное, враждебное народу — носителю данного языка (см. приведенные ранее мнения В.Н. Волошинова и А.Ф. Лосева).

Для показа наиболее примечательных национальных черт языка в самой его структуре мы воспользуемся примером русского языка, привлекая при этом свидетельства авторитетных авторов, и прежде всего тех, кто свободно владел не одним иностранным языком и для кого отмечаемые особенности русского языка бросались в глаза.

Фонетическая система языка является одной из наглядных и отнюдь не только внешних сторон народности. Произношение звуков языка — гласных, согласных, их многообразных и характерных для данного языка сочетаний, фонетического слова, синтагм или речевых тактов, синтагматических ударений, интонаций, свойственных разным видам предложений, и др. — исторически формирует *национальную артикуляционную базу* языка. Говорящие, для которых данный язык родной, обычно ее не замечают. Ее замечают тогда, когда

она нарушается, например, когда данный язык для человека не родной, и говоря на нем, он испытывает влияние артикуляционной базы своего родного языка (ср.: говорить на русском языке с иностранным акцентом).

Фонетическая система языка, в первую очередь ее вокализм, оказывает известное влияние на национальное пение, становясь его отличительным признаком (ср.: пение на итальянском, испанском, украинском, русском, арабском, грузинском и других языках).

О звуковой стороне русского языка акад. СП. Обнорский писал: «Русский язык, по общей оценке, рисуется языком с особыми признаками красоты и богатства, выразительной силы и величия. И действительно, научный анализ дал бы возможность отметить в общем облике русского языка объективные свидетельства его положительных качеств» (34, с. 273). Далее СП. Обнорский отмечает некоторые такие качества. И хотя, казалось бы, русский язык не страдает отсутствием научных описаний своего строя в различном отношении, эта сторона, как видно из высказывания СП. Обнорского, освещена с научной точки зрения недостаточно. Укажем и мы, используя в том числе свидетельства СП. Обнорского и других видных знатоков русского языка, на некоторые характерные национальные свойства русского языка.

Впечатление красоты русского языка объективно создают многие его фонетические особенности. Русский язык обладает богатым вокализмом, гласными полного и ослабленного подвижного звучания, что способствует не только благозвучию, вокальному разнообразию и ритмике русской речи, но делает также свободным и музыкальным русское пение. Музыкальность в русскую речь вносят носовые и плавные сонорные согласные (или полугласные) — *м, н, р, л* (и их мягкие параллели), которые весьма частотны, имеют широкое распространение. По данным СП. Обнорского, четвертую часть нашего словаря составляют слова, начинающиеся с плавного или носового согласного. Сонорность этих звуков, как известно, любят использовать певцы в своем пении, и в опере, и на эстраде. К числу положительных качеств относится разноместность и подвижность русского ударения; этим качеством в сочетании с синтагматическим членением русской речи (речевые такты), синтагматическим ударением и интонацией обеспечивается богатая ритмичность русской речи; и это ее достоинство используется не только в поэзии, но и в обычной речи, создавая отчетливые фонетические и смысловые единства, что, разумеется, весьма важно в обмене мыслями. Наложение же логического ударения, интонаций, свойственных предложению, обеспечивает русской речи выразительность в ритмическом, музыкальном, смысловом отношениях.

Типичной чертой русского языка является палатализация (смягчение согласных), пронизывающая всю систему согласных. Эта черта русского консонантизма делает русскую речь мягкой, благозвучной.

И другие уровни строя русского языка обладают многими несомненными положительными качествами, отмеченными зарубежными и отечественными учеными и писателями.

Характерной чертой русского языка являются богатые возможности словообразования, особенно суффиксального и приставочного, на что указывали многие авторы.

СП. Обнорский: «Благодаря морфологической природе русского языка, имеющего возможность образования основных групп знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов) с помощью суффиксов, префиксов русский язык всегда обладал и обладает неиссякаемыми силами роста» (34, с. 273).

Н.Г. Чернышевский: «...Русский язык развил в себе много таких способов словопроизводства, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству производственных способов стоящих несравненно выше новых европейских языков» (13, с. 388).

В.Г. Белинский неоднократно подчеркивал эту черту русского языка: «...Русский язык необыкновенно богат для выражения явлений природы... В самом деле, какое богатство для изображения явлений естественной действительности заключается только в глаголах русских, имеющих виды! *плывать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, отплыть, заплыть, приплыть, уплыть, уплыть, наплыть, наплыть, подплыть, подплыть, поплавать, поплыть, расплываться, расплыться, наплываться, заплываться*: это все один глагол для выражения двадцати оттенков одного и того же действия!» (35, с. 145).

Известно, что национальные черты языков своеобразно проявляются в грамматике. Однако грамматический строй языка как проявление национального своеобразия, обусловленного особенностями образа жизни, мировосприятия, психологии народа, можно сказать, не был предметом изучения. Как известно, грамматическая форма указывает на определенный разряд мысли. Генетически все грамматические формы восходят к самостоятельным, знаменательным словам; и грамматические значения — это бывшие лексические, существенно абстрагированные. В вопросе о происхождении той или другой грамматической формы весьма показателен и самобытен именно выбор слова и его значения, легшего в основу грамматической, формальной классификации; оно должно обозначать нечто типичное и характерное для образа жизни, мировосприятия, а следовательно, и психологии народа. Как известно, истоки формирования грамматической системы языка уходят в глубокую древность, в индоевропейское единство; но в условиях отдельного существования народа это общее наследие языка — основы использовались своеобразно, неповторимо (ср.: система времен в древнерусском и современном русском языке, категория рода, образование полных (членных) прилагательных, видов глаголов и др.). Выше мы приводили суждения

Потебни, Н.Я. Данилевского, Б.А. Серебренникова о глубинных психологических, семантических основаниях образования отдельных грамматических форм в разных языках.

Мировосприятие, представление об окружающем мире и его понимании, правила жизни народа, его мудрость и др., одним словом, — народность отражается в самой природе названия, во фразеологии языка в широком смысле слова — в пословицах, поговорках, фразеологизмах, в крылатых выражениях, а также в произведениях устного народного творчества.

Внутренняя форма слова показывает, как представляется нашему сознанию обозначаемое. Образ, заложенный в названии, должен быть общепонятен, чтобы по одному ему говорящие могли одинаково представить значение слова; иными словами, образ должен быть народен. Такая природа названия предполагает наличие общего мыслительного и психологического единства народа, существование общенационального действующего мыслительного запаса или пласта в тот или другой период развития общества и языка. Этот продуктивный мыслительный пласт и участвует в первую очередь в семантических и словообразовательных процессах. Он находится в светлой точке сознания говорящих, оперативно участвует в их речевой деятельности, ассоциативно подвижен и прозрачен, обеспечивая общенародное движение мысли во вновь образующихся словах — от заключенных в них образов к значениям.

Однако не только внутренняя форма слова зависит от мировосприятия народа, его психологии и пр. Народно, национально и само значение, несмотря на свою отвлеченность, классификационность. Можно сказать, что значение не так субъективно, как внутренняя форма слова, поскольку включает множество признаков обозначаемого, познанных в человеческой практике. Казалось бы, значение ближе к «общечеловеческому» пониманию того или иного обозначаемого, так как в нем развивается абстракция, понятие. Однако формирование понятия (его объема и содержания) происходит в условиях определенной духовной и материальной среды, в которой живет народ, осуществляется его деятельность, в том числе и речевая. Своеобразие семантической структуры слов, значений слов, обозначающих определенный предмет или явление, наглядно обнаруживается при их сравнении с соответствующими словами разных языков. Для лексикографов, составителей двуязычных и многоязычных словарей, — это общеизвестный факт.

Особенно ярко народный характер образа и формирующегося на его основе значения виден в различных устойчивых образных сочетаниях слов — в пословицах, поговорках, фразеологизмах, загадках. Именно в силу своей самобытности, тесной связи с конкретными условиями жизни народа, их неповторимости, эти образования непеводимы буквально на другие языки. Это касается как заключенных

в них образов, так и вырастающих из них значений. Последние ситуативны, привязаны к определенной обстановке, отражая характерные условия быта народа, его разнообразной деятельности, связанных с ней положений вещей и пр.

О лексическом и фразеологическом богатстве русского языка написано много; оно действительно огромно; язык отразил в себе духовную и материальную историю русского народа. Национальный русский литературный язык питали мощные источники: устная речь народа во всем ее многообразии, отражающем разные области жизни и деятельности народа; книжная речь, также обслуживавшая разные сферы письменного общения; церковнославянский язык, диалектная речь. Все эти стихии образовали лексическое богатство русского языка, его разветвленную стилистическую, жанровую систему. Богатство языка составляет не только количество слов и различных видов устойчивых сочетаний, но и совокупность всех значений, выраженных словами (большинство слов многозначно). Количество понятий в языке не равняется количеству слов, оно значительно больше. Кроме того, в словарный состав языка также входит большое количество профессиональной, диалектной, ремесленной, нелитературной лексики, которая по большей части не включается в общеупотребительные толковые словари, как и огромное количество научных терминов и технической номенклатуры. Все это фактическое доказательство семантического и стилистического богатства русского языка.

Произведения устного народного творчества — былины, повести, сказки, песни... — отличаются яркими национальными особенностями как по своей форме, так и выражаемому содержанию. Они отражают в образах различные стороны жизни народа в его историческом движении. Народная словесность, как и авторская художественная литература, соединяет в живую цепь поколения людей в течение многих веков.

Изучение народности, начавшееся в русской науке в XIX в., в своем приложении к языку, как к весьма показательному выражению народности, идейно находится в близкой связи с лингвистическими направлениями, возникшими в первой половине и середине XX в., а именно с неогумбольдтианством и этнолингвистикой («гипотезой Сепира-Уор-фа»). Отличительная черта концепции народности заключается в том, что она имеет обобщенный характер и предполагает изучение национальных особенностей по всему спектру духовной и материальной жизни нации. «Язык и народность» — это только одна сторона возможного общего учения о той или другой народности.

В силу общего происхождения индоевропейских языков, близкого родства этих языков в отдельных их ветвях (ср.: восточнославянские языки), а также тесного взаимодействия и взаимовлияния на протяжении всей их истории, их отличия между собой не столь контрастны, как, например, различия языков экзотических, возникших и сущест-

вовавших изолированно в особых условиях, по сравнению с европейскими языками (ср.: языки североамериканских индейцев). Изучение строя последних, типологически совершенно не сходных с европейскими языками, и послужило основанием для формирования этнолингвистики.

Учение о народности, в частности, проблема языка и народности, по нашему мнению, должны занять соответствующее место среди дисциплин, изучающих нацию в различных ее аспектах.

§ 90. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

В современном мире в связи с процессами самоопределения наций, образованием многонациональных государств, межгосударственными и межнациональными отношениями, активной миграцией населения весьма важной государственной задачей стало правовое решение вопросов языка в обществе. Эти вопросы касаются законодательного обеспечения применения языков в официальном и неофициальном общении, в обучении языкам в школе и вузе, во взаимоотношениях между народами. Все эти вопросы связаны с темой «Язык и общество». Юридическая, правовая и собственно человеческая сторона этих вопросов оказалась для теоретического языкознания новой; к сожалению, до сих пор эти аспекты языковой политики не стали предметом разностороннего научного изучения. Современный опыт применения законов о языке показывает, что они нуждаются в основательной лингвистической экспертизе и интерпретации. Государственные деятели должны иметь известное научное представление о роли и ценности языка для человека, нации и государства. Наука о языке как общественном явлении должна с этой точки зрения обобщить положительный опыт государственного, законодательного регулирования в обществе языковых проблем. Между тем законодательные, правовые решения языковых вопросов в том или другом государстве нередко подвержены политической конъюнктуре, преследуют интересы одних групп населения в ущерб другим, не отвечают правильному пониманию места языка в жизни человека, народа, государства.

Правовая оценка роли языка в обществе и жизни человека, охрана языка, забота о свободном его развитии, борьба против его денационализации и др. — все эти вопросы языковой политики оказались весьма злободневными не только для многонациональных государств, но и для государств однонациональных. Благодаря современным средствам массовой информации, активным взаимосвязям между народами влияние языков — желательное и нежелательное — перекрывает границы государств.

Вопрос о месте того или иного языка в государстве, в официальном и неофициальном общении, в школе и вузе, в средствах массовой

информации и т. д. остро встал в настоящее время в связи с распадом СССР и образованием отдельных государств на месте союзных республик. Языковая ситуация почти во всех отделившихся республиках оказалась конфликтной, и ее положительное разрешение в ближайшем будущем неясно. Никто не мог предположить, что русский язык окажется в таком трудном, неравноправном положении на значительной территории бывшего Советского Союза, а ранее Российской Империи. Но русский язык оказался в нелегком положении и на территории нынешней России.

Как бы в отместку за то, что в советское время преподавание русского языка в республиках было обязательным в качестве языка межнационального общения в едином государстве (это осуществлялось наряду с обязательным обучением родному языку), сейчас в ближнем зарубежье, за исключением Белоруссии, преподавание русского языка отменено. Русский язык приравнен к иностранному во многих республиках, в которых подчас русских и русскоязычного населения больше, чем так называемого коренного населения. При этом предпочтение отдается западноевропейским языкам (например, в Прибалтике). Общим явлением для национальных республик стало закрытие многих русских школ. Официальным языком в подавляющем большинстве республик объявлен местный национальный язык. Руководители постсоветских государств оправдывают такие решения желанием быть независимыми, опасностью русификации, потери национальной самобытности и т. п.

Мы не будем касаться политической стороны вопроса, хотя в данном случае очевидно, что подобные решения имеют политическую подоплеку. Ставить государственные препоны своим гражданам в овладении традиционным вторым языком, открывающим для человека духовный мир не только своего народа, но и других народов мира (на мировые языки, в том числе русский, переведена огромная литература многих народов мира), — это обеднять духовную жизнь, интеллектуальное развитие своих граждан, разрушать исторически сложившиеся духовные связи между народами в угоду политическим амбициям и симпатиям государственных деятелей.

Во взаимоотношениях языков в современных условиях следует учитывать два момента: 1) влияние другого языка (или языков) на данный язык в виде заимствования слов или оборотов; 2) овладение вторым языком как средством активного общения в разных сферах жизни

Излишние, нерегулируемые заимствования могут засорять литературную родную речь, нарушать принятые нормы, теснить национальные формы выражения мысли и др. В этих случаях охранительная политика по отношению к национальному языку естественна и вполне оправданна. Но и в этом случае ее следует проводить, опираясь на научные рекомендации, учитывая исторический опыт взаимоотноше-

ний народов и их языков. В современном мире, как и в прошлые времена, невозможно изолировать народы друг от друга. Взаимоотношения между народами необходимы для народов. Заимствования из других языков не страшны для родного языка, если он функционирует в благоприятных для него условиях, обеспечивающих свободное его развитие. Языковая политика должна быть направлена на сохранение его самобытности, литературных норм, оправдавших себя и закрепленных в употреблении, на развертывание функциональных возможностей языка и т. д. При таких условиях оправданные, т. е. необходимые, заимствования активизирует его собственные силы, заставляют их перестраиваться, функционально обновляться. Но и в этих случаях языковая политика и служба должны учитывать меру таких заимствований, определять на основе научного анализа их необходимость и оправданность. Здесь вполне допустима охранительная пропаганда за чистоту национального языка, соблюдение его национальной самобытности, исторически сложившейся стилистической и семантической системы. Наконец, вполне приемлемы и а д м и н и с т р а т и в н ы е м е р ы против засорения национального языка излишними иноязычными заимствованиями (ср.: законы и постановления, принятые во Франции и Германии против неоправданного употребления преимущественно американизмов и англицизмов).

Активное же владение вторым языком, особенно если этот язык по выполняемым функциям мировой, открывает перед человеком широкие возможности для знакомства с мировыми достижениями в различных отраслях знания, литературы и искусства и для их использования. Как известно, таковым является русский язык.

Государственная языковая политика постсоветских государств контрастирует с языковой политикой советской власти. Политика последней основывалась на равноправии языков при отсутствии законодательно утвержденного единого государственного языка, с самого начала она предусматривала создание благоприятных условий для развития языков, особенно тех народов, которые не имели письменности, а следовательно, и обучения в школе на родном языке. Обязательность обучения русскому языку одновременно с родным диктовалась общими — экономическими, государственными, политическими, военными, культурными и др. — условиями жизни в едином государстве. Причем в пределах республик оба языка в официальном и неофициальном общении имели равные права. Знание общего языка (или языков) гражданами единого государства как государственная необходимость признается во многих многонациональных государствах и закрепляется законодательно (ср., например, в США, Канаде, Финляндии и других государствах). Между тем в Советском Союзе это знание русского языка как единого языка государства было добровольным в силу отсутствия закона о государственном языке.

За годы советской власти была проделана огромная по своим масштабам работа по языковому строительству. В России было более ста языков, не имевших письменности; в разработке для них алфавитов, учебных пособий огромную работу выполнили лингвисты России. Было создано около пятидесяти литературных языков, открыты театры на родных языках многих младописьменных народов, организовано печатное дело, начали издаваться разнообразная литература, газеты, журналы, вести передачи на радио и телевидении. Можно с полным правом говорить о культурной революции в жизни этих народов.

В постсоветских государствах, считающих себя демократическими, в настоящее время для русских и русскоязычного населения не созданы условия, хотя бы близкие к тем, в каких пребывали языки этих республик при советской власти и какие, тем не менее, нынешние «демократические» деятели задним числом считают дискриминационными. Однако надо надеяться, сама жизнь заставит объективно оценить прошлую и настоящую языковую политику и ситуацию в республиках бывшего Советского Союза, ставших самостоятельными государствами. Уже сейчас «демократические» деятели этих государств отмечают тревожащий их факт: снижение спроса на литературу, изданную на национальных языках, по сравнению с советским периодом; соответственно снижаются и тиражи изданий.

Надо, однако, заметить, что проблема сознательного правового регулирования употребления языков в современном многонациональном обществе не исследована теоретическим языкознанием в достаточной степени. Не обобщен российский и мировой опыт межнациональных языковых взаимоотношений в едином государстве. Разумеется, принципиальная позиция теоретического языкознания здесь ясна: любой язык — величайшее достижение человеческой эволюции, и в его сохранении заинтересовано человечество. Но практическое претворение в жизнь этого принципа в каждом случае сталкивается с рядом конкретных обстоятельств, требующих особого подхода и немалых средств.

В этом отношении весьма полезен опыт языковой политики в ряде многонациональных развитых стран, и прежде всего тех, где проблема языковых взаимоотношений разрешается на демократической основе, на уважении прав граждан этих государств (36).

В Финляндии действуют два официальных, государственных языка — финский и шведский, хотя шведов в стране не более 6 %. Оба языка юридически правомочны во всех сферах жизни. Такое положение этих языков было установлено конституцией с 1919 г. Изучение финского и шведского языков является обязательным в школах, а в системе высшего образования обучение ведется на любом из них по выбору, так же, как и защита дипломов и диссертаций. Передачи на радио и телевидении ведутся на обоих языках. На шведском языке

издается в стране много газет. Даже глава государства при вступлении в должность произносит присягу на двух языках.

Таким образом, по законам этого государства, Финляндия — ареал активного использования двух языков в официальном и бытовом общении. Использование двух языков оказывает положительное воздействие на обстановку в обществе, несмотря на то, что Финляндия граничит со Швецией и, казалось бы, такая языковая политика увеличивает влияние более сильного государства, к тому же владевшего в прошлом Финляндией и насаждавшего в ней свой язык в качестве единого государственного и литературного. Как видим, даже в случае неравноправных в прошлом взаимоотношений между народами освободившийся от инземного подчинения народ не спешит порвать или ограничить языковые связи с господствовавшим народом, понимая, что это может нанести духовный урон всей стране, не говоря уже о той части населения, которая говорит на шведском языке.

Подобное отношение к иностранному языку мы наблюдаем в современной Индии. Освободившись от английского колониального владычества, индийское руководство решило не отменять применение английского языка в качестве одного из литературных языков страны (наряду с хинди и урду), понимая, что такая отмена нанесла бы ущерб национальным (культурным, экономическим, научным, социальным и др.) интересам государства. Второй язык в этих странах стал средством общения и использования духовных достижений того народа, который волею судьбы оказался исторически связанным с данными народами. Государственная языковая политика небольшой Финляндии и великой Индии по отношению к языку своих бывших правителей и колонизаторов представляет собой резкий контраст по сравнению с языковой политикой многих бывших советских республик. И такая политика осуществляется при обстоятельствах, когда республики не были колониями России. Напротив, при советской власти на протяжении десятилетий большинство этих республик получало инвестиции в свою экономику из России, достигавшие 60 %.

Обычно примером демократического решения языковых вопросов в многонациональном государстве считается Швейцария. В ней свободно употребляются четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Однако и здесь языковая политика испытывает затруднения, характерные для языковой ситуации данной страны. В ней широкое распространение получила диалектная речь, ставящая под угрозу утвердившееся многоязычие; особенно это касается ретороманского и итальянского языков. Поэтому Федерация способствует распространению и укреплению всех государственных языков, развитию взаимопонимания между говорящими на разных языках; в целях сохранения государственных языков поддерживает те кантоны, в которых государственные языки находятся под угрозой вытеснения.

Многоязычным европейским государством является Бельгия, где два языка — фламандский (во Фландрии) и французский (в Валлонии) употребляются как государственные, официальные языки. Но, кроме того, в этих провинциях существуют коммуны со смешанным населением или, например, близ границы с Германией с преобладанием бельгийцев, говорящих по-немецки. В таких коммунах местное управление принимает решение об употреблении в официальном общении, делопроизводстве языка соответствующих групп населения. Особый языковой статус имеет Брюссель, в котором 80 % бельгийцев говорят по-французски, 20 % — по-фламандски. Здесь строго соблюдается официально принятое двуязычие, и права фламандского меньшинства тщательно оберегаются.

Однако и в западном мире возникают конфликтные языковые ситуации, как, например, в канадской провинции Квебек — островке французского языка (6—7 млн. франкофонов) в океане англоязычной речи, насчитывающем в Северной Америке около 300 млн. говорящих. Канада — страна двуязычия с конституционным закреплением равных прав для обоих языков. Однако в 1977 г. национальная ассамблея Квебека приняла хартию, согласно которой французский язык был объявлен официальным языком провинции. В соответствии с этой хартией официальные документы, реклама, вывески и пр. должны издаваться и изготавливаться местной администрацией, отдельными лицами на французском языке. Языковой и национальный вопрос в Квебеке стоит очень остро. Значительное количество жителей Квебека, выходцев из Франции (85 % населения провинции), хочет отделиться от Канады в самостоятельное государство. При правительстве Квебека существует специальный комитет по защите французского языка и должность «министр, ответственный за соблюдение хартии о применении французского языка», сокращенно — «министр языка». Жители Квебека отстаивают право на существование и развитие французского языка, языка первых заселенцев Канады в условиях англоязычного окружения и сильнейшего давления этого окружения. При этом американский вариант английского языка — это ситуативно заметно сниженный язык; его главным лингвистическим достижением является слэнг, просторечие. В этих условиях жители Квебека стараются сберечь французский язык, отличающийся литературной разработанностью, высокой стилистической культурой.

§ 91. К ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ ЯЗЫКОВ

Существование разных языков древние объясняли проклятием богов, наславших на людей многоязычие; и гипотезы о слиянии в будущем народов и языков будоражили умы на протяжении многих веков. Веру в слияние в будущем языков и народов разделяют и сейчас

отдельные ученые. В нашей стране продолжительное время она получала поддержку в марксистской философии и социологии. Считалось, что законы общественного развития приведут в конечном итоге к образованию в будущем единого мирового коммунистического общества. Закономерным следствием экономического, социального, политического единства этого общества явится слияние всех народов и образование всеобщего языка, подобно тому, как формирование и развитие капиталистического общества сопровождается нивелировкой диалектных различий и образованием единого национального языка. В 20—30-е годы прогнозы о едином всеобщем языке, о будущем слиянии наций и языков были весьма популярной темой рассуждений ученых и писателей. Об этом писали К. Каутский, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, И.В. Сталин, М. Горький, Г. Уэлс, А. Барбюс, Н.Я. Марр и др. (37). Эти рассуждения не подкреплялись фактическими доказательствами, а также логикой многотысячелетней истории существования языков. Практически до настоящего времени идет процесс дифференциации, раздробления языков. Замедление и стабилизация этого процесса сопряжены с образованием национальных языков. Но одновременно с этим существенно расширяются сферы использования языка, умножаются выполняемые им социальные функции в связи с усложнением структуры и деятельности самого общества. В эту эпоху заметно замедляются темпы языковых изменений, чему, кроме того, способствует консервативная по своей природе норма литературного языка. Национальный язык, таким образом, расширяет свои границы во времени и пространстве. Все это не может не укреплять самостоятельность национальных языков. С образованием высшей формы национальных языков — литературных языков — под влиянием литературы, истории, культуры вместе с осознанием национального единства растет и чувство национального самосознания. Поэтому весьма сомнительно, чтобы в будущем весь этот процесс, ведущий к укреплению языка, закончился ликвидацией национальных языков ради обобщенного гипотетического языка.

Главным, пожалуй, аргументом сторонников «слияния языков» в будущем является утилитарный: для взаимопонимания в едином обществе будущего требуется общий язык. Но говорить так, значит упускать из виду технические возможности общества даже в недалеком будущем и в то же время не иметь ясного представления о темпах эволюции языка, которая исчисляется многими столетиями и тысячелетиями.

Будущее, надо полагать, приберегло свое решение этой утилитарной проблемы, не похожее на указанные выше прогнозы. Практические потребности общения людей разных наций, кроме реального двуязычия, трезязычия и т. д., будут, надо надеяться, удовлетворяться в устных и письменных автоматизированных син-

хронных переводах. Осуществление таких автоматизированных переводов можно ожидать уже в XXI в.

Сторонники концепции слияния народов и языков совершенно не обращают внимания на весьма важную роль языка — гносеологическую, духовную. Каждый язык своими знаками и их значениями по своему организует, отражает и закрепляет внешний и внутренний мир человека, несет в себе неповторимое национальное духовное наследие. В каждом языке выражен особый взгляд на мир, заключена особая картина мира, созданная народом-носителем данного языка (см. § 61).

Существование разных языков — благо. В них каждый народ осуществляет свое открытие мира, свой путь к истине с помощью основных форм мысли, и прежде всего образа и понятия. В каждом языке взаимодействие этих форм, представление и отражение с их помощью действительности особенное. Как следствие индивидуально и содержание этих форм, поскольку оно есть прямой результат деятельности отдельного народа. Человеческое познание действительности бесконечно, и каждый язык, каждый народ торит свою дорогу в этом познании. К образу и понятию, родившимся в слове и развивающимся в нем как формам, восходят соотносительные с ними более сложные самостоятельные, но одновременно и взаимосвязанные способы отражения и познания действительности — художественная словесность и наука. Но и в этом преобразованном виде эти способы отражения не теряют национальных особенностей.

Свое отрицательное отношение к слиянию языков и образованию в будущем всеобщего языка Потебня, например, аргументировал важной ролью национальных языков как средства познания и воспитания народов: «Рассматривая языки как глубоко различные системы приемов мышления, мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим лишь понижения уровня мысли. Ибо если объективной истины нет, если доступная для человека истина есть только стремление, то сведение различных направлений стремления на одно не есть выигрыш. Язык не есть только известная система приемов познания, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь сознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительно познания» (15, с. 259).

Семантика любого языка хранит и передает из поколения в поколение добытые в ходе длительного духовного развития данного народа нравственные, философские, эстетические, культурные понятия и категории, нормы поведения, трудовые, бытовые навыки и др., которые характерны именно для данного народа. Забвение всего этого богатства ради гипотетического единого языка и общества будущего с его

едиными нормами ведет не к духовному обогащению, а, напротив, к унификации, стандарту, а следовательно, к духовной деградации.

Слиянию языков будет препятствовать «давление» духовных ценностей, закрепленных в том или другом национальном языке. Вряд ли будущие поколения откажутся читать в оригинале Пушкина, Гете, Шекспира, Шевченко, Мицкевича и др., как мы не отказываемся от чтения в оригинале «Слова о полку Игореве» и других произведений далекого прошлого. Мнение же о том, что люди будущего для знакомства с литературой прошлого будут переводить ее на всеобщий язык или же изучать национальные языки, на которых эта литература была написана (37), свидетельствует не в пользу этого всеобщего языка. Такой язык отрывает людей будущего от всей духовной культуры прошлого.

Выдающиеся отечественные мыслители — Н.Г. Чернышевский, А.А. Потебня, В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, В.И. Вернадский и др. прямо связывали становление и возвышение личности с укреплением и развитием нации и ее языка.

Н.Г. Чернышевский углубленно изучал эволюцию языков во всемирной истории: «Чувство принадлежности к народности, — писал он, — создается и поддерживается языком» (38, с. 831). «...Язык составляет едва ли не самую существенную черту различий между народами» (38, с. 890). Н.Г. Чернышевского удивляла поразительная устойчивость языка в истории, позволявшая писателю предугадывать вечное существование того или иного языка в будущем, он приводит много примеров такой устойчивости в древности и в настоящее для него время. Согласно Н.Г. Чернышевскому, залогом сохранения языка в будущем являются прежде всего желание самого народа, а также и определенные объективные условия. Если народ сформировался, осознает себя как национальное целое, имеет свою литературу, культуру, национальное искусство, обычаи, нравы, дорожит ими, если естественные условия его жизни способствуют его количественному и духовному росту, то нет сомнения, что его будущее исчисляется многими столетиями и тысячелетиями. Разумеется, в современном мире по сравнению с прошлым наблюдаются более тесные взаимоотношения между народами, их сближение. Но рядом с этим развивается и тенденция объединения людей одной национальности, особенно когда они территориально разъединены. Причем эту тенденцию Н.Г. Чернышевский считает более сильной.

Сходные мысли о тенденции укрепления наций и народностей с ростом цивилизации высказывал и Потебня; причем дифференцирование народов связано с обособлением в них личностей. О людях первобытной эпохи нет оснований говорить как о личностях в строгом смысле слова; и человеком тогда было близко к «общечеловечности», так как различия в психологии, образе жизни и пр. среди сообществ были минимальны. Потебня замечал: «...Цивилизация сама по себе не

только не сглаживает народностей, но содействует их укреплению» (15, с. 273). «Приближение к общечеловечности мы можем представить себе лишь позади нынешнего уровня развития человечества...» (15, с. 285). Наблюдающаяся до самого последнего времени дифференциация (раздробление) языков полезна, а не губительна, потому что «не устраняя возможности взаимопонимания, дает разносторонность общечеловеческой мысли» (15, с. 40—41).

Устойчивость нации растет одновременно с развитием и осознанием личности. Образованный человек значительно устойчивее в национальном отношении, чем необразованный. Поэтому «по направлению к будущему общечеловечность в смысле сходства может только уменьшаться. Она увеличивается лишь в смысле взаимного влияния» (15, с. 285). «Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы губительно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было бы не осязанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди; а для народности — другие народности» (15, с. 229).

Можно привести много свидетельств выдающихся представителей науки, литературы, искусства прошлого и настоящего времени в пользу сохранения и развития народов и их языков, аргументированных возражений против теории «слияния народов и языков». Человечество на протяжении всей своей доступной наблюдению истории существовало в виде отдельных племен и народов, различающихся многими признаками, и прежде всего своими языками. «Национальные различия, — утверждал В.С. Соловьев, — должны пребыть до конца веков; народы должны остаться на деле обособленными членами вселенского организма» (39, с. 334).

Другой выдающийся русский ученый-естествоиспытатель и философ XX в. В.И. Вернадский выражал резкое несогласие с идеями слияния народов: «Уже с детства мне была чужда и мне была болезненно противна идея объединения человечества в единое целое с уничтожением всех различий отдельных племен и народов. Это столь же неправильно, как и желать того, чтобы все люди были под один ранжир. Идея национальности теснейшим образом связана с идеей личности» (40).

О научной несостоятельности теории «слияния языков» в будущем писали многие современные языковеды: С.Ф. Ольденбург, Б.А. Серебrenников, Ю.Д. Дешериев и др. В коллективной монографии, посвященной роли человеческого фактора в языке и затрагивающей данную проблему, Б.А. Серебrenников и В.И. Постовалова писали: «Идея достижения единого «всеобщего» языка в свете общих идей лингвистики, базирующейся на антропологических началах, представляется лингвистической утопией, а точнее — дистопией. Практическое осуществление подобного проекта было бы губительным для человеческого духа...»

324

Идея возможности и необходимости создания единого языка человечества, вытесняющего все многообразие живых языков, в наше время — теоретический анахронизм. Ее разделяют только отдельные авторы» (41, с. 43).

Выше мы говорили, что в самом языке не заложены такие факторы и причины, которые вели бы к его гибели и самоликвидации. Напротив, как показывает история современных развитых языков, язык сам по себе обладает огромными потенциальными возможностями, надо полагать, к бесконечному развитию на основе исходных данных и состояния. Но, разумеется, в человеческой истории действуют субъективные и объективные факторы, существуют внутренние и внешние условия жизни народов и их языков (природные, социальные, экономические, военные, моральное, духовное состояние общества и др.), которые, с одной стороны, могут способствовать укреплению и росту наций и их языков, а с другой, — угнетать и разрушать их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1984.
2. Серебrenников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
3. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
4. Косериу Е. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
5. Онтология языка как общественного явления. М., 1989.
6. БСЭ. Т. XXII.
7. БСЭ. Т. XVIII.
8. Филлин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языка. М., 1972.
9. Ленин В.И. Сочинения. Т. 26.
10. Ленин В.И. Сочинения. Т. 25.
11. Виноградов В.В. Литературный язык//КЛЭ. Т. 4.
12. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
13. Русские писатели о языке. Л., 1954.
14. Платонов А. Размышления читателя. М., 1980.
15. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
16. Достоевский Ф.М. Скверный анекдот//Полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1884.
17. Фылянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965.
18. Общее языкознание. Вып. I. М., 1970.
19. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
20. Скворцов Л.Н. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
21. Филлин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
22. Горький М. Беседы с молодыми. М., 1980.
23. Луцкий А.С. Поли. собр. соч. Т. 11. М.; Л., 1949.
24. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков. 1913.
25. Аксаков К.С. О грамматике вообще (по поводу грамматики ВТ. Белинского//Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
26. Ушинский К.Д. Родное слово//Избранные произведения. Вып. 1. М.; Л., 1946.
27. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.
28. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
29. Срезневский И.И. Родное слово. Избранные труды. М., 1986.

фундаментальные, биологические, психологические и общественные предпосылки в развитии человека и человеческого общества. Эти факты подорвали или вызвали обоснованные сомнения в истинности многих представлений о происхождении языка, и не только авторов предшествующего времени — Древних, Средних веков и XVIII в., хотя эти взгляды на проблему были высказаны выдающимися умами своего времени. И позднейшие многие взгляды оказались на поверку недостаточно обоснованными либо вовсе несостоятельными. В свете открывшейся сложности этой проблемы весьма многие представления о происхождении языка, высказанные выдающимися учеными и философами прошлого и настоящего времени, остаются более или менее удачными гипотезами.

Мы не будем излагать историю разработки данной проблемы, тем более, что она хронологически описана — от древнейших мифологических и религиозных представлений до новейших изысканий в этой области — в целом ряде работ (1, 2, 3, 4, 5, 6 и др.), не говоря уже об учебных пособиях по общему языкознанию. К истории разработки проблемы мы будем обращаться по мере обсуждения тех вопросов, которые, на наш взгляд, имеют важное значение в освещении происхождения языка и которые были затронуты в свое время тем или другим ученым.

Сложность проблемы происхождения языка необходимо предполагает ее исследование с точки зрения разных наук: лингвистики, антропологии, философии, психологии, физиологии, социологии... Однако современная наука не располагает не только методом и методиками реконструкции первичных этапов генезиса языка, но и приемами рассмотрения разных сторон этой проблемы, подлежащих ведению разных наук, в неразрывном, взаимопроникающем единстве, воссоздающем хотя бы в известном приближении картину первоначального образования человеческого языка.

Так, например, рассматривая только мыслительную сторону процесса возникновения языка — образование абстракций, мы должны одновременно учитывать другие психологические процессы — память, волю, внимание, воображение... Все эти процессы, несомненно, имеют отношение к образованию и функционированию языка в условиях непосредственного общения: в совместной трудовой деятельности, во взаимоотношении полов, в семье и пр. Причем, надо думать, их роль в жизни человека заметно возрастает с образованием языка, особенно это касается памяти. Для инстинктивного выкрика, сопровождавшего внешнее раздражение, память не нужна. Но она оказалась необходимым условием для овладения и воспроизводства языка, построения высказывания (2, с. 532—533).

В нашей науке проблема происхождения языка, как правило, рассматривалась в единстве с проблемой происхождения самого человека и человеческого мышления. Такая точка зрения на происхождение

языка укрепилась под влиянием известных трудов основоположников марксизма, и прежде всего работ Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Происхождение семьи, частной собственности, государства», а также работ Сталина по языкознанию, где утверждалось, что мысли человека могут возникать и существовать только на базе языкового материала. Эти суждения были высказаны Сталиным в связи с критикой «нового учения о языке» Н.Я. Марра, допускавшего, кстати сказать, существование в доисторическую, первобытную эпоху ручной, или «кинетической речи».

Надо заметить, что и в настоящее время немало отечественных и зарубежных ученых, которые не отделяют проблему происхождения языка от проблемы происхождения самого человека и его мышления, т. е. эти ученые считают, что становление человека, его мышления и языка происходило одновременно. И лишь в сравнительно недавнее время у нас появились публикации, содержащие несогласие с подобным подходом (7, 8). Так, Б.А. Серебренников подверг сомнению генетическую одновременность человеческого мышления и языка, а также таких основополагающих для становления и развития человека, человеческого общества факторов, как труд и язык, что также предполагает разновременность формирования человеческого мышления и языка. Б.А. Серебренников ссылался при этом на неверное прочтение Энгельса. Но в своей книге Б.А. Серебренников не касается вопроса о возможности существования доязыковых средств общения в человеческом обществе, способном на примитивный труд.

Обсуждение проблемы происхождения человека и его мышления не входит в задачи данного пособия. К тому же мы считаем, что хотя происхождение человека, его мышления и языка — проблемы между собой связанные (очевидно, что язык является существенным, основополагающим признаком человека, его мышления), тем не менее генетически — это проблемы разные. Для своего разрешения они предполагают учитывать известную последовательность определенных факторов и условий, необходимую причинно-следственную их связь для каждого члена этой триады (ср., например, биологические, социальные, семиотические и другие предпосылки образования речи). Появление человека и его сообществ, образование форм его мышления и происхождение языка — это не одновременные факты истории человека; каждый член этого ряда имеет глобальное, судьбоносное для человека и Земли значение, уходит в далекое ее прошлое и таит в себе доступные и недоступные для изучения современной наукой условия и факторы. Короче говоря, мы рассматриваем в данном пособии проблему происхождения языка на основе доступных нам источников и материалов.

В начальном курсе по теоретическому языкознанию, во «Введении в языкознание», традиционно излагаются основные теории происхождения языка: звукоподражательная, междометная, ониматопозтиче-

екая, теория общественного договора и трудовая марксистская, или теория Ф. Энгельса о происхождении языка. Разумеется, основное внимание уделялось концепции Энгельса, которая, по его же словам, и, естественно, в нашей науке считалась «единственно правильной».

Согласно звукоподражательной теории, звуковой человеческий язык возник вследствие подражания человека различным природным звукам, сопровождавшим те или другие явления действительности или действия самого человека, крикам животных и пр. Междоветная теория связывала происхождение языка с невольными выкриками человека под воздействием внешних раздражений или внутренних состояний. Ономатопоэтическая теория, близкая к междоветной и звукоподражательной, считала, что звуковой человеческий язык образовался в результате звукового представления и впечатления об обозначаемом предмете или явлении. В этой теории большую роль играет звуковой символизм. Если названные теории восходят еще к античной традиции, то автором теории общественного договора обычно считают Ж.Ж. Руссо.

Оценка этих теорий содержится, можно сказать, во всех учебниках и учебных пособиях по «Введению в языкознание». В дополнение выскажем следующие замечания. Общим недостатком указанных теорий является убеждение их авторов, что главным в образовании языка является формирование звуковой его стороны, что предпосылки такого использования звука были всегда, т. е. человеческое общество, мышление всегда были готовы для использования звука. Между тем, надо полагать, в действительности было не так. Если не признавать, что языку предшествовала определенная невербальная знаковая система или системы, благодаря которым мышление развилось до такой степени, что могло использовать для своего выражения звук, то получается замкнутый логический круг: для образования языка необходима предварительная высокая степень развития мышления, для развития же мышления необходим язык (2, с. 421; см. также ниже). Уязвимым местом теории общественного договора является отсутствие убедительных доказательств: как осуществлялся этот договор в отсутствие языка, какие были возможны средства общения.

Разумеется, в нашей науке разрабатывалась трудовая теория Ф. Энгельса о происхождении языка. О собственно теории Энгельса мы скажем ниже, здесь же выскажем общее замечание к разработке данной концепции. Ее авторы значительное место уделяли не собственно лингвистическим и мыслительным условиям и предпосылкам образования языка, а условиям и предпосылкам возникновения трудовой деятельности, их интересовала также связь звуковых сигналов животных и языка человека, в которой они видели одно из несомненных доказательств происхождения человека из животного царства.

Между тем наличие у животных различных звуковых сигналов и определенных реакций на них не означает, что они и есть исток, пусть

весьма отдаленный, человеческого языка. Было бы слишком смело и недоказательно видеть в таких сигналах прообраз человеческого языка.

Думается, что собственно научная задача состоит не в том, чтобы находить точки соприкосновения, аналогии между человеком и животным, в том числе и высокоорганизованным. Таких связей мы найдем много, поскольку в действительности каждый предмет непосредственно или опосредованно связан с каждым, тем более, что речь идет о живых существах. Строго говоря, научной задачей в данном случае является обнаружение и определение тех необходимых условий, факторов, элементов, их существенных связей, которые в е д и н с т в е вызвали — объективно и необходимо — образование языка.

Поиск связей между человеком и животным миром делается не столько в целях нахождения действительных, определяющих условий и факторов образования языка, сколько из стремления найти доказательства к заранее принятой теории происхождения человека и трудовой концепции происхождения мышления и языка. Однако между звуковыми сигналами и их функциями у животных и языком человека существует радикальное различие. При этом мы имеем в виду, не примитивность звуков животных и сложную природу и структуру первобытного языка. Различие гораздо глубже. Существует биологический, мыслительный барьер между человеком и животным, не говоря уже об общественных предпосылках образования языка.

Звуки-сигналы и реакция на них у животных инстинктивны, в то время как у людей употребление языка осознано. Звуковые сигналы животных и реакция на них общи, принадлежат всему виду или стаду, между тем употребление языка у человека всегда индивидуальный творческий акт, хотя человек и пользуется общими средствами языковой системы. Звуковые сигналы у животных врожденные, человек же научается языку, при этом в строго определенном раннем возрасте.

Звуковой сигнал у животного нерасчлененный, диффузный, его органы неспособны к образованию членораздельного, артикулируемого звука, а следовательно, и природа мышления животного неспособна к образованию соответствующей дискретной формы мысли. Между тем звук человеческого языка дискретный, членораздельный, причем использование членораздельного звука было обусловлено соответствующим высоким уровнем развития мышления человека. В. Гумбольдт, Потенция и другие ученые подчеркивали, что свои свойства членораздельный звук заимствует у свойств мысли. Освоив язык в раннем возрасте, человек сравнительно быстро овладевает общим мыслительным багажом, присущей народу общей картиной мира, что обеспечивает говорящему свободное общение и взаимопонимание в обществе и участие в интеллектуальном движении народа, не исключая индивидуального творчества. И языку и мышлению человека свойственно все возрастающее развитие и совершенствование. Однако у животных нет эволюции звуков и реакций на них, это застывший

животный инстинкт. Для возникновения человеческого языка необходимы были уникальные биологические и общественные предпосылки (см. ниже).

Тот факт, что функции органов, участвующих в образовании языка, вторичны¹ (нет специального органа речи, как, например, для слуха, зрения и др.), свидетельствует о комплексном характере эволюции мышления и языка, ее направленности, подчиняющей развитие всех органов человека, координированности взаимодействия органов в этом развитии и его неслучайности. О речи мы можем говорить как о социально приобретенной функции человеческого организма в результате координированного взаимодействия всех органов человека. Вертикальное положение человека необходимо и для трудовой деятельности. Глоттогенез свидетельствует, что участки головного мозга, обеспечивающие речевую деятельность (левое полушарие головного мозга), одновременно ответственны и за координацию движений обеих рук, что служит указанием на связь речевой деятельности с трудовой и жестами рук (10, с. 108—109). Речевая деятельность как функция человеческого организма решительно отличается от всех других функций. Выражаясь в субъективной форме, будучи творческим актом говорящего, она предполагает общество и может реализоваться только в обществе. Таким образом, становление и развитие языка как функции человеческого организма предполагает наличие как биологических, психологических, так и общественных предпосылок. Эти черты радикально выделяют человека среди других живых существ и, в сущности, противопоставляют его им.

В работах, посвященных проблеме происхождения языка, лингвисты, как правило, задаются вопросом об изготовлении первобытным человеком орудий труда, с чего, согласно трудовой концепции, начинается общество, трудовая деятельность, в процессе которой и образуется человеческий язык. Это не собственно лингвистический аспект исследования проблемы, и лингвисты не могут быть здесь компетентными судьями. Поэтому многое в этом случае приходится принимать на веру.

Отмечается радикальное различие между развитием языка как функции человеческого организма по сравнению с другими функциями, осуществляемыми специальными органами (слух, обоняние и др.). За время существования *Homo sapiens* (по разным оценкам —

¹ О вторичности использования человеческих органов для производства звуков речи остроумно писал Э. Сепир: «Строго говоря, никаких органов речи не существует; это название мы относим к тем органам, которые используются между прочим и для производства звуков речи. Легкие, гортань, небо, нос, язык, зубы и губы служат для этого, но рассматривать их как первичные органы речи нет больших оснований, чем считать пальцы по существу органами игры на рояле...» (9, с. 9).

50—100 тыс. лет) не обнаружены какие-либо морфологические изменения органов человека, повлиявшие на их функции, между тем развитие языка, мышления, трудовой деятельности человека за это время достигло исключительно высокого уровня.

Эволюция *Homo sapiens* за несколько десятков тысяч лет его существования по сравнению с первыми настоящими людьми — кроманьонцами — ознаменовалась исключительно высокой степенью прогресса. Эту эволюцию нельзя сравнивать с эволюцией в мире животных. «За время, прошедшее от появления первого каменного топора на деревянной ручке до первого полета человека в космос, лошадь, например, едва успела сменить три пальца на копыто. Но при таких невероятных темпах эволюции биологические особенности человека, его видовые морфологические признаки по существу не изменились; если бы можно было одеть кроманьонца в европейский костюм и пройти с ним по улицам большого города, никто, пожалуй, не обернулся бы» (5, с. 26).

В принятой трудовой концепции происхождения языка исключается существование каких-либо знаковых средств или систем, предшествовавших языку. Труд, человеческое мышление, язык появляются сразу, как Минерва из головы Юпитера. Между тем филогенез языка предполагает его начало; и если в природе и обществе ничто из ничего не образуется, то и языку должны были предшествовать определенные предпосылки, условия и факторы, в том числе и примитивные небезбальные средства общения, благодаря которым язык и мог образоваться (подробнее об этом см. ниже). Общество, замечал Потетбня, предшествует языку. Положение же, что труд, мышление и язык формировались вместе и одновременно, произвольно снимает все эти вопросы.

§ 93. БИОЛОГИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ДРУГИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Как говорилось выше, многие ученые, занимавшиеся проблемой происхождения языка, преимущественно обращали внимание на образование членораздельных звуков, истоки фонетической системы языка.

На наш взгляд, прежде чем решать вопрос о конкретном механизме формирования первоначальных звуков, о возможности сознательного влияния на образование языка и др., важно исследовать указанные выше необходимые общие условия и предпосылки такого формирования и образования. Выяснение этих условий и предпосылок в итоге поможет вскрыть и сам механизм образования языка, в частности, его фонетической системы.

Общеизвестно, что язык представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по присущим ей законам, не терпящим

субъективного вмешательства в их ход; особенно это касается внутренней, глубинной структуры языка, непроницаемой для внешних социальных и индивидуальных воздействий. При всей многочисленности языков мира каждый из них представляет собой индивидуальное образование, отличается особенностями на всех уровнях своей системы: своими элементами, их организацией на каждом уровне, законами функционирования и развития... Все это, на наш взгляд, должно свидетельствовать, что происхождение языка не случайное явление в истории человека, не следствие подражания звукам живой или неживой природы, не предмет договора между людьми и пр., а необходимый, единый, охватывающий человечество объективный поступательный процесс его развития.

Образование языка было детерминировано совокупностью многих общих внешних и внутренних факторов: природными (в том числе и космическими) условиями, биологическими (антропологическими) предпосылками, наличием общества и характером отношений между людьми, трудовой, предметной деятельностью, использованием предшествовавших языку неязыковых знаковых средств, обладавших тем не менее тождественной со словом знаковой структурой (семиозисом) и др. Кратко охарактеризуем необходимые условия и предпосылки образования языка.

Для человека и его далеких предков земные и космические условия существовали практически всегда, для его жизни они представляли собой нечто постоянное. Внешние условия (природные — земные и космические) сделали возможной не только жизнь на Земле, но одновременно и возможность языка, который мог возникнуть только при наличии, в частности, околоземной воздушной оболочки, необходимой как для дыхания всего живого, так и для образования звука. Следовательно, эти природные условия таили в себе в качестве необходимой объективной предпосылки возникновения языка возможность образования его существенного элемента — звука.

Другим необходимым условием происхождения языка являются биологические (антропологические) предпосылки, без учета которых нельзя вообще ставить вопрос об образовании человеческого языка. Такими предпосылками являются прежде всего вертикальное положение человека, которое само по себе уже свидетельствует о принципиально иных, по сравнению с животным миром, усложненных, расширенных образе поведения, действиях и вообще деятельности человека, поскольку верхние конечности человека свободны для такой деятельности. Вертикальное положение предполагает совершенно иную группировку всех органов человека, по сравнению с высшими животными; особенно это касается органов, участвующих в выражении и восприятии речи. Как утверждают антропологи, только при таком условии стало возможным образование членораздельных звуков. Вертикальное положение обеспечивает широкий кругозор человека, суще-

ственно влияет на восприятие и отражение окружающего мира, дает возможность свободного распространения звуковых волн на сравнительно большое расстояние и др. Вертикальное положение человека не только обеспечило ему трудовую, предметную деятельность, но и позволило использовать совокупность определенных органов в образовании языка, т. е. в их вторичной, чисто человеческой, языкообразующей функции. Если первичные функции органов речи одинаковы у всех народов, соотносительны с функциями соответствующих органов животных, то вторичные функции органов речи используются в каждом языке особенно. Языки мира представляют собой поразительное разнообразие в организации фонетических систем языков, что, надо думать, вызвано многими и весьма трудно определяемыми причинами: особенностями образа жизни сообществ, окружающими условиями, влияющими на образ жизни, психологией людей, своеобразием выражения мысли и др.

Указанные биологические (антропологические) предпосылки могли реализоваться только в человеческом обществе. Образование языка возможно только в обществе. Следовательно, и биологические предпосылки, и общественные условия представляют собой необходимое диалектическое единство, обеспечивающее развитие человека, и в частности его мышления и языка. Об этой диалектической связи А.Н. Леонтьев писал: «В развитии человека имеется своеобразная диалектика естественного и общественного: человеческая деятельность немислима без социальной среды, но человеческое общество не могло бы существовать без индивидов, обладающих такими задатками, как задатки к речи, которые требуют определенного строения мозга» (11, с. 12-13).

О том, что эти естественные, биологические задатки весьма значительны и существенны (и не только в строении мозга) и что их реализация возможна только в человеческом обществе, свидетельствуют известные науке экстремальные случаи. Так, ребенок, родившийся в отсталом племени, близком по своему состоянию и образу жизни к первобытному, попав с рождения в цивилизованное европейское общество, в последующее время, по мере своего роста и развития не обнаруживал каких-либо умственных, биологических отклонений по сравнению с окружающими его людьми. В то же время современный ребенок, лишившись в раннем детском возрасте человеческого общества (маугли), при всех своих биологических задатках человеческого развития, не может стать человеком в полном смысле этого слова.

Эти исключительные случаи позволяют утверждать, что *Homo sapiens* обладает общими естественными биологическими задатками; но реализация этих врожденных естественных предпосылок Человека разумного возможна только в свойственных человеку общественных условиях. Следовательно, становление, происхождение языка предполагает е д и н с т в о необходимых биологических и общественных

условий. При этом человеческий индивид обладает огромными биологическими ресурсами приспособления к общественным условиям и связанными с ними возможностями умственного развития. Потебня отмечал, что до некоторых грамматических абстракций народ доходит в течение тысячелетий; в то же время ребенок, научаясь родному языку, играючи овладевает такими абстракциями.

Предпосылкой первостепенной важности происхождения языка явилась достаточно высокая степень развития доязыкового человеческого мышления, готового к существенному своему преобразованию под воздействием знакового звукового воплощения и выражения мысли. Такая степень развития мышления была подготовлена определенными биологическими, социальными факторами и условиями, длительным использованием неязыковых знаков (см. ниже). Преобразование мышления выразилось в создании абстракций, в дифференциации психологических процессов, в расчленении мыслительного потока и образовании дискретных его форм, выступающих в органическом единстве с соответствующими дискретными звуками, их комплексами, и др. Формирование абстракций, осуществление всех этих мыслительных процессов невозможно без участия языка, т. е. звуковой знаковой системы. Предязыковая мысль человека должна была быть готовой к образованию с помощью формирующегося слова основных по содержанию форм мысли — образа и понятия.

Одной из важных предпосылок образования языка является отмечаемая В. Гумбольдтом и Потебней общность психологических законов довербального и вербального мышления человека. Как считают эти ученые, нет оснований отрывать мышление человека, только начинающего говорить, делающего первые шаги в создании языка, от человека, владеющего языком, в том числе и современного. Деятельность этих законов Потебня считает ключом в познании происхождения языка. Эти законы свойственны всем народам, во все времена, в том числе и первобытным народам. Психологические законы — величина постоянная, в то время как их результаты — величина переменная. Отсюда Потебня делает важное заключение: «Если поэтому будем в состоянии определить законы прогресса языка, узнать, как он изменяется в течение веков под влиянием действующей в нем мысли, как постепенно растет переменный агент в прогрессе языка, то есть найдем постоянные отношения, в какие становится уже сформированная масса языка к новым актам творчества, то и в этих последних, взятых в том виде, в каком их застаем в нас самих, сможем найти черты, общие нам с первыми говорившими людьми. Таким образом, в истории языка, в психологических наблюдениях современных нам процессов речи — ключ к тому, как совершались эти процессы в начале жизни человечества» (12, с. 70).

С участием языка психологические законы получили мощный толчок в своем развитии. Последнее выразилось в их дифференциро-

ванности и определенности, разработанности и утонченности. Они приобрели новое качественное развитие, поскольку обрели оперативное знаковое выражение и закрепление. Но генетическая и — в известной степени — функциональная природа этих законов осталась тождественной в своем языковом и неязыковом воплощении, не разъединяющей тем самым вербальное и невербальное мышление.

Утверждая тождество психологических законов вербального и довербального мышления, В. Гумбольдт не отрицал категорически возможность ни Божественного участия в создании языка, ни собственно человеческого его образования. Это еще одна антиномия языка В. Гумбольдта (см. ниже).

Многие ученые считают, что формирующееся человеческое общество весьма долгое время использовало в качестве средства общения неязыковые знаки: жесты, мимику, выразительные движения, действия, предметы. Также длительное время, первоначально не выделяясь, параллельно с невербальными знаками применялся и звук как знак мысли (см. ниже). Здесь следует подчеркнуть, что доязыковой и языковой знак объединяет не только общность психологических законов, но и общность структуры доязыкового (и вообще неязыкового) и языкового знака, т. е. общность элементов, образующих знак, и их отношений (знаковая ситуация, или семиозис). Структура индексального, иконического и языкового (символического) знака тождественна.

Важнейшим условием формирования языка стала возможность образования членораздельного звука. Его образование — одно из самых таинственных и сложных явлений в процессе возникновения языка. Только с помощью членораздельного звука стало возможным отчуждение и вычленение из мыслительного континуума человека дискретной, членораздельной мысли. Мысль стала выражаться в знаке, наиболее соответствующем ее природе. В этом, собственно говоря, и заключается создание языка. Образование дискретной мысли было обусловлено потребностью отражения тех или других явлений действительности, вошедших в человеческий опыт. Свое единство (в конечном счете и свою дискретность) мысль заимствовала у отражаемой действительности, разумеется, под углом зрения потребностей человека, его интереса к этой действительности. В свою очередь, качества членораздельного звука как существенной материальной стороны языка обусловлены свойствами мысли. Требования выражения мысли диктуют определенные качества и видоизменения членораздельного звука. О членораздельном звуке Потебня писал: «...В природе он встречается только в человеческой речи, служит только для изображения мысли, а потому только от свойств мысли заимствует все свои признаки» (12, с. 104).

Человеческое происхождение языка объясняется самим характером роли языка как постоянно возобновляющейся и созидательной деятельности. Только в истоках языка эта деятельность была в зародыше

и, следовательно, не занимала в жизни человеческого сообщества такого места, какое она стала занимать в обществе в последующее время. Она не была самостоятельной, функционально дифференцированной, развитой и т. д. Речевая деятельность была непосредственно вплетена в предметную деятельность человека, не выделяясь из нее, и выступала как не обособившийся элемент в единстве с другими простейшими средствами общения, выражения и обозначения мыслительной деятельности человека (см. ниже). Взявшая начало в весьма скромных, не выделявшихся по своей знаковой роли истоках эта языкообразующая и системообразующая деятельность благодаря непрерывности языка продолжается до настоящего времени.

Речевую деятельность роднит с трудовой деятельностью тот факт, что как труд и его результаты начинаются с поразительно простейших источников — каменного ножа, топора или скребка, так и язык начинается с полувывкриков, которые мы условно называем «словом-предложением», но в которых мы видим дифференцированное воплощение мысли в знаке (кстати сказать, как и в самых примитивных орудиях труда). Но важнейший, знаменательнейший шаг человеком был сделан, и последующая история человечества показала, чем оно обязано этому шагу.

Как уже говорилось выше, образование языка сыграло исключительную роль в становлении и развитии человека, его мышления, в познании человеком действительности. Создание языка — событие вселенского масштаба, и поэтому последствия этого события трудно переоценить. Отметим только те последствия, которые прямым образом связаны с развитием человеческого мышления и познания действительности.

С возникновением языка становится возможным образование высших форм человеческого мышления — образа, понятия, суждения (как необходимого средства образования понятия), умозаключения. До возникновения языка человеческое мышление, надо полагать, не могло оперировать понятиями в строгом смысле этого термина. Однако вполне возможны были представления, которые также несли в себе элементы обобщения, а следовательно, анализа и синтеза. Но отсутствие языка как естественной знаковой системы исключало образование собственно понятия — сущностной, классификационной категории, мыслительного единства характерных или существенных признаков, отчужденных с помощью знаков и познанных в человеческой деятельности как элементы этого единства. Понятие позволяет человеку более или менее адекватно познавать окружающий мир, приближаться в своем познании к действительному положению вещей. Благодаря понятию как мысли об открито́м классе предметов или явлений, связанной с языковым знаком, человек приобрел способность оперировать в «снятом» виде такими классами предметов и явлений, а также и отчужденными в знаке их качествами и свойствами, связями и

отношениями. Отсюда исключительная гносеологическая роль языка. По словам Гегеля, человек в понятии встречается с бесконечностью.

Выше мы говорили, что выраженная вовне, закрепленная в языковом знаке мысль становится объектом как для своего создателя, так и в принципе для всех других членов общества. В ее совершенствовании и развитии, таким образом, могут участвовать все члены общества, а не только ее автор. В этом залог прогресса мышления и языка, их поступательного развития. Язык делает возможной капитализацию мысли; роль этой стороны языка неизмеримо возрастает с изобретением письма, а в современном мире — с возможностями машинного преобразования и хранения информации, первоначально выраженной языковыми средствами.

Наша попытка воссоздать, по возможности, условия и процессы образования языка обнаруживает необходимую цепь зависимостей, причин и следствий. Потребность сообщества в своей жизни и деятельности использовать наиболее оптимальное в этих условиях и одновременно отвечающее природе человека средство общения и выражения мысли в конечном итоге должна была привести к образованию языка. Эволюция человеческого общества исчисляется многими сотнями тысяч лет, и практика использования в жизни и деятельности людей знаковых средств, разных по сложности и пригодности в окружающих условиях, не могли не привести к утверждению именно такого средства общения, которое более всего отвечало существующим условиям и одновременно было внушено самой природой человека. Расхожее утверждение, что природа стремится к совершенству, находит подтверждение в эволюции человеческих знаков. Человеческое общество в своей истории необходимо, но одновременно — объективно и бессознательно — сделало в своей практике общения «выбор» в пользу языка, воспользовавшись, надо думать, единственно возможным сочетанием (а точнее — синтезом) внутренних биологических предпосылок человека и внешних факторов и условий. Эволюция человеческого общества в существующих условиях не могла пройти мимо этого «выбора» и синтеза. Возникновение языка на определенном этапе развития общества не могло быть случайным; оно было подготовлено и детерминировано биологическим, психологическим и общественным развитием человека и природными, земными условиями его существования.

§ 94. БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА И ИХ ТОЛКОВАНИЯ

Представители новейшего языкознания, как правило, снисходительно или скептически относились к содержащимся в Библии идеям о Божественном происхождении языка, о наречении Адамом животных именами, о Вавилонском смешении языков, при всей возможной

символичности этих преданий. Однако в последнее время в отечественном языкознании после десятилетий воинствующего атеизма отношение российских ученых к Библейским преданиям стало меняться. По целому ряду лингвистических вопросов, актуальных в современном языкознании, они стали обращаться к Библии, и в частности по вопросу о происхождении языка. Так, Н.Г. Комлев, указав на целый ряд лингвистических проблем, которые были стимулированы еще в глубокой древности в Библии, например, пишет: «Нет ответа на основной вопрос языкознания, когда, где и как возник человеческий язык и почему именно у данного вида живых существ? Если моногенетическая версия Библии утверждает, что язык дан человеку Богом, то почему только ему?» (13, с. 244).

Долгое время новейшее языкознание скептически относилось не только к сведениям о языке и его происхождении, содержащимся в Библии, но и к патристике, к трудам отцов церкви и богословов, объяснявших библейские тексты, определявших и развивавших идеи и смыслы библейских преданий. Появившиеся в последние годы работы, содержащие изложение взглядов средневековых философов, богословов на сущность языка, его происхождение, оценку этих взглядов, свидетельствуют о весьма ценных открытиях, оказавшихся созвучными поискам современной лингвистики: идет ли речь о роли членораздельности звуков языка, его знаковости, синтезе в языке звука и мысли и др. (14, с. 157—207).

Ученые не разделяют тех положений, что язык непосредственно дан Богом людям, что наречение живых существ люди получили от Адама и что разнообразие языков мира произошло от Вавилонского смешения языков, возникшего при строительстве Вавилонской башни. Хотя здесь за тысячелетия, отделяющие описываемые события от нас, был, возможно, потерян символический смысл этих преданий.

Н.С. Трубецкой увидел в библейском предании о Вавилонском столпотворении не объяснение собственно происхождения языка (люди до возникновения многоязычия имели единый для всех язык). Библейское предание объясняет земное многообразие языков и его необходимость в жизни человечества.

Кроме наказания трудом за первое грехопадение человечества в лице Адама и Евы, Бог наказал людей и другой карой в виде смешения языков за Вавилонское столпотворение. И то и другое проклятие выражается в установлении естественного закона, против которого человечество бессильно. Отвлекаясь от исторической подоплеку библейского предания, Н.С. Трубецкой пишет о глубоком внутреннем его смысле. Законы эволюции народов, пишет он, устроены так, что неминуемо влекут за собой возникновение и сохранение национальных отличий в области языка и культуры: «Писание рисует нам человечество, говорящее на одном языке, т. е. лингвистически и культурно вполне однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловеческая,

лишенная всякого индивидуального, национального признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!) полная духовная бессодержательность и нравственное одичание» (15, с. 328). Бог препятствует осуществлению этого замысла и устанавливает на вечные времена закон национального дробления и множественности национальных языков и культур.

Н.С. Трубецкой находит закономерность между развитием однородной общечеловеческой культуры и рационалистической наукой, логикой и материальной техникой, которые будут всегда преобладать над религией, этикой и эстетикой, что в результате приведет в этой культуре к духовному и нравственному одичанию при интенсивном научно-техническом развитии. Чем больше индивидуальные различия в таком культурном и социальном целом, тем будет ниже усредненный, нивелированный духовный и лингвистический уровень такого общества. В качестве примера для своего времени Н.С. Трубецкой берет Европу, романо-германский мир с его нивелирующей, ассимиляторской культурной и национальной политикой. Но в настоящее время можно указать и на другие примеры.

Так, Америка, которую традиционно называют «котлом», в котором перевариваются народы и расы и которая раньше служила примером решения национального вопроса для марксистов, а теперь — для «демократов», вполне отвечает закономерности, открытой Н.С. Трубецким. Резкие индивидуальные отличия членов американского общества, населенного разными этносами и расами, в процессе создания общей духовной и лингвистической культуры породили как результат их усреднения и нивелировки — масскультуру, различного рода модернизмы и американский слэнг — просторечие, которое американские ученые считают основным лингвистическим достижением Америки. Эти порождения Америки весьма активны и даже агрессивны. И в настоящее время Европа, которая проводила ассимиляторскую и нивелирующую национальную и культурную политику, сама вынуждена обороняться от американского культурного и лингвистического нивелирующего натиска, принимая соответствующие законы против американского слэнга и засилья масскультуры.

Между тем, например, маленький народ Древней Греции достиг высочайших вершин в развитии своей культуры, оказал сильнейшее влияние на культуру многих народов мира. Вне влияния греческой цивилизации невозможно представить духовное развитие Европы.

Крохотное племя Гайаваты в Северной Америке создало своими легендами, преданиями и поверьями такой самородок собственной духовной культуры, что обработанный под пером Г. Лонгфелло и И. Бунина он превратился в шедевр мировой литературы.

Разумеется, этими примерами не исчерпывается список народов, создавших великие культуры или образцы литературы и искусства

мирового значения. Такое противоречие между индустриальным гигантом, великой страной, населенной разными этносами и расами, вырабатывающей общую для них культуру и язык и экспортирующей их в другие страны, и небольшими и даже крохотными, по сравнению с этим гигантом, племенами, создавшими великую культуру или даже пусть отдельные великие произведения, заставляет убедиться в действительности отмеченной Н.С. Трубецким закономерности.

Можно возразить, что известное нивелирование происходит и в одноплеменном, этнически однородном обществе. Однако, по нашему мнению, это «нивелирование» имеет другую природу и происходит на совершенно другом уровне. В национально ограниченной культуре почетное место отводится всему тому «в чем проявляются интимные духовные потребности..., эстетические вкусы, нравственные стремления — словом, весь своеобразный моральный и духовный облик данного народа» (15, с. 330).

Люди, принадлежащие к определенной нации, народу, являются носителями и выразителями данной народности. Последняя представляет собой единство формы и содержания. Народность определяет национальную физиономию народа, его самобытность и особенность, конкретное воплощение чего осуществляется в творческой деятельности личностей, принадлежащих к данному народу. Проявление же народности как формы в деятельности личностей происходит бессознательно. Так же бессознательно осуществляется и применением языка как формы. Тем самым пользование народностью и языком как формой освобождает энергию человека в умственной и иной деятельности и способствует индивидуальному творчеству. Бессознательное в психологии человека является необходимым условием творческой речевой и любой другой деятельности, оно — основа, форма такой деятельности. В данном случае происходит не нивелирование народов и племен и их народностей, а овладение личностями — представителями о д н о г о н а р о д а языком и народностью как формой, стереотипом поведения и общения в данном обществе, едиными нормами и принципами жизни народа, образованными и опробованными в течение длительного исторического времени. Именно овладение этой формой, нормами и стереотипами поведения представителями данного народа в конечном счете формируют народ как с о б о р н у ю л и ч н о с т ь. В то же время народность и язык не усредняет и не понижает их носителей в духовном и ином отношении, а, напротив, создает, как форма, основу, предпосылки для их творчества, которое выражается в образовании ими с помощью этой формы нового содержания.

Единые принципы общечеловеческого поведения вырабатываются и в обществе, представляющем собой сожительство, конгломерат народов и рас; используется и общий для всех язык, язык межнационального, межэтнического общения. Но поскольку люди, живущие в таком обществе, принадлежали или принадлежат к разным

этносам, народам и тем самым являются выразителями разных культур и народностей, то выработка общих стереотипов поведения, норм и языка необходимо приводит к потере индивидуального, особенного, к усреднению и понижению духовного, культурного уровня стереотипов поведения, норм и языка. Члены такого общества не могут освоить все качества, признаки народности, которые свойственны народам, живущим в таком обществе. С вынесением за скобки всего особенного, индивидуального остается предельно общее, отвлеченное, т. е. мало-содержательное, категориальное и малоинформативное. Этот вывод не умозрительный, он доказывается фактами. Ожидаемого общего повышения в таких обществах культурного, духовного уровня, о чем в свое время писали марксисты — авторы концепции слияния наций и языков, не происходит. Именно сохранение народов и языков в истории человечества рассматривали как необходимое условие развития духовности, культуры, мышления, успехов познания и др. многие отечественные и зарубежные мыслители — В. Гумбольдт, Я. Гримм, А. Потенция, И.С. Аксаков и другие славянофилы и почвенники, В.С. Соловьев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский и др.

История человечества свидетельствует, что по направлению к современности происходит умножение наций. Дробление народов уменьшается с образованием современных наций, объединивших многие племена. Образование наций сопровождается сглаживанием диалектных различий и созданием единого национального языка в устной и письменной форме.

Один из выдающихся этнологов современности, Л.Н. Гумилев утверждал, что в истории человечества не было и нет чистых этносов (16, с. 57). В свое время Потенция писал, что для жизни человека нужны другие люди, для жизни народа — другие народы. Как взаимоотношения людей не исключают самостоятельности и индивидуальности личности, так и взаимоотношения и взаимовлияния народов не ведут в общем случае к денационализации народа как личности соборной. Однако это не исключает в том и другом случае необходимости соблюдения меры влияния. Потенция, специально исследовавший этот вопрос, указывал на наиболее вероятные условия денационализации. Денационализация в большей степени угрожает изолированным, обособленным народам. Активное взаимодействие народов возбуждает их внутренние силы, заставляет их перестраиваться, не застывать на месте под влиянием внешних воздействий (12, с. 231 и сл., с. 270 и сл.).

Среди авторов, отстаивавших человеческое происхождение языка, своей доказательностью и глубиной суждений отличается один из отцов церкви Григорий Нисский (IV в.). Он утверждал, что Бог не открыл людям названий предметов, а только дал им способность речи, которой они и воспользовались для наименования предметов. Григорий Ни-

ский отвергал саму мысль, что Бог мог быть создателем грамматики и словаря и учить людей языку подобно школьному учителю (2, с. 376 и ел.; 13, с. 184 и ел.). Наименования предметов придуманы самими людьми. Причем некоторые слова признаются постыдными, и никто не признает, что Бог изобрел эти слова. Григорий Нисский замечал, что природа человека способна не только к речи, но и ко всякому другому искусству, различным видам деятельности.

Основатели теоретического языкознания В. Гумбольдт и Потенбня, как и многие другие лингвисты, не были сторонниками непосредственного Божественного происхождения языка. В то же время проблема происхождения человека оставалась для них открытой, как и в современной науке. Если Потенбня не прибегал к «метафизическому объяснению» происхождения языка, считая, что этот вопрос можно разрешить в будущем, основываясь на данных языкознания и психологии, то Гумбольдт в вопросе о происхождении языка исходил из самостоятельности духа и его высшего единства со звуком¹. Именно в

Понятие духа, как и понятие внутренней формы языка, остались недостаточно четко и однозначно определенными В. Гумбольдтом, на что указывали многие исследователи его творчества. Сам В. Гумбольдт сравнивал этимологию, значения и употребление слов, обозначающих в разных языках дух, душу (нем. Geist, Seele), анализировал внутреннюю форму этих слов и их значения, в том числе и чисто, как говорит сам ученый, психологическое, внечувственное значение. Во многих контекстах слово дух (нем. Geist), употребляется В. Гумбольдтом в смысле самостоятельной мыслительной, идеальной сущности, находящей в той или другой степени свое выражение в разнообразной человеческой деятельности. Наиболее соответствующее своей природе выражение дух находит в языке. Именно с помощью языка образуются такие формы человеческой мысли, которые делают духовную деятельность сознательной. Дух в языке, в других видах человеческой деятельности видоизменяется в соответствии с чувственной, материальной его реализацией. Именно в связи с этим В. Гумбольдт говорит о духе языка, духе нации, народа, духе человечества, духе говорящего, духе поэзии, функциях духа и др. Дух языка обусловлен особым характером его развития как неповторимого единства духа и звука, индивидуальный дух того или иного народа — его особой жизнью в разнообразных ее проявлениях, находящихся свое выражение в языке и т. д.

Потенбня, анализируя взгляды В. Гумбольдта на дух и язык, склонен считать, что вопросы происхождения языка и происхождения духа «неравносильные и отдельные друг от друга» (12, с. 67); «область языка далеко не совпадает с областью мысли» (12, с. 68). Однако Потенбня утверждает, что если принять «дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка, и язык в нем есть первое по времени событие» (12, с. 69).

В наше время на неоднозначность понимания слова дух в трудах В. Гумбольдта его исследователями указал В.А. Звегинцев. Многие ученые такое положение объясняют многозначностью слова дух в немецком языке (нем. Geist обозначает: «дух, душа» и «ум, мысль, образ мыслей»). Но надобности прибегать к таким элементарным приемам, замечает В.А. Звегинцев, нет; гораздо важнее рассматривать отдельные высказывания об этой категории во всей системе взглядов В. Гумбольдта. Однако это пока не сделано, и В.А. Звегинцев присоединяется к объяснению Потенбни (18, с. 359—360).

звуке дух, независимо от воли людей, находит наиболее соответствующее его природе воплощение (см. ниже).

Современные антропологи отмечают наличие биологического, психологического барьера между человеком и высшими животными и, как следствие, отмечают невозможность у животных хотя бы зачатков языка. В связи с этим сторонники эволюционной теории происхождения языка говорят об утерянном звене в эволюции, а следовательно, о разрыве непосредственной связи между человеком и высшими животными. В последнее время ученые находят и другие глубинные различия между человеком и высшими животными.

Сенсационно звучит в этой связи заявление акад. Н.П. Бехтеревой, мирового авторитета в области нейрофизиологии и нейропатологии, лауреата Ленинской премии, руководителя научного центра «Мозг» РАН. На основе многолетнего изучения человеческого мышления и его взаимоотношения с языком Н.П. Бехтерева пришла к выводу, что невозможно рассматривать человеческое мышление как результат эволюции мозга высших животных. К сожалению, мы не могли ознакомиться с заявленной Н.П. Бехтеревой книгой, содержащей итоги ее научных исследований в этом направлении. Поэтому вынуждены сослаться на ее высказывания в печати: «Все наши знания о мозге наводят на мысль, что человек не имеет никакого отношения к этой планете (т. е. Земле — В.Г.). С точки зрения принятой теории эволюции можно объяснить строение и функции всех органов человека, все изменения, которые эти органы претерпели на протяжении миллионов лет. Но только не мозга — он с самого начала оказался готовым к восприятию любых знаний, вплоть до современных достижений человечества. Первое объяснение, которое запрашивается,— Бог, другое столь же невероятное,— инопланетное происхождение.

Получается, что все ценные археологические находки нужно просто выкинуть. Обезьяны — вовсе не предки человека, даже пресловутый неандерталец имеет к современному человеку малое касательство. Просто другие ветви, которые вымерли. Почему мы признаем вымирание мамонтов и не признаем исчезновение неандертальцев?» (17, с. 6).

§ 95. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ОСНОВАТЕЛЕЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. Гумбольдт уделил проблеме происхождения языка сравнительно немного места. Однако нетрадиционная — в лингвистическом, психологическом, философском отношениях — постановка вопроса оказала сильнейшее влияние на последующее языкознание, и особенно на тех ученых, которые отводили значительное место в изучении языка психологическим процессам, сопровождавшим его функционирова-

ние. Это вполне понятно, если учесть, что генезис языка теснейшим образом связан с происхождением и историей человеческого мышления, психологическими процессами и законами. Разносторонне исследовавший эту проблему А.Л. Погодин писал следующее о вкладе Гумбольдта в ее изучение: «...От глубоких психологических изысканий Гумбольдта и его последователей ведет тот путь, который может привести к разрешению вековой проблемы о возникновении величайшей способности человека, дара речи» (2, с. 459).

Глубокий разбор взглядов Гумбольдта на происхождение языка мы находим в труде Потевни «Мысль и язык». Потевня обнаруживает противоречия во взглядах Гумбольдта на происхождение языка. Но эти противоречия были отмечены и самим Гумбольдтом; они явились следствием логических выводов об условиях и предпосылках возникновения и свойствах формирующегося языка. Эти противоречия Потевня объяснял внутренне противоречивым характером самого предмета изучения. Думается, что идеи этих двух выдающихся языковедов-мыслителей не потеряли значимости и для современной лингвистики, для которого, как и для науки прошлого, названная проблема остается неразрешенной.

Объясняя противоречия Гумбольдта, Потевня пишет, что «сам Гумбольдт признает их за противоречия теории и практики и тем самым заставляет считать их следствием ему лично свойственного развития мысли, сырым материалом, который он не мог переработать в научные положения» (12, с. 64). Гумбольдт,— пишет далее Потевня,— «великий мыслитель, который постоянно чувствует, что могучие порывы его мысли бессильны перед трудностью задачи, и постоянно останавливается перед неизвестным...» (12, с. 64).

Одним из таких противоречий является противоречие между Божественным и человеческим в языке. Это противоречие, по Гумбольдту, проявляется в том, что, с одной стороны, «разнообразии строя языка представляется зависимым от особенностей народного духа и должно объясняться ими» (12, с. 63). Но, с другой стороны, «язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодеятельное начало (Selbstthatigkeit), и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а произвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба. Они пользуются им, сами не зная, как они его построили» (18, с. 49).

Язык и человеческий дух, по Гумбольдту, возводятся к высшему началу, и только этим можно объяснить возникновение человеческого языка как действие высшей силы (18, с. 51, ел.). Объясняя эти положения Гумбольдта, Потевня пишет: «...Язык есть дело Божественное, притом не в том смысле, в каком могут быть названы Божественными все произведения, необходимо возникающие из свойств

человеческого духа (например, поэзии): языку нет ничего равного, кроме самого духа; вместе с духом он возводится к Божественному началу» (12, с. 64). Отсюда следует важный для концепции языка Гумбольдта вывод: с самого зарождения языка наблюдается единство языка и духа и с самого начала язык представляет собой единство формы и содержания, заключающее в себе способность, возможно, бесконечного развития.

Гумбольдт понимал возникновение языка как порождение синтетического процесса. Синтез материального и идеального создает новый феномен — язык, открывающий исключительные, неведомые дотоле и таинственные возможности развития человеческого мышления, познания мира. О порождении языка Гумбольдт писал: «Начиная со своего первого элемента, порождение языка — синтетический процесс, синтетический в том подлинном смысле слова, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» (18, с. 107).

Сам Потевня, как историк языка, глубоко исследовавший доступную наблюдению эволюцию языка, установивший различные этапы развития его семантики, грамматической системы и др., не разделял теорию непосредственного Божественного откровения языка (научение Богом языку первых людей, способность Адама давать имена животным, как и теорию сознательного изобретения языка, общественного договора). Он категорически заявляет, что при исследовании проблемы происхождения языка «должны быть устранены взаимоположенные мнения о сознательном изобретении слова людьми и непосредственном создании его Богом» (12, с. 35).

Вся история формирования языка, свидетельствует о его человеческом происхождении. Однако остается предположение, что язык непосредственно вложен в природу человека. И тогда возможны два случая: «1) Если даны человеку только зародыши сил, необходимых для создания слова, и если развитие этих сил совершалось по законам природы, то начало языка вполне человеческое и Бог может быть назван творцом языка в том смысле, в каком Он — создатель мира; 2) поэтому остается только одно предположение, что совершенный язык непостижимыми путями сразу внушен человеку. Тем самым вся сила теории Божественного создания сосредоточивается в утверждении превосходства первозданного языка над всеми позднейшими» (12, с. 40). Не обсуждая первый случай, поскольку он не отрицает человеческое происхождение языка, Потевня подвергает критике случай второй, считая его противоречащим историческому развитию языков. Прогресс в языке есть явление несомненное; поэтому достижения людей, замечает ученый, которым свойственно ошибаться и заблуждаться, в развитии языка по сравнению с первозданным языком не могут быть согласны с чистотой религиозных верований. Наблюдающееся до настоящего времени деление языков также не есть регресс в их

развитии. По этому поводу Потебня пишет: «Самое раздробление языков с точки зрения истории языка не может быть названо падением, оно не губительно, а полезно, потому что, не устраняя возможности взаимного понимания, дает разносторонность общечеловеческой мысли. Притом медленность и правильность, с которой оно совершается, указывает на то, что искать для него мистического объяснения было бы так же неуместно, как, например, для изменений земной коры или атмосферы» (12, с. 40).

Существенным достижением Гумбольдта в исследовании происхождения языка Потебня считает то, что Гумбольдт заложил основы психологического исследования этой проблемы, доказав единство психологических законов в доязыковом и языковом мышлении.

Предполагая постепенность и преемственность в душевном развитии человека, Потебня считает, что доязыковое психологическое развитие человека подготавливает такую его степень, когда возникновение языка становится возможным. Проблема происхождения языка оказывается, таким образом, проблемой преимущественно психологической.

«При всем этом,— пишет Потебня,— Божественность языка остается в стороне и вопрос о его происхождении становится вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующих языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто психологическим. Сам Гумбольдт не мог оторваться от метафизической точки зрения, но он именно положил основание перенесения вопроса на психологическую почву своими определениями языка как деятельности, работы духа, как органа мысли» (12, с. 70).

Гумбольдт понимал язык как творчество, как постоянно созидающую деятельность; такое понимание языка накладывает определенный отпечаток на проблему происхождения языка. Ретроспективный анализ существующих языков, их история свидетельствует об их эволюции, восхождении к определенной языковой основе. Реконструкция строя языка прошлых эпох указывает на то, что он имел свое начало. Язык, таким образом, есть создание человеческой истории; это, по Гумбольдту, вид человеческой деятельности, подчиненный, в свою очередь, деятельности человеческого духа, а точнее — это выраженная вовне на определенном этапе своего развития деятельность человеческого духа, нашедшего в артикулируемом звуке наиболее соответствующее своей природе воплощение.

В этом процессе образования языка Гумбольдт находит такое сцепление причин и следствий, такие «узлы», которые невозможно последовательно и объективно изучить и объяснить. В исследовании этой проблемы он выделяет две цепи объяснений или две части причин и следствий. «...В то время как одну часть развивающихся причин и следствий можно удовлетворительно разъяснить, как вытекающие одни

из других, тем не менее от времени до времени натыкаешься на «узлы», которых уже никак не развяжешь; это обнаруживается во всякой попытке дать культурную историю человеческого рода. Причина этого заключается в той духовной силе, которая не допускает полного проникновения в существо свое и не позволяет заранее предугадывать ее деятельность» (2, с. 438).

Гумбольдт говорит о произвольности, объективности и бессознательности создания языка вследствие развития человеческого духа, тем самым ученый подчеркивает самостоятельность образования языка, внутреннюю независимость его развития. Разумеется, такой подход исключает образование языка посредством общественного договора (Ж.Ж. Руссо), сознательное использование звуков для выражения мысли (И.Г. Гердер, Я. Гримм, позже Ф. Энгельс и др.).

Между тем Потебня пытается в общих чертах воссоздать первоначальную картину образования слова, учитывая при этом, что «образование слова есть весьма сложный процесс» (12, с. 113). Основанием для этого является общность психологических законов первобытного и современного человека. Необходимым условием для образования языка Потебня считает высокую степень развития мышления, достигнутую неязыковыми средствами общения. Какими? Этот вопрос не находит точного ответа у данных ученых.

И Гумбольдт, и Потебня утверждают, что человеку негде было взять в природе членораздельный звук, кроме как в междометии. Язык, согласно Потебне, предполагает такую степень развития, которой непосредственно предшествует ономапоэтическая; здесь «впервые звуками изображаются мыслимые явления» (12, с. ПО). Но чтобы воспользоваться междометием для выражения мысли, нужно было изменить интеръекциональную (междометную) чувственную его природу как невольного средства выражения чувства. Междометия, замечал Потебня, должны были распастись на такие, которые «навсегда остались междометиями» (12, с. 110) и такие «которые с незапамятных времен потеряли свой интеръекциональный характер» (там же). Однако для такого разъединения необходимо было высокое развитие человеческого мышления и психологии.

Потебня, как и Гумбольдт, не рассматривает возможное использование в первобытном обществе других знаковых средств (жестов, мимики, «выразительных движений» и пр.). Думается, это упущение ученых; свое внимание они сосредоточили на ономапоэтической стадии звуков человека и последующем их использовании для выражения мысли. По нашему мнению, их суждения по этому поводу не потеряли значения и для современной науки.

Образование мысли сопровождалось внутренними и внешними ее субстратами или проявлениями. Причем у первобытного человека проявление внешних субстратов — в жесте, действии, движении, наконец, в звуке — было более непосредственным и активным; мысль

была неотделима от поведения человека, отождествлена с этим поведением в широком смысле слова. О непосредственном внешнем проявлении мысли у первобытного человека Потебня пишет: «Мысль о звуке, без сомнения не пройдет без следа, и невольно повлечет за собою свое осуществление, произнесение звука, потому что молчание есть искусство не давать представлению переходить в движение органов, с которыми оно связано — искусство, приобретаемое современным человеком довольно поздно и совсем не заметное в детях» (12, с. 112).

Как для современного человека, так и — в еще большей степени — для человека первобытного были характерны стереотипы поведения. Надо думать, повторяющиеся, регулярные формы поведения и сопровождающие их мысли и их субстраты не могли в конечном счете не обратить внимание первых людей на связь поведения, мысли и ее внешних показателей. Одним из таких показателей-субстратов был звук. Превращение звука-междометия в знак мысли могло произойти в результате ослабления чувства при произнесении междометия и постепенного усиления связанной с ним мысли. И таким образом «междометие под влиянием обращенной на него мысли обращается в слово» (12, с. ПО). При этом «напряженность чувства, владеющего человеком, который произносит междометие, должна уменьшаться при переходе междометия в слово» (там же). По мере уменьшения чувства при произнесении междометия увеличивается связь последнего с представлением, образом предмета, вызвавшего это междометие. Далее Потебня пишет: «Звук, издаваемый человеком, воспринимается им самим, и образ звука, следуя постоянно за образом предмета, ассоциируется с ним. При новом восприятии предмета или при воспоминании прежнего повторится и образ звука, и уже вслед за этим (а не непосредственно, как при чисто рефлексивных движениях) появится и самый звук» (12, с. 111). Это весьма важный психологический этап в движении от непроизвольного, рефлексивного звука, сопровождающего внешнее раздражение или восприятие, к осознанному произношению звука, вызванному воспринимаемым или воспоминаемым предметом без активного проявления чувства, страстности.

Потребность общения в человеческом обществе объективно существовала всегда. На начальных этапах истории общества она удовлетворялась другими, сравнительно с языком примитивными средствами — жестами, выразительными движениями (В. Вундт), действиями, мимикой, интонацией, а также и звуками; последние, надо думать, первоначально сопровождали выражение чувств, но на каком-то этапе развития общения они начали соотноситься с выражением мысли, выступая ее внешним субстратом. В развивающемся человеческом общении одно, как правило, выступает в единстве с другим. Усложнение отношений между людьми, развитие человеческой деятельности и мышления не могли в конечном счете удовлетворяться неязыковыми средствами. Потребовалось такое, которое в существующих условиях 350

более всего соответствовало природе самой мысли. Именно она вызвала к жизни и единству с собой для своего выражения и развития звук как наиболее подходящее для этого средство. О качестве звука Гумбольдт писал: «.В членораздельном звуке проявляет себя мыслящая сущность; в нечленораздельном — чувствующая... Вместе с тем звук допускает бесконечное множество модификаций, четко оформленных и совершенно обособленных друг от друга, что не свойственно в такой степени никакому другому чувственному восприятию» (18, с. 76). Возможность бесконечного числа обособленных модификаций звука необходима для знакового выражения и закрепления растущих образований мысли. В этом, наряду с другими качествами звука (см. гл. 1), видят Гумбольдт и Потебня органическую связь звука и мысли и возможность их синтеза в формирующемся языке.

Описанный выше переход междометия в слово — это не индивидуальный, а общественный процесс образования языка, предполагающий внешнее восприятие звука не только говорящим, но и другими людьми; кроме того, выражение вонне звука как знака мысли нужно и говорящему для понимания самого себя. Потебня, приведя высказывание Гумбольдта о необходимости общества для возникновения языка («Язык в действительности развивается только в обществе, и человек понимает себя, только испытавши на другом понятность своих слов»), далее поясняет: «Вообще внешнее наблюдение предшествует внутреннему. В применении к языку это будет значить, что слово только в устах другого может стать понятным для говорящего, что язык создается совокупными усилиями многих, что общество предшествует началу языка (разрядка наша — В.Г.) (12, с. 111-112).

Идеи Гумбольдта о происхождении языка оказали влияние на многих языковедов последующего времени. Важной посылкой последователей Гумбольдта (Потебни, М. Лацаруса, К. Гейзе, А.Л. Погодина и др.) является убеждение, что происхождение языка — это общий необходимый, закономерный процесс, охватывающий независимо от воли людей весь человеческий род и единственно возможный в условиях Земли. Как замечает в этой связи А.Л. Погодин, «противоречие между теориями Божественного и человеческого происхождения языка оказывается возведенным здесь (в этом взгляде) к высшему единству» (2, с. 449).

Как Гумбольдт, так и его последователи отводили большую системобразующую и языкообразующую роль форме. Именно поэтому они считали, что до возникновения языка человеческое мышление должно уже было иметь высокую степень развития. Только при таком условии возможно то преобразование мышления, которое происходит, когда оно становится вербальным. Такая степень развития была достигнута в результате усложняющейся деятельности человека, использованием в этой деятельности указанных выше простейших знаковых

систем, совместным трудом, приспособлением к окружающим условиям и др.

Продуктивные суждения о происхождении языка в ряду других авторов, во взглядах которых ощущается влияние В. Гумбольдта, высказал В. Вундт. Он сторонник эволюционной точки зрения на происхождение языка. Важным моментом его концепции происхождения языка является его понимание звука как «звукового жеста», реализуемого первоначально в единстве с целым рядом других, по его терминологии, «выразительных движений», представляющих собой средства выражения работы человеческого мышления (жест, мимика, гримасы, поведение...). Обособление звука речи шло постепенно и незаметно; звук весьма длительное время сосуществовал в единстве с другими «выразительными движениями». И для наблюдателя и исследователя, замечает В. Вундт, нет той грани, когда начинается собственно звуковой язык и заканчиваются функции «выразительных движений» в первоначальной истории языка (2, с. 538 и сл.). Звук речи, по В. Вундту, явился естественным и неизбежным результатом тех психологических условий, в которых звук выступал в единстве с целым рядом «выразительных движений» (2, с. 592). Эти идеи В. Вундта можно сказать, предвосхитили результаты современных исследований, согласно которым мыслительная деятельность человека сопровождается сопутствующими ей внутренними и внешними субстратами (см. ниже).

Как говорилось выше, Потебня придерживался той точки зрения, что язык мог возникнуть только тогда, когда мышление человека должно было достигнуть без языка весьма высокой степени развития, чтобы то преобразование мысли, которое происходит с возникновением языка, было возможно. «Слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства уже и без него» (12, с. 39). Отсюда весьма важным моментом в исследовании происхождения языка Потебня считает «искомую величину», а именно: «высокое развитие человека, способного объективно и произвольно создать язык» (12, с. 35).

После трудов Гумбольдта намечаются решительные изменения в подходе к проблеме происхождения языка.

Труды Гумбольдта и его последователей, несомненно, послужили толчком в научно доказательном, фактическом, а не чисто гипотетическом и умозрительном изучении проблемы происхождения языка.

Прежде всего стало можно сказать, общим мнением, что язык не мог возникнуть на инстинктивной, аффективной основе. Но в то же время, сознательно строя свою речь, являясь субъектом речевой деятельности, говорящий, в том числе и современный, не отдает себе отчета при высказывании в подборе фонем, морфем, их связей, в каком значении употребляет слова и т. д. В этом отношении речевая деятельность, как функция человеческого организма, казалось бы, напоминает его функции — зрение, слух, осязание и т. д. Владея ими, человек также не отдает себе отчета в их природе, проявлениях, законах (см. ниже). 352

Надо думать, такая бессознательность в применении языка была еще в большей степени свойственна первобытному человеку, когда язык органически сливался с его предметной деятельностью, являясь одной из ее составляющих.

§ 96. ЯЗЫК КАК ФУНКЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ СУБСТРАТЫ МЫСЛИ

Язык — особая функция человеческого организма, во многих отношениях существенно отличная от всех других функций и одновременно решительно выделяющая человека среди других живых существ. За управление органами человека, участвующими в речевой деятельности, ответственны определенные участки головного мозга (центры Брока и Вернике), что также отличает человека от животного.

Язык, речевая деятельность биологически не наследуется, хотя человек и обладает биологическими (антропологическими) предпосылками для такой деятельности. Каждый родившийся ребенок научается речи в обществе, в общении с другими людьми; язык — общественный продукт, и общество является непременным условием формирования языка у индивида. При этом человеку отведен природой ранний детский возраст для овладения родным языком. Освоенная в детском возрасте речевая деятельность, вербальное мышление и связанные с ними функции человеческих органов остаются постоянным признаком человека.

Этими своими чертами речевая деятельность человека может показаться сходной с деятельностью названных органов человека. Для познания как языка, так и других функций своего организма человек должен сделать их предметом целенаправленного специального исследования и изучения. Язык человека так же сложен, замечал Л. Витгенштейн, как и его организм. Однако природа языка в сравнении с указанными функциями остается принципиально различной во многих отношениях. В названных выше функциях специальных органов (слуха, зрения и др.) осуществляется чисто физиологическая природная деятельность человека как живого существа. Языку же человек научается в обществе, в общении с другими людьми; а точнее — научается речевой деятельности, в которой он приобретает знание языка как формы, владение которой дает ему возможность выражать и понимать многообразное содержание.

Язык способен к динамичному развитию и совершенствованию, в то время как функции указанных органов остаются за наблюдаемую историю человечества неизменными.

Язык как форма выражения мысли является общим для всех говорящих на данном языке. Но использование этой формы для субъективно организуемого и выражаемого содержания зависит от

личности — ее целей, намерений, степени владения этой формой, способностей личности и др. И здесь кроется одно из глубинных диалектических противоречий языка: с одной стороны, объективные потенциальные возможности языка и, с другой, — трудность овладения ими творческой личностью. Об этом противоречии образно, в поэтической форме сказал В. Брюсов в своем знаменитом стихотворении «Родной язык»:

Мой верный друг, мой враг коварный,
Мой царь, мой раб, родной язык...

Выше мы говорили, что отличительной чертой языка как функции человеческого организма, выделяющей язык среди других функций, является присущее ему развитие и совершенствование. Условием, обеспечивающим развитие и совершенствование языка, является, во-первых, свойственный речевой деятельности творческий характер и, во-вторых, общественная природа языка. Результаты творческой деятельности индивида благодаря языку становятся не только достоянием их автора, но могут стать предметом дальнейшего усовершенствования многих и в принципе всего говорящего коллектива. Коммуникативная функция языка в итоге направлена на познание внешнего и внутреннего мира человека; она осуществляется в виде обмена созданными мысли — образами, понятиями, смыслами, выражаемыми языковыми единицами. Коммуникативная функция обеспечивает участие всего говорящего коллектива в отражении и познании мира и одновременно — в развитии речи каждого члена общества. Сам того не подозревая, каждый участник языкового обмена способствует общему языковому движению.

Язык одинаково способен к познанию внешнего и внутреннего мира человека, включая самого себя. Познание с помощью языка других функций человеческого организма ведет к их четкой дифференциации, выделению их существенных признаков, совершенствованию.

Во всем этом выражается особенный характер языка как функции человеческого организма, необходимо действующий только в единстве с обществом. Общество является неперенным условием языка как вида общественной деятельности. Общественная функция языка одновременно предоставляет возможность и создает условия для реализации творческих возможностей индивида. Такова внутренняя антиномия языка: он создает условия для творчества личности и вместе с тем делает это творчество достоянием общества.

Динамизм развития языка идет в единстве с общественным развитием того или другого народа-носителя языка и отражением этого развития в языковых процессах. Вплоть до настоящего времени преобладающим является процесс дифференциации языков и появления

новых. Именно этому процессу обязано существование в современном мире, по разным подсчетам, от 3 до 5 тысяч языков. Биологически (антропологически) человек (*Homo sapiens*) представляется величиной постоянной по сравнению с изменением, развитием и совершенствованием его деятельности, мышления и языка. Разумеется, функционально органы человека не могли не развиваться одновременно с изменением и развитием общества, производства, условий жизни и т. д. Некоторые функции могли деградировать и отмирать. Развитие различных видов деятельности не могло не отражаться на мышлении, на расширении и усложнении его функций. Некоторые авторы не исключают и морфологических изменений человеческого мозга за это время (19). Однако для доказательства наличия таких морфологических изменений нужны достоверные исследования.

Как само возникновение мысли происходит под воздействием внешних и внутренних импульсов, так и ее реализация и выражение сопровождается внешними и внутренними ее субстратами, доказывающими ее реальность как идеального явления. Открытие современной нейрофизиологией однозначной связи между элементами речи (фонемами, морфемами, словами и их значениями, логическими операциями и др.) и различным проявлением активности определенных нервных клеток головного мозга явилось крупным достижением в познании внутренних материальных субстратов психических явлений (см. работы Н.П. Бехтеревой и ее сотрудников, А.Р. Лурия, О.С. Виноградовой и др.). Таким образом, возникшая под воздействием действительности та или другая мысль как идеальное образование имеет свои особенные внешние и внутренние проявления, или субстраты. Внешними субстратами мысли могут выступать жест, мимика, «выразительное движение», а также и звук, т. е. любое внешнее проявление в поведении человека, возникшее под влиянием мысли. Ограниченный набор субстратов мысли делал необходимым их повторяемость, что вело к закреплению субстрата за той или другой мыслью. В конечном итоге между мыслью, отражаемым явлением действительности, вызвавшим ее образование, и тем или другим внешним ее субстратом создается и закрепляется единство. Субстрат становится для сообщества показателем содержания мысли, т. е. ее знаком.

По мнению ученых, первобытный человек сопровождал свою мысль более сильным, непосредственным чувством, страстностью, т. е. внешнее проявление мысли было более активным, а следовательно, более заметным. В то же время, как замечают исследователи, намеренное, сознательное использование субстратов как знаков мысли вело к уменьшению страстности и эмоциональности в общении, последнее требовало сосредоточения внимания на внешнем знаке-субстрате, на его содержании.

Применявшиеся на заре человечества различные знаки-субстраты не были равными по своим знаковым, а значит, и функциональным возможностям, своим соответствием природе мысли. Отсюда их дифференциация по своей продуктивности, по своей близости к свойствам мысли как идеального явления. Победа звука в этой конкуренции знаков-субстратов закономерна и необходима, она была predeterminedена как биологическими, антропологическими данными человека, так и природными и социальными условиями его жизни.

В процессе, своего образования и функционирования язык выступает в двух ипостасях, закрепляющих его как средство обмена мыслями в обществе: с позиции говорящего и позиции слушающего. Единство языка как средства общения осуществлялось и укреплялось с учетом этих двух его позиций, а следовательно, двух его представлений.

Важность слушания в генезисе, в функционировании языка видна, в частности, хотя бы из того, что освоение языка в детстве начинается со слушания. Овладение речью ребенок начинает с восприятия, слушания речи других. На примере речи других ребенок первоначально устанавливает связи между слышимыми звуковыми комплексами и соответствующими им предметами. Он — наблюдатель совершающегося на его глазах речевого обмена и пассивно участвует в окружающей его речевой деятельности. Так начинается усвоение языка. На своем опыте каждый родитель убеждается, что ребенок до того, как научится произносить слова, знает, какими словами обозначаются многие окружающие его предметы, но эти слова до овладения им речью произносятся другими людьми. На вопросы указать, где мама, где папа, где тот или другой предмет из окружающих его предметов, ребенок безошибочно указывает на называемое. Произносить эти слова он еще не научился, т. е. он пока еще не может стать активным участником речевого обмена. Но пассивным он любит быть. И когда с ним заговаривает мать либо другие окружающие его люди, он жадно воспринимает и впитывает речь. Известно, что родители непроизвольно и интуитивно любят говорить с новорожденным; с этого начинается «школа» обучения языку. Прочно закрепившийся в мозгу ребенка звуковой образ слышимого слова объективно и стихийно вызывает у ребенка стремление научиться выговаривать слово за словом и тем самым стать активным участником речевого обмена. Быть же участником речевой деятельности — для ребенка важнейший стимул освоения языка. Для ребенка, таким образом, ставится труднейшая задача: подражая речи других, научиться произносить определенные комплексы звуков, т. е. впервые скоординировать действия многих органов произношения и тем самым научиться выговаривать самые простые слова. Причем для ребенка — это не отдельные слова как таковые, а психологически законченная мысль, своего рода слово-предложение. Выцелять же и произносить в своей речи отдельные звуки осознавать их — для ребенка дело будущего. 356

§ 97. О СМЕНЕ ЗНАКОВЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКА И В ЕГО ИСТОРИИ

По мнению ряда ученых, занимавшихся проблемой происхождения языка, последний в период своего становления унаследовал мыслительные достижения доязыковых средств общения: жеста, мимики, «выразительных движений» (В. Вундт), действий, предметов.

О том, как происходит смена знаковых систем может подсказать отмечаемая Потребней эволюция стадий, или ступеней, развития языка и мышления, а также и смена функциональных коммуникативных систем в процессе истории одного и того же языка. Эти изменения и смены происходят путем длительного сосуществования и постепенного замещения уходящей менее продуктивной системы более продуктивной, развивающейся системой общения. При этом непрерывность языка (т. е. непрерывность общения людей), предполагает известное тождество элементов этих систем на каком-то этапе их взаимоотношений. Такой характер взаимоотношений между различными стадиями языка и мышления, между различными коммуникативными системами в историческом движении одного и того же языка характерен для наблюдаемой истории существующих языков. И нет оснований считать, что эти атрибуты современной развивающейся системы были другими в ее истоках, в ее функциональном взаимодействии с другими средствами общения. Поэтому можно с достаточным основанием предполагать, что первоначальный язык впитал в себя мыслительные и знаковые результаты доязыковых, низших знаковых средств общения и выражения мысли. Причем надо заметить, что в истоках человеческого сообщества все знаковые средства общения и выражения мысли были непосредственно связаны с предметной деятельностью, включены в нее. Незначительный объем оперативной памяти заставлял использовать только те взаимодействующие знаки, которые непосредственно требовались для обозначения конкретной ситуации, предмета, действия и т. д.

В условиях совместного и функционально тождественного применения невербальных средств с формирующимися элементами первоначального языка последний стал, в силу своих исключительных коммуникативных и сигнификативных качеств, развиваться и постепенно вытеснять другие средства общения на периферию в качестве вспомогательных (жест, мимика, интонация и пр.).

В объяснении взаимодействия различных знаковых средств важно учитывать, что структура неязыковых и языковых знаков (иконических, индексальных, символических) тождественна. Едино и психологические законы дословесного и словесного мышления, о чем говорилось выше.

Временную протяженность сосуществования невербальных средств общения и языка, а также смены первых последним поможет предста-

вить следующее соображение. Потебня утверждал, что выделенные им стадии развития языка и мышления — мифическая, поэтическая, прозаическая или научная — свойственны всей истории человечества, способы мышления сосуществуют, взаимодействуют и углубляются в современном языке. Отмечается лишь преобладание отдельной стадии в ту или другую эпоху развития языка и мышления. Такой глубокий процесс смены стадий развития языка и мышления не может проходить быстро. Что же касается смены неязыковых знаковых систем и мышления языком и соответственно вербальным мышлением, то этот процесс, надо полагать, шел значительно медленнее и исчислялся многими сотнями тысяч лет, если не миллионами.

Кинетические и соматические средства общения и сейчас активны в непосредственном обмене мыслями, несмотря на наличие такого универсального, развитого средства общения, как язык с его производными письменными и устными знаковыми системами и техническими усовершенствованиями, возникшими с его помощью и на его основе. Более того, язык заимствует невербальные знаки, переводя их в языковые в виде так называемых соматических фразеологизмов, сочетаний слов и отдельных слов (ср., например: *погрозить кулаком, погрозить пальцем, поманить рукой, махнуть рукой на что-либо, указать пальцем, сделать большие глаза, пожать плечами, показать кукиш, топнуть ногой, погладить по голове (головке), пожать руки, обменяться рукопожатием, плюнуть (наплевать) на что-либо, обнять кого-либо, поцеловать кого-либо, обняться, поцеловаться, подмигнуть кому-либо* и т. п.).

Когда говорят о невербальных первоначальных средствах общения, то прежде всего имеют в виду жест. Разумеется, жест как средство общения ограничен во многих отношениях. Но, надо сказать, что таким он выглядит с точки зрения современных требований условий общения, с высоты современного развития человеческого мышления и взаимоотношений людей (хотя ср.: ручной язык глухонемых). Не то было на заре человеческой жизни. Однако и тогда жест и другие неязыковые средства общения, надо думать, не имели того «чрезмерно конкретного характера», как об этом пишут некоторые исследователи данного вопроса.

В языкознании весьма распространено мнение о недостаточности и ущербности неязыковых средств общения, о невозможности образования с их помощью понятия как сущностной категории человеческого мышления, о неудобстве их применения во многих условиях общения и пр. Разумеется, это верно с точки зрения современных условий жизни и общения. Но такая оценка распространяется на любую стадию развития человеческого общества, мышления и языка, включая первобытную. Между тем, на наш взгляд, мы не должны слишком скептически оценивать неязыковые средства общения первых людей с точки зрения современного уровня мышления, являющегося итогом

поступательного развития в течение миллионов лет и выступающего в единстве с такой универсальной естественной знаковой системой, как язык.

Человеческое мышление имеет разные уровни отражения окружающего мира, постепенно приближающиеся к действительному положению вещей. Задачи общения могут ограничиваться поверхностным отражением и обозначением воспринимаемых предметов, но могут и углубляться в суть отражаемого, которая, однако, далеко не всегда является целью обмена мыслями. В непосредственном общении и с помощью языка люди редко обращаются к понятию или образу как организованному содержанию. Об этом писали многие ученые. Обычно же люди ограничиваются указанием на предмет, знакомство с которым у них отнюдь не теоретическое, а непосредственно опытное. В таком общении знак (языковой или неязыковой) и предмет отождествляются (перцептивная функция знака). Это свойственно современному языковому общению, а что же можно сказать об общении в начале жизни человечества. Такая функция знака была преобладающей, если не единственной.

Между тем обобщение, как говорилось выше, характерно не только для слова, но и для других знаков (жестов, «выразительных движений», действий и др.). Знак ассоциировался с предметами, явлениями определенного порядка; общие признаки, объединяющие предметы в тот или другой их класс, присутствуют в каждом предмете этого класса. По ним дикарь и узнавал предметы, которые ассоциировались в его голове с одним общим для них знаком. Неязыковые знаки (как и языковые) применялись в ситуациях, разделенных во времени и пространстве. Но первые люди не придумывали всякий раз новый знак при узнавании предмета того или другого класса. В противном случае любая объективно формирующаяся знаковая система была бы невозможна. Но, разумеется, обобщение, осуществляющееся в таких неязыковых знаках, естественно отличается от обобщения, образующегося с помощью понятия как сущностной формы человеческого мышления.

Укажем еще на одну характерную черту, надо думать, любого человеческого знака, а не только языкового. Со знаком могут ассоциироваться различные представления, образы, воспоминания, которые не находят своего прямого знакового воплощения, а сопутствуют знаку, увеличивая его информативность. Знак в этом отношении уподобляется вехе, которая указывает направление движения и тем самым вызывает определенные представления и образы. Не исключено, что у неязыкового древнейшего знака таких представлений и образов было даже больше, он отличался явно не выраженной информационной насыщенностью. Ученые отмечают ассоциативное богатство, картинность и многозначность слов в языках, относимых к первобытным (20, с. 86—106). В последнее время ученые обращаются к исследованию современных невербальных средств коммуникации, например кинети-

ческих, соматических, смешанных, которые, надо полагать, были свойственны начальным этапам человеческого общества (21 и др.). Следует подчеркнуть, что становление и функционирование и неязыкового, и языкового знака возможно только в обществе (см. гл. IX).

§ 98. О ХАРАКТЕРЕ ПЕРВОБЫТНОГО ЯЗЫКА

На основе мнений ученых, исследовавших прежде всего историю языка, можно в общих чертах, гипотетически, но с определенной долей вероятности предвидеть некоторые черты первоначального языка, его фонетическую, грамматическую, содержательную стороны. К сожалению, наука не располагает методом и методиками реконструкции языка первобытного общества, поэтому можно предположить лишь наиболее общие его черты.

Единицей общения в первоначальную эпоху языка, по общему, можно сказать, признанию, было слово-предложение, т. е. такое синкретическое, нерасчлененное образование, которое совмещало явно не выраженную психологическую двучленность и, с точки зрения современных лингвистических представлений, сочетало в себе в зародыше номинативную и предикативную функции.

Мы попытаемся хотя бы приблизительно представить первоначальный язык, установить те исходные условия и причины, которые в конечном счете из весьма ограниченного количества членораздельных звуков, выражавших близкие к нерасчлененному восприятию мыслительные комплексы, условно называемые словами-предложениями, привели к современным развитым языкам, способным отразить настоящий человеческий мир во всем его многообразии. Свои предположения мы строили на том, что необходимо должно было присутствовать — психологически и лингвистически — в первоначальных актах речи, неинстинктивных и общих, но намеренных и индивидуальных, одновременно рассчитанных на понимание другими участниками речевого общения.

Не будучи расчлененным, слово-предложение, надо думать, заключало в себе определенные зачатки предикирования, поскольку так или иначе соотносило свое содержание с действительностью. Внутренне слово-предложение включало в себя такие психологические центры, которые соответствовали наиболее типичным реальным отношениям первобытных людей между собой, между человеком и действительностью (субъект — действие, субъект действие — объект). О необходимости в общении выражать в языке явно или неявно, т. е. в зачаточной форме, определенные категории еще в древнейших состояниях языка Потенбня писал следующее: «...Язык, обозначающий действия, но лишенный способности обозначать носителя этих действий, не мог бы быть выразителем самого грубого и простого человеческого мышления.

бо мышление, основанное на самосознании, начинается со способности разлагать восприятие на основные его части, т. е. отделять носителя действия от самого действия и соединять их друг с другом. Такая способность разлагать и слагать была уже присуща сознанию первого человека» (22, с. 89). Об этом пишут и современные исследователи первобытной речи (5, с. 102 и ел.). Скорее всего, слова-предложения напоминали «психологическую, коммуникацию» А.А. Шахматова, сочетающую психологическую расчлененность, двучленность предложения при ее невыраженности в языковом знаке (23, с. 29 и ел.).

Сочетая в себе номинативные и предикативные функции, слово-предложение представляло собой внутреннее диалектическое противоречие. Выступая внутренним источником движения и развития, это противоречие в конечном итоге приводит к разделению этих функций в знаках и тем самым к расчленению слова-предложения.

Не вступая в дискуссию о том, как выражались в слове-предложении субъект и предикат, укажем на ту точку зрения, которая представляется нам наиболее вероятной. Субъектом в первобытном слове-предложении надо полагать, выступал сам обозначаемый предмет, предикативный актуальным его названием-указанием в виде данного слова-предложения. О таком характере первоначальных слов-предложений писали многие ученые. Так, Г. Пауль утверждал, что первообразования, с которых началось формирование языка, соответствуют цельным чувственным образам и выступают как простейшие предложения, характер которых можно себе представить на примере предложений, состоящих из одного слова, типа: «*Пожар!*», «*Воры!*» и т. п. «Подобно им,— продолжает Г. Пауль,— первообразования тоже представляют собой, собственно говоря, одно лишь сказуемое, причем в роли подлежащего к нему выступает какое-нибудь чувственное впечатление» (24, с. 223). О таком характере первоначальных слов-предложений пишет и Г. Шухардт (25, с. 80).

Реальность слова-предложения в эпоху становления человеческого языка доказывается не только изначально не прекращающейся дифференциацией частей речи, предполагающей в весьма отдаленном прошлом их восхождение к определенному нерасчлененному языковому единству, но и несомненной генетической близостью первоначальной вербальной мысли к нерасчлененному чувственному восприятию явлений действительности. Разумеется, у нас нет оснований отождествлять первобытное слово-предложение с отдельными типами односоставных предложений современных языков; односоставные предложения являются элементами системы, проработавшей многотысячелетний путь развития. О современных предложениях типа «*Пожар!*», «*Стыд!*», «*Хорошо!*» и т. п. Потенбня пишет: «Они не первообразны, ибо находятся в зависимости от строя нынешнего языка, объясняются этим строем, как его части, вместе с ним предполагают

продолжительное развитие языка» (22, с. 85). Но вместе с тем тот Же Потебня отмечал характерную черту развития языка и мышления: язык не отбрасывает прошлые достижения мысли, а развивает и углубляет их. На психологическое и языковое сходство односоставных (номинативных) предложений и древних слов-предложений указывают и другие ученые, например Г. Шпет (26, с. ПО и ел.), В.В. Бабайцева (27, с. 55-65; 25).

Первобытный язык включал в себя незначительное количество слов-предложений. Об этом могут косвенно свидетельствовать и данные этимологического анализа современных европейских языков. Так, по мнению Потебни, А.Ф. Потта и других ученых, эти языки насчитывают 500—1000 исходных непроемных корней (2, с. 503). Надо думать, в первобытном языке слов-предложений было значительно меньше. Вот, например, что пишет о количественном составе слов-предложений древнейшего языка Г. Шухардт: «Древнейший язык насчитывал, конечно, ничтожно малое количество слов, и этим словарем человек мог удовлетворяться не больше, чем, например, каменной палицей неизменной формы, то есть, возможно, какие-нибудь десять тысяч лет. Рост словаря, как и в наши дни определялся ростом потребностей; задержка в росте последних неминуемо вызывала приостановку в росте первого. Прежде чем человек довел свой словарь до такого количества слов, которое, на наш взгляд, способно дать право средствам речевого общения называться языком, должно было пройти невообразимо долгое время» (25, с. 76).

Количеству первичных слов-предложений соответствовало, надо полагать, и незначительное количество фонематических единиц. Однако этого количества было достаточно, чтобы с помощью различных комбинаций этих материальных и идеальных элементов выразить в речи необходимые сообщения, а в дальнейшем развитии языка создать новые единицы материального и идеального порядка.

Ученые XIX в. вели оживленный спор о том, какими были корни первобытного языка — глагольными или именными? Между тем этот спор лишен оснований, поскольку первые слова-предложения не были глаголом или именем в современном смысле слова. Внутренне слово-предложение было двучленно, поскольку называло и сообщало о чем-то, т. е. о наличии или отсутствии обозначаемого в действительности. И только длительная эволюция разделила в специальных языковых знаках это внутреннее противоречие, постепенно выделив из этой синкретической единицы два грамматических и смысловых центра в соответствующем оформлении — прототипы того, что мы называем в современных языках глаголом и именем. Потебня доказал рост их противоположения по направлению к современному состоянию языка (22, с. 84, 516).

Появление первых слов-предложений знаменует собой и начало формирования системы языка. Ее зачатки можно видеть в потенци-

альной двучленное™ слова-предложения, в его обобщенном характере, выделении по каким-то признакам обозначаемого, в образовании значений и их связей, смыслоразличительности первых звуковых единиц и др. Например, С.Д. Кацнельсон, исследуя язык отсталых племен, относимых к первобытным, в частности семантику имен, совмещающих функции существительных и прилагательных, отмечает весьма развитую их многозначность и образность (20, с. 86—106). Потребность постоянного знакового обслуживания жизни и деятельности человеческого сообщества необходимо делает саму речевую деятельность изначально системообразующей. Главную системообразующую роль в этом процессе становления языка, как говорилось выше, играет форма языка.

Активная системообразующая роль формы заключается в действии ее возобновляющихся всякий раз, узаконенных в данном языке правил и приемов взаимоотношения между фонематическими единицами и выражаемыми с их помощью значениями, построении речи-мысли, в типовых связях между этими единицами и др. Форма регулирует взаимоотношение материальных и идеальных единиц языка в их отражении предметов и явлений действительности. Форма делает возможным это отражение и облегчает его, поскольку она вбирает в себя весь предшествующий опыт такого отражения и закрепляет его в соответствующих единицах, в стереотипах их применения, в правилах их связей. Высказанная вовне с помощью слова-предложения мысль внутренне уже сложна, включает определенное противоречие, а следовательно, потенциально эволюционна и системна, на что обратил внимание Г. Шпет: «Первая же форма предложения самая простая и неразложимая на другие предложения, номинативное предложение, уже пригодно для такого рода эволюции, ибо обладает неопределенным запасом потенциальной смысловой энергии» (26, с. 110—111).

С фонетической стороны первоначальный язык отличался незначительным количеством фонематических единиц, причем это были скорее слоги, а не отдельные звуки и притом сложные по своему образованию. Как считает О. Есперсен и другие ученые, «простота фонетической стороны скорее невозможна, она предполагает значительное развитие языка» (2, с. 528). Несмотря на небольшое количество таких фонематических единиц, их возможная сочетаемость с избытком выполняла смысло-различительные задачи при образовании новых значимых единиц формирующегося языка. Первобытная речь с фонетической стороны отличалась активностью, сопровождалась видимым проявлением чувств, страстностью, что наблюдают исследователи речи у современных отсталых племен.

Членораздельный звук, как это следует из предыдущего изложения, формировался в предложении, точнее в первобытном слове-предложении, представляющем собой дифференцированное выражение содержания. Так, например, Д.Н. Кудрявский утверждает: «...Члено-

раздельность речи состоит в связи с ее сложным составом; она возникает только в предложении и в нем находит свое естественное выражение» (29, с. 58). Это утверждение обоснованно и вполне закономерно. Оно подтверждает разделяемое многими учеными положение, что генетически единицы языка, формирующие его строй (части речи, грамматические формы, словообразовательные аффиксы, составные единицы и их функции, модели сочетаний единиц и др.) идут из синтаксиса, поскольку именно в связной речи реально существует язык, осуществляется и воплощается речевая деятельность. Однако языковеды как-то упускали из виду, что истоки формирования фонемы также восходят к синтаксису; ее становление как единицы языка осуществлялось в предложении, в коммуникативной единице.

Такое утверждение позволяет сделать весьма продуктивные, на наш взгляд, заключения об исходной позиции синкретической единицы слова-предложения в поступательном движении языка, в формировании его фундаментальных единиц, включая фонему. В этом непрерывном под воздействием человеческого деятельности движении языка и мышления постепенно формировались и отпочковывались различные языковые единицы, знаменовавшие собой образование и развитие и тем самым усложнение структуры языка.

Сам факт формирования фонематической единицы в слове-предложении свидетельствует о предельно уходящей, исторически длительной дистанции развития языка от первоначальных слов-предложений, совмещавших номинативную и предикативную функции, до современного состояния языка, где номинативное и предикативное значения и функции структурно, грамматически и лексически разграничены. В структуре современного языка фонема и предложение как конститутивные единицы языка занимают полярное положение. Оно указывает на тот огромный путь, какой прошли современные языки в своей эволюции, и те исключительные по своей значимости изменения, которые произошли в этой эволюции.

Релевантность фонемы в современных языках определяется ее положением в слове или морфеме. Согласно МФШ, фонема определяется в конечной семантической единице языка — морфеме. Таким образом, если в исходной позиции образования языка релевантность фонемы осуществлялась в единице, выступавшей как предложение, то в современных языках — в минимально значимой единице, которая нередко равняется одной фонеме и может выражать ряд значений (ср.: флексии). Слово-предложение было одновременно и номинативной единицей, словом, являющимся и в современных языках основной номинативной единицей, в которой осуществляется смысловоразличительная функция фонемы. Однако такое сужение языкового «пространства», в котором изучается фонема, не идет на пользу познания объективного ее положения в системе языка. И в современном языке она не перестает быть е д и н и ц е й я з ы к а в целом, место ее

в системе не ограничивается рамками слова или морфемы. Только ее отношения с языковыми единицами, в том числе и синтаксическими, стали несравненно более сложными и утонченными, обусловленными языковой системой в целом (см. гл. III).

Смыслоразличительность фонемы действует там, где формируется основная, узловая единица языка. В первоначальном языке это было слово-предложение. В современных языках такой единицей, по мнению одних лингвистов, является номинативная единица языка — слово, по мнению других, — морфема. Однако и те и другие согласны, что это фундаментальные, конститутивные единицы языка.

Среди языковедов, занимающихся проблемой происхождения языка, распространено мнение, что первобытное слово не способно к обобщению; оно обозначает конкретные предметы и явления. Обобщение становится возможным значительно позже по мере развития языка и мышления. Однако такие утверждения принижают возможности человеческого мышления не только в первоначальном вербальном его выражении, но и в довербальном. Символический знак, а слово принадлежит к таковому, появляется тогда, когда человеческое мышление достигло в своем развитии способности к обобщению. Воспринимая повторяющиеся явления природы, охотясь за животными, птицами, разыскивая съедобные растения в разное время и в разных местах и т. д., первобытный человек не придумывал им ежедневно новые названия: он их узнавал. Более того он мог их называть и в их отсутствие. В этих мыслительных операциях необходимо активизировалось не только абстрагирование, но и другие психологические процессы, и прежде всего память. Таким образом, действительный мир сам подталкивал первобытного человека к обобщению.

Свойство обобщать и закреплять обобщение в языковом знаке не есть какое-то имманентное, загадочное свойство языка и мышления. Общее, служащее материалом, основой обобщения, существует в отдельном предмете или явлении. Любой предмет представляет собой единство общего и единичного. Это единство отражается и в чувственном образе, служащем материалом для образования значения слова, где происходит абстрагирование общих признаков воспринимаемых предметов определенного порядка. Рефлективное осознание человеком того, что слово обобщает и что своим обобщением оно обязано самой действительности, происходит сравнительно поздно; оно далеко не всегда очевидно и для современного носителя языка.

Природа, окружающий мир «подсказывали» и продолжают «подсказывать» многое, создаваемое человеком. Человек открывает то, что объективно существует в действительности. Усвоенное в субъективной форме объективное содержание не может не воздействовать на мышление человека, хотя средства и формы познания, в свою очередь, не могут не влиять на результаты этого познания. Мир так устроен, что он существует в виде классов предметов и явлений. Содержанием и

основой языковых обобщений является сама действительность. Но человек эти «подсказываемые природой обобщения оформляет и выражает в субъективной, человекообразной форме и в такой степени, ракурсе и объеме, в каких действительность открывается ему в его субъективном опыте. Отсюда своеобразие и неповторимость организации и отражения действительности в каждом языке.

Представляя себе характер первобытной речи, мы должны иметь в виду, что в эпоху образования языка известная триада, отражающая форму существования и реализации языка в современных условиях (язык — речь — речевая деятельность), выглядела совершенно иначе, точнее, — она была в зачаточном состоянии. Надо полагать, основным действующим фактором в тех условиях была речевая деятельность, неразрывно связанная, в свою очередь, с предметной деятельностью начинающего говорить человеческого сообщества, не выделяясь из нее. Сущностный компонент триады — язык как общее, в отвлечении от конкретных реализаций — начинал только формироваться и его осознание как особого феномена действительности было делом далекого будущего.

§ 99. О ТРУДОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА Л. НУАРЕ - Ф. ЭНГЕЛЬСА

Суждения Энгельса о происхождении языка, содержащиеся в ряде работ («Немецкая идеология», «Происхождение семьи, частной собственности, государства», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»), в советской науке расценивались как единственно верная, законченная теория, принадлежащая одному из основоположников марксизма. Однако ее теоретическое родство с высказанными ранее взглядами на эту проблему Ч. Дарвина, Л. Нуаре очевидно, особенно последнего. Поэтому в нашем очерке целесообразно объединить этих авторов.

Л. Нуаре считал, что своим возникновением язык обязан общей деятельности человеческого сообщества, выражению повышенного чувства общности. Звук возник в общей деятельности людей как неотъемлемый, сопровождающий эту деятельность элемент. Будучи постоянно связанным с тем или другим видом деятельности, звук превращается в постоянный ее символ. По мере того, как эта деятельность начинает касаться других сопутствующих ей предметов, звук-символ начинает обозначать и эти предметы. Поэтому первые слова, по Л. Нуаре, обозначали конкретные виды деятельности, распространяясь затем на предметы и явления, сопровождающие эти виды деятельности. Л. Нуаре, как и Энгельс, солидарен с дарвиновской теорией происхождения человека и языка. Правда, сам Л. Нуаре был скромного мнения как о своей, так и дарвиновской гипотезе проис-

хождения языка. О своей и дарвиновской гипотезе Л. Нуаре пишет следующее: «Различие между моей и дарвиновской гипотезой заключается только в том, что я предположил в качестве содержания первого звука речи нечто более обычное, известное, я сказал бы, пожалуй, нечто более человеческое, именно враждебное племя, тогда как Дарвин сделал первым объектом общего познания хищного зверя, — попытка, которая при некотором раздумии обнаруживает свою полную несостоятельность, так как объект ужаса, испуга, отвращения представляет, по-видимому, всего менее данных для того, чтобы вступить в ясную, светлую, спокойную область языкового мышления, не говоря уже о том, чтобы сделаться ее зародышем. Впрочем, то же самое возражение можно сделать и моей теории. Рассматриваемые с другой точки зрения, эти гипотезы никак не могут выдержать более серьезную критику» (2, с. 488).

Разделяя дарвиновскую теорию происхождения человека, Энгельс, естественно, видел в формировании человеческого мышления и языка закономерное следствие эволюции высших животных, а именно: обезьян. Однако и с точки зрения эволюционной теории его концепция отличается схематичностью, в ней отмечаются явные натяжки, произвольные допущения. Он, например, считает, что люди овладели членораздельным звуком, обитая «по крайней мере, частью на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей» (30, с. 23). Это суждение Энгельса объединяет факты (и с точки зрения эволюционной теории), не могущие быть, по нашему мнению, одновременными по своему образованию и существованию.

Собственно язык начинается с использования членораздельного звука для передачи мысли. Мысль должна быть готовой к дискретности и членораздельности, чтобы вызвать к жизни необходимую для своей передачи дискретность, членораздельность звука. Следовательно, мысль должна была достичь высокой степени развития до языка. Энгельс совершенно исключает неязыковые средства общения, которые могли быть вполне достаточными в условиях начинающегося человеческого сообщества. Однако в этих условиях оно, думается, обладало необходимыми возможностями и способностями, чтобы защититься от хищных зверей, потому что представляло собой пусть весьма примитивную, но человеческую организацию.

Для производства членораздельного звука необходимо было вертикальное положение человека, длительный период собственно человеческой деятельности. Сомнительно, что это было возможно при обитании людей на деревьях. Биологические, мыслительные, общественные предпосылки образования языка не могут быть одновременными и с точки зрения принятой Энгельсом эволюционной теории. Он объединяет процессы и факты, которые, как можно только предполагать и по этой теории, разделены во времени миллионами лет.

Во времена Энгельса уже существовала значительная научная литература, в которой, на наш взгляд, убедительно доказывалось, что образованию языка исторически длительное время должно было предшествовать вертикальное положение человека. Поскольку вертикальное положение освобождало верхние конечности, то образованию речи предшествовала также предметная деятельность человека, его труд. Условия жизни, борьба за существование объективно требовали расширения деятельности человека, изготовления примитивных орудий труда; все это, в свою очередь, стимулировало развитие мышления.

Трудовая деятельность человека, предшествовавшая языку, была возможна при условии сравнительно высокой степени развития мышления. Мыслительные процессы, связанные с трудом, предполагают цели трудовых операций, способы и средства их исполнения, последовательность и логику действий, представление о конечном результате своих действий и др. Продукт труда, пусть примитивный, был материальным воплощением тех мыслительных и деятельностных операций, которые требовались для его изготовления. Продукт труда был своего рода обобщением, несмотря на свою конкретность, и знаком созданного, потому что человек мог в п р и н ц и п е изготавливать подобный продукт или орудие, а не только данный, конкретный. Этот продукт труда служил ему материальным закреплением его действий, мыслей, навыков и тем самым представлял собой образец, модель для изготовления подобных предметов. Это было п р е д м е т н о е мышление, решительно отличающееся от мышления животных, включающее тонкие логические операции, чисто человеческие психологические процессы.

По своей природе предметное мышление не находится в исключаящем друг друга противоречии с языковым мышлением. Более того, они генетически родственны и даже тождественны, поскольку языковое мышление (ср. перцептивную функцию языкового знака) оперирует теми же предметами, их связями, отношениями и т. д., что и предметное, только в «снятом» виде, в отвлечении. Предметное мышление подготавливает языковое; с появлением языковых и других знаков оно непосредственно взаимодействует с абстрактным мышлением, и в последующей истории человечества это взаимодействие становится постоянным.

Все указанные выше необходимые биологические, психологические, социальные факторы не одновременны по своему формированию и действию (с точки зрения эволюционной теории), а скорее последовательны. И неизвестно, сколько миллионов лет должно было пройти, чтобы вертикальное положение, степень развитости мышления, развитие и координация органов произношения достигли такого уровня, когда стало возможным образование языка.

Возникновение языка было одновременно и существенным преобразованием мыслительной деятельности человека. Однако и довербаль-

ный уровень мышления первобытного человека должен был быть достаточно высоким и подготовленным, чтобы такое преобразование стало возможным.

Весьма примечательно объяснение Энгельсом самого процесса возникновения языка. Приведем выдержку из его работы «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»; эта цитата обошла все наши учебники и учебные пособия, языковедческие и философские труды, где обсуждался данный вопрос. Однако в объяснении процесса возникновения языка нетрудно заметить логические упущения, лакуны. Общеизвестен тезис Энгельса: труд создал человека, труду обязан своим образованием и язык. Энгельс, в частности, пишет: «Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало яснее сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формирующиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала свой орган; неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим» (31, с. 134). Такое объяснение возникновения языка Энгельс называет «единственно правильным».

Не принижая роли совместного труда в процессе образования человеческого общества и языка, мы вместе с тем должны указать и на другие факторы, способствовавшие, надо думать, совместной деятельности и общению, а следовательно, и возникновению языка: взаимоотношение полов, отношения между родителями, родителями и детьми и др.

Но особенно вольно и схематично звучит ключевое положение, выделенное Энгельсом, о том, что у людей явилась в процессе труда потребность сказать что-то друг другу, потребность создала орган и т. д. В этом ключевом пункте своей концепции происхождения языка Энгельс не отличается от авторов многих, по сути, фантастических теорий происхождения языка.

Создание языка, по Энгельсу, из «потребности что-то сказать друг другу» предполагает осознание первыми людьми того, каким образом это можно сделать. То есть концепция Энгельса исходит из намеренности создания языка. Между тем языковеды XIX в. отвергли идею о намеренности создания языка. Язык образовался объективно, независимо от воли людей, бессознательно. Люди осознали, что они обмениваются мыслями с помощью языка тогда, когда он уже был создан; причем не отдавая себе отчета в том, как это произошло. И мы, спустя миллионы лет, не можем однозначно ответить на этот вопрос.

Как мог человек, не знающий, что с помощью звука можно высказать мысль, издавать какие-то звуки для передачи своей **мысли**

другому? На чем основана уверенность, что другой человек, услышав такие звуки, догадается, что им передается мысль и поймет ее так же, как и сам говорящий? Эти вопросы остаются без ответа в теории намеренного создания языка и при условии предшествующего существования других средств общения. Видный немецкий лингвист, современник Энгельса, Г. Пауль утверждал: «До возникновения языка человек даже не знает, что с помощью звуков он может что-то сообщить другому человеку» (2, с. 224). Подобные суждения высказывали и другие ученые, например, А.Л. Погодин: «...Для того чтобы выражать с предвзятой целью свои чувства какими бы то ни было знаками, необходимо сознание того, что цель взаимопонимания может быть достигнута с помощью каких бы то ни было знаков, а ведь в этом-то и заключается вся проблема происхождения языка» (2, с. 470).

О языке как таковом можно говорить тогда, когда он становится средством общения. Это положение требует раскрытия самого механизма общения, делающего возможным взаимопонимание общающихся. Слово должно стать *произносимым* и *слышимым* единством. Для понимания мысли говорящего слышимое слово должно представлять собой единство с тем, что слушающий знает и что он, в свою очередь, может произносить. Такое единство и тождество имеет место несмотря на то, что слово в устах того же слушающего звучит не совсем так, как у данного говорящего и вызывает не вполне тождественное представление. Тем не менее слушающий отождествляет слышимое слово и его значение с тем, что он знает и произносит. Истоки языка, таким образом, предполагают выработку типов звуков, т. е. их *фонемизацию*, а также известное обобщение. Обмен мыслями с помощью языка предполагает знание языка в отвлечении от конкретного его применения. Как это может быть достигнуто в первоначальную эпоху формирования и становления языка? Формула Энгельса не учитывает реальный весьма длительный механизм этого становления. Как мы говорили выше, этот процесс становления должен был происходить при «поддержке» других функционально соотносительных или тождественных субстратов мысли, ее знаков, невербальных средств коммуникации — простейших, как и первоначальные звуки. Здесь, однако, надо заметить, что это знаки простейшие по своей функции, но не простейшие по своему исполнению. Первоначально звук как символ мысли мог быть понят слушающим адекватно с пониманием говорящего при условии применения звука в типичном сочетании с другими субстратами, воплощениями этой мысли — жестом, мимикой, «выразительными движениями», действиями и другими невербальными средствами коммуникации (В. Вундт, 2, с. 538 и сл.).

Поскольку сам процесс общения был непрерывен, то изменение средств общения шло незаметно путем замещения, функционального наследования новыми знаками результатов мыслительной деятельности, подобно тому, как происходят изменения в современных языках, где также возможны исторические функционально непрерывные сме-

ны коммуникативных систем; но, разумеется, первые происходили в течение несравненно более длительного времени. Такая постепенная смена предполагает функциональную преемственность, а следовательно, тождество исторически сменяемых и сменяющих средств общения и выражения мысли.

Но главное в данной проблеме представляется в другом. И Гумбольдт и Потенция не отрицали того, что человек скорее всего нашел членораздельный звук либо его прототип в междометии или «подслушал» его в природе. Между тем главным условием и предпосылкой образования языка эти ученые видели в духовном, мыслительном развитии человека. Необходимость членораздельного (артикулируемого) звука для мысли возникает тогда, когда она дошла в своем развитии до такого уровня и совершенства, которые потребовали соответствующего ее природе средства выражения и воплощения. Использование членораздельного звука продиктовано качествами самой мысли. Иными словами, членораздельность звука заимствована у свойств самой мысли.

Человек в своем духовном развитии в тех земных условиях, какие его окружали, из всех возможных средств выражения и воплощения мысли выбрал в практике общения — стихийно и бессознательно — наиболее подходящее, а точнее — единственно соответствующее в существующих условиях его духовному, мыслительному состоянию, выражению мысли, а именно: членораздельный, артикулируемый звук. Первопричина возникновения языка, таким образом, в уровне развития человеческой мысли, уже достигшей и без языка весьма высокой степени развития и оказавшейся способной и готовой к тем решительным преобразованиям, какие дает языковое мышление.

Проблема происхождения языка предполагает, таким образом, исследование прежде всего общих биологических, психологических и социальных предпосылок и условий, определивших в совокупности объективную, стихийную необходимость образования языка. Именно поэтому названные авторы уделяли преимущественное внимание психологическим и социальным факторам в изучении данной проблемы. Выбор и использование членораздельного звука были, несомненно, важной задачей, без решения которой невозможен был язык. Но это, надо полагать, была задача подчиненная и производная от главного фактора — степени развития мышления человека. Именно такой основополагающей ролью мышления объясняется удивительное многообразие звуковых систем существующих нескольких тысяч языков при определяющем *единстве принципов* их образования: использование артикулируемого звука для выражения мысли. Этим объясняется, кроме того, всегда возможный перевод с одного языка на другой, а также перевод «звукового языка» в различные конвенциональные знаковые системы при тождестве выражаемой мысли, начиная от изобретения письменности, до современных автоматизированных искусственных языков. Этот принцип снимает, как кажется, другой

дискутируемый вопрос, связанный с происхождением языка: в одном месте или в разных местах Земли мог появиться язык, вернее — языки. Языки возникали там и тогда, где и когда духовное и общественное развитие первых людей достигало такого уровня, при котором образование языка становилось объективно возможным и необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.
2. Погодин А.Л. Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка//Вопросы теории и психологии творчества. Т. IV. Харьков, 1913.
3. Никольский В.К., Яковлев Н.Ф. Как люди научились говорить. М., 1945.
4. Якубинский Л.П. Происхождение языка//Избранные: работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
5. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
6. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
7. Ардентов Б.П. Мысль и язык. Кишинев, 1965.
8. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
9. Сепир Э. Язык. М., 1934.
10. Иванов Вяч. Вс. Глоттогенез//Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
11. Леонтьев А.Н. Вступительная статья//Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
12. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. Комлев Н.Г. Лингвистика на страницах Библии (К истокам и целям языкознания)// лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. 1. М., 1995.
14. Эдельштейн Ю.М. Проблемы языка в памятниках патристики//История лингвистических учений. Средневековая Европа. М., 1985.
15. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
17. Нижегородский рабочий. 4 сентября 1992 г.
18. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
19. Видинеев Н.В. Природа интеллектуальных способностей человека. М., 1989.
20. Кацнельсон С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь//Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
21. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
22. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
23. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
24. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
25. Шухардт Г. Происхождение языка//Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
26. Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
27. Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности//Язык и мышление. М., 1967.
28. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
29. Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1913.
30. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности, государства. М., 1980.
31. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека//Диалектика природы. М., 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. К ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА.....	5
1. Теория языкознания как предмет изучения	5
2. К определению языка. Краткий обзор существующих определений ..	7
3. Генетическое определение языка	9
4. Язык как синтез звука и мысли	11
5. Языкознание — гуманитарная наука	14
Литература и примечания.....	17
II. ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА (ЯЗЫК, РЕЧЬ, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)	19
6. Онтологическая сторона проблемы	19
7. К истории разработки проблемы языка и речи	20
8. Концепция языка, речи, речевой деятельности Ф. де Соссюра	22
9. Современные представления о языке и речи	24
10. Уточнение предмета изучения. Речевая деятельность. Практическое знание языка	28
11. Диалектика существования языка	31
12. Единицы языка в отношении к языку и речи. Форма существования единиц языка	34
Литература	37
III. ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА ОСОБОГО РОДА	38
13. Истоки изучения знаков	38
14. Основные направления изучения знаков	39
15. Основные типы знаков в человеческой деятельности.....	40
16. Концепция языкового знака А.А. Потебни и его школы	41
17. Взгляды на языковой знак Ф.Ф. Фортунатова и его школы.....	43
18. Учение о знаках Ч. Пирса.....	46
19. Учение о знаках Г. Фреге.....	48
20. Концепция языкового знака Ф. де Соссюра	50
21. Современные языковеды о языковом знаке.....	52
22. Особенности языкового знака.....	55
23. Основные функции слова как знака.....	59
Литература и примечания	60
IV. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА И СТРУКТУРА	62
24. Определение системы	62
25. Традиционное языкознание о системности языка	63
26. Концепция системности Ф. Соссюра	65

27. Ф. Соссюр и структурализм	67	162	
28. Система и структура.....	68	61. Язык и картина мира.....	165
29. Конституирующие и неконститутивные единицы языка	69	62. О языке современной науки	174
30. Тождество языковых единиц.....	71	Литература	178
31. Парадигматические и синтагматические отношения единиц языка . .	74	VII. ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКА	180
32. Валентность	75	63. К проблеме изучения формы и содержания языка. Истоки изучения .	180
33. Дистрибуция.....	77	64. Внутренняя форма слова и внутренняя форма языка.....	182
34. Уровни языковой структуры и их конститутивные единицы	78	65. Системообразующая и языкообразующая роль формы	195
35. Фонетико-фонологический уровень.....	78	66. О взаимоотношении формы и содержания. Форма как выражение	
36. Морфемно-морфологический уровень	80	экономии мыслительных усилий человека	
37. Лексико-семантический уровень.....	82	199	
38. Синтаксический уровень	87	67. Относительность противоположения формы и содержания в языке . .	205
39. Слово как узловая единица языка	90	Литература	
40. Уровни языка и традиционные разделы изучения языка.....	90	208	
Литература	91		
V. ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА.....	92	374	
41. Проблема изменения и развития языка.....	92		
42. Концепция Ф. Соссюра синхронии и диахронии.....	93		
43. Теории стадильности развития языка и мышления.....	97		
44. Форма изменения языковых явлений.....			
101			
45. Об источнике изменения и развития языка.....			
104			
46. Объективность изменения и развития языка			
105			
47. О внутренних и внешних причинах изменения и развития языка.			
Внутренние и внешние законы.....	107		
48. Изменение, развитие и совершенствование языка			
109			
49. О темпах изменения языков.....			
115			
50. Субъективное влияние на язык и его развитие			
117			
Литература и примечания			
.....	120		
VI. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ	121		
.....			
51. Человеческое мышление и его характер.....			
121			
52. Чувственное, абстрактное мышление и язык.....			
127			
53. Образ как форма мысли			
130			
54. Формы абстрактного (логического) мышления и их выражение в языке			
138			
55. Слово и понятие			
138			
56. Предложение и суждение.....			
142			
" 57. Язык и сознание.....			
.....	144		
58. Язык и познание.....			
153			
59. Субъективное и объективное в языке.....			
159			
60. Человекообразность (антропоморфизм) познания			

VIII. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ	209
68. Науки, изучающие значения языковых единиц	209
69. Семантическая структура слова	211
70. Значение слова.....	213
71. Слово и образ. О природе названия	218
72. Слово и предмет.....	220
73. Значение слова и понятие.....	223
74. Значение и смысл	226
75. Значение и признак.....	231
76. Значение и оттенок значения	236
77. К вопросу о значении собственных имен	240
78. Значение морфемы. Грамматическое и словообразовательное значения	244
79. Значения словосочетания и предложения.....	252
80. Структура значения языковых единиц как единство формы и содержания. Изоморфизм строения значимых единиц языка	256
81. Описание значений. К проблеме определения и метаязыка	259
Литература	265
K. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО	267
82. Язык как общественное явление	267
83. Внутренняя и внешняя структура языка.....	274
84. Формы человеческого общества и язык. Язык рода, племени, союза племен, народности.....	278
85. Национальный язык.....	282
86. Национальный литературный язык. Роль художественной литературы в образовании национального литературного языка	288
87. Языковая норма.....	295
88. Норма национального литературного языка. Кодификация. Критерии литературной нормы. Литературная норма и культура речи.....	297
89. Язык и народность	303
90. Общество и государственная языковая политика	315
91. К вопросу о будущем языков	320
Литература	325
X. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.....	327
92. К постановке проблемы происхождения языка	327
93. Биологические, общественные и другие предпосылки образования языка	333
94. Библейские предания о Божественном происхождении языка и их толкования	339
95. Проблема происхождения языка в трудах основателей теоретического языкознания	345
96. Язык как функция человеческого организма. Внутренние и внешние субстраты мысли.....	353
97. О смене знаковых и коммуникативных систем в эпоху становления языка и его истории.....	357
98. О характере первобытного языка.....	360
99. О трудовой концепции происхождения языка Л. Нуаре-Ф. Энгельса .	366
Литература	372